АКАДЕМИЯ ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ЭКСТРЕМИЗМ: СТРАТЕГИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ И ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

МОНОГРАФИЯ

Москва • 2015

УДК 343.34
ББК 67.408.13+67.721-91
Э41

Руководитель авторского коллектива: **П.В. Агапов**, ведущий научный сотрудник НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент.

Рецензенты:
А.Ю. Винокуров, главный научный сотрудник НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;
А.Г. Залужный, профессор кафедры национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук.

Экстремизм: стратегия противодействия и прокурорский надзор:
Э41 монография / [П.В. Агапов, С.В. Борисов, А.С. Васнецова и др.]; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2015. – 428 с.

В монографии рассматриваются правовые основы и стратегические направления государственной политики по противодействию экстремизму, особенности прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности. Особое внимание уделено мерам борьбы с экстремизмом уголовно-правовыми средствами, вопросам квалификации преступлений экстремистской направленности.

Для практических работников правоохранительных органов, осуществляющих противодействие экстремистской деятельности, судей, научных работников, студентов, аспирантов (адъюнктов) и преподавателей вузов, иных читателей, интересующихся вопросами защиты личности, общества и государства от угроз экстремистского характера.

УДК 343.34
ББК 67.408.13+67.721-91

© Академия Генеральной прокуратуры
Российской Федерации, 2015

Авторский коллектив

П.В. Агапов (руководитель авторского коллектива), ведущий научный сотрудник НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент – введение, глава 2 § 2 (в соавт. с В.В. Меркурьевым); глава 3 § 3 (в соавт. с А.С. Васнецовой); глава 4 § 5 (в соавт. с А.Г. Хлебушкиным), заключение;

С.В. Борисов, ведущий научный сотрудник НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент – глава 1 § 4 (в соавт. с В.В. Меркурьевым, Н.В. Володиной); глава 3 § 1 (в соавт. с А.С. Васнецовой и М.В. Ульяновым); глава 3 § 2, 5 (в соавт. с А.С. Васнецовой);

Т.Ю. Борисов, помощник заместителя Генерального прокурора Российской Федерации по особым поручениям – глава 3 § 4 (в соавт. с Ж.Н. Липатовой и М.В. Ульяновым);

А.С. Васнецова, старший научный сотрудник НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации – глава 1 § 1; глава 3 § 3 (в соавт. с П.В. Агаповым); глава 3 § 1 (в соавт. с С.В. Борисовым и М.В. Ульяновым); глава 3 § 2, 5 (в соавт. с С.В. Борисовым);

Н.В. Володина, профессор кафедры гуманитарных, социальных, экономических и информационно-правовых дисциплин Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор – глава 1 § 4 (в соавт. с В.В. Меркурьевым, С.В. Борисовым);

Ж.Н. Липатова, старший прокурор управления по надзору за исполнением законов о федеральной безопасности, межнациональных отношениях, противодействии экстремизму и терроризму Генеральной прокуратуры Российской Федерации – глава 3 § 4 (в соавт. с Т.Ю. Борисовым и М.В. Ульяновым);

В.В. Меркурьев, заведующий отделом НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор – глава 2 § 1; глава 2 § 2 (в соавт. с П.В. Агаповым); глава 2 § 4, 5 (в соавт. с Д.А. Соколовым);

А.В. Павлинов, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент – глава 2 § 3;

Д.А. Соколов, старший научный сотрудник НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук – глава 1 § 2, 3; глава 2 § 4, 5 (в соавт. с В.В. Меркурьевым);

М.В. Ульянов, научный сотрудник НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации – глава 3 § 1 (в соавт. с С.В. Борисовым и А.С. Васнецовой); глава 3 § 4 (в соавт. с Т.Ю. Борисовым и Ж.Н. Липатовой);

А.Г. Хлебушкин, доцент кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук – глава 4 § 1, 2, 3, 4, 6, 7; глава 4 § 5 (в соавт. с П.В. Агаповым).

Оглавление

Введение…… 7

Глава 1. Правовые основы и стратегические направления государственной политики по противодействию экстремизму…….. 11

§ 1. Государственная политика по противодействию экстремизму в Российской Федерации……... 11

§ 2. Система правового регулирования противодействия экстремистской деятельности…… 30

§ 3. Субъекты противодействия экстремистской деятельности в механизме реализации Стратегии противодействия экстремизму……... 44

§ 4. Международный экстремизм и зарубежный опыт противодействия ему……... 55

Глава 2. Противодействие угрозам национальной безопасности Российской Федерации в условиях обострения внутриполитического кризиса на Украине…… 89

§ 1. Дестабилизация внутриполитической ситуации по сценарию «цветных революций» – угроза национальной безопасности России……... 89

§ 2. Противодействие технологиям «цветных революций» в системе мер по предупреждению преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства……... 110

§ 3. Экстремизм на Украине: геополитические, военно-политические и криминологические аспекты…… 135

§ 4. Пресечение экстремистской деятельности радикальных украинских организаций на территории России…… 153

§ 5. Правовые аспекты противодействия реабилитации нацизма… 163

Глава 3. Основные направления прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности……..... 173

§ 1. Надзор за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления… 173

§ 2. Надзор за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности общественными, религиозными объединениями и иными организациями..…….. 190

§ 3. Особенности надзора за исполнением законов федеральными органами исполнительной власти по профилактике экстремизма в молодежной среде ……. 206

§ 4. Надзор за исполнением законов об информационной безопасности и противодействии распространению экстремистской идеологии……..... 222

§ 5. Совершенствование прокурорского надзора за исполнением законов в сфере противодействия экстремистской деятельности…… 231

Глава 4. Уголовно-правовые меры борьбы с экстремистской деятельностью……. 241

§ 1. Основы конституционного строя как объект преступлений экстремистской направленности…….. 241

§ 2. Ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ)…….. 259

§ 3. Ответственность за публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280^{1} УК РФ)…….. 278

§ 4. Ответственность за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ)….. 291

§ 5. Ответственность за организацию экстремистского сообщества (ст. 282^{1} УК РФ)……. 331

§ 6. Ответственность за организацию деятельности экстремистской организации (ст. 282^{2} УК РФ)…….. 383

§ 7. Ответственность за финансирование экстремистской деятельности (ст. 282^{3} УК РФ)……... 406

Заключение……... 426

Введение

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года[1] среди национальных интересов на долгосрочную перспективу указано обеспечение незыблемости конституционного строя, территориальной целостности и суверенитета. Защита основ конституционного строя Российской Федерации названа в качестве стратегической цели обеспечения национальной безопасности. При этом прогнозируется, что в будущем получат развитие националистические настроения, ксенофобия, сепаратизм и насильственный экстремизм, в том числе под лозунгами религиозного радикализма.

Российская Федерация при обеспечении национальной безопасности на долгосрочную перспективу исходит из необходимости постоянного совершенствования правоохранительных мер по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию актов терроризма, экстремизма, других преступных посягательств на права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок и общественную безопасность, конституционный строй Российской Федерации.

Преступлениями экстремистской направленности (в зарубежном праве – hate crime) обычно называют социально опасные деяния, порожденные нетерпимостью к тем или иным социальным или этническим группам. Подобные преступления вызывают раскол в обществе и способны породить в стране замкнутый круг неспровоцированного насилия и целенаправленного ответа на него в знак возмездия. Это объясняет, почему такие преступления требуют незамедлительной и решительной реакции со стороны властей[2]. «Чувство самосохранения и ответственности за будущее, – пишет Ю.Е. Пудовочкин, – заставляет государства искать оптимальные пути и методы профилактики, сдерживания, контроля экстремистских течений и практик, преследования наиболее опасных форм проявления экстремизма, определения стратегии и тактики минимизации социальных противоречий без использования радикальной риторики».

---

[1] Утверждена Указом Президента РФ от 12.05.2009 № 537 // СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.

[2] См.: *Уголовное* законодательство зарубежных стран в борьбе с экстремизмом: сравнительно-правовое исследование. М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Рос. Федерации; Контракт, 2014. С. 5.

Особое место в ряду таких средств принадлежит мерам уголовно-правового характера. Ведущая роль уголовно-правового обеспечения противодействия экстремизму среди иных правовых средств требует четкого определения сферы приложения репрессивного государственного воздействия. Преступные свойства экстремизма получили универсальное нормативное отражение на международном уровне: в Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (2001 г.)[1] как экстремизм определяются действия, преследуемые только в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством стран – участниц Конвенции.

В целом же пересечение экстремизма и связанной с ним преступности обусловлено объективными причинами – его высокой степенью социальной вредоносности и, прежде всего, антиконституционной направленностью. Справедливо утверждение, что деяниям экстремистской направленности подвержены в первую очередь государства с нестабильной политико-экономической ситуацией, к которым можно отнести и Россию. Эти условия и есть причины всплеска экстремизма как универсального и дешевого инструмента решения политических и экономических споров, влекущего за собой дестабилизацию государственной безопасности[2].

При этом борьба с рассматриваемыми негативными социальными явлениями на современном этапе исторического развития должна обеспечивать решение двуединой государственной задачи: с одной стороны, охрану публичных интересов (основ конституционного строя, целостности и безопасности Российской Федерации), а с другой – защиту гарантированных Конституцией РФ прав и свобод человека и гражданина (свободу совести и вероисповедания, свободу мысли, слова, массовой информации и проч.)[3].

Анализ данных Главного информационно-аналитического центра МВД России о состоянии преступности показывает, что

---

[1] СЗ РФ. 2003. № 41. Ст. 3947.

[2] См.: *Петрянин А.В.* Концептуальные основы противодействия преступлениям экстремистской направленности: теоретико-прикладное исследование: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2015. С. 6.

[3] См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Рос. газ. 2011. 4 июля.

начиная с 2004 г. наблюдается неуклонный рост числа преступлений экстремистской направленности. При этом значительное число преступлений указанной категории приходится на преступления, предусмотренные ст. 280, 282, 282[1] и 282[2] УК РФ.

Особого внимания заслуживает незначительное число оправдательных приговоров (в процентном соотношении – сотые и тысячные доли процента). При этом, по данным Верховного Суда Российской Федерации, оправдательные приговоры в среднем по другим уголовным преступлениям выносятся в отношении 5% подсудимых. Причины этого факта известны – широкое толкование норм «экстремистских» статей УК РФ, а также полисемантичность определений и формулировок экстремистской деятельности, определенных в Федеральном законе от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее – Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности»). Также известны примеры, когда указанные недостатки законодательства приводили к возбуждению уголовных дел по весьма сомнительным основаниям[1].

Противодействие экстремизму – важнейшее направление и для прокурорской деятельности, в котором фокусируются многие проблемы социально-экономического и территориального развития, изъяны в работе государственных институтов, провалы в образовательной и культурной политике, зачастую приводящие к искаженному пониманию истинных причин межнациональной (межэтнической) напряженности.

В данном случае детерминантами выступают как внешние факторы – враждебная деятельность иностранных государственных органов и организаций по поддержке экстремистских проявлений в целях дестабилизации общественно-политической обстановки в Российской Федерации, а также деятельность международных экстремистских и террористических организаций, приверженных идеологии экстремизма, так и внутренние – экстремистская деятельность радикальных общественных, религиозных, неформальных объединений, некоммерческих организаций и отдельных лиц.

---

[1] См.: Пояснительная записка к проекту федерального закона № 434186-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу уточнения признаков экстремистской деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».

Чтобы справиться с этим вызовом, защитить межнациональный мир, единство нашего общества и целостность Российского государства, органы прокуратуры должны обеспечить верховенство закона, единство и укрепление законности на этом направлении, защиту прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

В 2014 г. утверждена Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года[1] – основополагающий документ для федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, определяющий цель, задачи и основные направления государственной политики в сфере противодействия экстремизму с учетом стоящих перед страной вызовов и угроз.

Стратегия направлена на объединение усилий указанных органов, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в целях пресечения экстремистской деятельности, укрепления гражданского единства, достижения межнационального (межэтнического) и межконфессионального согласия, сохранения этнокультурного многообразия народов Российской Федерации, формирования в обществе обстановки нетерпимости к экстремистской деятельности и распространению экстремистских идей.

[1] Утверждена Президентом Российской Федерации 28.11.2014 Пр-2753. URL: http://www.scrf.gov.ru/documents/16/130.html

Глава 1. Правовые основы и стратегические направления государственной политики по противодействию экстремизму

§ 1. Государственная политика по противодействию экстремизму в Российской Федерации

Экстремизм – одна из наиболее сложных социально-политических проблем современных обществ и государств, что связано, в первую очередь, с многообразием его проявлений (наиболее опасное – терроризм), которые ведут к нарушению гражданского мира и согласия, подрывают общественную безопасность и территориальную целостность, создают реальную перманентную угрозу миру, безопасности и устойчивому развитию, основам конституционного строя, межнациональному, межконфессиональному и социальному согласию.

В первом десятилетии XXI в. экстремизм претерпел существенные изменения: произошла его глобализация, сращивание с транснациональной организованной преступностью, существенно возросла степень опасности экстремистских вызовов. Обладая трансграничным и транснациональным характером, международные экстремистские организации все активнее налаживают сотрудничество и взаимодействие в вопросах пропаганды экстремизма, фашизма[1], нацизма, финансирования, поставки снаряжения и средств вооружения, совершенствования методов вербовки и специальной подготовки новых членов, тактики подготовки и проведения экстремистских акций. Эскалация экстремистской активности стала реальным катализатором, порождающим опасные антигосударственные и антиобщественные проявления в различных регионах планеты.

Деятельность международных экстремистских организаций становится все более изощренной и агрессивной, нацеленной на увеличение количества жертв и нанесение максимального ущерба. Экстремисты практикуют рассредоточение сил и средств, кооперируются с транснациональными организованными преступ-

[1] См.: *Головненков П.В., Есаков Г.А., Мацкевич И.М., Хельманн У.* НеОбыкновенный фашизм (криминологическая и уголовно-правовая характеристика) / под общ. ред. И.М. Мацкевича. М.: Проспект, 2014. С. 101.

ными группировками, стремятся получить доступ к оружию массового уничтожения, используют в своих целях последние достижения в области высоких технологий[1], ведут активную идеологическую и пропагандистскую работу, вербовку и подготовку новых сторонников[2], используют радикальные настроения, питаемые международными и внутренними конфликтами, политическими кризисами, межэтническими и межконфессиональными противоречиями.

География резонансной экстремистской деятельности представлена во всех регионах Российской Федерации. При этом по числу зарегистрированных преступлений экстремистской направленности доминирует Центральный федеральный округ (табл. 2). Наибольшую угрозу безопасности представляет как организованная экстремистская деятельность, так и широкомасштабное совершение спектра иных преступлений экстремистской направленности (рис. 1)[3].

Таблица 1

Сведения о количестве преступлений экстремистской направленности, зарегистрированных в 2010 – 2014 гг.

	2010		2011		2012		2013		2014	
Число преступлений, зарегистрированных в отчетном периоде	всего	Темпы прироста в %	всего	Темпы прироста в %	всего	Темпы прироста в %	всего	Темпы прироста в %	всего	Темпы прироста в %
	656	**+19,7**	**622**	**-5,2**	**696**	**+11,9**	**896**	**+28,7**	**1024**	**+14,3**

[1] См.: *Сундиев И.Ю., Смирнов А.А., Кундетов А.И., Федотов В.П.* Теория и практика информационного противодействия экстремистской и террористической деятельности. М., 2014. С. 4–7.

[2] *Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием: учеб. пособие. М., 2004; *Караяни А.Г.* Информационно-психологическое противоборство в современной войне. М., 1997; *Кларк М., Нейк Р.* Третья мировая война: какой она будет? СПб., 2011 и др.

[3] См.: *Состояние* законности и правопорядка в Российской Федерации и работа органов прокуратуры. 2013 год: информ.-аналитич. записка / под общ. ред. О.С. Капинус; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М., 2014. С. 138–155.

Таблица 2

Сведения о количестве преступлений экстремистской направленности, зарегистрированных в 2004-2014 гг. (по федеральным округам)

Федеральные округа	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Центральный	28	36	73	124	152	169	255	196	169	200	241
Северо-Западный	33	22	52	52	49	58	62	73	104	120	127
Южный	4	6	15	15	21	18	28	48	46	52	62
Северо-Кавказский	10	10	14	13	16	20	53	51	56	87	93
Приволжский	22	30	54	61	115	130	110	120	128	165	199
Уральский	6	20	24	34	30	74	42	46	49	104	124
Сибирский	13	18	14	33	42	42	73	51	94	117	98
Дальневосточный	3	2	2	15	26	21	30	24	31	22	56
Крымский	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	10

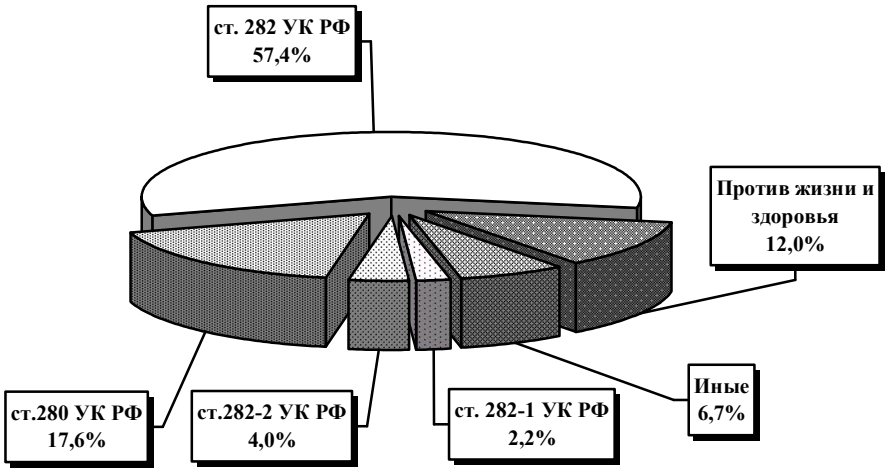

Рис. 1. Структура зарегистрированных преступлений экстремистской направленности в 2014 г.

Развитие экстремистских процессов на территории России обусловлено рядом факторов.

К числу *внешних* факторов, влияющих на распространение экстремизма в России, следует отнести:

геополитическую специфику России, ее расположение на стыке западной и восточной цивилизаций, наличие сложных международных процессов;

рост числа экстремистских проявлений в ближнем и дальнем зарубежье;

социально-политическую и экономическую нестабильность в сопредельных государствах как бывшего СССР, так и Европы и Восточной Азии;

наличие вооруженных конфликтов в отдельных из них, а также территориальных претензий друг к другу[1];

стратегические установки некоторых иностранных спецслужб и зарубежных и международных экстремистских и террористических организаций;

отсутствие надежного контроля за въездом в Россию и выездом из нее, сохраняющуюся «прозрачность» ее границ;

наличие значительных криминальных рынков оружия в некоторых сопредельных государствах.

К числу *внутренних* факторов роста экстремизма в России относятся:

неоднородность населения, когда в стране проживают представители 193 наций и народностей со своими уникальными традициями, носители 255 языков;

утрата многими людьми идеологических и духовных жизненных ориентиров;

обостренное чувство социальной неустроенности, незащищенности у значительных контингентов граждан;

настроения отчаяния и рост социальной агрессивности, общественная фрустрация, снижение авторитета власти и закона, веры в способность и возможность позитивных изменений;

недостаточная работа правоохранительных и социальных государственных и общественных органов по защите прав граждан;

низкий уровень образования и культуры в обществе;

широкая пропаганда (кино, телевидение, пресса, литература) культа жестокости и агрессии;

наличие в стране крупных нелегальных «рынков» оружия, запрещенной литературы и иных материалов; относительная легкость их приобретения;

проблемы в формировании молодежной политики;

наличие значительного контингента лиц, прошедших школу войн в Афганистане, Приднестровье, Сербии, Таджикистане и

[1] См.: *Иванов Э.А.* Ответственность международных террористических организаций. М., 2013. С. 3.

других «горячих точках», и их недостаточная социальная адаптированность в обществе переходного периода;

проблемы в реализации правоохранительной и иной государственной деятельности в сфере противодействия экстремизму;

функционирование на территории страны экстремистских и террористических организаций и сообществ, незаконных вооруженных формирований[1].

Противодействие экстремистской деятельности – одна из наиболее сложных проблем современного российского общества и государства, обусловленная ростом числа экстремистских преступлений, неоднородным составом экстремистских сообществ, их тесной взаимосвязью с внешними и внутренними деструктивными силами, оказывающими дестабилизирующее влияние на социально-политическую обстановку в стране и угрожающими национальной безопасности Российской Федерации.

Этнополитизация различных сфер жизнедеятельности представляет собой фактор, непосредственно усиливающий конфликтный потенциал межнациональных отношений и ослабляющий общероссийскую гражданскую идентичность, создающий угрозу возникновения идеологических противоречий в обществе[2].

Другой детерминирующий фактор экстремизма – это проблемы, порожденные миграцией, как внешней, так и внутренней, просчеты при реализации миграционной политики, в том числе избыточность миграционного притока в отдельные регионы. В немалой степени рост негативного отношения к мигрантам связан с несовершенством системы мер социокультурной адаптации и интеграции мигрантов, незнанием ими традиций местного населения либо нежеланием соблюдать эти традиции. Такая проблема актуальна практически для каждого субъекта Российской

---

[1] В Перечне некоммерческих организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности», содержится 42 НКО. URL: http://minjust.ru/nko/perechen_zapret (дата обращения: 08.07.2015). В Едином федеральном списке организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных судами Российской Федерации террористическими, содержится 23 организации. URL: http://nac.gov.ru/page/4570.html (дата обращения: 08.07.2015).

[2] См.: *Абдулкаримов Г.* Теоретические проблемы актуальной этнополитики в России: этносоциология модернизации современной России. М., 2008; *Ким А.С.* Этнополитическое исследование современных диаспор (конфликтологический аспект): дис. ... д-ра полит. наук. Хабаровск, 2009.

Федерации. Значительное число мигрантов, прибывающих на территорию России нелегально, занимаются в последующем противоправной деятельностью, вследствие чего возрастает напряженность в межнациональных отношениях целых регионов[1].

Активная деструктивная деятельность отдельных радикальных общественных и религиозных объединений, некоммерческих организаций, финансируемых из иностранных источников, неформальных групп и отдельных лиц, а также проповедуемая ими экстремистская идеология угрожают общественному порядку в стране, межнациональному и межконфессиональному согласию, государственному строю, спокойствию и безопасности граждан.

Необходимо отметить, что глобальная сеть Интернет стала основным каналом распространения экстремистской идеологии и насилия (киберэкстремизм), который служит для экстремистских объединений средством связи, рекрутирования и самовербовки новых членов, используется для организации и координации правонарушений экстремистской направленности[2].

Распространение экстремистских идей приобретает возрастающую общественную опасность ввиду усиления агрессивности данной идеологии и расширения масштабов ее пропаганды в обществе, а также вследствие распространения в отдельных социальных группах российского общества мнения о приемлемости радикального образа действий для достижения своих целей (политических, конфессиональных, национальных, социальных и др.).

Особую тревогу вызывает экспансия нетрадиционного для России радикального ислама (ваххабизма) с территории других государств. Его проводниками, прежде всего, становятся иностранные эмиссары и выпускники зарубежных теологических центров радикального толка. Реальная угроза при этом попытки создания в различных регионах страны сетевых структур (ячеек) запрещенных международных террористических (экстремистских) организаций.

На протяжении всей своей истории Российское государство осуществляет уникальную историческую миссию, основное стратегическое содержание которой заключалось в достижении и со-

---

[1] См.: *Антонов-Романовский Г.В., Литвинов А.А.* Миграционная преступность и ее предупреждение. М.: Юрлитинформ, 2013.

[2] См.: *Противодействие* киберпреступности в аспекте обеспечения национальной безопасности. М.: Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М., 2014.

хранении статуса великой державы, чьими основными критериями традиционно выступают не только размеры территории, численность населения, мощность Вооруженных Сил, но и уровень научно-технического развития, образования, культуры, состояние духовности общества, межнационального согласия и единства в совокупности, позволяющие ей оказывать влияние на ход мирового развития.

Выступая с принципиальной позицией обеспечения безопасности всех членов мирового сообщества, Россия осуществляет политику по поддержанию безопасности собственного государства во всех ее аспектах[1]. Сюда входят меры по охране суверенитета и территориальной целостности страны, недопущению любых видов вмешательства во внутренние дела, а также упорядоченные на основе права действия по реализации собственных национальных интересов: в целях обеспечения национальных интересов от внешних и внутренних угроз правовая система должна быть интенсивно действующей, гарантирующей обеспечение безопасности в любой сфере. В связи с этим российским обществом и рядовыми гражданами России предъявляются особые требования к осуществлению антиэкстремистской деятельности.

Расширение географии экстремистских угроз, активное распространение идеологии экстремизма, в том числе в мировом информационном пространстве, изощренность методов и способов совершения экстремистских акций, масштабы человеческих жертв обозначили необходимость объединения усилий всего международного сообщества в интересах организации эффективного противодействия этому опасному вызову. Сделано на антиэкстремистском направлении немало. Создана широкая инфраструктура глобального взаимодействия, охватывающая ряд международных организаций и региональных объединений[2]. Значительно

[1] Пункт 4 Концепции внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом РФ 12.02.2013).

[2] Модельный закон о противодействии экстремизму (принят в г. Санкт-Петербурге 14.05.2009 Постановлением 32-9 на 32-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств–участников СНГ); Решение Совета глав государств СНГ «О Программе сотрудничества государств–участников СНГ в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма на 2014 – 2016 гг.» (принято в г. Минске 25.10.2013); Рекомендации по совершенствованию законодательства государств–участников СНГ в сфере противодействия экстремизму (приняты в г. Санкт-Петербурге 23.11.2012 постановлением 38-16 на 38-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств–участников СНГ); Решение Комитета секретарей советов безопасно-

укрепилась международно-правовая база борьбы с экстремизмом и терроризмом, активно идет работа по формированию и продвижению норм и стандартов в этой сфере.

В условиях глобализации процессов мирового развития, международных политических и экономических отношений, формирующих новые угрозы и риски для развития личности, общества и государства, начиная с девяностых годов XX в., Россия продолжает оставаться в фокусе экстремистских угроз, направленных на подрыв нашей территориальной целостности, государственного суверенитета и духовного единства народа. Реагируя на эти вызовы, страна в сжатые исторические сроки смогла создать целостную систему противодействия экстремизму, мобилизовав для этого как государственные, так и общественные ресурсы.

В современном своем воплощении общегосударственная система противодействия экстремизму в Российской Федерации действует уже на протяжении тринадцати лет и приносит значимые результаты. Именно благодаря ее комплексному функционированию отмечается сдерживание экстремистской активности в стране до социально приемлемого уровня, несмотря на то, что уровень экстремистских угроз по-прежнему весьма высок.

Уверенность в возможности решения поставленных задач подкрепляется тем обстоятельством, что в целом сформированы предпосылки для надежного предотвращения внутренних и внешних угроз экстремизма и терроризма, динамичного развития и превращения Российской Федерации в одну из лидирующих держав по уровню технического прогресса, качеству жизни населения, влиянию на мировые процессы[1]. Возрождаются исконно российские идеалы, духовность, достойное отношение к исторической памяти. Укрепляется общественное согласие на основе общих ценностей – свободы и независимости Российского государства, гуманизма, межнационального мира и единства культур

сти Организации Договора о коллективной безопасности «О Перечне организаций, признанных террористическими и экстремистскими в государствах–членах ОДКБ» (принято в г. Москве 09.12.2010) и др.

[1] Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 № 1662-р).

многонационального народа Российской Федерации, уважения семейных традиций, патриотизма[1].

Правовыми основами государственной политики Российской Федерации в сфере противодействия экстремизму являются Конституция Российской Федерации; общепризнанные международные правовые акты и международные договоры Российской Федерации; федеральные законы; указы Президента Российской Федерации; постановления Правительства Российской Федерации и др.[2]

Важнейший политико-правовой документ в сфере противодействия экстремизму – это Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ 28.11.2014 Пр-2753), концептуальные положения которой базируются на фундаментальной взаимосвязи и взаимозависимости с другими документами стратегического планирования – Стратегией национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (утв. Указом Президента РФ от 12.05.2009 № 537), Концепцией противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 05.10.2009), Стратегией государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 19.12.2012 № 1666), Концепцией государственной миграционной политики Россий-

[1] Концепция федеральной целевой программы «Культура России (2012 – 2018 годы)» (утв. распоряжением Правительства РФ от 22.02.2012 № 209-р); Концепция развития образования в сфере культуры и искусства в Российской Федерации на 2008 – 2015 годы (утв. распоряжением Правительства РФ от 25.08.2008 № 1244-р) вместе с Планом мероприятий по реализации концепции развития образования в сфере культуры и искусства в Российской Федерации на 2008 – 2015 гг. и др.

[2] См.: Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15.06.2001); федеральные конституционные законы от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении» и от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении»; федеральные законы от 31.05.1996 № 61-ФЗ «Об обороне», от 03.04.1995 № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности», от 04.04.2005 № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации», от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности»; от 11.07.2001 №95-ФЗ «О политических партиях»; от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях»; от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»; от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»; от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»; от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»; законы РФ от 09.10.1992 № 3618-I «О защите конституционных органов власти в Российской Федерации» и от 27.12.1991 № 2124-I «О средствах массовой информации»; Уголовный кодекс Российской Федерации; Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и др.

ской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ 13.06.2012), Концепцией общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 20.11.2013).

Таким образом, на современном этапе государственная политика Российской Федерации в сфере противодействия экстремизму обеспечивается согласованными действиями всех элементов системы обеспечения национальной безопасности путем консолидации усилий и ресурсов органов государственной власти, институтов гражданского общества, направленных на отстаивание национальных интересов Российской Федерации, комплексного использования политических, организационных, социально-экономических, правовых, информационных и иных мер, разработанных в рамках стратегического планирования в рассматриваемой сфере.

Целью государственной политики в сфере противодействия экстремизму Стратегией заявлена защита основ конституционного строя Российской Федерации, общественной безопасности, прав и свобод граждан от экстремистских угроз. Достижение указанной цели предполагается осуществлять путем реализации на федеральном, региональном и муниципальном уровнях мер организационного и правового характера, разрабатываемых с учетом результатов мониторинга в сфере противодействия экстремизму.

Наряду с этим в Стратегии отмечается увеличение в последние годы числа внешних и внутренних экстремистских угроз. К внешним угрозам относятся поддержка иностранными государственными органами и организациями экстремистских проявлений в целях дестабилизации общественно-политической обстановки в Российской Федерации, а также деятельность международных экстремистских и террористических организаций, приверженных идеологии экстремизма. К внутренним угрозам – экстремистская деятельность радикальных общественных, религиозных, неформальных объединений, некоммерческих организаций и отдельных лиц.

Основными задачами государственной политики в сфере противодействия экстремизму согласно Стратегии заявлены: а) создание единой государственной системы мониторинга в сфере противодействия экстремизму; б) совершенствование законодательства Российской Федерации и правоприменительной прак-

тики в сфере противодействия экстремизму; в) консолидация усилий федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества и организаций в целях противодействия проявлениям экстремизма; г) организация в средствах массовой информации, информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет», информационного сопровождения деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества и организаций по противодействию экстремизму, а также реализация эффективных мер информационного противодействия распространению идеологии экстремизма; д) разработка и осуществление комплекса мер по повышению эффективности профилактики, выявления и пресечения правонарушений и преступлений экстремистской направленности.

Противодействие экстремистской деятельности основывается на следующих принципах: признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, а равно законных интересов организаций; законность; гласность; приоритет обеспечения безопасности Российской Федерации; приоритет мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности; сотрудничество государства с общественными и религиозными объединениями, иными организациями, гражданами в противодействии экстремистской деятельности; неотвратимость наказания за осуществление экстремистской деятельности[1].

Законодатель определил, следующие основные направления противодействия экстремистской деятельности: 1) принятие профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности; 2) выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, физических лиц[2].

[1] См.: ст. 2 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности».
[2] См.: ст. 3 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности».

В Стратегии сформулированы основные направления государственной политики Российской Федерации в сфере противодействия экстремизму (п. 27):

а) в сфере законодательной деятельности:

обеспечение эффективного применения норм законодательства Российской Федерации в сфере противодействия экстремизму;

проведение систематического мониторинга правоприменительной практики в сфере противодействия экстремизму;

совершенствование законодательства Российской Федерации в сфере противодействия экстремизму в части, касающейся пресечения производства и распространения экстремистских материалов, в том числе на электронных носителях информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет»;

принятие на региональном и муниципальном уровнях соответствующих целевых программ, предусматривающих формирование системы профилактики экстремизма и терроризма, предупреждения межнациональных конфликтов;

принятие управленческих решений, разработка проектов нормативных правовых актов и программных документов в сфере противодействия экстремизму с учетом национальных, конфессиональных и региональных факторов;

б) в сфере правоохранительной деятельности:

координация действий правоохранительных органов, органов государственной власти, органов местного самоуправления, политических партий, общественных и религиозных объединений по пресечению экстремистских проявлений;

проведение профилактической работы с лицами, подверженными влиянию идеологии экстремизма;

реализация принципа неотвратимости наказания за осуществление экстремистской деятельности;

обеспечение подготовки сотрудников правоохранительных органов и получения ими дополнительного профессионального образования по утвержденным в установленном порядке типовым учебным программам по вопросам выявления, пресечения, раскрытия, профилактики и квалификации экстремистских проявлений;

обеспечение совместно с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и организаторами собраний, митингов, демонстраций, шествий и других публичных мероприятий безопасности граждан и общественного порядка в местах их проведения;

обеспечение взаимодействия субъектов противодействия экстремизму на приграничных территориях в целях пресечения проникновения на территорию Российской Федерации членов международных экстремистских организаций;

выявление и устранение источников и каналов финансирования экстремистской деятельности;

в) в сфере государственной национальной политики:

проведение мониторинга межрасовых, межнациональных (межэтнических) и межконфессиональных отношений, социально-политической ситуации в Российской Федерации в целях предотвращения возникновения конфликтов либо их обострения, а также выявления причин и условий экстремистских проявлений и минимизации их последствий;

реализация мер правового и информационного характера по недопущению использования этнического фактора в избирательном процессе и в партийных программах;

обеспечение реализации прав граждан на свободу совести и свободу вероисповедания без нанесения ущерба религиозным чувствам верующих и национальной идентичности граждан России;

разработка и реализация с участием институтов гражданского общества региональных и муниципальных программ по противодействию экстремизму;

проведение социологических исследований по вопросам противодействия экстремизму, а также оценка эффективности действий органов государственной власти и органов местного самоуправления по профилактике экстремизма;

своевременное реагирование органов государственной власти, органов местного самоуправления и институтов гражданского общества на возникновение конфликтных и предконфликтных ситуаций;

мотивирование граждан к информированию государственных органов о ставших им известными фактах подготовки к экстремистской деятельности, а также о любых обстоятельствах, ко-

торые могут способствовать предупреждению экстремистской деятельности, ликвидации или минимизации ее последствий;

г) в сфере государственной миграционной политики:

совершенствование миграционной политики государства в части, касающейся привлечения иностранных работников и определения потребности в иностранной рабочей силе;

пресечение криминальных и коррупционных механизмов в процессе реализации миграционной политики и оперативное реагирование на выявленные факты нарушений в этой области;

совершенствование мер по противодействию организаций незаконной миграции и незаконному осуществлению трудовой деятельности иностранными гражданами и лицами без гражданства;

развитие двустороннего взаимодействия с иностранными государствами, в том числе по вопросам подготовки иностранных граждан к временному проживанию в Российской Федерации;

совершенствование механизмов депортации, выдворения и реадмиссии иностранных граждан, нарушивших российское законодательство, а также механизма установления запрета на въезд таких граждан в Российскую Федерацию;

усиление пограничного контроля и создание информационных систем учета иностранных граждан, пребывание которых на территории Российской Федерации нежелательно;

совершенствование программ социальной и культурной интеграции мигрантов в российское общество и их адаптации к условиям жизни в нем с привлечением к реализации и финансированию таких программ работодателей, получающих квоты на привлечение иностранной рабочей силы;

д) в сфере государственной информационной политики:

осуществление мониторинга средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», в целях выявления фактов распространения идеологии экстремизма, экстремистских материалов и незамедлительного реагирования на них;

совершенствование процедуры ограничения доступа на территории Российской Федерации к информационным ресурсам, распространяющим экстремистскую идеологию, путем создания

единого реестра запрещенных сайтов и единой базы экстремистских материалов;

принятие эффективных мер по недопущению ввоза на территорию Российской Федерации экстремистских материалов, а также по их изготовлению и распространению внутри страны;

использование возможностей государственных средств массовой информации в целях сохранения традиционных для России нравственных ориентиров, межнационального и межконфессионального согласия, а также приобщения молодежи к ценностям российской культуры;

оказание содействия средствам массовой информации в широком и объективном освещении деятельности органов государственной власти по противодействию экстремизму и терроризму в целях формирования в обществе нетерпимого отношения к распространению экстремизма;

проведение тематических встреч с представителями средств массовой информации и интернет-сообщества в целях противодействия распространению идеологии экстремизма;

подготовка и размещение в средствах массовой информации, в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет», социальной рекламы, направленной на патриотическое воспитание молодежи;

координация осуществления мер информационного противодействия распространению экстремистской идеологии в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (в том числе в социальных сетях), а также проведение на системной и регулярной основе работы с привлечением видных деятелей культуры, науки, авторитетных представителей общественности, информационного сообщества, конфессий и национальных общин по разъяснению сути противоправной деятельности лидеров экстремистских организаций;

информирование граждан о работе субъектов противодействия экстремизму, в том числе о выявлении ими организаций, которые дестабилизируют социально-политическую и экономическую ситуацию в Российской Федерации и способствуют возникновению конфликтов между традиционными конфессиями;

подготовка и распространение информационных материалов о предупреждении и пресечении экстремистской деятельно-

сти, ориентированных на повышение бдительности российских граждан, формирование у них чувства заинтересованности в противодействии экстремизму, а также чувства сопричастности деятельности государства в этой сфере;

повышение эффективности работы уполномоченных органов государственной власти по выявлению и пресечению изготовления и хранения, а также распространения в средствах массовой информации и (или) информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет», экстремистских материалов, символики и атрибутики экстремистских организаций, иных материалов, содержащих призывы к религиозной и национальной вражде;

создание и эффективное использование специализированных информационных систем в целях обеспечения правоприменительной практики в сфере противодействия экстремизму;

е) в сфере образования и государственной молодежной политики:

включение в региональные и муниципальные программы по развитию образования и воспитанию несовершеннолетних мероприятий по формированию у подрастающего поколения уважительного отношения ко всем этносам и религиям;

организация досуга детей, подростков, молодежи, семейного досуга, обеспечение доступности для населения объектов культуры, спорта и отдыха, создание условий для реализации творческого и спортивного потенциала, культурного роста граждан;

осуществление мер государственной поддержки системы воспитания молодежи на основе традиционных для российской культуры духовных, нравственных и патриотических ценностей;

проведение в образовательных организациях занятий по воспитанию патриотизма, культуры мирного поведения, межнациональной и межконфессиональной дружбы, по обучению навыкам бесконфликтного общения, а также умению отстаивать собственное мнение, противодействовать социально опасному поведению, в том числе вовлечению в экстремистскую деятельность, всеми законными средствами;

включение в учебные планы, учебники, учебно-методические материалы тем, направленных на воспитание традиционных для российской культуры ценностей;

повышение профессионального уровня педагогических работников, разработка и внедрение новых образовательных стандартов и педагогических методик, направленных на противодействие экстремизму;

обеспечение активного участия коллегиальных органов управления образовательных организаций в профилактике экстремизма среди учащихся и студентов;

проведение социологических исследований социальной обстановки в образовательных организациях, мониторинга девиантного поведения молодежи, анализа деятельности молодежных субкультур в целях выявления фактов распространения экстремистской идеологии;

повышение престижности образования, полученного в российских религиозных образовательных организациях, а также осуществление мер государственной поддержки системы общественного контроля за выездом российских граждан для обучения в иностранных религиозных образовательных организациях;

включение в федеральный государственный образовательный стандарт по специальности журналистика образовательных программ по информационному освещению вопросов противодействия экстремизму;

усиление роли общественных советов при федеральных органах исполнительной власти в деятельности по воспитанию патриотизма и формированию гражданского самосознания у молодежи;

взаимодействие с молодежными общественными объединениями и организациями футбольных болельщиков в целях профилактики экстремистских проявлений при проведении массовых мероприятий;

ж) в сфере государственной культурной политики:

формирование в Российской Федерации межконфессионального и внутриконфессионального взаимодействия в целях обеспечения гражданского мира и согласия;

включение в программы подготовки работников культуры изучения основ духовно-нравственной культуры народов Российской Федерации;

содействие активному распространению идеи исторического единства народов Российской Федерации;

государственная поддержка общественных и религиозных объединений, деятельность которых направлена на противодействие экстремистским проявлениям;

использование потенциала институтов гражданского общества, в том числе ветеранских и молодежных организаций, в целях воспитания граждан в духе патриотизма, обеспечения единства российского народа, формирования в обществе неприятия идеологии экстремизма, использования насилия для достижения социальных и политических целей;

государственная поддержка создания телевизионных программ и художественных произведений, направленных на профилактику экстремистских проявлений;

з) в сфере международного сотрудничества:

укрепление позиций Российской Федерации в международных организациях, деятельность которых направлена на противодействие экстремизму и терроризму;

развитие международного, межкультурного и межрелигиозного взаимодействия как эффективного средства противодействия распространению идеологии экстремизма;

совершенствование взаимодействия с правоохранительными органами и спецслужбами иностранных государств в сфере противодействия экстремизму;

обмен с иностранными государствами передовым опытом в вопросах противодействия экстремизму и распространения его идеологии, а также создание условий для использования эффективных наработок в данной сфере;

продвижение в двусторонних и многосторонних форматах российских инициатив по вопросам противодействия экстремистской деятельности, в том числе осуществляемой с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»;

заключение с иностранными государствами соглашений, направленных на решение задач в сфере противодействия экстремизму и терроризму.

Стратегия реализуется субъектами противодействия экстремизму: а) при формировании и исполнении бюджетов всех уровней; б) путем решения кадровых вопросов; в) в ходе осуществления права законодательной инициативы и принятия законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Фе-

дерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных правовых актов; г) посредством обеспечения неотвратимости уголовного наказания и административной ответственности за совершение преступлений и правонарушений экстремистской направленности; д) путем оказания содействия средствам массовой информации в широком и объективном освещении ситуации в сфере противодействия экстремистской деятельности; е) в ходе контроля за исполнением норм законодательства Российской Федерации в сфере противодействия экстремизму и выполнением мероприятий, предусмотренных планом реализации Стратегии, планами и программами федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по противодействию экстремизму; ж) путем активного вовлечения в работу по противодействию экстремизму общественных объединений и других институтов гражданского общества.

Стратегию предусматривается реализовать в три этапа:

1 этап (2015 г.): а) разработка плана реализации Стратегии; б) определение направлений дальнейшего развития законодательства Российской Федерации в сфере противодействия экстремизму; в) совершенствование организационного обеспечения деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления по противодействию экстремистской деятельности.

2 этап (2016 – 2024 гг.): а) разработка и принятие законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, направленных на решение задач в сфере противодействия экстремизму; б) выполнение мероприятий в соответствии с планом реализации Стратегии; в) мониторинг результатов, достигнутых при реализации Стратегии; г) прогнозирование развития ситуации в области межнациональных и межконфессиональных отношений в Российской Федерации и возможных экстремистских угроз; д) обеспечение вовлечения институтов гражданского общества в деятельность, направленную на противодействие экстремизму; е) создание системы дополнительной защиты информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, от проникновения экстремистской идеологии.

3 этап (2025 г.): обобщить результаты реализации Стратегии и при необходимости сформировать предложения по разработке новых документов стратегического планирования в данной сфере, а также обеспечить принятие мер организационного характера на межведомственном уровне.

§ 2. Система правового регулирования противодействия экстремистской деятельности

Согласно ст. 15 Конституции Российской Федерации на территории нашего государства правовое регулирование имеет следующую структуру:

Конституция Российской Федерации;

общепризнанные принципы и нормы международного права;

международные договоры;

федеральные законы;

иные нормативные правовые акты.

Правовое регулирование противодействия экстремистской деятельности также полностью подчинено указанной конструкции.

Концептуальную основу нормативного правового регулирования противодействия экстремистской деятельности представляет собой норма, закрепленная в ч. 2 ст. 19 Конституции Российской Федерации, согласно которой государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности.

К числу наиболее важных международных нормативных правовых актов, направленных на регулирование противодействия экстремистской деятельности, относятся:

Всеобщая декларация прав человека (принята 10.12.1948 Генеральной Ассамблеей ООН);

Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950);

Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (принята 21.12.1965 Резолюцией 2106 (XX) Генеральной Ассамблеи ООН);

Международный пакт от 16.12.1966 «О гражданских и политических правах» (вступил в силу для СССР с 23.03.1976);

Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (2001 г.) (распоряжение Президента Российской Федерации о подписании от 07.06.2001 № 312-рп).

Основные элементы системы правового регулирования противодействия экстремистской деятельности представлены относительно небольшим количеством нормативных правовых актов.

Базовым является Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», в котором не только закреплены основные понятия, но и содержатся конкретные меры противодействия экстремизму.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» под экстремистской деятельностью (экстремизмом) понимаются следующие действия:

насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;

публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;

возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;

пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности, или отношения к религии;

нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности, или отношения к религии;

воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;

воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;

совершение преступлений по мотивам, указанным в п. «е» ч. 1 ст. 63 Уголовного кодекса Российской Федерации;

пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций;

публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;

публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением;

организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;

финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг.

Помимо этого, указанным Федеральным законом даются определения еще ряда понятий:

экстремистская организация – общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которых по основаниям, предусмотренным настоящим Федеральным законом, судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности;

экстремистские материалы – предназначенные для обнародования документы либо информация на иных носителях, при-

зывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности, в том числе труды руководителей национал-социалистской рабочей партии Германии, фашистской партии Италии, публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство либо оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы;

символика экстремистской организации – символика, описание которой содержится в учредительных документах организации, в отношении которой по основаниям, предусмотренным настоящим Федеральным законом, судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности.

Запрет на создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на осуществление экстремистской деятельности, содержится в Федеральном законе от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» (далее – Федеральный закон «Об общественных объединениях»).

Кроме того, в ст. 19 названного нормативно правового акта указано, что учредителем, членом, участником общественного объединения не могут быть, в частности:

лицо, включенное в перечень в соответствии с п. 2 ст. 6 Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»;

общественное объединение, деятельность которого приостановлена в соответствии со ст. 10 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»;

лицо, в отношении которого вступившим в законную силу решением суда установлено, что в его действиях содержатся признаки экстремистской деятельности.

Федеральный закон «Об общественных объединениях» содержит также ограничения на возможность выступать в качестве учредителя общественного объединения для лица, которое ранее было руководителем или входило в состав руководящего органа

общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности» либо Федеральным законом от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности. Запрет на подобную деятельность сохраняется в течение десяти лет со дня вступления в законную силу соответствующего решения суда.

Одна из важнейших мер противодействия экстремистской деятельности – это ликвидация общественного объединения, а также запрещение деятельности общественного объединения, не являющегося юридическим лицом, в порядке и по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности». Соответствующая норма также содержится в ст. 44 Федерального закона «Об общественных объединениях».

Практически аналогичные нормы, распространяющие свое действие на религиозные организации, предусмотрены п. 3, 4 ст. 9 п. 2 и 7 ст. 14 Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях».

Определенные меры, направленные на противодействие экстремистской деятельности в сфере информационных технологий, содержатся в Законе Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» (далее – Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации»).

Согласно содержащимся в нем нормам не допускается использование средств массовой информации в целях совершения уголовно наказуемых деяний, для разглашения сведений, составляющих государственную или иную специально охраняемую законом тайну, для распространения материалов, содержащих публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публично оправдывающих терроризм, других экстремистских материалов, а также материалов, пропагандирующих порнографию, культ насилия и жестокости, и материалов, содержащих нецензурную брань (абз. 1 ст. 4).

Запрещается использование в радио-, теле-, видео-, кинопрограммах, документальных и художественных фильмах, а так-

же в информационных компьютерных файлах и программах обработки информационных текстов, относящихся к специальным средствам массовой информации, скрытых вставок и иных технических приемов и способов распространения информации, воздействующих на подсознание людей и (или) оказывающих вредное влияние на их здоровье, а равно распространение информации об общественном объединении или иной организации, включенных в опубликованный перечень общественных и религиозных объединений, иных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности», без указания на то, что соответствующее общественное объединение или иная организация ликвидированы или их деятельность запрещена (абз. 2 ст. 4).

Однако в Законе РФ «О средствах массовой информации» содержатся не только запретительные нормы, но и положения, предусматривающие определенную ответственность средств массовой информации за нарушение установленных правил.

Например, их деятельность может быть прекращена в порядке и по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности».

Важную роль в правовом регулировании противодействия экстремистской деятельности играет Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

Данный законодательный акт, в частности, предусматривает определенные особенности распространения информации в сети Интернет.

Так, владелец сайта и (или) страницы сайта в сети Интернет, на которых размещается общедоступная информация и доступ к которым в течение суток составляет более трех тысяч пользователей сети Интернет, при размещении и использовании указанной информации, в том числе при размещении указанной информации на данных сайте или странице сайта иными пользователями сети Интернет, обязан обеспечивать соблюдение законо-

дательства Российской Федерации, в том числе путем не допущения использования сайта или страницы сайта в сети Интернет в целях совершения уголовно наказуемых деяний, для разглашения сведений, составляющих государственную или иную специально охраняемую законом тайну, для распространения материалов, содержащих публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публично оправдывающих терроризм, других экстремистских материалов, а также материалов, пропагандирующих порнографию, культ насилия и жестокости, и материалов, содержащих нецензурную брань (п. 1 ч. 1 ст. 10.2).

Закрепление на основании Федерального закона от 28.12.2013 № 398-ФЗ нормы, регламентирующей порядок ограничения доступа к информации, распространяемой с нарушением закона, сделало Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» достаточно эффективным инструментом противодействия экстремистской деятельности.

Согласно ст. 15.3 указанного Федерального закона в случае обнаружения в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет, информации, содержащей призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка, включая случай поступления уведомления о распространении такой информации от федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, организаций или граждан, Генеральный прокурор Российской Федерации или его заместители направляют требование в федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи (Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций – Роскомнадзор), о принятии мер по ограничению доступа к информационным ресурсам, распространяющим такую информацию (ч. 1).

Роскомнадзор на основании обращения, указанного в ч. 1 настоящей статьи, незамедлительно:

1) направляет по системе взаимодействия операторам связи требование о принятии мер по ограничению доступа к информационному ресурсу, в том числе к сайту в сети Интернет, или к информации, размещенной на нем и содержащей призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка. Данное требование должно содержать доменное имя сайта в сети Интернет, сетевой адрес, указатели страниц сайта в сети Интернет, позволяющие идентифицировать такую информацию;

2) определяет провайдера хостинга или иное лицо, обеспечивающее размещение в информационно-телекоммуникационной сети, в том числе в сети Интернет, указанного информационного ресурса, обслуживающего владельца сайта в сети Интернет, на котором размещена информация, содержащая призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка;

3) направляет провайдеру хостинга или иному указанному в п. 2 настоящей части лицу уведомление в электронном виде на русском и английском языках о нарушении порядка распространения информации с указанием доменного имени и сетевого адреса, позволяющих идентифицировать сайт в сети Интернет, на котором размещена информация, содержащая призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка, а также указателей страниц сайта в сети Интернет, позволяющих идентифицировать такую информацию, и с требованием принять меры по удалению такой информации;

4) фиксирует дату и время направления уведомления провайдеру хостинга или иному указанному в п. 2 настоящей части лицу в соответствующей информационной системе (ч. 2).

После получения по системе взаимодействия требования Роскомнадзора о принятии мер по ограничению доступа оператор связи, оказывающий услуги по предоставлению доступа к информационно-телекоммуникационной сети Интернет, обязан незамедлительно ограничить доступ к информационному ресурсу, в

том числе к сайту в сети Интернет, или к информации, размещенной на нем и содержащей призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка (ч. 3).

В течение суток с момента получения уведомления, указанного в п. 3 ч. 2 настоящей статьи, провайдер хостинга или иное указанное в п. 2 ч. 2 настоящей статьи лицо обязаны проинформировать об этом обслуживаемого ими владельца информационного ресурса и уведомить его о необходимости незамедлительно удалить информацию, содержащую призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка (ч. 4).

Если владелец информационного ресурса удалил информацию, содержащую призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка, он направляет уведомление об этом в Роскомнадзор. Такое уведомление может быть направлено также в электронном виде (ч. 5).

После получения уведомления и проверки его достоверности Роскомнадзором он обязан незамедлительно уведомить по системе взаимодействия оператора связи, оказывающего услуги по предоставлению доступа к информационно-телекоммуникационной сети Интернет, о возобновлении доступа к информационному ресурсу, в том числе к сайту в сети Интернет (ч. 6).

Серьезные правовые инструменты противодействия экстремистской деятельности предусмотрены не только на федеральном уровне.

Законодательные (представительные) и исполнительные органы государственной власти субъектов Российской Федерации, а также органы местного самоуправления наделены в этом отношении соответствующими обязанностями.

Так, согласно пп. «а» п. 2 ст. 21 Федерального закона от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» высший

исполнительный орган государственной власти субъекта Российской Федерации осуществляет в пределах своих полномочий меры по реализации, обеспечению и защите прав и свобод человека и гражданина, охране собственности и общественного порядка, противодействию терроризму и экстремизму, борьбе с преступностью.

Помимо этого он также в пределах своих полномочий осуществляет меры:

по обеспечению государственных гарантий равенства прав, свобод и законных интересов человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии и других обстоятельств;

по предотвращению ограничения прав и дискриминации по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности;

по сохранению и развитию этнокультурного многообразия народов Российской Федерации, проживающих на территории субъекта Российской Федерации, их языков и культуры;

защите прав национальных меньшинств; социальной и культурной адаптации мигрантов; профилактике межнациональных (межэтнических) конфликтов и обеспечению межнационального и межконфессионального согласия (пп. «а1» п. 2 ст. 21).

При этом к полномочиям органов государственной власти субъекта Российской Федерации по предметам совместного ведения, осуществляемым данными органами самостоятельно за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации (за исключением субвенций из федерального бюджета), относится решение вопросов организации и осуществления на территории субъекта Российской Федерации мероприятий по предупреждению терроризма и экстремизма, минимизации их последствий, за исключением вопросов, решение которых отнесено к ведению Российской Федерации (пп. 51.1 п. 2 ст. 26.3).

Согласно п. 7.1, 7.2 ч. 1 ст. 14 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» к вопросам местного значения городского поселения в числе прочего относятся:

участие в профилактике терроризма и экстремизма, а также в минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма и экстремизма в границах поселения;

создание условий для реализации мер, направленных на укрепление межнационального и межконфессионального согласия, сохранение и развитие языков и культуры народов Российской Федерации, проживающих на территории поселения, социальную и культурную адаптацию мигрантов, профилактику межнациональных (межэтнических) конфликтов.

Аналогичные нормы содержатся в п. 6.1 и 6.2 ч. 1 ст. 15 («Вопросы местного значения муниципального района») п. 7.1 и 7.2 ч. 1 ст. 16 («Вопросы местного значения городского округа»).

Определенные ограничения, связанные с исполнением Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», предусмотрены и в ходе избирательного процесса.

Например, согласно п. 1 ст. 56 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» предвыборные программы кандидатов, избирательных объединений, иные агитационные материалы (в том числе размещаемые в информационно-телекоммуникационных сетях, доступ к которым не ограничен определенным кругом лиц, включая сеть Интернет), выступления кандидатов и их доверенных лиц, представителей и доверенных лиц избирательных объединений, представителей инициативной группы по проведению референдума и иных групп участников референдума, граждан на публичных мероприятиях, в средствах массовой информации (в том числе размещаемые в информационно-телекоммуникационных сетях, доступ к которым не ограничен определенным кругом лиц, включая сеть Интернет) не должны содержать призывы к совершению деяний, определяемых в ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» как экстремистская деятельность, либо иным способом побуждать к таким деяниям, а также обосновывать или оправдывать экстремизм.

Правовому регулированию противодействия экстремистской деятельности посвящены нормы кодифицированных нормативных правовых актов:

Уголовного кодекса Российской Федерации;

Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации;

Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации;

Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Особое место в правовом регулировании противодействия экстремистской деятельности занимают нормативные правовые акты, содержащие нормы стратегического характера. Они позволяют систематизировать меры, предпринимаемые не только правоохранительными органами, но и иными органами государственной власти в рассматриваемой сфере.

Так, согласно п. 11 Концепции общественной безопасности в Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации 14.11.2013 № Пр-2685) (далее – Концепция) одним из основных источников угроз общественной безопасности является экстремистская деятельность националистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутриполитической и социальной ситуации в стране. Особую озабоченность вызывает распространение экстремистских настроений среди молодежи. Члены экстремистских организаций активно используют новые технологии, в том числе информационно-телекоммуникационную сеть Интернет, для распространения экстремистских материалов, привлечения в свои ряды новых членов и координации противоправной деятельности.

В связи с этим в Концепции указывается, что для противодействия экстремизму требуются согласованность действий всех государственных органов и органов местного самоуправления, их взаимодействие с институтами гражданского общества, формирование консолидированной позиции по вопросам профилактики межнациональных и межконфессиональных конфликтов.

Основными направлениями деятельности в области противодействия экстремизму сил обеспечения общественной безопасности в пределах их компетенции, в соответствии с Концепцией, являются:

принятие профилактических, воспитательных и пропагандистских мер, направленных на предупреждение экстремистской

деятельности, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности и развитию социальных и межнациональных конфликтов, противодействие экстремизму на основе комплексного подхода к анализу причин возникновения и распространения экстремизма, четкого разграничения функций и зон ответственности сил обеспечения общественной безопасности, противодействие распространению экстремистских материалов через средства массовой информации и информационно-телекоммуникационную сеть Интернет;

выявление субъектов экстремистской деятельности, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций путем осуществления мер по предупреждению такой деятельности, совершенствование мер организационного и оперативного характера, направленных на пресечение экстремистской деятельности организаций и физических лиц (п. 28).

Как следует из содержания п. 38 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 12.05.2009 № 537), *главными направлениями государственной политики в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности на долгосрочную перспективу* должны стать:

усиление роли государства в качестве гаранта безопасности личности, прежде всего детей и подростков;

совершенствование нормативного правового регулирования предупреждения и борьбы с преступностью, коррупцией, терроризмом и экстремизмом;

повышение эффективности защиты прав и законных интересов российских граждан за рубежом;

расширение международного сотрудничества в правоохранительной сфере.

Важное значение для правового регулирования противодействия экстремистской деятельности имеют также ведомственные нормативные акты. К числу наиболее значимых из них можно отнести:

приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 19.11.2009 № 362 «Об организации прокурорского надзора за ис-

полнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности»;

приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 22.10.2009 № 339 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии терроризму»;

указание Генерального прокурора Российской Федерации от 05.12.2007 № 193/27 «О порядке направления в Федеральную службу по финансовому мониторингу сведений по вопросам противодействия финансированию экстремистской и террористической деятельности»;

совместное распоряжение от 16.12.2008 Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 270/27р, МВД России № 1/9789 и ФСБ России № 38 «О совершенствовании работы по предупреждению и пресечению деятельности общественных и религиозных объединений по распространению идей национальной розни и религиозного экстремизма»;

приказ МВД России от 29.06.2005 № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» (вместе с Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации, Перечнем родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации) (Зарегистрирован в Минюсте России 23.08.2005 № 6931);

приказ Минюста России от 27.12.2012 № 237 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России»;

приказ Следственного комитета Российской Федерации от 12.07.2011 № 109 «О мерах по противодействию экстремистской деятельности».

Своеобразным инструментом разрешения различных вопросов применения законодательства об уголовной ответственности

за преступления экстремистской направленности служат постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации: от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» и от 15.06.2010 № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации».

§ 3. Субъекты противодействия экстремистской деятельности в механизме реализации Стратегии противодействия экстремизму

В настоящее время основополагающим документом для федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, который определяет цель, задачи и основные направления государственной политики в сфере противодействия экстремизму с учетом стоящих перед Российской Федерацией вызовов и угроз и направлен на объединение усилий указанных органов, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в целях пресечения экстремистской деятельности, укрепления гражданского единства, достижения межнационального (межэтнического) и межконфессионального согласия, сохранения этнокультурного многообразия народов Российской Федерации, формирования в обществе обстановки нетерпимости к экстремистской деятельности и распространению экстремистских идей, выступает уже упомянутая Стратегия противодействия экстремизму до 2025 года.

Стратегия разработана в целях конкретизации положений Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», Указа Президента Российской Федерации от 12.05.2009 № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года».

Так, согласно ст. 4 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» Президент Российской Федерации:

определяет основные направления государственной политики в области противодействия экстремистской деятельности;

устанавливает компетенцию федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых он осуществляет, по противодействию экстремистской деятельности.

Правительство Российской Федерации:

определяет компетенцию федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых оно осуществляет, в области противодействия экстремистской деятельности;

организует разработку и осуществление мер по предупреждению экстремистской деятельности, минимизацию и (или) ликвидацию последствий ее проявлений;

организует обеспечение деятельности федеральных органов исполнительной власти по противодействию экстремистской деятельности необходимыми силами, средствами и ресурсами.

Федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления участвуют в противодействии экстремистской деятельности в пределах своей компетенции.

Начало формированию системы специализированных государственных органов, осуществляющих функции по противодействию экстремистской деятельности, положено Указом Президента РФ от 23.03.1995 № 310 «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации», согласно которому прокуратуре Российской Федерации отводится первостепенная роль в решении поставленной проблемы. Президент в своем Указе постановил:

1. Исполняющему обязанности Генерального прокурора Российской Федерации:

а) обеспечить усиление прокурорского надзора за соблюдением всеми предприятиями, учреждениями, организациями и общественными объединениями на территории Российской Федерации установленных Конституцией Российской Федерации норм о равноправии граждан независимо от социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности, об охране достоинства личности, о запрете создания и деятельности объединений, цели и действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя, нарушение це-

лостности государства, подрыв его безопасности, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни;

б) строго контролировать полноту и всесторонность расследования соответствующих уголовных дел, выявление и привлечение к ответственности всех пособников совершения преступлений (включая лиц, финансирующих и тиражирующих экстремистские издания);

в) активно взаимодействовать в борьбе с политическим экстремизмом с Уполномоченным по правам человека, Судебной палатой по информационным спорам при Президенте Российской Федерации, заинтересованными общественными объединениями, а также средствами массовой информации.

2. Министерству внутренних дел Российской Федерации, Службе внешней разведки Российской Федерации, Федеральной таможенной службе, Федеральной пограничной службе Российской Федерации[1] в пределах предоставленной им компетенции силами подчиненных органов:

а) задерживать и привлекать к установленной действующим законодательством ответственности лиц, распространяющих печатную продукцию, кино-, фото-, аудио- и видеоматериалы, направленные на пропаганду фашизма, возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;

б) принимать меры к изъятию такой печатной продукции и материалов.

3. Правительству Российской Федерации:

а) обеспечить координацию работы Министерства внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службы контрразведки Российской Федерации[2], Федеральной пограничной службы Российской Федерации, Министерства юстиции Российской Федерации, других заинтересованных федеральных органов исполнительной власти, направленной на активизацию борьбы с фашизмом и политическим экстремизмом;

б) по мере необходимости заслушивать на заседаниях Правительства Российской Федерации и его Президиума отчеты руководителей соответствующих федеральных органов исполни-

[1] В настоящее время – пограничные органы ФСБ России.
[2] В настоящее время – ФСБ России.

тельной власти о состоянии и мерах по усилению борьбы с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма.

4. Верховному Суду Российской Федерации Президент Российской Федерации рекомендовал:

а) обобщить судебную практику применения правовых норм, устанавливающих ответственность граждан, общественных объединений и средств массовой информации за нарушения гарантированного Конституцией Российской Федерации равенства прав и свобод человека и гражданина;

б) дать разъяснения содержащихся в действующем законодательстве понятий и терминов, касающихся ответственности за действия, направленные на возбуждение социальной, расовой, национальной и религиозной розни.

Следующий шаг на пути формирования системы органов, осуществляющих функции по противодействию экстремистской деятельности, в том числе функции по противодействию негативным процессам в сфере межнациональных отношений, был сделан в 2003 г., после того как Федеральным Собранием Российской Федерации была ратифицирована Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15.06.2001.

В Указе Президента Российской Федерации от 17.06.2003 № 680 «О центральных компетентных органах Российской Федерации, ответственных за выполнение Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» определены в качестве центральных компетентных органов Российской Федерации, ответственных за выполнение Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом:

а) Федеральная служба безопасности Российской Федерации;

б) Министерство внутренних дел Российской Федерации;

в) Служба внешней разведки Российской Федерации;

г) Федеральная служба охраны Российской Федерации;

д) Министерство обороны Российской Федерации;

е) Генеральная прокуратура Российской Федерации;

ж) Комитет Российской Федерации по финансовому мониторингу (в настоящее время Федеральная служба по финансовому мониторингу).

Полномочия данных органов в сфере противодействия экстремизму определяются правовыми актами о них, их деятельности, а также другим законодательством.

Перечень субъектов противодействия экстремистской деятельности содержится и в ведомственных актах.

Так, непосредственное участие в противодействии экстремистской деятельности в процессе надзора за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации, принимают органы прокуратуры Российской Федерации.

Согласно подп. 1.2 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 19.11.2009 № 362 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности» особое внимание необходимо уделять обеспечению постоянного и эффективного надзора за исполнением законодательства о межнациональных отношениях и противодействии экстремизму в деятельности МВД России, Минюста России, Федеральной миграционной службы, Роскомнадзора и их территориальных органов, в том числе за своевременностью, полнотой, законностью и обоснованностью принимаемых ими мер по выявлению и пресечению экстремистских проявлений. Таким образом, в приказе перечислены органы исполнительной власти, обладающие непосредственной компетенцией в сфере противодействия экстремизму.

Нормы, регламентирующие деятельность органов *Федеральной службы безопасности Российской Федерации* по противодействию экстремизму, содержатся в Положении о ней, утвержденном Указом Президента Российской Федерации от 11.08.2003 № 960.

В соответствии с пп. 6 п. 8 данного Положения к задачам ФСБ России относится организация в пределах своих полномочий во взаимодействии с федеральными органами государственной власти борьбы с организованной преступностью, коррупцией, контрабандой, легализацией преступных доходов, незаконной миграцией, незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых и отравляющих веществ, наркотических средств и психотропных веществ, специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, а также противо-

действия экстремистской деятельности, в том числе деятельности незаконных вооруженных формирований, преступных сообществ и групп, отдельных лиц и общественных объединений, ставящих своей целью организацию вооруженного мятежа, насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, насильственный захват или насильственное удержание власти.

Конкретизация полномочий *Министерства внутренних дел Российской Федерации* по противодействию экстремистской деятельности содержится в приказах Министра внутренних дел России. Например, приказ от 17.01.2006 № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений» предусматривает, что в рамках мер по организации деятельности по предупреждению преступлений структурные подразделения МВД России изучают, анализируют и прогнозируют преступные проявления террористического характера и экстремистской направленности, обусловливающие их факторы (п. 4.6).

В обязанности сотрудников органов внутренних дел и, в частности сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних, по предупреждению преступлений входит выявление во время профилактических мероприятий принадлежности подростков к группам антиобщественного, экстремистского и иного характера, лидеров и активных участников этих групп, мест их концентрации, а также лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение преступлений и (или) антиобщественных действий (п. 8.8).

Сотрудники патрульно-постовой службы милиции осуществляют мероприятия по проверке документов в целях выявления лиц, подозреваемых в принадлежности к террористическим и экстремистским организациям, а также незаконно перевозящих оружие, боеприпасы, взрывные устройства, взрывчатые, зажигательные, химические, сильнодействующие ядовитые вещества, наркотические средства и психотропные вещества, террористическую и экстремистскую литературу (п. 9.8).

Сотрудники подразделений Государственной инспекции безопасности дорожного движения проверяют по ориентировкам правоохранительных органов транспортные средства, водителей и пассажиров, перевозимые ими грузы и документы на предмет выявления незаконно перевозимого оружия, боеприпасов, взрыв-

чатых веществ и взрывных устройств, наркотических средств и психотропных веществ, радиационных, химических и сильнодействующих ядовитых веществ, экстремистской литературы для передачи в установленном порядке в территориальные органы МВД России (п. 11.5).

Сотрудники подразделений уголовного розыска участвуют в осуществлении мероприятий по предупреждению преступлений террористического характера и экстремистской направленности (п. 15.8).

Сотрудники подразделений по борьбе с экономическими преступлениями и по налоговым преступлениям организуют и проводят в пределах своей компетенции оперативно-разыскные мероприятия по выявлению и перекрытию каналов финансирования террористических и экстремистских организаций (п. 16.8).

Сотрудники подразделений по противодействию экстремизму:

проводят мониторинг оперативной обстановки в области противодействия экстремистской деятельности (п. 17.1);

принимают меры по разобщению экстремистских организаций (сообществ) на ранних стадиях формирования путем поиска и своевременной реализации информации упреждающего характера (п. 17.2);

осуществляют оперативно-разыскные мероприятия по предупреждению преступлений, отнесенных к компетенции подразделений по противодействию экстремизму (п. 17.3);

в пределах компетенции осуществляют мероприятия по недопущению проникновения представителей экстремистских организаций (сообществ) в органы государственной власти (п. 17.4);

участвуют в правовой пропаганде и информировании населения о результатах работы в установленной области деятельности (п. 17.5);

разрабатывают и организуют проведение специальных операций и оперативно-профилактических мероприятий в установленной области деятельности (п. 17.6);

выявляют при проведении оперативно-разыскных мероприятий причины и условия, способствующие совершению преступлений, принимают в пределах компетенции меры по их устранению (п. 17.7).

На основании приказа от 17.01.2006 № 19 в полномочия сотрудников подразделений органов внутренних дел на транспорте входит проведение оперативно-розыскных и профилактических мероприятий по предупреждению преступлений террористического характера и экстремистской направленности на объектах оперативного обслуживания органов внутренних дел на транспорте (п. 19.13).

Сотрудники подразделений органов внутренних дел в закрытых административно-территориальных образованиях, на особо важных и режимных объектах осуществляют в пределах своей компетенции меры по предупреждению преступлений, предусмотренные настоящей Инструкцией для соответствующих служб и подразделений органов внутренних дел, а также проводят оперативно-розыскные и профилактические мероприятия по предупреждению преступлений террористического характера и экстремистской направленности на объектах оперативного обслуживания (п. 21).

Согласно Типовому положению о территориальном органе МВД России по субъекту Российской Федерации, утвержденному Указом Президента РФ от 01.03.2011 № 249, территориальные органы МВД России входят в систему органов внутренних дел Российской Федерации и подчиняются МВД России.

Министерству юстиции Российской Федерации отведено особое место в системе органов, осуществляющих контрольные полномочия не только в рамках противодействия экстремистской деятельности, но и в рамках межнациональных отношений.

В соответствии с пп. 30.28 Положения о Министерстве юстиции Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 13.10.2004 № 1313 (ред. от 07.05.2015), Минюст России определяет порядок ведения федерального списка экстремистских материалов и ведет этот список, ведет перечень общественных объединений и религиозных организаций, иных некоммерческих организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным законодательством Российской Федерации, и перечень общественных объединений и религиозных организаций, деятельность которых приостановлена в связи с осуществлением

ими экстремистской деятельности, а также обеспечивает опубликование названных списка и перечней.

Минюст России осуществляет свою деятельность непосредственно и (или) через свои территориальные органы (управления).

К основным полномочиям Управления Минюста России в области противодействия экстремистской деятельности относятся:

представление в Минюст России копий вступивших в законную силу решений судов Российской Федерации о признании материалов экстремистскими для ведения федерального списка экстремистских материалов, о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности», а также перечня общественных и религиозных объединений, деятельность которых приостановлена в связи с их экстремистской деятельностью;

контроль за соблюдением региональными отделениями и иными структурными подразделениями политических партий законодательства Российской Федерации и соответствием их деятельности положениям, целям и задачам, предусмотренным уставами политических партий, за соответствием деятельности общественных объединений и их структурных подразделений, осуществляющих деятельность на территории данного субъекта Российской Федерации, их уставным целям, за соответствием деятельности иных некоммерческих организаций (за исключением отделений международных организаций и иностранных некоммерческих неправительственных организаций) целям, предусмотренным их учредительными документами, и законодательству Российской Федерации;

контроль за соблюдением религиозными организациями своих уставов относительно целей и порядка их деятельности;

направление своих представителей для участия в мероприятиях, проводимых политическими партиями, общественными объединениями, религиозными организациями и иными некоммерческими организациями;

ведение реестра зарегистрированных некоммерческих организаций, в том числе отделений и иных структурных подразделений политических партий, межрегиональных, региональных и местных общественных объединений и их структурных подраз-

делений, местных религиозных организаций, централизованных религиозных организаций, имеющих местные религиозные организации на территории одного субъекта Российской Федерации, религиозных учреждений и организаций, образованных указанными централизованными религиозными организациями, а также иных некоммерческих организаций (за исключением отделений международных организаций, иностранных некоммерческих неправительственных организаций) в соответствующем субъекте Российской Федерации;

по результатам контроля за деятельностью региональных отделений, иных структурных подразделений политических партий, общественных объединений и их структурных подразделений, религиозных организаций и иных некоммерческих организаций: вынесение предупреждения и внесение представления об устранении нарушений законодательства Российской Федерации, составление протоколов об административных правонарушениях, принятие решения о приостановлении деятельности общественных объединений и их структурных подразделений, обращение в суд с заявлениями о приостановлении деятельности региональных отделений, иных структурных подразделений политических партий;

обращение в суд с заявлениями о ликвидации региональных отделений, иных структурных подразделений политических партий, общественных объединений и их структурных подразделений, религиозных организаций и иных некоммерческих организаций, с заявлениями о признании общественных объединений прекратившими свою деятельность в качестве юридического лица;

иные предусмотренные законодательством Российской Федерации действия, необходимые для реализации своих полномочий.

Одно из важнейших полномочий Минюста России по противодействию экстремистской деятельности нашло отражение в приказе от 20.08.2007 № 171, изданном в целях реализации ч. 4 ст. 25.10 Федерального закона от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» и во исполнение п. 3 Положения о принятии решения о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации, ут-

вержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 07.04.2003 № 199.

Приказом предусмотрен порядок представления и рассмотрения документов для подготовки распоряжений Минюста России о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан или лиц без гражданства, подлежащих освобождению из мест лишения свободы.

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) согласно Положению о Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, утвержденному постановлением Правительства РФ от 16.03.2009 № 228, является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, в том числе электронных, и массовых коммуникаций, информационных технологий и связи, функции по контролю и надзору за соответствием обработки персональных данных требованиям законодательства Российской Федерации в области персональных данных, а также функции по организации деятельности радиочастотной службы.

Так, в соответствии с п. 23.2 распоряжения Роскомнадзора от 29.06.2012 № 21 «Об утверждении Методических рекомендаций по организации и проведению государственного контроля и надзора за соблюдением законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации» предусмотрено осуществление контроля и надзора за использование средств массовой информации в целях совершения уголовно наказуемых деяний, для разглашения сведений, составляющих государственную или иную специально охраняемую законом тайну, для распространения материалов, содержащих публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публично оправдывающих терроризм, других экстремистских материалов, а также материалов, пропагандирующих порнографию, культ насилия и жестокости.

Согласно ч. 1 ст. 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в случае обнаружения в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет, информации, содержащей

призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка, включая случай поступления уведомления о распространении такой информации от федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, организаций или граждан, Генеральный прокурор Российской Федерации или его заместители направляют требование в Роскомнадзор, о принятии мер по ограничению доступа к информационным ресурсам, распространяющим такую информацию.

Федеральная миграционная служба Российской Федерации согласно Положению о ней, утвержденному постановлением Правительства Российской Федерации от 13.07.2012 № 711, осуществляет в соответствии с законодательством Российской Федерации контроль и надзор за законностью широкого спектра действий, связанных с миграцией и мигрантами, в том числе незаконными.

§ 4. Международный экстремизм и зарубежный опыт противодействия ему

Расширение масштабов проявлений экстремизма во всем мире позволяет выделить некоторые особенности, касающиеся внешнего воздействия со стороны транснациональных экстремистских (террористических) организаций, на ситуацию в той или иной стране, приводящего не просто к конфликтам, но и вооруженным столкновениям и смене власти.

Угроза экстремизма возрастает, пример тому, срастание в единый механизм ультранационалистов с исламскими экстремистами. Так, 01.03.2014 лидер украинских экстремистов Д. Ярош обратился за помощью к северокавказским боевикам (Д. Умарову), принадлежавшим к международной террористической организации «Аль-Каида», что свидетельствует об объединении экстремистов разных направлений. Следует отметить, что этот украинский националист воевал на стороне НВФ во время боевых действий на Северном Кавказе.

События последних трех десятилетий демонстрируют, что исламский экстремизм был и остается явлением непостоянным, можно сказать – «ветреным». Едва ли не в каждом конкретном проявлении исламского экстремизма удается обнаружить наличие внешнего воздействия как определяющего[1].

Наибольшую опасность представляют радикальные экстремистские (террористические) организации, такие как «Аль-Каида в странах исламского Магриба», «Аль-Каида в Ираке» и на Аравийском полуострове – «Египетский исламский джихад», «Джамаат Аш-Шабааб», «Ливийская исламская боевая группа», «Туркестанское исламское движение», «Талибан», «Хаккани», «Джемаа Исламия» и др.

Борьба с проявлениями экстремизма в развитых странах, в том числе Великобритании, Германии, России, США, Франции и др., является одной из важнейших задач, обеспечивающих внутреннюю безопасность государства.

Насильственный экстремизм определяется как незаконное использование или угроза силой, вооруженное насилие над людьми или собственностью для принуждения или устрашения правительства и общества, достижения политических, религиозных или идеологических целей и др.

Одной из приоритетных задач международного сообщества становится разработка и принятие в сжатые сроки в рамках национальных и международных правовых систем законодательства действенных механизмов, позволяющих адекватно и быстро реагировать на такие острые и глобальные угрозы, как международный экстремизм и терроризм.

В большинстве зарубежных стран законодательство запрещает расистские выступления, пропаганду и провокационные заявления, выражающие ненависть или презрение к лицам или группам лиц на основании их расовой или этнической принадлежности, вероисповедания, цвета кожи, национальности. В частности, в Германии с середины 1980-х гг. действуют специальные поправки к Конституции, запрещающие любую деятельность экстремистских организаций.

В Основном законе Германии подчеркивается, что никому не может быть причинен ущерб или оказано предпочтение по

[1] *Игнатенко А.А.* Радикализм в исламе // Россия и мусульманский мир. 2000. № 11. С. 126.

признакам вероисповедания, религиозных или политических взглядов; свобода вероисповедания, совести и свобода религиозных убеждений и мировоззрения неприкосновенны; государство гарантирует беспрепятственное отправление религиозных обрядов; запрещаются объединения, цели и деятельность которых противоречат уголовным законам или направлены против конституционного строя или против идей взаимопонимания между народами; пользование гражданскими и политическими правами, доступ к государственным должностям, как и права, приобретенные на государственной службе, не зависимы от исповедуемой религии (ст. 3, 4, 9, 33). УК Германии предусматривает наказание на срок до трех лет лишения свободы или денежный штраф за оскорбление вероисповедания граждан и религиозных обществ, а также за воспрепятствование отправлению религиозных обрядов, культов, если такие действия вызывают нарушение общественного порядка (ст. 130, 166, 167).

В Конституции Дании определено, что граждане имеют право учреждать религиозные объединения для отправления культа в соответствии со своими убеждениями, при условии, что их вероучение и поступки не будут нарушать нормы морали и общественного порядка; общественные объединения, применяющие насилие либо стремящиеся достичь своих целей насилием, призывающие к насилию либо навязывающие свои взгляды другим при помощи угрозы насилия, распускаются решением суда (ст. 67, 78).

В Конституции Королевства Нидерландов подчеркивается, что дискриминация на основании убеждений, вероисповедания, политических взглядов, расы или пола либо каким бы то ни было иным причинам не допускается (ст. I).

Законодательство Канады, Франции, Дании и Нидерландов обеспечивают защиту членов религиозных групп наравне с группами, объединяющие признаки которых – общность расы, этническое происхождение.

По мнению исследователей, опыт применения законов, запрещающих возбуждение религиозной вражды и оскорбления религиозных чувств верующих в Канаде, Дании, Франции, Германии и Нидерландах сходен, предусматривая как уголовную, так и

гражданскую ответственность за *hate speech* (враждебную речь)[1], которая причиняет особый вред, так как направлена против отдельных лиц и групп, причиняя психологический и моральный ущерб, а также и против всего государства, его социальной и нравственной структуры.

Если уголовное законодательство некоторых стран (в частности, Канады и др.) предусматривает необходимость наличия либо умысла на разжигание розни, либо вероятности нарушения мира в результате преступных действий, то в других странах (Франция, Германия, Дания, Нидерланды и др.) допускается осуждение за hate speech независимо от наличия умысла и возможных последствий.

В настоящее время существует два вида специальных подразделений, предназначенных для противодействия экстремизму (терроризму), а именно: подразделения, непосредственно подчиненные спецслужбам и сформированные из числа сотрудников этих служб, и подразделения, которые комплектуются из военнослужащих и поступают в оперативное подчинение компетентным органам на период проведения контртеррористической операции. В частности, примерами такого рода специальных подразделений могут служить британская САС, германская ГСГ-9, итальянский Отряд R, французский отряд ГИГН, израильское «Подразделение общей разведки 269», американская «Дельта Форс», российские «Альфа» и «Вымпел», спецназ ГРУ и др.[2]

Кроме того, создаются подразделения в структуре уголовной (криминальной) полиции по противодействию экстремизму (в частности, Центр «Э» МВД России). Оперативные подразделения данной категории обычно создаются или непосредственно в структуре уголовной (криминальной) полиции, или же действуют в ее интересах и под ее оперативным руководством.

Как пример активной наступательной позиции в противодействии международному экстремизму – правительство Франции планирует потратить €735 млн на борьбу с насильственным экстремизмом. По заявлению М. Вальса, €425 млн будут потрачены на инвестиции в антитеррористические мероприятия, обо-

[1] URL: http://www.ekstremizm.ru/metodika/item/178-zarubejnyy-opyt (дата обращения: 12.05.2015).
[2] URL: http://ejournal.khstu.ru/media/2013/TGU_4_125.pdf552 (дата обращения: 12.05.2015).

рудование и инвестиционные расходы, а остальное пойдет на оплату труда сотрудников правоохранительных органов, сообщает газета LesÉchos[1], а также будет увеличена численность антитеррористических подразделений в различных правоохранительных органах.

Указанные расходы рассчитаны на три года и будут финансироваться за счет экономии на других статьях бюджета страны. Из них 60 млн евро будут потрачены на предотвращение «радикализации» населения, т.е. на противодействие идеологии экстремизма. Кроме того, французский премьер подчеркнул, что в исправительных учреждениях необходимо увеличить штат мусульманских священнослужителей на 60 человек, а всех сотрудников муниципальной полиции обеспечить пуленепробиваемыми жилетами.

Так же будут созданы 2680 новых рабочих мест в различных государственных структурах. При этом 1400 вакансий появятся в министерстве внутренних дел, из которых 1100 человек будут заниматься разведкой; 950 – в министерстве юстиции; 250 – в министерстве обороны и 80 – в министерстве финансов (в последнем ведомстве специалисты будут осуществлять противодействие финансированию экстремизма и терроризма).

Правоохранительным органам Франции в настоящее время приходится держать под наблюдением почти 3 тыс. человек в стране и за рубежом. Из них, почти 1300 человек подозреваются в связях с экстремистскими (террористическими) организациями в Ираке и Сирии, число таких лиц увеличилось за год на 130%, остальные, отметил глава правительства, либо имеют связи с другими террористическими организациями во Франции и за рубежом, либо задействованы в кибертерроризме.

Власти Франции были вынуждены предпринять чрезвычайные меры после серии терактов, произошедших в начале 2015 г., а именно: 7 января братья Саид и Шериф Куаши напали на редакцию сатирического еженедельника Charlie Hebdo, убив 12 человек. На следующий день на юге Парижа была расстреляна сотрудница полиции, а 9 января А. Кулибали захватил заложников в парижском кошерном магазине, убив четырех из них. Французские правоохранители приняли оперативные меры, и братья Ку-

[1] См. подробнее: URL: http://top.rbc.ru/politics/21/01/2015/54bf8d5e9a79475fb031818d

аши были впоследствии ликвидированы во время задержания, а А. Кулибали убит на месте преступления.

26.06.2015 Я. Сали совершил нападение на принадлежащий американской компании Air Products химзавод в г. Сан-Кантен-Фалавье. Исламист, размахивая флагом террористической группировки «Исламское государство», направил свой автомобиль в контейнер с газом. В результате произошедшего взрыва один человек погиб, еще несколько получили ранения. Возле заводских ворот была обнаружена отсеченная голова и тело, исписанные арабскими письменами. Убитый мужчина работал менеджером в транспортной компании и был работодателем подозреваемого. Сотрудники полиции задержали Я. Сали и проводят необходимый комплекс следственных действий по результатам теракта[1].

Следует отметить, что Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций, учитывая усиление угрозы насильственного экстремизма (терроризма) миру и стабильности всех государств, безопасности, благосостоянию всех граждан и международному сотрудничеству, приняла Декларацию о мерах по ликвидации международного терроризма (Нью-Йорк, 09.12.1994).

На 52-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН была принята Конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом (Нью-Йорк, 15.12.1997), призванная укрепить международное сотрудничество между государствами в разработке и принятии эффективных мер по предупреждению актов терроризма с использованием взрывных устройств и уголовному преследованию виновных в совершении таких деяний[2].

Для обеспечения неотвратимости уголовного преследования и наказания лиц, совершивших террористические акты 07.05.1999 Российская Федерация подписала Европейскую Конвенцию о пресечении терроризма от 27.01.1977, а Президентом России был подписан Федеральный закон о ратификации Европейской конвенции о пресечении терроризма[3].

Учитывая необходимость в укреплении международного сотрудничества между государствами в деле разработки и принятия эффективных мер по недопущению финансирования терро-

[1] URL: http://lenta.ru/news/2015/06/28/pleadguilty/
[2] Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом (Нью-Йорк, 15.12.1997).
[3] Европейская конвенция о пресечении терроризма ETS N 90 (Страсбург, 27.01.1977).

ризма, а также борьбе с ним путем преследования и наказания совершающих его лиц, 03.04.2000 Россия подписала Международную конвенцию о борьбе с финансированием терроризма, принятую Генеральной Ассамблеей ООН 09.12.1999[1].

Подписанная Российской Федерацией 15.06.2001 Шанхайская конвенция[2] регулирует взаимодействие правоохранительных ведомств и спецслужб государств-участников в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, а также регламентирует такие ключевые направления и формы сотрудничества, как обмен информацией, осуществление оперативно-розыскных мероприятий, принятие совместных мер по пресечению поставок вооружения и боеприпасов террористическим группировкам, их финансирования и мер по прекращению деятельности центров подготовки боевиков.

Особая роль в обеспечении согласованных действий мирового сообщества по полному и безусловному исполнению всеобъемлющих резолюций Совета Безопасности ООН 1368 и 1373 по борьбе с международным терроризмом принадлежит парламентам.

В совершенствовании организации взаимодействия в сфере оперативно-розыскной деятельности большое значение имеют рекомендации Всемирной конференции на уровне министров по организованной транснациональной преступности (Неаполь, 1994 г.), которые легализуют целесообразность международных соглашений в применении таких способов сбора информации, как «агентурные» операции, рассматривается возможность принятия мер поощрения для членов и сообщников преступных организаций, согласившихся сотрудничать и давать свидетельские показания, рекомендуют заключение соглашений по вопросам оперативно-розыскной деятельности.

В Лионских рекомендациях в области борьбы с транснациональной организованной преступностью, одобренных на встрече глав государств и правительств стран «восьмерки» (Лион, 1996 г.), подчеркнуты действенность и польза таких методов, как элек-

[1] Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (Нью-Йорк, 09.12.1999).

[2] Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, 15.06.2001.

тронное наблюдение, секретные операции и контролируемые поставки.

Кроме того, государствам-участникам рекомендуется пересмотреть национальные установления, касающиеся этих методов, и способствовать международному сотрудничеству в данной области с учетом соблюдения прав человека, обмениваться опытом по использованию таких методов.

Таким образом, идет процесс разработки системы «трансграничных оперативно-розыскных мероприятий» в борьбе с международной преступностью (в том числе экстремизмом и терроризмом), правовой базы их осуществления, механизма действий, получения и использования оперативной информации.

Международные правовые акты по противодействию экстремизму (терроризму) и договоренности с зарубежными странами позволяют активно задействовать такие организации, как международная организация уголовной полиции Интерпол, в рамках которых ведется обмен информацией о преступлениях экстремистской (террористической) направленности, незаконном обороте оружия и т.д., а использование массивов информации международных экстремистских (террористических) организаций значительно поднимет эффективность противодействия международному экстремизму.

Основными направлениями противодействия экстремизму (терроризму) являются:

создание международной правовой базы как важнейшего условия для согласованных и результативных действий;

формирование международных антитеррористических центров и привлечение вооруженных сил во взаимодействии с правоохранительными органами для борьбы с экстремизмом (терроризмом);

оздоровление социально-экономической обстановки в странах и регионах, являющихся основными источниками вооруженных конфликтов.

Принципы борьбы с экстремистской деятельностью, важность объединения государств для противодействия экстремизму и терроризму определены и раскрыты в ряде международных правовых документов, а именно: Всеобщей декларации прав человека, принятой на третьей сессии Генеральной Ассамблеи Организации

Объединенных Наций 10.12.1948, которая провозглашает равенство прав людей, отсутствие различий между людьми в обладании ими всеми правами и свободами независимо от расы, цвета кожи, языка, религии, национального или социального происхождения.

В ч. 2 ст. 20 Международного пакта о гражданских и политических правах от 19.12.1966 установлено, что всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, должно быть запрещено законом.

Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 04.11.1950) не допускает дискриминации в пользовании правами и свободами на основании расы, цвета кожи, языка, религии, национального и социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам.

Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений (принята Генеральной Ассамблеей ООН 25.11.1981) предписывает государствам принимать эффективные меры для предупреждения и ликвидации дискриминации на основе религии или убеждений.

Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, принятая в декабре 1992 г. Генеральной Ассамблеей ООН, провозглашает, что государства обязаны создавать защиту перечисленным меньшинствам, включая законодательные меры, обеспечив им возможность в полной мере эффективно осуществлять все свои права человека и основные свободы без какой бы то ни было дискриминации и на основе полного равенства перед законом.

Основные направления борьбы с терроризмом[1] сформулированы в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 49/60 от

[1] Конвенции о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов (Токио, 14.09.1964); Конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (Гаага, 16.12.1970); Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (Монреаль, 23.09.1971); Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов (Нью-Йорк, 14.12.1973); Европейской конвенции о пресечении терроризма (Страсбург, 27.01.1977); Международной конвенции о борьбе с захватом заложников (Нью-Йорк, 17.12.1979); Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства (Рим, 10.03.1988); Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом (Нью-Йорк, 15.12.1997); Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма (принята резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 09.12.1999) и др.

09.12.1994 «Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма», где отмечено, что акты, методы и практика терроризма представляют собой грубое пренебрежение целями и принципами ООН, что может угрожать международному миру и безопасности, ставить под угрозу дружественные отношения между государствам и, препятствовать международному сотрудничеству и вести к подрыву прав человека, основных свобод и демократических основ общества[1].

Сегодня все же имеется противоречие между криминальным пространством и разрозненностью усилий правоохранительных органов различных государств в оперативно-розыскном и информационном обеспечении борьбы с экстремизмом (терроризмом), которые пока еще не успевают за развитием криминальных процессов.

Проблемы борьбы с международным экстремизмом занимают важное место в законодательстве многих государств, законодательство которых наложило запрет на нарушение равенства людей по признаку их отношения к религии, пропаганду религиозного и националистического экстремизма и др.

Имеющийся в России потенциал мер правового противодействия экстремизму (терроризму) не всегда используется в полной мере в силу недостаточной эффективности правоприменительной деятельности, а также в связи с пробелами в законодательном регулировании этого вопроса, что требует дальнейшего совершенствования нормативно-правовой базы с учетом зарубежного опыта законодательного регулирования противодействия экстремизму (терроризму).

В целях полноты раскрытия исследуемого вопроса, рассмотрим в качестве примера некоторые международные экстремистские (террористические) организации, историю их создания и направления деятельности в современных условиях.

Исламская радикальная организация «Братьев-мусульман». Политической идеологией данной организации, по-арабски «Аль-Ихван аль-муслимун» служит «ихванизм», базирующийся на определенной религиозной доктрине догматического и правового центризма.

---

[1] Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма (принята 09.12.1994 Резолюцией 49/60 на 84-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН).

Это универсальный исторический субъект, объединяющий всех мусульман независимо от их внутренних религиозных разногласий, своего рода сверх национального центра, который имеет безусловный приоритет над религиозно-догматическими разногласиями, а его следствие – воздержание от крайних позиций и крайних действий как во внутриконфессиональных, так и в межконфессиональных отношениях.

Активно пропагандируется идея достижений современного индустриального общества с его технологическими и институциональными основами и постановка их на службу исламским целям и ценностям. Этот подход используется в основе широкого комплекса идей, главным пропонентом[1] которого являются «Братья-мусульмане»[2].

Обращение к тематике их учения определяется рядом причин, одна из которых бостонский теракт 2013 г., организованный братьями Царнаевыми, имеющими связи с последователями радикального ислама в Дагестане[3].

По сведениям газеты USA Today, Американской антидиффамационной лиги и организации «Американцы против ненависти», радикальные экстремисты входили в состав исламского сообщества Бостона, которое не только тесно связано с Американским мусульманским обществом, но и является отделением движения «Братьев-мусульман» в США.

По мнению Д.В. Степанкова, осуществляющая в России деятельность организация «Общество социальных реформ» фактически является филиалом сообщества «Братья-мусульмане». В связи с этим сотрудниками Росфинмониторинга проанализирована финансово-хозяйственная деятельность отделения данной организации и проработаны первичные документы по движению денежных средств по счетам, открытым в России.

Было установлено – российское отделение этой организации систематически получало от SOCAIL REFOROM SOCIETI (KUWAIT) значительные денежные средства. После продажи валюты деньги поступали на расчетные счета отделений банков,

---

[1] Пропонент – человек, поддерживающий какую-либо точку зрения, отстаивающий и аргументирующий за какой-либо тезис в дебатах.

[2] Эксперт № 30-31 (813) / Expert.ru

[3] См.: *Мальцев В.* Бостонских братьев связали с «Братьями-мусульманами» // НГ-Религии. 2013. 15 мая.

различных организаций и частных лиц. Наряду с переводами средств различным некоммерческим структурам – религиозным центрам и организациям в регионах России существенная их часть расходовалась на предоплату за якобы приобретаемые по договорам у многочисленных коммерческих структур продукты питания, аренду контейнеров и транспортные услуги, а также переводилась некоторым физическим лицам. Полученные в ходе финансового анализа материалы были направлены на реализацию в правоохранительные органы и способствовали закреплению доказательной базы о причастности «Общества социальных реформ» к финансированию деятельности на территории России экстремистских организаций[1].

По иску Генеральной прокуратуры Российской Федерации Верховный Суд РФ признал организацию «Братья-мусульмане» террористической и запретил их деятельность на территории страны[2]. Тем же решением Верховный Суд РФ принял аналогичные меры в отношении созданной в Чеченской Республике террористической организации «Высший военный Меджлис-уль-Шуры Объединенных сил моджахедов Кавказа», действовавшей под руководством ближневосточных штаб-квартир «Братьев-мусульман», а также кувейтских «Общества социальных реформ» и «Общества возрождения исламского наследия».

Следует отметить, что этот официальный запрет не прекратил деятельность «Братьев-мусульман» в виде религиозных групп и организаций на территории современной России, действующих нелегально и часто под другими названиями. Особенно они активны в Республике Татарстан и других регионах Поволжья.

По мнению Р. Сулеймановой, взгляды религиозных экстремистов активно навязываются при помощи сайта «IslamNews» и отдельных журналистов-мусульман с радикальными исламистскими взглядами и позицией. Так, работая преимущественно в СМИ, они активно проводят идеи о необходимости политизировать ислам, чтобы мусульмане участвовали активно в политике не как отдельные граждане, а как религиозное сообщество. Доказательством этого служит активное участие в так называемом бе-

[1] *Степанков Д.В.* Реализация федеральной службой по финансовому мониторингу функций по противодействию легализации (отмывания) преступных доходов по финансированию терроризма // Банковское право. 2006. № 6.

[2] См.: Решение Верховного Суда РФ от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116.

лоленточном движении, возникшем в период между парламентскими и президентскими выборами в России в декабре 2011 г. – марте 2012 г. Также была подготовлена «Исламская гражданская хартия», цель которой – спровоцировать мусульман на массовые антиправительственные политические акции.

В Татарстане ихванисты пытаются завуалировать свою деятельность через так называемое социальное служение: организация бесплатных обедов для малоимущих, культурных вечеров, религиозное просвещение детей, проведение проповедей и т.д.

Эксперт обращает особое внимание на деятельность Культурного исламского центра «Семья» (расположен в Высокой горе, районный центр в 19 км от Казани), который пропагандирует ихванизм, издает газету «Крепкая семья» на русском и татарском языках и др.

Обращаясь к истории, отметим, что в целях возвращения ислама к фундаментальным основам Корана и Сунны в 1928 г. в Египте была создана религиозная исламская ассоциация «Братья-мусульмане», проповедующая исламский фундаментализм. Основу религиозной идеологии движения составляют идеи панисламизма. Цель организации состоит в создании в мусульманских странах общества, построенного на принципах «исламской справедливости». По их мнению, к этой цели можно прийти с помощью исламского пути развития, выполняя и соблюдая нормы, которые прописаны и четко сформулированы в Коране и шариате.

Идеологи движения – Мухаммед аль-Газали, Сайид Кутба, Мустафа ас-Сибаи и др.[1] Исторически учение «ихванизма» обосновали концептуально Хасан аль-Банна (1906–1949 гг.) и Сайид Кутб (1906–1966 гг.). Сегодня главный идеолог и вдохновитель движения «Братья-мусульмане» – Юсуф аль-Кардави, проживающий в Катаре.

В основе идеологии ихванизма лежит талфик – смешение мазхабов, когда из разных религиозно-правовых направлений (мазхабов) ислама берется в отдельности какое-нибудь положение для обоснования того или иного сиюминутного решения, политически выгодного в данный момент.

[1] Братья-мусульмане в России / Новости СНГ. URL: http://novostink.ru/sng/33172-bratya-musulmane-v-rossii.html#ixzz2oTcvHRNK/2013/

Как отмечает Ф. Салман, «если ваххабиты идут напролом в продвижении своей идеологии, то ихванисты действуют более хитро: через социальную активность и через информационное пространство, где в ее мусульманском сегменте они задают нередко тон»[1].

Позднее была разработана правовая основа движения Хасаном аль-Банной – школьным учителем и другими последователями этого направления, например Саидом Кутба, Мустафи ас-Сибаи, Мухаммедом аль Газали и др.

Так, в противовес Западу ими выдвинута идея «невежества и ханжества западного общества». С 30-х гг. XX в. отделения «Братьев-мусульман» активно проявляются в Ливане, Ираке, Иордании, Сирии, Судане и других странах с целью распространения идеи объединения всех мусульман. В настоящее время указанная ассоциация распространена во всем мире и имеет центры и отделения в разных государствах, но все они организационно и идеологически привязаны к египетской организации.

В основе учения мусульманский путь развития и так называемая исламская демократия, а конечная цель – возврат к мусульманскому праву, основанному на Коране, Сунне и шариате, для создания исламского государства и воссоединения всех мусульман мира. Часть этой программы охватывает и территорию Российской Федерации, в частности республики Северного Кавказа и др. для создания «всемирного халифата».

В современном мире остро стоят вопросы и проблемы национализма и ислама, в том числе и учение «Братьев-мусульман» включает сферу соотношения ислама и национализма.

Отметим еще один важный аспект. Хасаном аль-Банной разработана «теория национализма ислама» (каумият аль-ислам) в противовес концепциям «мусульманского национализма». Национализм ислама опирался на три следующие принципа, а именно: вера в Аллаха; гуманизм; аламийу (всемирность).

Идеология, пропагандирующая национальный экстремизм, исходит из искаженной интерпретации права наций на самоопределение[2]. Формы национализма необходимы только на первом

[1] Братья-мусульмане в России / Новости СНГ. URL: http://novostink.ru/sng/33172-bratya-musulmane-v-rossii.html#ixzz2oTcvHRNK/2013/

[2] См.: *Марченко Г.В.* Какую Россию мы обретаем // Полис. 1995. № 2. С. 157.

этапе борьбы мусульманских народов за независимость от колониализма Запада. Второй этап – достижение арабского единства, третий этап – образование федерации мусульманских государств и четвертый – унитарная религиозно-политическая общность в духе «мединской» общины в планетарном масштабе.

Особенность, выделяемая учеными, занимающимися этими проблемами, состоит в том, что в существующих вариантах соотношения ислама и национализма, приверженность исламским ценностям остается неизменной, в том числе и идея общеисламского единства, что определяет специфику «мусульманского национализма» и, соответственно, особенность понимания «нации» в исламском мире, не сводимой к европейским коннотациям этого понятия.

Основатель идей панисламизма Джамал ад-Дина ал-Афгани отстаивал тезис о том, что вероисповедная общность людей создает наиболее прочные связи между ними: «мусульманин отвергает всякую иную асабию (приверженность), кроме уз, которые связывают единоверцев»[1].

Немаловажную роль в современном мире играет тот факт, что в декларации «Наш призыв» 1945 г. ислам объявлен уникальным и универсальным общественным порядком, определяющим человеческую жизнь, а также отмечено, что ислам вбирает в себя нации, как общество вбирает семьи своих граждан (в 40-х гг. XX века движение «Братья-мусульмане» насчитывало свыше 5 тыс. отделений во многих странах).

Последователи этого религиозного направления принимали участие в боевых действиях как самостоятельная боевая единица в Палестинской войне в 1948 г., а именно, совершили теракты, объясняя это тем, что правительство в войне с Израилем проявляло пассивную роль.

В 1954 г. деятельность «Братьев-мусульман» в Египте была запрещена после неудачного покушения на президента страны Г. Абдель Насера, а в результате этого принят закон о запрете деятельности организации, но это не помешало им принять участие в парламентских выборах при отсутствии легального статуса. При этом «Братья-мусульмане» выступали в блоке с либеральной

[1] См.: *Шаповал Ю.В.* Ислам и национализм: конфронтация или возможность взаимодействия? М., 2010.

партией «Новый Вафд» и таким образом в Народном собрании Египта оказались восемь кандидатов их представителей.

На выборах 1987 г. «Братья-мусульмане» баллотировались уже в союзе с оппонентами «Нового Вафда» – Либерально-социалистической партией (ЛСП) и Социалистической партией труда (СПТ), объединившимися в «Исламский альянс». Кандидатам от «Братьев-мусульман» досталось 37 мест[1].

На выборах в парламент Египта в 2005 г. кандидаты от «Братьев-мусульман», участвовавшие в выборах как независимые, получили 88 мест (20% состава парламента), – наибольшую по численности оппозиционную фракцию. В ноябре 2010 г. «Братья-мусульмане» получили гораздо меньший процент голосов, но в июне 2012 г. представитель движения М. Мурси победил на египетских президентских выборах и стал президентом страны (в настоящее время осужден).

Кроме того, сторонники «Братьев-мусульман» причастны к убийствам политиков и журналистов в Египте и за рубежом: «это люди, хотя и одеты часто в костюмы и галстуки, но носят в своем сердце идеи, под флагом которых взрывают мирных жителей в разных странах», – так еще в 2011 г. высказался исламовед, мусульманский журналист Ю. Ибрагимов[2].

Постепенно деятельность «Братьев-мусульман» распространилась за пределы Египта и стала влиять на палестинское движение ФАТХ. В настоящее время общество «Братьев-мусульман» представляет разветвленную международную сеть и не только в мусульманских странах. В некоторых исламских государствах их политическая деятельность легализована, ими используется либеральное законодательство разных государств. Общество «Братьев-мусульман» применяет новые методы для расширения своей деятельности и сферы влияния, например, образовали Исламский фронт (Аль-Джабха аль-ислямийя) совместно с Партией исламского освобождения и рядом независимых религиозных деятелей.

В июле 1980 г. Народное собрание Сирии приняло закон о смертной казни за принадлежность к организации «Братья-

[1] *Кудрявцев А.* Египетские исламисты: кто они? // Le Monde Diplomatique (русское издание). 2006. С. 17.

[2] Reuters/InterRight/fourredbullsaday.blogspot.com. 2013.

мусульмане». Закон предусматривал мораторий в 60 дней, в течение которого члены организации могли сдаться властям без риска быть казненными, что и сделало примерно 800 человек.

В конце 1980 г. на конгрессе в ФРГ в руководстве общества «Братьев-мусульман» произошел раскол. Меньшая часть, возглавляемая лидером сирийского «братства» Исамом аль-Аттаром, выступила за продолжение борьбы «законными методами», имея в виду методы политические. Большая часть руководства, представлявшая так называемых внутренних братьев-мусульман (действующих непосредственно внутри страны в отличие от «внешних», обосновавшихся в некоторых арабских, а также западноевропейских странах), заявила о готовности продолжать борьбу с использованием террористических и других экстремистских форм[1].

В Иордании это движение проявилось в середине 1980-х гг. в период правления короля Хусейна, но влияние их было незначительным, наиболее активными они становятся с 2011 г. и выдвигают предложения по реформированию политической системы страны, количество их сторонников увеличивается за счет политизации ислама.

Руководители движения «Братья-мусульмане» создали органы управления в мировом масштабе, в частности, Учредительный комитет боевые национальные филиалы (Tanzim), также у них есть служба безопасности. Общая численность национальных филиалов оценивается в десятки тысяч членов. Децентрализованные национальные региональные филиалы группировки движения действуют более чем в 50 странах под прикрытием статуса неправительственных организаций, религиозно-просветительских, благотворительных и финансовых структур.

Исламская экстремистская организация Аль-Каида известна по всему миру и представляет собой международную организацию с разветвленной сетью во многих государствах.

Организация и проведение терактов, создание новых исламских радикальных образований ведутся непрерывно, в том числе и на территории России, а на смену одним лидерам быстро приходят уже хорошо подготовленные другие и этот процесс пока не удается остановить.

[1] Reuters/InterRight/fourredbullsaday.blogspot.com. 2013.

Как показывает практика, недостаточно запретить. Современная ситуация требует выработки механизма противодействия их деятельности, представляющей угрозу национальной безопасности. Примеры известных терактов, ответственность за которые взяли на себя представители Аль-Каида, многочисленны.

Сторонники, поддерживающие радикальные исламские воззрения, находятся и в США, и в Европе, и в Азии, где создаются группировки, подчиняющиеся Аль-Каиде. Так, в Европе действует известные «Бригады Абу Хафс Аль-Масри» (Abu Hafs Al Masri brigades), являющиеся ячейкой Аль-Каиды[1] и взявшие ответственность за большинство терактов, организованных Аль-Каидой в Европе за последние годы.

Группировка названа в честь Абу Хафса – египтянина, одного из ключевых членов «Египетского Исламского Джихада». Он вместе с Усамой бен Ладеном воевал в Афганистане в начале 1980-х гг., контролировал вопросы безопасности, так как в прошлом был полицейским. 16.11.2001 он погиб от американской ракеты под Кабулом. За десять месяцев до этого Усама бен Ладен называл его в качестве возможного преемника на случай своей гибели.

Бригады Абу Хафс Аль-Масри провели известные теракты в Лондоне и Мадриде. Неоднократно в их заявлениях были угрозы проведения терактов в Дании, Италии. Террористическая деятельность Аль-Каиды связана с исламскими повстанцами – радикалами, ведущими борьбу в разных странах мира. Боевики этой радикальной организации участвовали в террористических актах, провоцировали конфликты на территории Индии, странах СНГ, бывшей Югославии, в Афганистане, Алжире, Боснии, Эритрее, Косово, Пакистане, Сомали и Йемене.

Аль-Каида в Исламском Магрибе (Al-Qaeda in the Islamic Maghreb), распространена в Алжире, раньше называлась «Салафитская группа проповеди и джихада» (Groupe Salafite pour la). Лидером этой организации является Абу Мусаб Абдель Вадуд. Под названием «Салафитской группы проповеди и джихада» была создана в 1996 г. Основателем группировки стал эмир Хасан Хаттаб, убитый летом 2003 г. Затем организацию возглавлял Набиль аш-Шахрауи, ликвидированный 18.06.2004 в ходе операции

[1] AlJazeera.Net Profile: Abu Hafs al-Masr

алжирской армии. Его сменил Абу Мусаб Абдель Вадуд, ведущий активную экстремистскую (террористическую) деятельность.

Данная организация активно пытается добиться от официальных властей провозглашения Алжира клерикальным государством. Примечательно и то, что в группу входят также алжирцы, проживающие в Европе.

В сентябре 2006 г. Айман аль-Завахири сообщил об официальном присоединении его группировки к Аль-Каиде. Уже на следующий день эмир GSPC Абу Мусаб Абд аль-Вадуд опубликовал ответное письмо, в котором заверил Усаму бен Ладена в своей преданности и готовности следовать за ним вплоть до мученической смерти. «Главное, – продолжил он, – мы полностью доверяем вере, доктрине, методу и образу действий ее членов, руководителей и духовных наставников». С этого времени организация получила новое название – «Аль-Каида в Исламском Магрибе»[1].

Аль-Каида в Ираке – создатель этой группировки – Абу Мусаб аз-Заркави. В 2004 г. эта группировка присоединилась к Аль-Каиде. Принято считать, что группа состоит из джихадистов из других стран, а также членов курдской группы «Ансар аль-Ислам» и иракцев-суннитов[2].

Для объединения исламских радикальных сил мирового масштаба в 2006 г. создан Консультативный совет моджахедов (Mujahedeen Shura Council), в который вошли боевые ячейки следующих организаций: «Аль-Каида в Ираке», «Джаиш Аль-Таифа Аль-Мансура», «Ансар Аль-Тавхид», «Аль-Гхураба», «Аль Джихад Аль Ислами», «Бригады Аль-Ахва» и др.

Аль-Каида в США придумала новый способ в виде экономического джихада, к чему призывает один из лидеров Аль-Каиды Айман аль-Завахири. Смысл состоит в том, чтобы подорвать экономику США при помощи мелких терактов в этой стране, а именно: вырабатывается новый план действий экстремистов, в который входит совершение небольших диверсий и терактов, наподобие взрывов на Бостонском марафоне. Их будут осуществлять как отдельные «братья», так и небольшие группы

[1] URL: http://studies.agentura.ru/to/GSPC/2014
[2] URL: http://studies.agentura.ru/to/alqaedairaq/2015

«аль-каидовцев». В результате новой тактики исламистов правительство США вынуждено усиливать меры безопасности и тратить на это все новые и новые миллиарды долларов. Такой проект Аль-Каиды рассчитан на долгосрочный период и возможно применяется не только к США, но и к другим странам мира.

Аль-Каида участвует одновременно в множестве конфликтов по всему миру, что позволяет сделать выводы о широкой сети этой организации и ее влиянии в разных странах мира, используя интернет-сайты. Имеется информация, что Аль-Каида запустила онлайн-журнал для пропаганды на английском языке своих убеждений, что, по мнению специалистов, поможет им вербовать единомышленников в США, Европе и др.

Журнал под названием Inspire («Вдохновляй») призывает и поощряет единомышленников сделать свой вклад, прислав статью, оставив комментарий или рекомендацию. На страницах самого онлайн-журнала в числе публикаций, например, статья под названием «Сделай бомбу на кухне мамы»[1].

Используя разнообразные методы, численность последователей растет, а их деятельность принимает разные формы. Так, в Йемене группировка Аль-Каиды противостоит правительству страны, в Сирии – борется с алавитским режимом и курдами, в Мали – противостоит правительству и туарегам, в Ираке – организует противостояние шиитскому правительству Нури аль-Малики.

Исламское экстремистское движение «Талибан» признанно Советом Безопасности ООН террористической организацией. Главный девиз талибов: «Нет никого, достойного поклонения, кроме Аллаха, а Мухаммед – его раб и посланник». В переводе с арабского языка طالبـــان талибы – послушники, ученики мусульманских школ. Как исламистское движение Талибан возникло в Афганистане в 1996 г. и правило по 2001 г. как «Исламский Эмират Афганистан», а в регионе Вазиристан (север Пакистана) – как «Исламское государство Вазиристан» с 2004 г. Лидерами движения признаны Мохаммад Омар и Абдул Гани Барадар.

М. Омар – основатель «Талибан» – с 1996 по 2001 г. возглавлял Высший совет Афганистана. Сотрудники правоохрани-

[1] *Касьяненко А.М.* Правовые проблемы использования интернета в транснациональном терроризме // Информационное право. 2012. № 1.

тельных органов США разыскивали его за причастность к укрывательству международного террориста Усамы бен Ладена и других членов Аль-Каиды[1], а в 1996 г. талибы нарекли его «командиром правоверных», и с политической точки зрения это был удачный ход, так как в результате движение получило единого лидера. Известно, что приход к власти в Афганистане талибов частично финансировал сам Усама бен Ладен, из чего следует, что связь Талибана и Аль-Каиды тесная и не исключены их совместные действия при организации и проведении терактов во многих странах мира.

Можно прогнозировать, что в будущем подобного рода экстремистские организации будут объединяться в одну для достижения своей фанатичной цели – построения мирового халифата.

Террористическая религиозная группировка «Исламское государство» (далее – ИГ), имеющая связи с Аль-Каидой, набрала наибольшую силу во время действий на территории Сирии, где ИГ воевала против правительственных сил и приобрела «славу» одной из самых жестоких. Однако в 2014 г. группировка резко активизировала свою деятельность и в Ираке. Воспользовавшись недовольством иракских суннитов политикой Багдада, ИГ развернула массированное наступление на северные и северо-западные провинции Ирака и захватила обширные территории, где объявила о создании так называемого исламского халифата.

Подобного развития ситуации можно было бы избежать, если бы на международной арене принципиальную и последовательную линию России поддержали другие страны. Эта линия выстраивается при четком соблюдении принципов уважения суверенитета и независимости иностранных государств – членов ООН и невмешательства в их внутренние дела. Создается впечатление, что только Россией осуждаются действия, представляющие собой нарушение этих основополагающих принципов, а сохранение и поддержание международной стабильности и безопасности, противодействие распространению терроризма и экстремизма в любых формах вне зависимости от национальной и религиозной окраски стали приоритетами только российской внешней политики.

[1] URL: http://www.lenta.ru

Впрочем, ситуация постепенно начинает меняться, о чем свидетельствует Резолюция 2178 (2014), принятая Советом Безопасности ООН 24.09.2014, в которой выражена озабоченность, что такие организации, как «Исламское государство Ирака и Леванта» (далее – ИГИЛ), Фронт «Ан-Нусра» (ФАН) и другие ячейки, филиалы, отколовшиеся группы или ответвления Аль-Каиды, занимаются вербовкой иностранных боевиков-террористов и вовлекают их в свои ряды. В связи с этим подчеркнута необходимость устранения той конкретной угрозы[1].

С момента начала сирийского кризиса в марте 2011 г. Россия последовательно проводит линию на его мирное урегулирование самими сирийцами через диалог, без иностранного силового вмешательства. В своих политических подходах и практических шагах на сирийском направлении мы строго придерживаемся норм и принципов международного права, опирающегося на Устав ООН. В глобальном плане такая линия направлена на предотвращение изменения существующего миропорядка, позволяющего поддерживать международный мир и безопасность, нормальные межгосударственные отношения.

В рамках реализации этой линии Российская Федерация трижды (в октябре 2011 г., феврале и августе 2012 г.) совместно с КНР использовала право вето в Совете Безопасности ООН с целью предотвращения принятия резолюций, которые открывали бы путь к международной узаконенной внешней агрессии против Сирии.

Несмотря на российские усилия, к лету 2011 г. развитие событий в Сирии вылилось в вооруженное противостояние между Правительством САР и незаконными вооруженными формированиями (далее – НВФ), получающими политическую, информационную и материальную поддержку извне, в том числе в форме поставок вооружений, содействия в вербовке, обучении и переброске иностранных боевиков, численность которых к началу 2014 г., по различным оценкам, доходила до 20 тыс. человек. По сведениям

[1] См.: Official Documents System of the United Nations. URL: http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N14/548/01/PDF/N1454801.pdf?OpenElement (дата обращения: 22.10.2104).

из официальных сирийских источников, в их числе граждане свыше 80 государств, включая Российскую Федерацию[1].

В Интернете поддерживается несколько русскоязычных сайтов, на которых регулярно размещается информация о деятельности в Сирии русскоязычных боевиков. Это, в частности, fisyria.com. Кроме того, сирийская тематика широко освещается на сайте «Кавказ Центр».

На начальных этапах внутреннего вооруженного конфликта в САР большая часть разнородных и не имеющих общего командования НВФ группировалась вокруг так называемой Сирийской свободной армии – «зонтичной» структуры, руководство которой поддерживало связи с крупнейшими объединениями зарубежной сирийской оппозиции (Сирийский национальный совет, Национальная коалиция сил сирийской революции и оппозиции) и имело непосредственное отношение к распределению различного рода помощи, поступавшей от зарубежных спонсоров.

Впоследствии, однако, влияние Сирийской свободной армии на НВФ заметно сократилось. Осенью 2013 г. большое число крупных группировок боевиков объявило о своем разрыве с ней и создании нескольких альянсов, которые в ноябре 2013 г. объединились в так называемый Исламский фронт.

К настоящему моменту наиболее боеспособными и организованными силами среди антиправительственных НВФ являются отряды, выступающие под экстремистскими лозунгами, в том числе не скрывающие своих связей с Аль-Каидой и ее лидером А. Завахири. К ним относятся: Джабхат Ан-Нусра, ИГ, Джунд Аш-Шам, а также группировки, вошедшие в Исламский фронт. Идейную базу этих организаций составляет воинствующий исламизм, предполагающий необходимость борьбы («джихад») за создание всемирного «Халифата» или установление радикальных исламских порядков на территории отдельно взятых государств и регионов, в данном случае – Сирии и Ирака. Основа их кадрового состава представлена иностранными «джихадистами» и сирийскими сторонниками радикальных течений в исламе, прежде всего, местного отделения ассоциации «Братья-мусульмане».

[1] Так, в боевых действиях в Сирии и Ираке на стороне «Исламского государства» в настоящий момент принимают участие свыше 200 жителей Поволжья (*Петров И.* Директор ФСБ назвал число воюющих за «ИГ» жителей Поволжья». URL: http://www.rg.ru/2015/06/16/ig-site.html).

В течение 2015 г. Ближний Восток стремительно погружается в новую реальность. Локальные «арабские революции» перерастают в полномасштабную войну на огромной территории со множеством участников, цели которых иногда более актуальны для XIII, чем для XXI века. Многие эксперты считают, что после взятия Мосула, второго по величине города Ирака, террористическая организация «ИГ» очень близко подошла к реализации главного пункта своей программы – созданию халифата, территория которого будет простираться от Средиземноморья до иранских гор Загрос. Во всяком случае представитель ИГ по связям с прессой шейх аль-Аднани провозгласил в первый день Рамадана (29 июня 2014 г.) о восстановление Исламского Халифата.

Иракский кризис втягивает в себя все новых политических игроков – и целые страны, и мощные военизированные организации. Какие угрозы и риски несет в себе новая геополитическая ситуация как странам региона, так и глобальному миру? Ответ на этот вопрос можно искать в контексте рассмотрения ИГ как угрозообразующего элемента. Не менее важно для нас понять: как и почему это произошло, а также чем может обернуться его развитие в контексте угроз национальным интересам России.

Оценку ситуации дают специалисты и эксперты разных стран и научных специальностей. Разброс мнений и суждений о причинах сегодняшних событий значительный. Порой их генезис пытаются представить «как неизбежный результат эволюции потрясений, которая имеет целый ряд различных составляющих». Например, по мнению Г. Киссинджера, появление ИГ является переворотом против законной власти, который вызван расколом между шиитскими и суннитскими толкованиями религии и сектами. Это также «революция против искусственной государственной системы, которая была навязана Ближнему Востоку после Первой мировой войны»[1].

С другой стороны, создается ощущение, что некоторые международные политические силы на Западе решили действовать

[1] URL: http://news.mail.ru/politics/19534977/?frommail=1 (дата обращения: 03.09.2014). Напомним, что Генри Киссинджер – это американский государственный деятель, эксперт в области международных отношений и дипломат. В 1970-е гг. занимал пост госсекретаря США, один из авторов политики разрядки в отношениях с СССР. На протяжении последних десятилетий Киссинджер – один из наиболее влиятельных экспертов в вопросах внешней политики США.

в рамках эсхатологического сценария, описанного в христианских и особенно исламских источниках[1]. Подобное впечатление создается, когда отслеживаешь маршрут и регионы, где вдруг возникают воинствующие религиозные группировки, которые, по мановению волшебной палочки, могут за ночь захватить половину Ирака или сделать революцию на Востоке, там, где видимо по западным меркам «слишком долго» существует относительная стабильность. Однозначно было ясно, что проект «Большого Ближнего Востока», стартовавший вместе с арабской весной, будет иметь свое продолжение.

Не менее важны в системе детерминаций событий на Ближнем Востоке следующие обстоятельства: в 2008–2013 гг. военные расходы стран – членов НАТО стагнировали, а наиболее пострадавшие от финансового кризиса государства и вовсе серьезно их сократили. Это стало сказываться на возможностях альянса. До конфликта в Украине (с которым возник лозунг защиты Европы от России) и перехода ИГ к активной фазе наступления, казалось, что каких-то выраженных задач у НАТО не осталось. Теперь многие оборонные программы, которые были ранее заморожены или приостановлены, реанимированы. Все потому, что возникла возможность убедить мировую общественность в существовании угроз, на которые нужно тратить деньги. В опубликованных материалах Центрального военного командования США говорится, что американское оборонное ведомство с июня по сентябрь 2014 г. потратило на военные операции против ИГ 1,1 млрд долл.[2]

Получается, если «арабская весна» была своего рода репетицией, то более серьезными шагами по геополитическому взлому Ближнего Востока и соседних регионов стало появление ИГ. Подобный новый формат террористических боевых организаций, позволяет мобильно и точечно добиваться поставленных целей, быстро захватывать богатые углеводородами и важными транзитными путями регионы стран Востока.

Не без оснований некоторые эксперты считают, что захват иракских территорий со стороны ИГ стал следствием провала плана по свержению Б. Асада в Сирии. Возможно, это и так, но последние события свидетельствуют, что ИГ после Ирака вновь

[1] Эсхатология – система религиозных представлений о конце света.
[2] URL: http://news.mail.ru/politics/19534977/?frommail=1 (дата обращения: 03.09.2014).

перебросил свои силы в Сирию и готов к интервенции против любой соседней страны, куда распространяются интересы Запада. При этом симптоматично, что ИГ всячески способствует укреплению и расширению курдского политического фактора в регионе, что тоже – часть плана Запада, заинтересованного в создании курдского государства на территории Сирии, Ирака, Турции и Ирана.

Одно ясно, что ИГ и подобные им террористические организации выполняют некий план по созданию хаоса, кровопролития и сокращения населения стран мусульманского Востока, поскольку они воюют и убивают преимущественно мусульманское население. Естественно, что организации, подобные ИГ, таят в себе опасность и для государств, имеющих общую границу с Россией, в частности для Азербайджана – важного энергетического и транзитного игрока в регионе. Как представляется, на данном этапе задача подобных организаций состоит в вовлечении Турции и Ирана в хаос (в проекте «Большого Ближнего Востока»), поэтому для Азербайджана прямой угрозы пока не существует[1].

В среднесрочной перспективе религиозно-гражданские войны в Ираке, Сирии, возможно, в других регионах будут еще очень долго продуцировать сами себя, поэтому ни сунниты, ни шииты, ни арабские монархии, ни Тегеран с «Хизбаллой» выгодополучателями от погружения Ближнего Востока в хаос не станут. Локальные победы и поражения всех участников конфликтов приведут только к их взаимному ослаблению. США также мало что выиграют от развития такого сценария, потому что управлять хаосом, во-первых, очень дорого, а во-вторых, крайне проблематично, потому что в подобный менеджмент уже заложены системные сбои. Понимание этого вынуждают политиков США заручаться поддержкой стран Юго-Восточной и Центральной Азии в борьбе с ИГ. Так, Госсекретарь США Джон Керри на

[1] Впрочем, некоторыми экспертами высказывается и другое мнение. В частности, обращается внимание на то, что Азербайджан, при определенных обстоятельствах, может «стать добычей» боевиков, которые в этом случае не преминут воспользоваться вооружением, закупленным Ильхамом Алиевым и своим «кадровым резервом» в различных районах с тем, чтобы продолжить продвижение дальше. На первой линии огня, естественно, будут два христианских государства Южного Кавказа: Грузия и Армения (см. подробнее: *Степанов А.* «Исламское государство Ирака и Леванта» угрожает безопасности Южного Кавказа. URL: http://www.kavkazoved.info/news/2014/06/30/iraq-igil-ugrozhaet-bezopasnosti-uzhnogo-kavkaza.html (дата обращения: 23.10.2014).

инаугурации нового президента Индонезии в Джакарте призвал представителей Брунея, Малайзии, Филиппин, Сингапура и Австралии препятствовать набору новобранцев в ИГ и блокировать каналы их финансирования[1].

Очевидными бенефициариями могут стать курды, которые свою фактическую независимость смогут подкрепить финансово за счет дивидендов, полученных от захвата нефтеносного Киркука с его развитой инфраструктурой. Впрочем, курды уже самостоятельно продают нефть, и ее след обнаружен не только в Европе, но и в США, хотя Вашингтон и поддержал требование Багдада бойкотировать курдский нефтяной экспорт.

Кстати, в Израиль ушел вовсе не первый танкер с курдской нефтью, как об этом недавно писали СМИ. Тот факт, что североиракская нефть не однажды поступала в порты Ашкелона и Хайфы, – для специалистов всего лишь секрет Полишинеля. К провозглашению независимости курдов будут подталкивать разные силы, особенно Израиль с учетом его «теплых отношений» с Турцией. И появление независимого Курдистана с сильной 120-тысячной армией («Пешмерга» – идущие на смерть) станет вызовом и для Анкары, и для Тегерана, Дамаска, Багдада.

Среди бенефициариев нового витка конфликта не последней может оказаться Россия, которая уже стала продавать оружие правительству аль-Малики. Для нее, как и для Азербайджана, Казахстана и других экспортеров углеводородов, стало ясно, что Запад не сможет обрушить нефтяные индексы. Цены на баррель в 2015 г. будут выше ожидаемых, а ведь за счет их роста Россия и сможет удачно компенсировать санкционные потери, чего очень не хотят США и их сателлиты. Но и европейцам придется позабыть о поставках дешевого газа по гипотетическим газопроводам «Иран – Ирак – Сирия» или «Катар − Саудовская Аравия – Иордания – Сирия – Турция». Их сооружение придется надолго отложить.

Но ближневосточная проблема заключается не только в наступившем кровавом хаосе и, тем более, не в чьей-то выгоде. События на Ближнем Востоке сначала потеряли возможность внут-

[1] См.: *Панфилова В.* Экстремисты могут взорвать Среднюю Азию. На стороне «Исламского государства» воюют тысячи боевиков из бывших советских республик // Независимая газ. 2014. 21 окт.

реннего, а теперь и внешнего управления. При этом спонтанность и непредсказуемость развития событий опасны сами по себе.

Действующие на территории Сирии и Ирака НВФ активно прибегают к террористическим актам, в результате которых гибнут мирные граждане, совершают диверсии против объектов жизнеобеспечения и социально-экономической инфраструктуры. Например, за время вооруженного конфликта в Сирии, по оценкам ООН, погибло более 100 тыс. человек. Около 6 млн сирийцев стали временно перемещенными лицами. Число покинувших страну из-за военного конфликта превысило 3 млн человек[1].

Объем ВВП Сирии, который в 2011 г. составлял 56,7 млрд долл. США, в 2012 г. оценочно снизился на 20%, а в 2013 г. – на 45% от «довоенного» объема. Промышленное производство и экспорт сократились на 80%. Остановка производства и разрыв хозяйственных связей привели к потере порядка 3 млн рабочих мест.

На контролируемых боевиками территориях применяется практика шариатского судопроизводства, вводятся многочисленные запреты бытового характера, в том числе на пользование сетью Интернет, прослушивание музыки, производятся публичные казни и физические наказания. Подобного рода деятельность приводит к вытеснению из этих районов представителей этнических и конфессиональных меньшинств (христиан, алавитов, друзов, курдов), против которых проводятся акции устрашения.

Так, в ходе организованного совместного рейда ряда НВФ[2], как относившихся к «Сирийской свободной армии», так и исламистских, в провинции Латакия в августе 2013 г., по свидетельству проводившей расследование международной правозащитной организации «Хьюман Райтс Вотч», было убито не менее 190 мирных жителей, включая 43 женщин, детей и стариков, на основании их принадлежности к алавитам[3]. Многие перед смертью были подвергнуты пыткам и физическому насилию. По меньшей мере, 200 человек было взято в заложники (в основном женщины

[1] См.: ООН: Сирию покинули 3 млн беженцев. URL: http://ru.euronews.com/2014/08/29/-syrian-exodus-reaches-3-million-un/ (дата обращения: 23.10.2014).

[2] В их числе помимо ИГИЛ еще порядка 20 экстремистских организаций (Джабхат Ан-Нусра, Джейш Аль-Мухаджирин-валь-Ансар, Сукур Аль-Ыз и др.).

[3] Так, по сообщению источника из Национального госпиталя г. Латакии, в период с 4 по 18 августа 2013 г. в госпиталь было доставлено 205 трупов мирных жителей.

и дети). Схожие преступления совершались боевиками в г. Адра близ Дамаска, Садад (провинция Хомс) и других местах. Имели место многочисленные осквернения, поджоги и разрушения христианских храмов, в частности, в городах Ракка, Хомс, Маалюля, а также намеренное уничтожение памятников культуры. За отказ принять ислам мужчинам-христианам предписано платить джизью (подушную подать).

За время конфликта в Сирии боевиками НВФ неоднократно совершались действия насильственного характера в отношении российских граждан, в частности, в июле 2012 г. был захвачен в заложники С. Кошкин, освобожден в результате спецоперации сирийских военных 27 июля 2012 г. Затем в сентябре 2012 г. работавшие по частным контрактам В. Горелов и А. Хассун также были захвачены боевиками, освобождены 3 февраля 2013 г. в результате обмена на плененных. В начале октября 2013 г. группировкой «Лива Ат-Таухид» (входящей в настоящее время в «Исламский фронт») захвачен К. Журавлев, а в этот же период появилась информация о захвате С. Горбунова.

К моменту начала внутреннего вооруженного конфликта в Сирии численность граждан России, включая лиц с двойным гражданством, на территории этой страны оценивалась МИД России приблизительно в 30 тыс. человек. В феврале 2014 г. на консульском учете в Посольстве России в Дамаске и Генконсульстве России в Алеппо (временно приостановило работу в январе 2013 г.) состояло 7926 человек. За время конфликта рейсами МЧС России на безвозмездной основе был вывезен 951 гражданин Российской Федерации и других государств. Известно о гибели нескольких лиц, имевших двойное гражданство России и Сирии.

Неоднократно минометному обстрелу со стороны боевиков подвергались Посольство России в Дамаске и Генконсульство в Алеппо. В результате устроенного экстремистами взрыва автомобиля в прилегающем к посольству районе 21.02.2013 всему комплексу зданий дипмиссии был нанесен значительный материальный ущерб. В ходе минометного обстрела 28 ноября 2013 г. один из сотрудников Посольства получил ранение. В январе 2013 г. деятельность Генконсульства России в Алеппо была временно приостановлена, а сотрудники вывезены в Дамаск при содействии сирийских военных.

Ряд представителей сирийской оппозиции, включая «Сирийскую свободную армию»[1] и «Национальную коалицию сил сирийской революции и оппозиции»[2], делали заявления о том, что российские граждане являются «законными целями для боевиков в Сирии», а также высказывались угрозы «сбивать российские самолеты в воздушном пространстве Сирии»[3] и «осуществить силовую акцию» против Пункта материально-технического обеспечения ВМФ России в г. Тартусе.

Продолжающийся вооруженный конфликт приводит к значительным экономическим потерям работавших на сирийском рынке российских эконом-операторов. Так, в 2012 г. под влиянием нестабильности двусторонний товарооборот сократился до одной трети показателя 2011 г. (1,968 млрд долл. США) и составил менее 500 млн долл. США.

По данным ФТС России, объем двустороннего товарооборота с января по июль 2013 г. составил 241,1 млн долл. США (за аналогичный период 2012 г. – 478 млн долл. США). Из страны полностью или частично выведен персонал российских компаний: «Татнефть», «Стройтрансгаз», «Корпорация Уралтехнострой», «Совинтервод» и др., несущих серьезные убытки.

Перспективу победы антиправительственных сил во внутреннем вооруженном конфликте в Сирии эксперты расценивают как крайне неблагоприятную для международного и регионального мира с учетом возможного в данном случае создания в этой стране плацдарма международного терроризма и экстремизма с

---

[1] В декабре 2012 г. «Сирийская свободная армия» в опубликованном в Интернете видеообращении заявила: «Посольство Украины, посольство России, граждане этих стран, а также иранцы отныне будут добычей и целью для всех наших сил. Мы призываем не выпускать ни украинца, ни русского, ни иранца живыми из Сирии».

[2] 19.12.2012 член «Национальной коалиции сил сирийской революции и оппозиции» Хейсам Аль-Малех заявил в интервью катарскому спутниковому телеканалу «Аль-Джазира»: «Россия, как и Иран, поддерживает режим Асада оружием и боеприпасами, а также на политической арене, поэтому граждане этих стран – законные цели для боевиков в Сирии».

[3] 28.02.2013 Росавиация направила рекомендации российским авиакомпаниям не использовать воздушное пространство Сирии для полетов. 29.04.2013 самолет российской авиакомпании «NordWind Airlines» подвергся обстрелу над территорией Сирии. На борту самолета находились 159 человек и восемь членов экипажа. В целях обеспечения безопасности пассажиров и членов экипажей гражданских воздушных судов Российской Федерации 29.04.2013 Росавиация направила директиву о запрете использования воздушного пространства САР. Территориальным органам Росавиации поручено жестко контролировать исполнение директивы до особого указания.

негативными долгосрочными последствиями для национальных интересов России.

События октября 2014 г. по захвату экстремистами Кабани (Сирийский Курдистан) позволяют сделать неблагоприятный прогноз дальнейшей эскалации террористической угрозы на протяженном участке турецко-сирийской границы, связанный с организацией новых путей для трафика боевой силы и оружия[1].

Опосредованно события в Сирии и Ираке, имея транснациональный характер, представляют в своем развитии угрозу интересам национальной безопасности России, в том числе обусловленную организацией волнений в Крыму с использованием в этих целях исламских радикалов, находящихся на полуострове, и территории Украины. Об этом сообщает сразу несколько независимых источников[2]. Как заявил муфтий Центрального духовного управления мусульман Крыма (Таврического муфтията) Р. Саитвалиев, «в социальных сетях приверженцы крымских ваххабитов и «Хизб ут-Тахрир» призывают начать войну в Крыму». При этом отмечается, что на полуострове немало сторонников таких взглядов. Это означает, что угроза совершения терактов становится реальной. Вывод о том, что часть крымско-татарского населения в Крыму может постепенно «радикализироваться», а межэтническое противостояние нарастать, сделали специалисты Центра изучения национальных конфликтов, подготовивших карту напряженности в регионах России.

Об активизации радикальных сил в Крыму не раз заявлял уполномоченный президента Украины по делам крымско-татарского народа М. Джемилев. По сведениям экспертов, группы боевиков, сформированных из ранее воевавших в Сирии крымских татар, проходят обучение на одной из баз Службы безопасности Украины во Львовской области. В процессе диверсионных актов могут быть уничтожены важные объекты инфраструктуры (в частности, железнодорожные узлы и вокзалы). Все это, по замыслам радикальных сил, должно привести к вооруженному мятежу.

---

[1] См.: *Цилюрик Д.* «Исламское государство» под огнем воздушных танков // Независимая газ. 2014. 8 окт.

[2] URL: http://www.ng.ru/regions/2014-10-08/1_islamisty.html (дата обращения: 08.10.2014).

Сейчас на юге Украины действуют две основные базы вербовки боевиков из числа мусульман. Прежде всего, это так называемый Мусульманский культурный центр, расположенный в г. Днепропетровске. Второй вербовочный пункт действует в Геническе (Херсонская область). Там же расположен штаб крымско-татарского «Меджлиса в изгнании», лидеры которого недавно подписали с Коломойским Меморандум об объединении сил в борьбе за освобождение Крыма.

Антироссийские силы делают ставку и на переформирование разгромленного в Новороссии спецбатальона «Крым», который, как известно, был создан при финансовой поддержке Коломойского и укомплектован, в том числе, исламскими боевиками. Сейчас Коломойский финансирует пополнение батальона боевиками «Правого сектора». Перед батальоном поставлена новая задача – диверсии на территории Крымского федерального округа.

Все сказанное позволяет сформулировать следующие основные выводы.

Главным лидером по всем основным показателям террористической активности в начале XXI в. оставался Ирак – в основном в контексте вооруженного сопротивления американской военной интервенции 2003 г. и последующей оккупации страны силами США и их союзников, а также подконтрольному им иракскому правительству (так, в 2002 – 2011 гг. только на Ирак пришлось более трети всех погибших от терактов в мире)[1].

Однако к середине 2010-х гг. ведущим импульсом терроризма в регионе стала активизация радикально-исламистских группировок уже в новом, расширенном ирако-сирийском контексте и, прежде всего, движения ИГ. В условиях нового витка вооруженного конфликта в Ираке уже после вывода американских сил и развернувшейся в соседней Сирии полномасштабной гражданской войны трансграничный феномен ИГ стал даже более ярким примером регионализации повстанческо-террористического движения, претендующего на квазигосударственные функции, чем трансграничная активность вооруженных исламистов во главе с талибами в афгано-пакистанском контексте.

[1] Global Terrorism Index: Capturing the Impact of Terrorism in 2002–2011. Sydney; N. Y.: Institute for Economics and Peace, 2012. P. 12. URL: http://www.visionofhumanity.org/-sites/default/ files/2012_Global_Terrorism_Index_Report.pdf (дата обращения: 25.06.2015).

«Модернизация» Ближнего и Среднего Востока автоматически ведет к росту радикальных настроений на просторах Южного и Северного Кавказа, Средней Азии. Погружение Сирии, Ирака и Ирана в пучину управляемого хаоса только усилит в России решительность разного рода экстремистских группировок в осуществлении антигосударственной деятельности, в том числе в совершении преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства. Только эпицентром напряженности, видимо, будет на Кавказе не Чечня, а другие республики – Дагестан, Кабардино-Балкария.

Вступление России в антитеррористическую коалицию против ИГ означает «вызвать огонь на себя», чего, по всей видимости, и добиваются США. Кроме того, России придется оказывать помощь странам – участникам СНГ (Азербайджану, Казахстану, Узбекистану и другим республикам Средней Азии). По южному периметру границ Российской Федерации будет развязана изматывающая «мятежвойна» – террористические акты, диверсионные удары, «зачистки», рейды бандформирований, ликвидация банд и их лидеров. Поэтому на первый план выходит армейский спецназ, части ВДВ, группы спецназа ФСБ России и МВД России, точечные действия ВВС.

Одновременно с открытием фронта на Кавказе и в Средней Азии продолжит свою деятельность «пятая колонна». Она уже формируется, что видно по ее деятельности в поддержку Украины путем «маршей мира» и активизации антигосударственной риторики в медийном пространстве.

С каждым годом, по мере усиления психологической усталости людей, все новых потерь среди военнослужащих и сотрудников спецслужб, а также гибели мирных граждан, их позиции будут только усиливаться. «Пораженчество» станет мощной политической силой. Но Запад делает ставку не только на либералов, но и на радикальных националистов, которых планируется использовать в целях территориального расчленения России. В такой ситуации России нужно формировать свою внутреннюю политику, основанную на понимании того, что «бананово-оранжевые» революционеры и радикальные националисты всех мастей (от русских до чеченских, башкирских, татарских, даге-

станских и проч.), – это реальная угроза для национальной безопасности.

Международно-правовой аспект проблемы противодействия угрозе, исходящей от действий иностранных боевиков-террористов, которых вербуют или принимают в свои ряды ИГИЛ, ФАН и иные группы и организации террористической направленности, связан с реализацией Резолюции ООН 2178 (2014) от 24.09.2014.

Основная задача – разработка ненасильственных путей предупреждения и урегулирования конфликтов в целях снижения степени риска радикализации до уровня, порождающего терроризм. Это особенно актуально для российских регионов, наиболее подверженных экстремизму (Северный Кавказ, Поволжье).

Таким образом, современная уголовная политика должна строиться на основе универсальной контртеррористической стратегии, предусматривающей противодействие распространению идей насильственного радикализма и вербовке в ИГ боевиков из числа российских граждан.

Глава 2. Противодействие угрозам национальной безопасности Российской Федерации в условиях обострения внутриполитического кризиса на Украине

§ 1. Дестабилизация внутриполитической ситуации по сценарию «цветных революций» – угроза национальной безопасности России

Российская Федерация, с обилием ресурсов, промышленностью прошлого технологического уклада, незначительным, по сравнению с территорией, количеством населения и продолжающимся процессом реформирования во всех областях, представляет собой актуальную мишень для использования деструктивных технологий «цветных революций». Многие аналитики утверждают, что в современной России условия, необходимые для инспирирования «цветной революции», в основном сложились[1].

Происходящее в Украине, пожалуй, самая значимая победа Запада в войне против России со времен разрушения Советского Союза. Поэтому для обеспечения национальной безопасности России жизненно необходимо, чтобы этот крупный успех русофобских сил стал последним на постсоветском пространстве. Мы не должны себе позволить других таких поражений, иначе далее этот сценарий может быть реализован уже и внутри России.

О масштабах угрозы национальным интересам России говорит тот факт, что возможные способы и средства противодействия «мягкой силе» и «цветным революциям» обсуждались даже на форуме «Армия-2015». По итогам экспертной дискуссии, организатором которой была Военная академия Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации (ВАГШ), было констатировано: «цветные революции» обретают формы вооруженной борьбы и разрабатываются по правилам военного искусства, что не позволяет Министерству обороны оставаться в стороне от научных разработок. Кроме того, в выводах содержатся заключения об усилении попыток стран Запада навязывать другим народам «рецепты внутренних преобразований», не учитывающие их

[1] См., напр.: *Кара-Мурза С., Александров А., Мурашкин М., Телегин С.* На пороге «оранжевой» революции. М., 2008; *Ключник Р.* Оранжевые революции в России. М., 2012.

традиции и национальные особенности, долговременной дестабилизации в стране и регионе[1].

Один из экспертов, принявших участие в дискуссии, профессор кафедры МГУ Андрей Манойло утверждает, что опыт антитеррористических операций военного ведомства на Северном Кавказе ценен, поскольку «террористы и организаторы «цветных революций» используют схожие сетевые структуры». По его словам, если такая научно-исследовательская работа будет проводиться под эгидой Министерства обороны, гражданские эксперты готовы участвовать в ней наряду с военными специалистами и это было бы «оптимально», поскольку «цветные революции», по сути, элементы гибридных войн. Этим объясняется интерес Минобороны к важной теме.

Попытки внешних сил инспирировать в нашей стране сценарий, подобный украинскому кризису, вполне прогнозируемы. Не случайно тема нейтрализации угроз национальной безопасности России, сопряженных с реализацией различных сценариев по типу «цветных революций», неоднократно обсуждалась на заседаниях Совета Безопасности Российской Федерации.

В связи с этим противодействие таким технологиям необходимо и возможно при понимании их сущности и особенностей технологического построения.

Цветная революция – это обобщенное название нового типа политических технологий по смене политической власти. Цветными революциями чаще всего называют серию массовых уличных протестов населения, завершившихся сменой политического режима в ряде стран Восточной Европы, постсоветского пространства, Юго-Восточной Азии, Северной Африки без военного участия[2]. Принято считать, что в странах, переживших цветную революцию, режим управляемой демократии был заменен на публичную демократию. Как правило, в этих странах также произошла смена правящих элит. Предпосылками для совершения цветных революций, как новых политических технологий обусловлена, рядом обстоятельств:

[1] URL: https://news.mail.ru/politics/22446363/?frommail=1 (дата обращения: 24.06.2015).

[2] О распространенности и высокой «эффективности» указанных политтехнологий свидетельствует тот факт, что с 2000 по 2012 г. в результате «цветных» революций произошла смена правящих режимов в Югославии, Украине, Грузии, Киргизии, Молдавии, Египте, Ливии, Тунисе.

во-первых, после распада СССР и системы коллективной безопасности Варшавского договора у других стран появилась возможность активного вмешательства во внутренние дела бывших социалистических государств без риска спровоцировать глобальный конфликт;

во-вторых, для транснациональных монополий, являющихся истинными заказчиками геополитических трансформаций, корректировка местной политики в собственных интересах через цветные революции значительно дешевле, чем военные операции типа иракской;

в-третьих, в ходе развития пятого и шестого технологических укладов были созданы и получили глобальное развитие информационные и когнитивные технологии, позволяющие формировать в заданном формате цели, ценности, мотивации поведения как больших социальных групп, так и отдельных личностей в интересах заказчика и вне контроля со стороны суверенного государства;

в-четвертых, развитие глобального экономического кризиса и фактическая ликвидация моноцентрической модели политики, дали старт очередному этапу передела мира в рамках новой военной доктрины сетецентрических войн (Netwar), в которой цветные революции представляют собой ключевой компонент.

Можно по-разному оценивать организацию протестного движения в России периода 2011–2012 гг.: как попытку придания легитимности внесистемной оппозиции или использование протестов населения в целях смены политического режима в стране, но отрицать самого факта создания условий для недовольства властными структурами в указанный период уже нельзя. «Снежной революцией», или «мятежом хипстеров», например, назвала протестные выступления в России осени 2011 – весны 2012 гг. The Financial Times. Ее символом стала «белая ленточка» (по версии «Ленты.ру», «белая лента» была спонтанной идеей, появившейся и поддержанной в Рунете в ночь с 4 на 5 декабря 2011 г.). Причиной протестов послужили заявления о массовых фальсификациях на думских, а позже и президентских выборах, а также неизбежности сохранения власти правящей партии «Единая Россия» и Владимира Путина в наступавшем политическом цикле.

Не согласные с этим вышли на улицы под лозунгом «За честные выборы». Первое усиление протестных настроений относится к октябрю 2011 г. 24 сентября Президент Российской Федерации Д.А. Медведев предложил премьер-министру В.В. Путину выступить кандидатом на президентских выборах 2012 г. Путин принял предложение и заявил, что пост премьер-министра в случае победы предложит Д.А. Медведеву. 4 декабря 2011 г. в выборах в Госдуму участвовали 50,4% россиян. «Единая Россия» победила с 50,00% голосов, ближайшие преследователи – КПРФ – набрали 19,54%. 5 декабря оппозиция, заявившая о приписке единороссам 15% голосов, провела несанкционированные митинги с требованием пересмотра результатов выборов.

Крупнейшие митинги оппозиции состоялись в Москве на Чистых прудах (5 декабря, численность, по данным МВД России, составила 2 тыс. человек, по данным организаторов – 4 тыс. человек), на Болотной площади (10 декабря, до 25 тыс./до 150 тыс. человек) на проспекте Академика Сахарова (24 декабря, 29 тыс./120 тыс. человек). Ряд западных СМИ назвал митинг на Болотной площади «русской зимой», таким образом посчитав происходящее началом «оранжевой революции». При этом эксперты призывали не обращать внимания на относительную малочисленность митинга (на каирской площади Тахрир в начале восстания собрался 1 млн человек), уверяя, что для России и такое количество весьма существенно.

Кульминационный митинг на проспекте Академика Сахарова в Москве получил, впрочем, иные оценки зарубежных СМИ: он потерял сходство с «арабской весной». Так, журнал New Yorker отметил, что этот «протест был скорее фестивалем классического русского остроумия, чем чем-либо еще», а газета The Wall Street Journal резюмировала, что «это больше похоже на уличную вечеринку, чем на революцию».

Следующий всплеск митингов произошел в январе – марте 2012 г. При этом на митинги оппозиции организовывались провластные ответные митинги (прозванные оппозицией «путингами») в поддержку В.В. Путина. Инструментом обеспечения явки митингующих от партии власти стал административный ресурс, от оппозиции – спонтанно созданные и не сумевшие стать еди-

ным органом оргкомитеты, а также группы активистов в социальных сетях Интернета.

До выборов Президента Российской Федерации крупнейшие выступления зимы/весны 2012 г. прошли в Москве: 4 февраля на Поклонной горе (за В.В. Путина, около 128 тыс. около 50 тыс. человек) и на Болотной площади (оппозиция, 35–36 тыс. до 208 тыс. человек), 27 февраля в центре (акция оппозиции «Большое белое кольцо»). Многочисленные, но гораздо менее многолюдные митинги проходили и в городах по всей остальной России, в которых градус протестов, измеряемый соотношением участвующих в массовых мероприятиях граждан к общей численности населения города, был достаточно высоким: гг. Санкт-Петербург, Новосибирск, Томск, Екатеринбург, Псков, Архангельск, Петрозаводск и некоторые другие.

На президентских выборах в первом туре победил В.В. Путин (58,8% голосов). Сразу прошли митинги: 4–5 марта в г. Москве на Манежной площади (в поддержку В.В. Путина, 15 тыс. человек) и на Пушкинской площади (оппозиция, 14 тыс./20 тыс. человек), 10 марта на Новом Арбате (оппозиция, 10 тыс./25 тыс. человек), 24–25 марта в г. Санкт-Петербурге (оппозиция, менее 1 тыс./до 3 тыс. человек).

Оппозиция пообещала, что многолюдные митинги будут продолжаться. Оппозиционно настроенные митингующие, действительно, собирались в Москве и ряде других российских городов еще несколько раз, однако с каждым разом численность митингующих уменьшилась. Уже в марте 2012 г. протестная активность вернулась в свое обычное русло, в котором находилась до начала избирательного цикла, – т.е. когда на акции выходят по нескольку сотен человек[1]. Попытка организации цветной революции в России провалилась.

Деструктивные технологии «цветных» революций. С известной долей условности можно сказать, что «цветная» революция – это новый тип политических технологий по смене политической власти, в которых активно используются современные *социальные, когнитивные и информационные* технологии. Она имеет следующие основные «технологические» особенности:

[1] См. подробнее: *Новая* протестная волна: мифы и реальность: доклад Фонда развития гражданского общества. Декабрь 2012 г.

1. Революция происходит, как правило, не в авторитарных странах, а в полудемократических, где, с одной стороны, существует режим внешней власти, а с другой – оппозиция может пользоваться почти всеми возможностями открытого общества.

2. Главная политическая сила – не партии, а широкая коалиция неправительственных организаций, пользующихся зарубежной поддержкой.

3. В качестве ключевого момента захвата власти выступают выборы. Оппозиция заранее заявляет о своей победе, а любые другие данные объявляет фальсификацией.

4. Главный метод воздействия на действующую власть – массовые демонстрации в центре столицы, блокирование и захват ключевых правительственных зданий.

5. При декларировании «исключительно мирного и ненасильственного характера» отстранение от власти правящих элит осуществляется не только мирными, но и насильственными методами. Соблюдение прав требуется не в процессе событий, а после них – когда все произошедшее квалифицируется как правомерные действия. Во время «революционных» действий оппозиция смело идет на нарушение закона. Но при этом на начальном этапе практически не применяется физическое насилие и не используется оружие.

6. Ключевая роль внешних сил состоит в следующем. Они:

обеспечивают финансирование, обучение и мотивирование организаторов революции в течение нескольких лет до ее осуществления;

присваивают и активно используют статус верховного арбитра, определяющего легитимность, объявляют легитимными действия оппозиции, даже если они нарушают закон и объявляют нелегитимными действия власти по своей защите;

в ключевой момент предъявляют ультиматум действующей власти, используя зависимость правящей элиты от этих внешних сил (чаще всего правящая элита держит свою собственность в банках и недвижимости внешних стран);

участвуют в качестве посредников в переговорах в критический момент, при этом занимают не нейтральную позицию, а выступают в союзе с оппозицией.

7. Цветные революции организуются, как правило, не контрэлитой, а частью старой элиты, которая в предыдущие периоды была у власти, потом была отправлена в отставку, затем перешла в оппозицию и эксплуатирует идеологические лозунги. У этой оппозиции в лице бывших министров всегда есть союзники в числе министров нынешних, которые в решающий момент могут перейти на сторону оппозиции.

8. Политические последствия сводятся, прежде всего, к смене геополитической ориентации в пользу той внешней силы, которая финансировала и легитимировала цветную революцию.

9. В отношении демократических институтов такие революции нейтральны. Демократии может стать больше, как в Сербии, остаться столько же, как было в Украине, или стать меньше, как в Грузии.

10. Цветная революция готовится и реализуется практически открыто, публично, с использованием всех современных средств массовой коммуникации: сетевого маркетинга, организации безлидерских движений и рекламного менеджмента гигантских партий-големов, охватывающих значительное число протестного электората всех спектров, привлеченных различными, зачастую полностью противоречащими друг другу обещаниями, а также простым любопытством либо желанием «вырваться» из размеренной повседневности, следуя принципу «чтобы было, что вспомнить».

Искусственность и технологичность «цветных» революций отлично прослеживается в однообразии политической символики, которая является не самодеятельностью, а создается в соответствии с этнокультурными нормами и теорией архетипов Юнга[1]. Особую роль в «цветных революциях» играют собственно цвет и символы, так как именно знаковые системы, в отличие от содержательной вербальной коммуникации, воздействуют на глубокие сферы психики (предсознание и подсознание). Политтехнологи прекрасно понимают их значение, а потому выбор «красной розы», «красного тюльпана» или «белой ленточки» в качестве символа революции вовсе не оказывается случайным.

[1] *Федорченко С.Н.* Фрейм-анализ политической символики «цветных революций»: теоретико-методологические и исторические аспекты проблемы. Электронный журнал «Вестник Московского государственного областного университета». URL: www.evestnik-mgou.ru; *Пономарева Е.* Секреты «цветных революций» // Свободная мысль. 2013. № 3.

Во-первых, знаковые системы продуцируют простые (архаичные) генеральные эмоции (например, ярость, отвращение, блаженство, страх), которые подавляют или возбуждают волевые действия. Главное – они не стимулируют целенаправленную деятельность. Соответственно, в войне, социальной или религиозной революции роль знаковых систем оказывается хотя и не определяющей, но весьма значительной, так как они формируют эмоциональный настрой масс. Более того, в отдельных элементах стратегии (психическая атака) от них может зависеть исход всей операции.

Во-вторых, знаковые системы актуализируют социальный опыт (личный, родовой, этнический, конфессиональный, сословный, национальный) и вызывают тем самым отзвук, который побуждает к самоидентификации, к выбору и, наконец, к поступку. Таким образом, символ становится опознавательным знаком, обозначает соратников и выявляет противников, как бы физически консолидирует сообщество в конкретном пространстве и времени. Как отмечал К.А. Черемных[1], если сообщество (религиозная структура, этнос, нация) консолидируется под воздействием внешнего игрока, т.е. манипулируется к консолидации, семантическое оформление этого акта зависит от целеполагания субъекта и от характера управления, которое может быть прямым, опосредованным или косвенным. Причем даже при опосредованном управлении субъект манипуляции не заинтересован в возникновении дополнительного идентификационного поля. Соответственно, наличие или отсутствие такого элемента, как клятва, присяга, в семантическом инструментарии революции может быть как индикатором ее субъектности, так и, напротив, суррогатности. Следует отметить, что дискурс «подлинности революции» вносится субъектом в мыслящее пространство объекта вполне целенаправленно, что очевидно, например, при сопоставлении сербского, украинского и египетского опыта.

Еще одно важное уточнение относительно роли и значения зрительных образов. Зрительный опыт, как и обонятельный, вкусовой, тактильный и элементарный звуковой, – более архаичная структура в сравнении с опытом вербальным. Именно поэтому воздействие на зрительный анализатор, особенно в сочетании с

[1] URL: http://www.dynacon.ru/content/articles/975/ (дата обращения: 24.06.2015).

элементарными звуками, более инструментально и эффективно для навязывания желаемого поведения индивиду или массе, чем вербальное воздействие. Для быстрого и максимально широкого охвата населения в технологиях цветных революций активно используются демонстрации элементарного цветового или графического знака (например, белый кулак в круге на черном фоне – символ белградской «революции», который впоследствии использовали в Украине, Киргизии, Египте) или зрелища: шествия, флэш-мобы, «кольца», разного рода акции, транслируемые в социальных сетях.

Например, в известных событиях в г. Киеве в 2013 г. Компартия Украины в отличие от националистов не смогла задействовать свой авторитет и ресурсы так, чтобы завоевать сердца молодых украинцев. Да, возможности были не сопоставимы. Но и в агитации коммунистов не хватало такой наступательной риторики и такой, например, яркой символики, которую использовали профашистские группировки. Кроме того, КПУ не обеспечила себя необходимой системой безопасности, включая молодежные дружины «быстрого реагирования».

Зрелище – особо важный, но и более сложный в сравнении с символикой технологический прием. Он продуцирует коллективное чувство – синтонию, формирующее новое качество отношений между объектами воздействия, т.е. зрителями. Кроме того, ролевое зрелище (например, театр, кино, акты самосожжения, передаваемые по социальным сетям) дополняет синтонию самоидентификацией с героем или усвоением страсти героя.

В результате «завороженность» конкретным действием может изменить восприятие реальности. К тому же развитие современных технологий позволяет серьезным образом усилить эффект невротической синтонии. Например, сформировать или усилить ощущение ущербности собственной истории, своей страны, национального опыта. Именно этот прием практиковался в перестроечные годы посредством разного рода публикаций, уничижающих и уничтожающих опыт нашей страны фильмов, типа «Покаяние» или «Так жить нельзя»[1].

Сейчас такой прием – неотъемлемый элемент противоправной деятельности представителей радикальных течений ислама,

[1] *Пономарева Е.* Секреты «цветных революций» // Свободная мысль. 2013. № 3.

пропагандирующих в регионах Северного Кавказа, Поволжья и Урала вооруженный джихад и переход к шариатской форме правления. В ряде национальных республик заметен рост негативных предубеждений в оценках событий, связанных с их вхождением и пребыванием в составе России («оккупация», «геноцид» и т.п.).

Рассматривая проблему деструктивных технологий «цветных» революций в контексте активного противодействия им, особое внимание необходимо уделить не только самой природе этих процессов, но и тем приемам и способам, благодаря которым достигается смена или политического режима, или «команды», находящейся у власти. Политические и социально-экономические предпосылки, способствующие внедрению указанных технологий, общеизвестны. Это, прежде всего, хаотизация социально-политической и экономической жизни. Согласно С. Ману существуют следующие средства создания хаоса на той или иной территории:

содействие либеральной демократии;

поддержка рыночных реформ;

повышение жизненных стандартов у населения, прежде всего элит;

вытеснение традиционных ценностей и идеологии[1].

Идеологический вакуум, становление мелкособственнического мировоззрения, катастрофическое социальное расслоение, сопровождающееся люмпенизацией целых социальных слоев, дезорганизация деятельности ключевых государственных структур (которую часто и не вполне корректно сводят к одной лишь проблеме коррупции), фактическая утрата части государственного суверенитета – все это приводит к значительному росту общественного недовольства, острой жажде перемен и стремлению к справедливости, помноженным на желание немедленно изменить все и сразу и творить историю «здесь и сейчас». Особенно это касается молодежи – наиболее активной части населения.

Представляется, в чем-то мятеж парижских студентов в 1968 г. может считаться предтечей будущих «цветных» революций. Исторически прогрессивное и созидательное тесно перепле-

[1] *Mann S.R.* Chaos Theory in Strategic Thought // Parametes. Autum 1992. P. 62. Цит. по: M.S.G. Nitzschke. United States Marine Corps Vietnam: A Complex Adaptive Perspective Mann, Steven R. Chaos Theory and Strategic Thought // Parameters (US Army War College Quarterly), Vol. XXII, Autumn 1992. P. 54–68.

лось в нем с деструктивным и примитивным. Но в отличие от так называемой арабской весны, «молодежный бунт» конца 1960-х дал свои позитивные результаты. Парижские студенты завоевали право на автономию университетов, превратили Сорбонну в центр левой творческой мысли.

Характерно, что символами «бунта» европейской молодежи стали латиноамериканский революционер-романтик Эрнесто Че Гевара и вождь китайского народа Мао Цзэдун. Между тем эти крупнейшие политические фигуры олицетворяли собой не просто две разные национальные культуры, но и два взгляда на социализм. Воодушевленный победой на Кубе, Че искренне полагал, что небольшая группа героев способна изменить мир, неся революцию в обделенные страны «третьего мира». Мао же, исходя из своего 20-летнего опыта борьбы за власть, считал, что «подлинные герои – это массы, сами же мы зачастую бываем до смешного беспомощны».

На примере молодежного движения XX столетия подтверждается известное ленинское положение о том, что, как только отступает одна идеология, ее место занимает другая. Так было, когда осенью 1956 г. вспыхнул контрреволюционный мятеж в Венгрии. Он начался с массовой студенческой манифестации, а продолжился кровавыми зверствами бывших «хортистов» – фашистских прихвостней. Только весной 1957 г. в борьбе с остатками антикоммунистических и откровенно фашистских течений был воссоздан Коммунистический союз молодежи Венгрии.

Поучительны и события в Чехословацкой Социалистической Республике весной 1968 г. Выступление контрреволюции начиналось с роспуска молодежного отряда КПЧ – Чехословацкого союза молодежи. Газета «Млада фронта» и другие средства массовой информации призвали молодежь «выйти из-под контроля ЧСМ», «не верить в идеологию, во власть, в авторитеты, в планы, а верить только самим себе». Постоянное заигрывание с молодежью, разжигание сепаратистских и националистических настроений были отличительными чертами спекулятивной кампании антисоциалистических сил.

Мегатехнологией «цветных» революций следует считать такое собирательное понятие, как мягкая сила[1]. Впервые это понятие ввел в оборот в 1990 г. профессор Гарвардского университета Дж. Най[2]. Под *мягкой силой* (применительно к технологиям «цветных» революций) понимается совокупность ненасильственных приемов и способов, посредством которых существует (или может появиться) реальная возможность изменения политического строя или низложения властной «верхушки» в отдельно взятом государстве. Последовательное изучение именно этих технологических приемов и способов позволяет их классифицировать как организационные, когнитивные и информационные.

Организационные технологии по устройству «цветных» революций – наиболее явные, наиболее открытые для изучения и разработки мер по противодействию им. Ярчайшим примером таких технологий служит знаменитый труд о методах ненасильственного протеста и убеждения, опубликованный в 1973 г. Джином Шарпом. Автор выделяет 198 способов, с помощью которых можно подготовить не только саму «революционную почву», но и вполне активно вмешаться в процесс по смещению действующей власти. Следует сказать, что именно эта его работа, наряду с книгой «От диктатуры к демократии», стали своего рода настольными книгами для всех «цветных» политтехнологов: вся основная методика ненасильственной смены властвующего режима строится в основе своей именно на отображенных в них постулатах.

Если подробно рассматривать организационные технологии «цветных» революций, то можно прийти к выводу о том, что политтехнологи рекомендуют проводить комплекс антиправительственных акций в три этапа.

На *первом этапе* считается необходимым проводить исключительно символические акции, целевые акции для решения локальных проблем, создание мифа о том, что «власть нелегитимна». Основные задачи, решаемые в ходе проведения первого этапа, следующие: определение мобилизационного протестного потенциала общества; проверка реакции власти; индоктриниро-

[1] См. подробнее: *Пономарева Е.* Железная хватка «мягкой силы» // Однако. № 6 (155); *Мендкович Н.* Слабости нашей «мягкой силы» // Однако. № 7 (156).
[2] Soft Power: The Means to Success in World Politics (2004).

вание (сознательное, целенаправленное внушение политических идей, ценностей, символики, норм поведения группам людей) локальных протестных групп в антиправительственное движение. Первый этап наиболее важен не только для понимания общего состояния антиправительственных настроений в обществе, но и для определения потенциального социального контингента, готового участвовать в планируемых акциях. Установление уровня готовности общества к политическим переменам служит предпосылкой к подготовке второго этапа развития сценария «цветных» революций.

Второй этап включает в себя процесс дискредитации государственного аппарата и силовых структур. В ходе реализации такой установки существует необходимость подчеркнуто прозрачно продемонстрировать обществу явные или скрытые недостатки, выявленные в период подготовки и проведения выборов или в самой политической деятельности стоящей «у руля» партии или режима власти. Потребность в убеждении народных масс в полной неспособности управления государством ныне действующей властью, подкрепленная реальными или сфальсифицированными примерами, продиктована тем обстоятельством, что успех на этом участке «фронта» – залог будущей общей победы. В сознание активных членов общества закладывается мысль о необходимости срочных (или радикальных) перемен, исключающая возможность принятия взвешенного решения не только об участии в «ненасильственных» акциях, но и о целесообразности их проведения вообще. Также на этом этапе внедряется процесс активной пропаганды и агитации служащих и сотрудников ведомств, имеющих прямое отношение к государственной власти. В своих программах политтехнологи «цветных» революций рекомендуют использовать работников указанных госструктур для сбора компрометирующей действующую власть информации, ее обнародования, а также призывать их к ведению саботажа и вредительству на вверенных им участках. Наличие сильных «подрывных» позиций в государственном аппарате может сыграть решающую роль в деле создания предреволюционной ситуации даже в самой политически спокойной и социально-благополучной стране.

Третий этап ознаменовывается самим процессом непосредственного свержения власти. Естественно, в открытых программах по подготовке и проведению «цветных» революций не прописывается конкретный комплекс акций и действий, направленных на достижение этого результата[1]. Однако необходимо подчеркнуть то обстоятельство, что методы и средства, с помощью которых должен состоятся процесс смены власти, вряд ли будут иметь исключительно «ненасильственный» характер. В пользу этого мнения говорят события, которые происходили в ходе всех известных «цветных» революций[2]. Свержение государственного строя, режима или смена руководящей в стране властной «команды» невозможны только за счет применения методов ненасильственного сопротивления.

Рассматривая *когнитивные* технологии трансформации социального поведения «цветных» революций, необходимо учитывать, что в процессе своего развития они разделились на лонгитюдные способы трансформации смыслов и исторической памяти и смарт-формы организации социального поведения[3]. Таким образом, когнитивные технологии трансформации социального поведения влияют как на устойчивые личностные структуры (ценностные ориентации), так и на оперативные мотивации. Основные технологии лонгитюдного влияния в настоящее время – это трансгенные культуры, субкультуры и компьютерные игры.

Культы (секты) представляют собой древнейшие формы когнитивного противодействия государственной власти. Сайт spisok-sekt.ru приводит список из 90 «наиболее опасных сект, действующих на территории России»[4]. Сайт StopSekta.narod.ru[5] насчитывает таковых более 300. Если учесть так называемые коммерческие секты (наиболее типичный пример – финансовые

---

[1] Исключением служат «аналитические материалы, обобщающие опыт» (например, *Кьябарчи Дзакаре*. Как правильно разгромить головной офис госбезопасности. Агентство Политических Новостей (15.06.2011) или прямые инструкции: Руководство уличного бойца. Борьба с ОМОН V 2.1. в Блоге русского радикального националиста (24.09.2012).

[2] Об этом свидетельствую события в Украине, а точнее в центре г. Киева, а также ряде других городов этой страны, сопровождавшиеся массовыми беспорядками и другими грубыми нарушениями общественной безопасности общественного порядка во время очередной попытки смены власти.

[3] См.: подробнее: *Сундиев И.Ю.* Когнитивные технологии: темная сторона прогресса // Научный портал МВД России. 2012. № 1.

[4] URL: http: //www. spisok-sekt.ru (дата обращения: 15.06.2015).

[5] URL: http: // www. StopSekta.narod.ru (дата обращения: 15.06.2015).

пирамиды) и сектоподобные образования типа «Школ личностного роста», «Школ здорового образа жизни», то их количество будет исчисляться многими тысячами. Распространенность сект – следствие духовной неудовлетворенности окружающей действительностью, невозможности самостоятельно найти достойную цель жизни. Необходимо подчеркнуть, что основной контингент, рекрутируемый в секты (как и в протестные оппозиционные организации), это молодые, образованные и обеспеченные люди. Легенда о том, что современные сектанты и протестанты – это исключительно нищие и обездоленные маргиналы, была убедительно опровергнута исследованиями Питера Бергена и Марка Сейджмена[1]. Вовлечение (индоктринация) новых субъектов в протестную экстремистскую деятельность по своим механизмам полностью совпадает с технологией вербовки в секты:

вовлечение основано на деструктивных психотехниках;

вербовка в секты становится лишь этапом вовлечения в экстремистскую протестную деятельность;

вовлечение в экстремистскую и протестную деятельность представляет собой когнитивную технологическую цепочку воздействий на сознание субъекта[2].

Информационные деструктивные технологии «цветных» революций приобрели значимый вес с развитием социальных сетей. Под *информационными технологиями* принято понимать комплекс взаимосвязанных научных, технологических, инженерных дисциплин, изучающих методы эффективной организации труда людей, занятых обработкой и хранением информации; вычислительную технику и методы организации и взаимодействия с людьми и производственным оборудованием, их практические приложения, а также связанные со всем этим социальные, экономические и культурные проблемы. В контексте рассматриваемых вопросов нас интересует объем влияния, оказываемого политтехнологами, на протестное движение с использованием всех информационных средств и ресурсов.

Как отмечает Е. Пономарева, сетевые технологии, будучи одним из важнейший ресурсов «мягкой власти», стали самым

[1] *Bergen Peter*. Holy War Inc. 2004; *Sageman Marc*. Understanding Terror Networks. 2008.
[2] См. подробнее: *Лири Т., Стьюарт М.* Технологии изменения сознания в деструктивных культах. СПб., 2002.

значимым инструментом «цветных» революций. Несмотря на то, что в современном политологическом дискурсе понятие «сеть» является одним из самых востребованных, и существует уже довольно большой массив литературы, изучающей этот технологический продукт с точки зрения его влияния на массовое сознание и поведение, весьма незначительное количество исследователей указывает на самые главные характеристики этого явления. Социальные сети выполняют сегодня роль не столько площадки для общения, сколько детонатора информационного взрыва: они способны распространять информацию по всему миру за считанные секунды, ускоряя тем самым ход той или иной операции. Это вовсе не означает, что телевидение и радио утратили свою популярность. В современных условиях происходит симбиоз крупнейших телевизионных гигантов с такими сетями, как «WikiLeaks», «Facebook», «Twitter», «YouTube», усиливающий в конечном итоге эффект информационных операций, выводя на улицы сотни тысяч манифестантов. Примером такого взаимодействия служит деятельность международной телекомпании «Аль-Джазира», размещающей видеоматериалы на собственном портале в «YouTube». Подобная практика наблюдается также среди российских вещательных организаций, яркий пример тому – мультимедийный канал «Дождь»[1].

Сетью может стать любая социальная среда, через которую можно получить и прокачать нужную информацию. В реальности сети обычно представляют собой общественные организации, фонды, неправительственные структуры, движения и политические партии, секты, которые ангажируются тем или иным образом одной из сторон, готовящей и проводящей «цветную революцию». Сеть не управляется из единого центра. В сетевой войне доминирует такое понятие как «намерение командира». Участники сети должны понимать смысл происходящего. Они не получают прямые команды – «пойди туда», «сделай это», ибо это не классическая армия. Существуют некоторые подразумевания, которые могут быть озвучены центром сетевой операции, например, через СМИ, на каких-то конгрессах или форумах, в подготовительных лагерях. Это могут быть официальные заявления, доклады, обращения, намеки, высказывания политиков и обществен-

[1] См.: *Пономарева Е.* Секреты «цветных революций» // Свободная мысль. 2013. № 2.

ных деятелей, которые считываются сетью. Дальше сетевые структуры действуют исходя из озвученного намерения, обстановки, самостоятельно принимая решения. Если действие оказывается неудачным или провальным или вообще не осуществляется, сетевой центр не несет за это прямой ответственности, переконфигурируя сеть другим образом. При этом никакой прямой увязки между центром принятия решения и исполнителем нет. А информация – намерения – передается по открытым каналам. Необходимо отметить такое понятие сетевой войны, как самосинхронизация. Это означает, что узлы сети могут действовать автономно от центра, для того чтобы не вскрыть центр происхождения основной стратегии, заданий и конкретных действий. Сетевыми узлами могут быть практически автономные социальные структуры (пример – НКО), которые связаны между собой горизонтально. Даже в случае, если увязка сетевой структуры и центра управления будет вскрыта, их связь может быть доказана только косвенно.

Основной информационный и организационный ресурсы сетевой войны и «цветных» революций – это использование социальных сетей. Не только интернет-сетей, но сетей общества, социальных общностей, реальных людей, реальных коллективов, групп, движений, организаций для создания заданных идеологических предпосылок и формирования необходимого политического контекста. Чтобы трансформировать ту или иную территорию, государство или народ, подчинив их иным стратегическим моделям, нужно подготовить это общество – создать такой контекст, чтобы общество нормально или даже позитивно восприняло происходящие радикальные социальные изменения. Смысл сетевой войны (цветной революции) как раз и заключается в формировании общественного мнения, общественных процессов таким образом, чтобы граждане либо не сопротивлялись происходящим трансформациям, либо даже соучаствовали в этих трансформациях, в происходящих изменениях. Общество становится, таким образом, активным действующим лицом происходящих процессов. В начале 1990-х гг. сеть будущих «цветных революций» создавалась с помощью такого элемента социальной интеграции как грант. Финансист Дж. Сорос, работающий на американское государство, раздавал гранты – небольшие суммы денег –

социально активным группам. Собирались они для разных целей и по разным причинам. Это могли быть неформальные группы (политические, по интересам). В любом случае такая группа объединяла в себе социально активных граждан. Она занималась тем, что ей интересно, вкладывая свою энергию в то, что считала важным. Активные, пассионарные люди занимались чем-то и без денег, ради интереса, благодаря возможности развить масштабы своей деятельности. Получая же деньги, эти люди начинают чувствовать себя обязанными в силу менталитета представителей нашей цивилизации, народов, населяющих наше большое пространство. Но дальше такая группа, получив грант, автоматически помещается в список включенных в определенную сеть. Если она получила деньги от Сороса, от американского или европейского фонда, значит, по умолчанию она включена в соответствующую сеть. По количеству участников такая неправительственная организация может быть незначительной, но в сетевой войне численность, будь то политическая партия, или армия, теряет значение. Это множество узлов – сотни или даже тысячи групп, которые были взяты на контроль за совершенно небольшие деньги, – представляет собой не что иное, как сеть будущих «цветных» революций.

Именно в 1990-е гг. на территории постсоветского пространства возникает такое понятие, как НПО – неправительственная организация, а также НКО – некоммерческая организация. В какой-то момент НПО и НКО начали создаваться именно под получение грантов. Стало известно, что американские и европейские фонды, действующие под патронажем США, дают деньги, и для того, чтобы их получить, надо собраться, зарегистрировать НПО и сделать что-нибудь. Лучше то, что попросят, тогда можно получить больше. Или просто заняться чем угодно, тогда меньше. Это своеобразный фильтр для пассионариев, инструмент, с помощью которого все более или менее активные люди были локализованы в известных сообществах. К концу 1990-х гг. все пространство России, а также многих республик СНГ было покрыто огромным количеством активных социальных групп, финансово ангажированных в «либеральном» ключе. Реальные взгляды этих людей имели второстепенное значение. Элементом американской сети мог стать даже внешне идеологически чуждый, но предска-

зуемый сегмент, т.е. понятный в плане своих действий и таким образом – подконтрольный. Если понятно, как он будет действовать в той или иной ситуации, значит, его можно использовать нужным образом в нужный момент.

Таким образом, в России за последние 20 лет была подготовлена организационная среда, предназначенная для осуществления сетевой операции по установлению контроля над большим пространством, с включением сюда расчленения и социального «перемешивания» через хаос отдельных, особо архаичных социальных фрагментов[1].

Например, до сих пор поражает беспомощное нежелание ряда бывших руководителей КПСС и ВЛКСМ извлечь должные уроки из контрреволюционных процессов в Венгрии, Чехословакии, Польше. На XXI съезде ВЛКСМ в 1990 г. партийно-комсомольское руководство фактически «сдало» идеологический бастион. В. Мироненко, бывший первый секретарь ЦК ВЛКСМ, вспоминал: «До сих пор остается неясным, как сравнительно небольшая группа делегатов, возглавлявшаяся М. Сотниковым, В. Гайворонским, А. Беком, смогла оказывать столь сильное влияние на ход съезда. Автору в ходе съезда довелось встретиться с ними в номере гостиницы «Россия» для переговоров о направлении работы съезда в более конструктивное русло. Эта комната была настоящим штабом, оснащенным современнейшей и дорогостоящей техникой, приобретение которой не мог позволить себе даже «сказочно богатый» ЦК ВЛКСМ. Не оставалось сомнений, что за спиной так называемой демократической оппозиции в ВЛКСМ стояли мощные политические силы, которые, не считаясь с затратами, вели дело к разрушению союза».

В годы «перестройки» силы контрреволюции активно идеологически воздействовали на молодежь и организационно громили тех, кто мог консолидировать молодых людей, верных идеалам социализма. Четко работали методики разрушения Советского Союза изнутри. А созданы они были с расчетом на новые поколения. Еще в конце 1960-х гг. американский социолог Гэллап цинично рассуждал: «В Советском Союзе более 100 миллионов молодых людей в возрасте до 25 лет, т.е. тех, кто завтра придет к

[1] О роли НПО в «цветных» революциях см. подробнее: *Пономарева Е.* Имя им – легион // Однако. № 7 (156).

управлению страной. Мы не должны жалеть никаких средств, чтобы в будущей войне не было ни Александра Матросова, ни Лизы Чайкиной, ни «Молодой гвардии».

Именно в работе с молодежью особенно негативно сказывалось забегание вперед в оценке зрелости социализма в СССР. В 1970–1980-х гг. среди советской молодежи происходил разрыв между пропагандируемыми идеалами и готовностью действовать в соответствии с ними. Недостаток сознательности проявлялся у части молодежи в отношении к общественно полезному труду, государственной и личной собственности, исполнению воинского долга. Все чаще встречалось несоответствие между тем, чему «учат в школе», и тем, что наблюдается в реальной жизни. Многими руководящими работниками КПСС и ВЛКСМ был основательно забыт ленинский завет: «Никогда миллионы людей не будут слушать советов партий, если эти советы не совпадают с тем, чему учит опыт их собственной жизни».

Характерно, что в ходе проверки исполнения Федерального закона от 20.07.2012 № 121-ФЗ о включении НКО в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранных агентов, прокурорами была изучена документация около тысячи НКО, составляющих менее половины от всех финансируемых из-за рубежа. В результате признаки политической деятельности и подтвержденное документацией НКО иностранное финансирование в течение 2010–2013 гг. в объеме, превышающем 6 млрд руб., выявлены у 215 некоммерческих организаций. Прокурорами установлено 22 НКО, прямо попадающих под действие законодательства об иностранных агентах. Указанные организации за трехлетний период, только по данным их собственных отчетов, получили из-за границы свыше 800 млн руб.

При этом, занимаясь политической деятельностью, участвуя в электоральных процессах, публичных мероприятиях, подготовке законопроектов, получая иностранные средства и подробно отчитываясь перед спонсорами об их расходовании, ни одна из 22 организаций не считала себя иностранным агентом и не намерена была добровольно регистрироваться в данном качестве.

Например, возражало против приобретения этого статуса Региональное общественное объединение «Независимый экспертно-правовой совет», которым по договору, в том числе и за

период действия изменений закона об НКО, от иностранных источников (Посольство Великобритании, Национальный Фонд в поддержку демократии – США) получено почти 5 млн рублей. На эти средства организацией реализуются задачи, в числе которых анализ и оценка политических процессов в России, выработка и принятие решений органами исполнительной, законодательной и судебной власти, внесение предложений в законодательные органы, что сопровождается отчетностью перед инвесторами.

В нарушение норм Венской конвенции 1969 г. 17 организаций, занимавшихся политической деятельностью, напрямую финансировались посольствами США, Великобритании, Бельгии, Германии, Нидерландов и Швейцарии, что, по оценке МИД России, признается вмешательством во внутренние дела нашей страны и нарушает общепринятые нормы международного права.

Например, Фондом «Новая Евразия» в 2011–2012 гг. на средства Посольства Великобритании в четырех субъектах России (Чеченская, Ингушская, Кабардино-Балкарская республики и Ставропольский край), реализован проект, предусматривающий в том числе такие мероприятия, как обеспечение безопасности Великобритании по борьбе с терроризмом и распространением оружия, а также содействие ее экономическим интересам за счет увеличения экспорта и инвестиций. И, согласно отчету перед Министерством Великобритании по делам содружества, все поставленные задачи выполнены[1].

Начальная фаза «цветных» революций последних модификаций – Twitter-революция[2]. Для того чтобы реализовать «цветную twitter-революцию», нужно иметь соответствующую среду, т.е. для этого в социальных интернет-сетях должно быть достаточное количество активных пользователей – skillful individual, продвинутых пользователей социальной сети Twitter, Facebook, vkontakte, других социальных сетей, а также носителей iPhonов и iPadов – для большей мобильности, которая является основным преимуществом пользователя социальной сети. Наличие большого количества пользователей всех гаджетов, имеющих сетевые

[1] Из выступления Генерального прокурора Российской Федерации Ю.Я. Чайки на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 10.07.2013.

[2] Термин «Twitter-революция», придуман ученым Стэнфордского университета Евгением Морозовым после молдавских событий апреля 2009 г.; подробно см.: *Сетевые* иллюзии: темная сторона Интернета. М., 2012.

аккаунты, создает соответствующую среду, в которой и можно осуществить «цветную twitter-революцию». Если таких носителей недостаточно, то согласно американскому плану в пропаганду внедрения и популяризации системы Twitter, iPadов и iPhonов включаются медийные люди – ньюсмейкеры, известные личности, персоналии. Политики и деятели культуры заводят аккаунты, СМИ ссылаются на записи в Twitter. Все это необходимо для наращивания социальной базы, которая создает психологическую среду для реализации информационной составляющей «цветной twitter-революции».

§ 2. Противодействие технологиям «цветных революций» в системе мер по предупреждению преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства

Как известно, по причине произошедшей в Украине «цветной революции», переросшей в «Евромайдан» и вооруженный захват власти, страна – участница СНГ по сути погрузилась в гражданскую войну. Узурпировавшая власть в стране киевская клика отдала преступный приказ на применение силы и задействование регулярной армии против мирного населения на юго-востоке Украины. Напомним, что когда законно избранная власть была в Киеве, такие методы не применялись даже против радикалов и экстремистов.

В СМИ, на сетевых ресурсах в Интернете, в официальных заявлениях МИД России говорилось о прямой причастности к происходящим событиям Соединенных Штатов Америки, которые через свои дипломатические возможности, а также спецслужбы не просто вмешивалась в происходивший процесс, но и указывали, что и как нужно делать. Как известно, в первой декаде апреля 2014 г. Киев посетил директор ЦРУ Бреннан. Он провел встречи с незаконно назначенными силовиками Украины, в том числе Аваковым, Наливайченко, Гвоздем и Яремой, а также так называемым исполняющим обязанности президента Турчиновым. Именно после этих встреч было принято решение о силовой операции на юго-востоке Украины.

По утверждению секретаря Совета Безопасности Российской Федерации (далее – Совбез) Н.П. Патрушева, если говорить о более длительных сроках прогнозирования, то украинский кризис стал вполне ожидаемым итогом системной деятельности США и их ближайших союзников. Последние четверть века эта деятельность была направлена на полный отрыв Украины и других республик бывшего СССР от России, тотальное переформатирование постсоветского пространства под американские интересы. Создавались условия и предлоги для цветной революции, что обеспечивалось щедрым государственным финансированием.

Так, помощник госсекретаря США по делам Европы и Евразии Виктория Нуланд неоднократно заявляла, что Вашингтон в период с 1991 по 2013 г. потратил 5 млрд долл. США на «поддержку стремления народа Украины к более сильному, демократическому правительству». По данным только открытых источников, например, документов конгресса США, общий объем государственного финансирования различных американских программ «помощи» Украине за период с 2001 по 2012 г. составил не менее 2,4 млрд долл. США. Это сравнимо с годовым бюджетом некоторых небольших государств. Агентство США по международному развитию израсходовало около полутора млрд долларов, госдепартамент – без малого полмиллиарда, Пентагон – более 370 млн долл.

Согласно отчетам конгресса, в программах помощи Украине, помимо известного АМР и других ведомств участвовали такие организации, как Millennium Challenge Corporation, Корпус мира и Центр «Открытый мир». Нетрудно догадаться, для кого и зачем «открывали мир» американские волонтеры и сотрудники дипмиссий все 23 года, прошедшие после распада Советского Союза.

Не секрет, что в результате этой деятельности в Украине было выращено целое поколение, совершенно отравленное ненавистью к России и мифологией «европейских ценностей». Оно пока не осознает, что эти ценности, даже в позитивном понимании данного термина, для украинцев на самом деле не предназначены. Никто не собирается заниматься подъемом уровня жизни в Украине или устраивать эту молодежь в Европе, которая сама с

большим трудом справляется с весьма серьезными вызовами и угрозами.

Важно также подчеркнуть, что, хотя российские специалисты предупреждали о большой вероятности обострения ситуации в Украине в условиях политико-экономической нестабильности, особенно под внешним воздействием, следует признать, что вероятность близкого одномоментного захвата власти в Киеве с опорой на боевые группы откровенных нацистов в нужное время не была спрогнозирована.

В связи с этим важно правильно оценить мнение тех аналитиков, которые утверждают, что в современной России также сложились необходимые условия для инспирирования «цветной революции». По большому счету, это означает, что попытки внешних сил инициировать в нашей стране сценарий, подобный украинскому, могут иметь успех.

Достаточно вспомнить события 06.05.2012 на Болотной площади в г. Москве, сопровождавшиеся поджогами и уничтожением имущества, а также применением насилия к представителям власти. Напомним, что тогда участники массовых беспорядков не только выкрикивали лозунги антиправительственного содержания, но и совершали насильственные действия: кидали в сотрудников полиции пустые бутылки, палки, куски асфальта, дымовые шашки и бутылки с зажигательной смесью, распыляли слезоточивый газ из заранее принесенных газовых баллончиков и строили заграждения из мобильных туалетов.

В связи с этим представляется злободневным вопрос разработки мер по предупреждению на ранних стадиях совершения преступлений, посягающих на легитимность государственной власти. Иными словами, речь идет о предупреждении преступлений, направленных на насильственный захват или насильственное удержание власти в нарушение Конституции Российской Федерации, а равно на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации: насильственный захват власти или насильственное удержание власти (ст. 278 УК РФ); вооруженный мятеж (ст. 279 УК РФ); публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ); публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение тер-

риториальной целостности Российской Федерации (ст. 280[1] УК РФ).

В контексте анализируемых проблем в рассматриваемой сфере остановимся подробнее на характеристике ***методов противодействия технологиям «цветных революций»***.

Все многообразие вариантов противодействия «цветной революции» можно свести в четыре основные группы: нормативно-правовые, административные, информационные, экономические. Цель их применения – достижение социально-политического превосходства действующих властных структур над силами «цветной революции».

Нормативно-правовые методы могут применяться главным образом для создания условий, препятствующих развертыванию активной политической деятельности лидеров и организаций, ориентированных на свержение действующей власти, а также осуществлению их поддержки, как материальной, так и информационной, из-за рубежа.

Так, для создания указанных условий направлены изменения в федеральные законы от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях», от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (далее – Закон об НКО), от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», в соответствии с которыми понятие некоммерческой организации было расширено за счет некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного агента (п. 6 ст. 2 введен Федеральным законом от 20.07.2012 № 121-ФЗ)[1].

В последующем по результатам правоприменительной практики некоторой дополнительной корректировке подверглись отдельные вопросы процедуры контроля за деятельностью указанных некоммерческих организаций[2].

---

[1] Федеральный закон от 20.07.2012 № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» вступил в силу по истечении 120 дней после дня его официального опубликования (опубликован 23.07.2012).

[2] См.: Федеральный закон от 04.06.2014 № 147-ФЗ «О внесении изменений в статью 32 Федерального закона «О некоммерческих организациях».

Представляется, что эти методы наиболее эффективны в периоды, предшествующие «цветной революции», для устранения условий ее возникновения.

Вот еще один пример. Прокуратурой Республики Татарстан проведена проверка исполнения законодательства о противодействии экстремизму некоммерческими организациями. В частности, установлено, что МАПО «Агора» за денежные средства, получаемые от иностранных источников, осуществляет юридическое обслуживание участников политической деятельности, сопровождаемое формированием общественного мнения СМИ, в том числе посредством принадлежащего МАПО «Агора» интернет-ресурса «Открытое информационное агентство» (openinform.ru). В ходе проверки выявлен ряд нарушений МАПО «Агора» требований законодательства: несоответствие деятельности организации ее Уставу, нарушения правил предоставления отчетности. Кроме того, МАПО «Агора», являясь, по сути, организацией, выполняющей функции иностранного агента, в нарушение ст. 32 Закона об НКО не подала в Минюст России заявку о включении ее в соответствующий реестр. На выполнение МАПО «Агора» функций иностранного агента указывало регулярное получение денежных средств от иностранных государств и организаций, а также участие в политической деятельности на территории России.

Предусмотренные в законе механизмы позволяют, несмотря на известное упорство большей части НКО, продолжить свою деятельность вне правового поля, все же переломить ситуацию к неукоснительному соблюдению федерального закона. Мы имеем в виду реализацию полномочий уполномоченного органа и его должностных лиц по приостановлению своим решением на срок не более шести месяцев деятельность некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного агента, которая не подала заявление о включении ее в предусмотренный п. 10 ст. 13.1 Закона об НКО реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

Также предусмотрен порядок привлечения к административной ответственности по ст. 19.34 КоАП РФ за нарушение порядка деятельности некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного агента, по инициативе прокурора.

Упомянутый нами законодательный акт несет в себе мощный профилактический потенциал, поскольку обязывает НКО, участвующие в политической деятельности в России и имеющие поддержку из иностранных источников, регистрироваться в качестве иностранных агентов со всеми вытекающими отсюда последствиями. Тем самым преследуются цели не ликвидации или создания каких-либо препятствий для деятельности, а понуждения таких НКО к безусловному выполнению закона, предполагающего прозрачность их деятельности и приобретение статуса иностранного агента путем включения в соответствующий реестр[1].

В настоящее время индикатором активности деятельности прокуратуры во многом можно считать стабильно пополняемый и динамично меняющийся реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, размещенный на интернет-сайте Минюста России[2].

По состоянию на 09.09.2014 в реестр были включены 14 НКО, выполняющих функции иностранного агента. Перелом произошел после принятия постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 08.04.2014 № 10-П, которым положения п. 6 ст. 2, абз. 2 п. 7 ст. 32 Федерального закона «О некоммерческих организациях» и ч. 6 ст. 29 Федерального закона «Об общественных объединениях» признаны не противоречащими Конституции Российской Федерации.

В результате предпринятых прокурорами мер в ходе осуществления надзора за исполнением законов о некоммерческих организациях, выполняющих функции иностранного агента, 38 организаций включены в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента (по состоянию на 20.03.2015). Наибольшая их часть финансируется Соединенными

---

[1] См. об этом также: *Меркурьев В.В., Борисов С.В.* Конституционные основы противодействия экстремистской деятельности // 20 лет Конституции Российской Федерации: сб. ст. / авт. кол. под рук. Т.Л. Козлова; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М., 2013. С. 73–79.

[2] Прокурорами наработан обширный опыт, который отчасти получил освещение в информационных письмах заместителей Генерального прокурора Российской Федерации от 03.09.2013 № 27-04-2013 «О совершенствовании надзора за соблюдением федерального законодательства некоммерческими организациями», от 18.12.2013 № 27-26-2013/Ип6300-13 «О судебной практике по делам в отношении некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента», а также в других информационно-аналитических документах Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Штатами Америки (более 20 организаций). Активное участие в финансовой поддержке подобных организаций принимают также Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии (12), Королевство Норвегия (8).

При этом необходимо учитывать, что некоторые из НКО финансировались сразу из нескольких иностранных источников. К их числу, в частности, относятся: некоммерческое партнерство «Содействие развитию конкуренции в странах СНГ», автономная некоммерческая организация «Научный центр международных исследований «ПИР», межрегиональная ассоциация правозащитных общественных объединений «АГОРА», межрегиональная общественная организация правозащитный центр «Мемориал», региональная общественная организация в защиту демократических прав и свобод «ГОЛОС» и ряд других.

Для правильной организации надзорной деятельности на этом направлении прокуроры должны изучать материалы судебной практики. В связи с этим необходимо обращать внимание на решения высших судов[1], судебные решения и материалы судебной практики по гражданским делам, по уголовным делам (в частности, о преступлениях, предусмотренных ч. 2 и 3 ст. 239, ст. 330[1] УК РФ), производствам по делам об административных правонарушениях (особенно по фактам совершения административных правонаруше-

[1] См.: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 08.04.2014 № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 2 и пункта 7 статьи 32 Федерального закона «О некоммерческих организациях», части шестой статьи 29 Федерального закона «Об общественных объединениях» и части 1 статьи 19.34 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, фонда «Костромской центр поддержки общественных инициатив», граждан Л.Г. Кузьминой, С.М. Смиренского и В.П. Юкечева»; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 13.05.2014 № 970-О «По жалобе гражданина Болдырева Александра Евгеньевича на нарушение его конституционных прав пунктом 6 статьи 2 Федерального закона «О некоммерческих организациях», от 13.05.2014 № 971-О «По жалобе автономной некоммерческой организации «Центр антикоррупционных исследований и инициатив «Трансперенси интернешнл-Р» на нарушение конституционных прав и свобод положениями пункта 6 статьи 2 и пункта 7 статьи 32 Федерального закона «О некоммерческих организациях», а также статьи 2 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента», от 13.05.2014 № 972-О «По жалобе автономной некоммерческой научно-исследовательской организации «Центр социальной политики и гендерных исследований» на нарушение конституционных прав и свобод положениями пункта 6 статьи 2, пункта 10 статьи 13.1 и абзаца второго пункта 7 статьи 32 Федерального закона «О некоммерческих организациях»; определение Верховного Суда Российской Федерации от 18.06.2014 № 82-КГПР14-2 и др.

ний, предусмотренных ст. 19.7.5-2, 19.34, ч. 2 ст. 20.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях).

Особое место в информационно-аналитическом обеспечении прокурорской деятельности занимает анализ материалов уголовных дел, возбужденных в отношении членов некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. Внимание следует обращать на совершенные при участии членов указанных некоммерческих организаций преступления, предусмотренные ст. 205^4, 205^5, 208, 282^1, 282^2 УК РФ.

Считаем необходимым напомнить, что за нарушения в сфере функционирования НКО – иностранных агентов в настоящее время предусмотрена юридическая ответственность в специальных статьях как Уголовного кодекса Российской Федерации (ч. 2 ст. 239 «Создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан» и ст. 330^1 «Злостное уклонение от исполнения обязанностей, определенных законодательством Российской Федерации о некоммерческих организациях, выполняющих функции иностранного агента»), так и Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (ст. 19.7.5-2 «Непредставление сведений некоммерческой организацией, выполняющей функции иностранного агента», ст. 19.34 «Нарушение порядка деятельности некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного агента», ч. 2 ст. 20.28 «Организация деятельности общественного или религиозного объединения, в отношении которого принято решение о приостановлении его деятельности»).

При изучении соответствующих материалов уголовных и оперативных дел необходимо обращать особое внимание на установление роли конкретных некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, в террористической, экстремистской и иной транснациональной организованной преступной деятельности, на обстоятельства их создания и формирования, цели, связи с зарубежными и международными организациями, на структуру, распределение ролей и особенности взаимоотношений между членами, характеристики руководителей и т.д. Перечень основных черт современных некоммерческих организаций можно дополнить тем, что подобные формирования нередко имеют многофункциональную и многозвенную систему

организации высоколатентной деятельности; обладают отработанной системой обеспечения безопасности и сформированным бюджетом. На основании изложенного все факты участия некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, в деятельности, посягающей на основы конституционного строя и безопасность Российского государства и общества, должны быть на регулярной основе проанализированы и систематизированы, доведены до сведения заинтересованных субъектов обеспечения национальной безопасности и противодействия терроризму, экстремизму и коррупции.

В современных условиях оказания беспрецедентного неприкрытого давления на Российскую Федерацию важно в целом активизировать деятельность, направленную на выявление фактов участия в политической деятельности некоммерческих организаций, получающих финансирование из зарубежных источников.

17 февраля 2015 г. Конституционный Суд РФ вынес постановление по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» по коллективной жалобе общественных организаций «Правозащитный центр «Мемориал», «Международное общество «Мемориал», «Гражданское содействие» и гражданки Ганнушкиной Светланы Алексеевны, а также жалобам Межрегиональной ассоциации правозащитных общественных объединений «АГОРА», общественной организации «Забайкальский правозащитный центр» и общественного фонда «Международный стандарт». В нем подробно разъяснен предмет и пределы прокурорской проверки исполнения законов некоммерческими организациями, отдельно указано на ключевое значение оснований подобной проверки при последующей оценке действий органов прокуратуры.

Рассмотрение дела о проверке конституционности положений п. 1 ст. 6, п. 2 ст. 21 и п. 1 ст. 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» показало, что наиболее принципиальными являются вопросы, связанные со сроками проведения органами прокуратуры проверки исполнения законов некоммерческими организациями, а также со сроками исполнения требований прокурора.

Конституционный Суд Российской Федерации постановил, в частности, что именно нормы Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», связанные с регламентацией данных вопросов (п. 1 ст. 6 и п. 1 ст. 22), не соответствуют Конституции Российской Федерации, в связи с чем федеральному законодателю рекомендовано внести в правовое регулирование отношений, связанных с осуществлением органами прокуратуры надзора за исполнением законов, соответствующие изменения.

Еще один шаг по усилению предупредительных мер, препятствующих «цветным революциям», – это реализация норм Федерального закона от 23.05.2015 № 129-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в соответствии с которым деятельность иностранной или неправительственной организации, представляющая угрозу основам конституционного строя Российской Федерации, обороноспособности страны или безопасности государства, может быть признана нежелательной на территории Российской Федерации (ст. 3.1 Федерального закона от 28.12.2012 № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации»).

Согласно внесенным в закон поправками в случае приостановления деятельности НКО (структурного подразделения) приостанавливаются ее права как учредителя средства массовой информации, ей запрещается организовывать, проводить массовые акции и публичные мероприятия, участвовать в них, использовать банковские счета и вклады, за исключением расчетов по хозяйственной деятельности и трудовым договорам, возмещению убытков, причиненных ее действиями, уплате налогов, сборов и штрафов (ст. 3).

Признание нежелательной на территории Российской Федерации деятельности иностранной или международной неправительственной организации в соответствии с ч. 3 ст. 3.1 Федерального закона № 272-ФЗ влечет за собой:

запрет на создание (открытие) на территории России структурных подразделений иностранной или международной неправительственной организации и прекращение в определенном законодательством Российской Федерации порядке деятельности

ранее созданных (открытых) на ее территории таких структурных подразделений;

запрет на распространение информационных материалов, издаваемых иностранной или неправительственной организацией и (или) распространяемых ею, в том числе через СМИ и (или) с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также производство или хранение таких материалов в целях распространения;

запрет на осуществление на территории России программ (проектов) для иностранной или международной неправительственной организации, деятельность которой признана нежелательной на ее территории;

наступление последствий, указанных в ст. 3.2, а именно:

1. Кредитные организации и некредитные финансовые организации обязаны отказать в проведении операции с денежными средствами и (или) иным имуществом, одной из сторон которой является иностранная или международная неправительственная организация, включенная в перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории России.

2. Кредитные организации и некредитные финансовые организации представляют информацию о фактах отказа в проведении операции с денежными средствами по основанию, указанному в ч. 1 ст. 3.2 в Росфинмониторинг, в порядке, сроки и объеме, которые установлены Правительством Российской Федерации.

3. Росфинмониторинг представляет информацию, полученную в соответствии с ч. 2 ст. 3.2, в Генеральную прокуратуру Российской Федерации, а также в федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере регистрации некоммерческих организаций.

Решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации деятельности иностранной или международной неправительственной организации принимается Генеральным прокурором Российской Федерации или его заместителями по согласованию с МИД России.

Обнародование информации о признании нежелательной на территории Российской Федерации деятельности иностранной

или международной неправительственной организации осуществляется путем размещения перечня иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории России, в информационно-телекоммуникационной сети Интернет на официальном сайте Минюста России и опубликования его в общероссийском издании, определенном Правительством Российской Федерации.

Еще одна мера противодействия антироссийской активности была выработана на 377-м заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, которое состоялось 08.07.2015. Сенаторами предложен документ, получивший условное название «патриотический стоп-лист». Он включает в себя ряд известных своей антироссийской ангажированностью иностранных и международных неправительственных организаций, с целью возможного распространения на них действующих норм российского законодательства о признании нежелательной их деятельности[1].

В настоящее время в «патриотический стоп-лист» входят 12 организаций: Фонд Сороса, Национальный фонд демократии, Международный республиканский институт, Национальный демократический институт по международным вопросам, Фонд Маккартуров, «Фридом Хаус» (Freedom House), Фонд Чарльза Стюарта Мотта, Фонд «Образование для демократии», Восточно-Европейский демократический центр, Всемирный конгресс украинцев, Украинский Всемирный координационный совет, Крымская полевая миссия по правам человека[2].

Административные методы обладают большей оперативностью, чем нормативно-правовые, и позволяют решать широкий круг задач предотвращения «цветной революции», главным образом на этапе ее подготовки. Наиболее эффективно эти методы могут быть использованы для достижения организационного превосходства сил, противостоящих «цветной революции», над сторонниками последней. В частности, это возможно путем создания патриотических общественно-политических организаций и партий, поддержки их деятельности (преимущественно скрытно),

[1] Сайт Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL: http://council.gov.ru/press-center/news/57244/ (дата обращения: 08.07.2015).
[2] URL: http://www.rg.ru/2015/07/08/list-site.html (дата обращения: 08.07.2015).

предоставления организационного и отчасти материального и информационного ресурса в сочетании с организацией различных препятствий для деятельности сторонников «цветной революции» в России. Так как «цветная революция» не «естественная реакция на внезапно возникшие события», а часть целенаправленных действий по хаотизации социальной обстановки, то этот процесс требует вполне конкретных ресурсов: организационных, финансовых, информационных, технических. Основной вопрос профилактики «цветной революции» – выяснение кто, сколько и каких ресурсов выделил и кто, как и когда собирается ими воспользоваться. Как ни парадоксально звучит, но именно ответы на эти вопросы не представляют собой «страшную» тайну: они обсуждаются на сетевых форумах, печатаются в статьях, обсуждаются в теледебатах. Шоковое впечатление, которое производили на власть действия «умной толпы», вполне объяснимо: любой государственный аппарат за тысячелетия традиций сохранения власти привык к тому, что его противник будет скрывать свои намерения. Открытость воспринималась как уловка, при этом ответные действия властей на фоне глобальной медийной открытости «мирных бунтовщиков» выглядят неуклюжими и неадекватными в глазах не только «мирового сообщества», но и собственных граждан. Образно говоря, власть по-прежнему пытается играть в покер, когда ее противник (в данном случае – «цветные революционеры») играет в шахматы. Выход один – принять открытость как данность и начать играть в шахматы. Как это может выглядеть на практике?

Основной ресурс «цветной революции» – люди, готовые к конкретным действиям по «ненасильственному захвату власти». Эти люди собраны в сетевые структуры, прошли специальную подготовку. Таковыми являются: неправительственные организации, некоммерческие организации, неформальные объединения, сетевые сообщества, фанатские и бойцовые клубы. Мониторинг их сетевой активности позволяет выявить масштаб подготовки к очередной акции, ее участников. В необходимых случаях – начать сетевую игру по противодействию данным планам. Это отнюдь не противоречит «шахматной» открытости: если кто-то из граждан государства открыто заявляет о своих намерениях бо-

роться с государством, то нельзя возмущаться действиями государства по собственной защите.

Так, на повышение оперативности реагирования на размещаемые в сети Интернет экстремистские материалы и результативности профилактической работы прокуратуры по противодействию экстремизму направлен Федеральный закон от 28.12.2013 № 398-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», в соответствии с которым предусмотрен новый внесудебный порядок ограничения доступа к информации, содержащей призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка. Ключевая роль в этой процедуре отводится органам прокуратуры.

Таким образом, изменениями, вступившими в силу 01.02.2014, предусмотрен внесудебный порядок ограничения доступа граждан к противоправной информации, который обеспечен соответствующим средством прокурорского реагирования – требованием о принятии мер по ограничению доступа к информационным ресурсам, распространяющим запрещенную информацию.

В условиях существовавшего ранее механизма не давала профилактического эффекта практика вынесения прокурорами предостережений о недопустимости проведения массовых мероприятий с нарушениями федерального законодательства. В качестве примера можно привести события 06.05.2012, когда предостережения, направленные прокурорами районов г. Москвы организаторам «Марша миллионов», не предотвратили совершение нарушений общественного порядка и общественной безопасности в ходе проведения акции[1]. Подобные факты послужили катализатором принятия поправок в законодательство.

Хотелось бы отметить следующее. Если судебное признание материалов экстремистскими – уже давно отработанная практика работы прокурора (на сегодня список этих материалов насчитывает более 2,5 тыс. наименований), то полномочия по вне-

[1] См.: *Прокурорский* надзор за исполнением законов о государственной безопасности, межнациональных отношениях и противодействии экстремизму: пособие. М.: Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2013. С. 134.

судебному блокированию соответствующей информации в сети Интернет прокуроры получили сравнительно недавно (с 01.02.2014). Однако уже сейчас можно говорить об эффективности этих новых полномочий. За период с 01.02 по 01.09.2014 прокуратурой было внесено более 80 требований о блокировании электронных ресурсов, по которым заблокировано более 600 экстремистских интернет-страниц.

Динамика здесь положительная: за неполный 2014 г. действия нового закона Роскомнадзором по требованиям прокуроров было заблокировано более 900 экстремистских сайтов (из доклада Генерального прокурора РФ на торжественном собрании, посвященном 293-й годовщине прокуратуры России 12.01.2015).

На расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры РФ, посвященном итогам работы в 2014 г. и задачам по укреплению законности и правопорядка в 2015 г., была уже озвучена другая цифра – удалена противоправная информация из более чем 3 тыс. интернет-страниц.

Следует добавить также, что по требованиям прокуроров Роскомнадзором в сети Интернет выявлено и заблокировано 160 веб-ресурсов, созданных для сбора денежных средств на поддержку незаконных вооруженных формирований в Сирийской Арабской Республике, на которых размещались текстовые и аудиовизуальные материалы, связанные с деятельностью международных террористических организаций, содержались призывы оказывать финансовую помощь террористическим группам с указанием номеров мобильных телефонов, QIWI-кошелька и иных платежных реквизитов.

Практика показывает, что компьютерные сети общего доступа все чаще используются не только для распространения инструкций по изготовлению взрывчатых веществ и взрывных устройств, но и для непосредственного совершения преступлений экстремистской направленности и террористического характера путем размещения сведений, направленных на возбуждение ненависти, вражды, на унижение достоинства человека, группы лиц по признакам национальности, происхождения, отношения к религии.

Поэтому работа в данном направлении требует дополнительной активизации. Обстановка здесь предполагает незамедли-

тельное и жесткое реагирование на любые призывы к противоправным действиям, насилию, массовым беспорядкам.

В каждом конкретном случае при уклонении провайдеров от принятия своевременных мер по ограничению доступа к интернет-ресурсам, содержащим экстремистские материалы, прокуроры должны незамедлительно решать вопрос о возбуждении дела об административном правонарушении, предусмотренном ст. 20.29 КоАП РФ.

Кроме того, о фактах размещения в сети Интернет материалов, включенных в федеральный список экстремистских материалов, необходимо информировать Роскомнадзор для включения данных интернет-ресурсов в Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено.

При выявлении подобных материалов нужно инициировать обязательное проведение доследственных проверок, в рамках которых необходимо обеспечить проведение соответствующих исследований, в случае возбуждения уголовных дел – судебных экспертиз, с последующим направлением при наличии оснований заявлений в суд в порядке ст. 13 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности».

В практической деятельности по вопросам фиксации выявленных материалов с признаками экстремизма, размещенных в сети Интернет, признания отдельных материалов на сайте либо всего сайта экстремистским, ограничения доступа к сайту либо странице сайта, на которых размещены материалы, признанные экстремистскими, следует руководствоваться рекомендациями, изложенными в информационном письме Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 30.03.2011 № 27-26-2011 «О совершенствовании работы по пресечению распространения экстремистских материалов».

Практически все крупные страны мира в той или иной мере ограничивают доступ своих граждан к нежелательной, по мнению властей, информации в Сети – будь то социально опасная информация, нелицензионный контент или экстремистские материалы.

Федеральный закон от 28.07.2012 № 139-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (известный как Закон о черных списках интернет-сайтов) дополнил Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» новой ст. 15.1, учредившей Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено (далее – Реестр). Реестр расположен в Интернете по адресу zapret-info.gov.ru, его оператором является Роскомнадзор.

В Реестр включаются доменные имена и (или) указатели страниц сайтов в сети Интернет, а также сетевые адреса, позволяющие идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие следующую информацию:

а) материалы с порнографическими изображениями несовершеннолетних и (или) объявления о привлечении несовершеннолетних в качестве исполнителей для участия в зрелищных мероприятиях порнографического характера;

б) информацию о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, местах приобретения таких средств, веществ и их прекурсоров, о способах и местах культивирования наркосодержащих растений;

в) информацию о способах совершения самоубийств, а также призывов к совершению самоубийств;

г) информацию о несовершеннолетнем, пострадавшем в результате противоправных действий (бездействия), распространение которой запрещено федеральными законами.

Помимо названных категорий информации, решения по которым принимаются уполномоченными федеральными органами исполнительной власти, в Реестр также включаются доменные имена и (или) указатели страниц сайтов в сети Интернет, а также сетевые адреса, позволяющие идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено. Под данную категорию попа-

дают публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма и иные экстремистские материалы.

Процессуальным основанием для их включения в Реестр выступает вступившее в законную силу решение суда о признании информации, распространяемой посредством сети Интернет, информацией, распространение которой в Российской Федерации запрещено.

После первичного решения оператора Реестра о включении в него соответствующей записи указателя страниц сайта в сети Интернет, содержащего запрещенный контент, вступает в действие трехступенчатый механизм реагирования, прописанный в ст. 15.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и в постановлении Правительства Российской Федерации от 26.10.2012 № 1101 «О единой автоматизированной информационной системе «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено». Его суть максимально кратко можно представить в виде трех основных последовательных шагов:

1) уведомление владельца сайта о наличии в нем запрещенной информации с целью принятия им мер по удалению такого контента;

2) ограничение провайдером хостинга доступа к сайту в сети Интернет, содержащему запрещенную информацию;

3) внесение записи в Реестр сетевого адреса, позволяющего идентифицировать сайт в сети Интернет, содержащий запрещенную информацию, и ограничение доступа к такому сайту со стороны оператора связи (интернет-провайдера).

При этом каждая последующая стадия реализуется только в том случае, если предыдущая не дала желаемого результата. Как видно, финальным результатом может стать блокирование доступа к сайту по сетевому (IP) адресу. Важным достоинством данного метода является возможность блокирования доступа к сайтам, размещенным на зарубежных хостинг-площадках, чем часто ранее пользовались террористические и экстремистские организации во избежание мер ответственности. Но у него есть и серьез-

ный минус, заключающийся в возможности блокирования всего интернет-ресурса (например, крупной социальной сети), хотя запрещенная информация может содержаться лишь на одной из страниц данного сайта и составлять ничтожно малую часть размещенного контента. За это рассматриваемый законодательный акт подвергался жесткой критике со стороны представителей Интернет-индустрии.

Вместе с тем введение в действие Реестра (это произошло 01.11.2012) дало в руки правоприменителей эффективный инструмент противодействия распространению экстремистской информации в сети Интернет.

Экономические методы имеют значение для подрыва материально-ресурсного потенциала сил «цветной революции». Их основу составляют технологии, позволяющие парализовать деятельность и в дальнейшем разорить внутренние экономические субъекты, составляющие материальную базу «цветной революции», нейтрализовать активность на территории России иностранных экономических структур, поддерживающих деструктивные силы, блокировать накопление и перемещение материальных средств и финансов. При одновременной материальной поддержке (преимущественно скрытой, через независимые организации) патриотических общественных организаций и движений это позволит добиться материального превосходства последних над сторонниками «цветной революции».

Экономические методы имеют значение на всех этапах подготовки и осуществления рассматриваемого сценария. Однако они наиболее важны на стадии ее предотвращения, когда «революция» только зарождается. В частности, дружественная экономическая политика по отношению к наиболее активным и экономически уязвимым слоям населения в этот период позволит значительно снизить социальную напряженность.

Так как деятельность по подготовке и проведению «цветной революции» связана с широким использованием технических средств и привлечением наемного персонала (организаторов и рекрутов), она не возможна без достаточного финансирования сетевых структур страны-мишени. Откуда берутся деньги и как происходит финансирование? Как правило, это наиболее болез-

ненный вопрос, поскольку недостаточная финансовая прозрачность делает криминальным уже весь процесс подготовки акций.

Но прозрачен, как правило, лишь первый этап – перечисление денег из-за рубежа и от отечественных частных инвесторов неправительственным и общественным организациям[1]. Получившие финансовые средства организации легально могут оплатить только небольшую часть затрат на проведение акций «умной толпы» и других «цветных революционных мероприятий». Дальше начинается криминал: оплата рекрутов и «специальных» акций. Самый криминальный путь – оплата наличными – в последнее время практически не используется. Наиболее популярный и относительно безопасный для организаторов путь – использовать для оплаты Интернет. В Европе подобные платежи давно являются объектом расследования и уголовного преследования[2], а в нашей стране, благодаря несовершенству законодательства, эта практика относительно безопасна для «мирных бунтовщиков» и очень распространена в их среде. Типичный пример сетевого отчета Б. Немцова: «…Бюджет Сахарова (митинга на проспекте Академика Сахарова) складывался из установки сцены, звукоусиливающей аппаратуры, экранов (2,5 млн руб.), проведения социологического исследования по решению оргкомитета стоимостью 252 тыс. руб.[3], организации инфраструктуры митинга (туалеты, заграждения и проч.) стоимостью 200 тыс. руб. Подробный отчет о доходах и расходах в ежедневном режиме Ольга Романова опубликовала на своей странице в Facebook, где фигурировали суммы, превышающие 2 млн руб. Эти средства без комиссии и анонимно можно было перечислить через салоны «Евросети[4]. В данном отчете и попытка оправдаться, и призыв использовать платежную сеть для анонимного сбора средств. Выход для предотвращения подобных путей финансирования «цветных» акций состоит в использовании международного опы-

[1] См. подробнее: Перечень российских организаций, получивших гранты через «Национальный фонд США за демократию» (the National Endowment for Democracy, NED). URL: www. oko-planet.su (дата обращения: 15.06.2015).

[2] См. подробнее: Типологическое исследование: Криминальные денежные потоки в сети Интернет: методы, тенденции и взаимодействие между всеми основными участниками. МАНИВЭЛ (2012) 6 (www.coe.int/cybercrime).

[3] «Проведение социологических опросов» – наиболее типичный способ легализовать оплату рекрутов под видом интервьюеров.

[4] URL: http://yablor.ru/blogs/otkuda-dengi-na-protest/2299358

та и приведении законодательства в соответствие со сложившимися реалиями.

В рамках выполнения этой задачи был принят Федеральный закон от 05.05.2014 № 110-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (федеральные законы от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе», от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», от 03.06.2009 № 103-ФЗ «О деятельности по приему платежей физических лиц, осуществляемой платежными агентами»), который направлен на упорядочение использования неперсонифицированных (анонимных) электронных средств платежа; полное исключение использования неперсонифицированных электронных средств платежа при трансграничных переводах денежных средств; исключение возможности денежных переводов с использованием неперсонифицированных электронных средств платежа между физическими лицами, в том числе на пополнение предоплаченных карт физическими лицами[1]; обязательный контроль за операциями по переводу электронных денежных средств, если сумма, на которую он совершается, равна или превышает 100 тыс. руб. либо равна сумме в иностранной валюте, эквивалентной 100 тыс. руб., или превышает ее.

Информационные методы при решении большинства задач противодействия рассматриваемому сценарию наиболее важные. Они играют ключевую роль практически на всех этапах подготовки и осуществления «цветной революции», и от эффективности их применения зависит в значительной степени возможность ее недопущения или пресечения в случае начала[2]. Именно информационное превосходство сторонников победивших «цветных революций» обеспечило успех. Неэффективное применение даже превосходящего по потенциалу информационного ресурса государственной власти приводит к ее падению.

---

[1] Реализация данного предложения позволит ограничить анонимные переводы между физическими лицами, что соотносится с требованиями ФАТФ о необходимости реагирования на высокий риск данного вида операций.

[2] См. подробнее: *Сундиев И.Ю., Смирнова А.А., Кундетов А.И., Федотов В.П.* Теория и практика информационного противодействия экстремистской и террористической деятельности: монография. М., 2014. 247 с.

«Цветная революция» не может существовать без сетевых ресурсов: это ее воздух, ее пространство, ее инструмент. Попытки лобового решения проблемы – нейтрализация «цветной угрозы» путем технического отключения сетевых ресурсов в государстве – удалась в Китае, Иране и, отчасти, в Белоруссии[1]. Уже во время «арабской весны» эта тактика оказалась бесплодной. Причина одна – мировым сообществом во главе с США доступ граждан к сетевым ресурсам был объявлен одним из фундаментальных прав человека. 12.04.2011 на конференции Freedom House в Вашингтоне был представлен подготовленный этой организацией доклад «Руководство в помощь пользователям Интернета в репрессивных государствах». Заместитель помощника государственного секретаря США Дэниел Бэр, возглавляющий Бюро по демократии, правам человека и труду, которое финансировало доклад, назвал инструменты преодоления цензуры «самым важным способом поддержки цифровых активистов и других пользователей, живущих в обстановке репрессий и зажима интернета»[2].

Государственный секретарь США Хиллари Клинтон заявила в своей речи 15.02.2011: «Соединенные Штаты продолжают помогать людям, живущим в условиях «зажима» Интернета, обходить фильтры, всегда на шаг опережать цензоров, хакеров и бандитов, которые избивают их или сажают в тюрьму за высказывания в Сети». По ее словам, Государственный департамент потратил на эту работу более 20 млн долл., а в этом (2011) году израсходует еще 25 млн долл. В этой речи Государственного секретаря США анонсировался новый проект «революции гаджетов» с использованием технологий стелс-интернета. Цель программы стелс-интернета – обойти запреты на пользование Интернетом и даже мобильными SMS, которые ввели ряд правительств в момент беспорядков в их странах. Подобные ограничения были введены весной-летом 2011 г. в Сирии, Ливии, Египте, Иране. Стелс-станции, похожие на чемоданы с антеннами, предназначены для моментального доступа в Мировую паутину в районах массовых беспорядков. Как сообщают американские источники, агенты США уже заложили целые партии вместе с модернизиро-

[1] О мировой практике ограничения контента Интернета см. подробнее: Фильтрация контента в Интернете. Анализ мировой практики. 2013. URL: http://civilfund.ru (дата обращения: 15.06.2015).

[2] URL: http://www.Freedom House.com (дата обращения: 15.06.2015).

ванными мобильниками в землю в условленных местах в «проблемных странах» – для пользования «группами диссидентов в час X»[1]. Таким образом, правительства не смогут перекрыть протестующим информационный кислород, лишив их сотовой связи и Интернета, и они смогут координировать свои действия друг с другом. Другой проект, который опирается на технологии «Mesh Network», объединяет мобильные телефоны, смартфоны и персональные компьютеры для создания невидимой беспроводной сети без центрального концентратора – каждый такой телефон действует в обход официальной сети, т.е. напрямую. Сообщается, что опытные включения такой «шпионской» сети уже производились в Венесуэле и Индонезии в 2011–2012 гг. Проводятся эксперименты и с использованием Bluetooth-технологий: скажем, рассылка важных сообщений по всем телефонам такой альтернативной сети, минуя официального интернет-провайдера. Такая функция требует только модификации микропрограмм в смартфонах, и ничего другого. При большой плотности телефонов в городах это позволит координировать протестующих, даже если мобильную сеть в районе беспорядков власти отключат совсем. Развертывание во время массовых беспорядков сотовых сетей, подконтрольных только Соединенным Штатам, не может не возмутить любое государство. По существу США создали почву для глобальных конфликтов нового уровня: теперь – в момент массовых беспорядков – в любой стране могут быстро возникать агентурные сети, объединяющие разом тысячи и десятки тысяч абонентов, работающих против своего правительства. Ни технически, ни организационно спецслужбы ни одной страны мира пока не готовы противодействовать таким угрозам, но и остаться безучастными не могут. От государственных структур требуется изменение структурно-управленческого видения ситуации. Фактически здесь речь идет о том, что пока государство как классическая иерархическая система пытается бороться с «умной толпой» (классической сетевой структурой) исключительно классическими способами. Образно говоря: госструктуры пытаются молотком победить плесень. Получается громко, зрелищно, но не эффективно. Достаточно давно подтвержденное правило с сетевыми

[1] См.: *Америка* готовит мировую интернет-войну // News Internet Electronics World Life Society. 28.07.2011.

структурами могут эффективно бороться только другие сетевые структуры, работающие в том же операционном поле, что и их противники[1].

Основные цели применения информационных методов сторонниками действующей власти – привлечь на свою сторону политически активное население, повысить морально-политический потенциал своих единомышленников, создать и поддержать благоприятный имидж за рубежом, дезорганизовать структуры противной стороны, а также отразить информационную агрессию из-за рубежа. При успешном достижении этих целей возможность реализации сценариев «цветных революций» в России в значительной степени будет нейтрализована.

Все сказанное позволяет сформулировать следующие основные выводы.

Предпринятые в 2013 г. меры для понуждения некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, к регистрации в данном качестве (в том числе принятие мер прокурорского реагирования, направление соответствующих материалов в суды для решения вопроса о привлечении к административной ответственности), оказали определенный профилактический эффект. Тем не менее, учитывая, что в настоящее время в соответствующий реестр включены еще не все организации, которые того заслуживают, в то время как, по данным Генеральной прокуратуры России, их количество значительно больше, можно говорить о необходимости использования дополнительных механизмов реагирования на массовые нарушения в деятельности НКО.

Принимая во внимание, что в соответствии с изменениями, внесенными Федеральным законом от 12.11.2012 № 190-ФЗ в ст. 275 УК РФ, государственной изменой признается, помимо прочего, оказание консультационной или иной помощи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации, представляется целесообразной проверка деятельности НКО на наличие в действиях конкретных физических лиц из числа руководящих органов признаков указанного преступления.

---

[1] См. подробнее: *Литвинов Д.* Сетевое противоборство в условиях конфликтов низкой интенсивности. Центр анализа террористических угроз. URL: www.catu.su.

Необходимо вводить практику направления органами прокуратуры и органами внутренних дел материалов о деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, в соответствии со ст. 151 УПК РФ в следственные органы федеральной безопасности для проведения проверок в порядке ст. 144, 145 УПК РФ на предмет наличия в деятельности лиц из числа руководящих органов НКО признаков преступления, предусмотренного ст. 275 УК РФ.

С учетом случаев сокрытия места нахождения НКО следует активизировать розыск скрытых из поля зрения оперативных служб некоммерческих организаций, продолжающих получать по данным Росфинмониторинга финансирование из-за рубежа, для проверки их деятельности. Данную меру необходимо осуществлять ФСБ России во взаимодействии с Генеральной прокуратурой Российской Федерации, Минюстом России и МВД России.

Правительству Российской Федерации во взаимодействии с Генеральной прокуратурой Российской Федерации необходимо разработать комплекс исчерпывающих мер для понуждения к функционированию НКО в правовом поле, неукоснительному исполнению требований Федерального закона «О некоммерческих организациях» (п. 10 ст. 13.1) о включении продолжающих политическую деятельность организаций в предусмотренный законом реестр НКО, осуществляющих функции иностранного агента.

Одной из мер, способствующих понуждению НКО, осуществляющих функции иностранного агента, к регистрации в таком качестве, может стать расширение перечня оснований ликвидации некоммерческих организаций. Так, ст. 18 Федерального закона «О некоммерческих организациях» может быть дополнена нормой о том, что НКО, выполняющая функции иностранного агента, уклоняющееся от регистрации в таком качестве, но продолжающая участвовать в политической деятельности на территории России и получать средства от иностранных источников, может быть ликвидирована по решению суда на основании заявления Генерального прокурора Российской Федерации и подчиненных ему прокуроров, Минюста России или его территориального органа.

Представляется целесообразным возложить на отдельных субъектов противодействия экстремистской деятельности,

а именно на соответствующие подразделения ФСБ России и МВД России, обязанность мониторинга информационных ресурсов на предмет наличия призывов к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности и участию в массовых (публичных) мероприятиях и своевременного направления материалов в Генеральную прокуратуру Российской Федерации в целях правовой оценки и решения вопроса о принятии мер Роскомнадзором по незамедлительному удалению противоправных контентов, блокированию интернет-ресурсов, распространяющих социально опасную информацию.

§ 3. Экстремизм на Украине: геополитические, военно-политические и криминологические аспекты

На Украине менее чем за одну неделю февраля 2014 г., на фоне завершающейся Олимпиады в г. Сочи, прошла кульминация сверхтехнологичного государственного переворота, направленного на окончательное сталкивание 45-миллионной страны, расположенной в центре Европы, обладающей значительным промышленным потенциалом, крупными рынками сбыта с российской «орбиты» на прозападную «траекторию». Спустя год президент США Б. Обама подтвердил целенаправленные действия США по смене режима в Украине[1].

Трехмесячные многотысячные митинги на центральной площади г. Киева с мирными лозунгами против коррупции, неэффективного госуправления, бедности закончились тем, что боевые вооруженные отряды последователей Бандеры – приспешника фашистской Германии под знаменем ультранационализма, вдохновленные и финансируемые США, развязав кровопролитие, по сути, привели к власти тех, кто своими первыми законодательными решениями запретил русский язык и разрешил идеологию нацизма. В частности, депутаты Верховной Рады Украины отменили закон о государственной языковой политике, предусматривавший расширение использования языков национальных

[1] См.: *Обама* признался чистосердечно. Президент США подтвердил свое участие в госперевороте на Украине // Рос. газ. 2015. 2 февр.; Представители Госдепартамента также заявили: «Мы инвестировали более 5 млрд долл., чтобы помочь Украине в достижении европейских ценностей» // Союзное вече. 2015. 5 – 11 марта.

меньшинств, в том числе русского языка. Под предлогом «предотвращения вакханалии» выдвигались инициативы о разработке законопроектов, разрешающих гражданам Украины свободно владеть огнестрельным оружием. Спустя месяц после переворота Верховная Рада приняла больше дискриминационных законов, чем Германия в первый год правления Гитлера. Законно избранный глава Украины оказался президентом в изгнании. Так называемые новые власти приняли решение о разгоне Конституционного Суда Украины, не вписывающееся ни в украинские, ни в европейские законодательные рамки. Более того, Генеральной прокуратуре Украины было дано поручение возбудить уголовные дела против членов Конституционного Суда. В то же время ультрарадикальная, неонацистская организация «Правый сектор», насчитывающая около 20 тыс. боевиков, стала превращаться в реальную политическую силу, подменять собой органы правопорядка, армию. Создалась перспектива вооружения «Правого сектора» тяжелой техникой. Его представители стали безнаказанно терроризировать русскоязычное население, представителей нацменьшинств в регионах, совершать общеуголовные преступления. «Заслуги» участников Майдана позволяли им избегать ответственности. Результатом насильственного захвата власти и тотального попрания закона, прав граждан стала анархия, ввержение страны в хаос и гражданскую войну[1].

На юго-востоке Украины население, не принявшее навязываемую идеологию и практику неонацизма, стало самоорганизовываться: от гражданских акций протеста в виде уличных митингов, шествий и демонстраций до захвата и установления контроля над административными зданиями органов власти и создания

[1] В такой обстановке инициатива властей и жителей полуострова Крым о самоопределении путем референдума стоит особняком от других региональных и мировых прецедентов по следующим причинам: 1) госпереворот (или «революция») «обнулили» прежние правила, т.е. государства как такового не стало в связи с вакуумом власти; ее нелегитимностью. Здесь вполне уместны параллели с Российской империей или РСФСР, потерявшей после революций Польшу, Финляндию; 2) большинство населения Крыма (на 2001 г. 58,5%) – русские, поэтому право на независимость возникает не у национальных меньшинств и не в международно-признанном государстве, а в стране, где власть находиться у вооруженных боевиков; 3) в Шотландии, Каталонии (Испания) референдумы проводятся в нормальных естественных условиях. В Крыму и Севастополе, по сути, в экстраординарных условиях, в ситуации крайней необходимости (криминальной вольницы в Украине, чем-то напоминающей ситуацию в Чечне образца начала 1990-х гг.).

вооруженных групп ополченцев[1]. Процессы, направленные на обретение регионами Донбасса независимости от нелегитимной центральной власти, возникли в условиях реальной угрозы безопасности их жителей, начавшегося геноцида, проводимой так называемой антитеррористической, а по сути карательной операции с применением армии и других незаконных вооруженных формирований против населения.

Согласно ст. 17 Конституции Украины на ее территории запрещается создание и функционирование каких-либо вооруженных формирований, не предусмотренных законом. Несмотря на конституционный запрет ст. 37 Основного закона о том, что политические партии и общественные организации не могут иметь военизированных формирований, пришедшее в результате насильственного захвата власти самоназначенное правительство в Киеве вместо их роспуска и разоружения занималось их легализацией для использования при подавлении восставших восточных регионов страны[2].

Милитаризация в современной Украине достигла запредельных показателей. Восстановлен не только призыв на срочную службу в Вооруженные Силы, но и проведено несколько компаний мобилизации военнообязанных. Очевидна нацеленность на активную подготовку к войне с Россией: если до последнего времени украинская армия составляла 125 тыс. человек,

[1] Практически сразу у ополченцев появилось тяжелое вооружение: танки, бронетранспортеры, артиллерийские системы, которые бескровно были отобраны у войск, передислоцированных на восток страны. По некоторым данным, арсеналы некоторых воинских частей находились под контролем и в распоряжении вооруженных отрядов ополчения Донбасса. Для спасения русскоязычного населения в вооруженное ополчение Донецкой Народной Республики вступили бывшие бойцы «Беркута» и представители так называемой самообороны Крыма. По предположениям российских военных экспертов, подтвержденным СМИ, на востоке Украины действуют ветераны спецслужб и украинские военные пенсионеры, имеющие опыт участия в военных конфликтах. В армии самообороны Донецкой республики много казаков, безработных, недавно демобилизовавшейся молодежи, есть также шахтеры и действующие милиционеры.

[2] Количество незаконных и полузаконных вооруженных формирований, их численность в Украине неуклонно возрастала: воссозданная Национальная гвардия достигла 60 тыс. человек (подразделение, основанное на базе Внутренних войск УССР, было распущено Законом Украины «О расформировании Национальной гвардии Украины» от 11.01.2000 № 1363-XIV); созданные по всей стране в структуре МВД Украины корпуса спецподразделений по охране общественного порядка на основе гражданских формирований насчитывают 12 тыс. человек; использовались и используются дополнительные вооруженные формирования, которые в большей степени подчинялись региональным властям.

то согласно закону, принятому Верховной Радой в марте 2015 г., ее численность может достигать 250 тыс.

При этом западная пропаганда раскручивает миф об агрессии России в Украине, неустанно «раскрывает» милитаристские планы по захвату сопредельных территорий, присоединении прежних республик СССР, ныне суверенных государств Балтии, Молдовы. По данным Министерства обороны Украины, на территории Донецкой и Луганской областей якобы насчитывается более 13 тыс. военнослужащих Вооруженных Сил РФ, до 300 танков, более 60 ЗРК, системы залпового огня. На начало февраля 2015 г. по информации военного ведомства Украины общие потери в зоне конфликта (боевиков и российских военных) составляют порядка 11 тыс. человек (из них военнослужащих России – около 4,5 тыс.).

Из уст руководителей сил ополчения на Донбассе звучала информация о нескольких тысячах военнослужащих – добровольцах, в период летних отпусков августа 2014 г., сражающихся в рядах народной армии Новороссии. Эксперты обоснованно сомневаются не только в приводимых «официальных» цифрах украинского ведомства, но и вообще в организованном участии российского вооруженного контингента в боевых действиях на юго-востоке Украины. Исторические параллели служат тому доказательством: самые большие потери советских войск в ходе афганской компании составляли 2–2,5 тыс. погибших в год. В Чечне в среднем ежегодно погибали (в 1995–1996 гг., с сентября 1999 г. по сентябрь 2000 г.) также порядка 2,5 тыс. российских военнослужащих. Если эти потери в Афганистане приходились на 100-тысячную группировку войск, то в Чечне – на 45-тысячную (май–июль 1996 г.)[1]. Скрыть такое количество потерь от населения в условиях информационной открытости, тем более от иностранных разведок невозможно. Количественно-качественные характеристики обеих противоборствующих группировок на всех участках ответственности, их соотношения говорят об очень невысокой плотности войск, что также опровергает возможность таких потерь.

В то же время украинская армия с середины января по февраль 2015 г. включительно по всему фронту потеряла 3574 чело-

[1] См.: *Война.* Обратная связь // Новая газ. 2015. 2 марта.

века, свыше тысячи единиц боевой техники (241 танк, 289 боевых машин и др.). Такие потери объясняются в первую очередь характером действий – ВСУ в этот период наступали. Соотношение потерь сторон в обороне и наступлении всегда высокое, среднее число обычно оценивают, как 1:4[1].

В целом в ходе вооруженного противостояния на Донбассе, по оценкам отдельных источников, убито 2372 представителя Вооруженных Сил и других силовых структур Украины. Потери в технике оцениваются в 171 танк, 372 БМП и БМД, 210 БТР, 22 сбитых самолетов и вертолетов[2]. Реальные потери в личном составе и технике, по-видимому, гораздо выше, с учетом неумелого командования, массовой гибели людей в Изваринском, Иловайском, Дебальцевском котлах. Например, немецкие спецслужбы оценивают вероятное число погибших украинских военнослужащих и мирных жителей до 50 тыс. человек, что существенно превышает цифры ООН.

Сравнительный анализ пусть и приблизительных данных задействованных ресурсов, общих людских потерь, а также соотношения погибших сторон на юго-востоке Украины с другими вооруженными конфликтами, с боевыми действиями армий других государств против иррегулярных вооруженных формирований, с операциями спецслужб против террористов с большим основанием позволит отнести происходящие события на Украине к тому или иному уровню проявлений негативных социальных явлений, подтвердить или опровергнуть участие в них России.

Так, с момента начала контртеррористической операции, проводимой в Северо-Кавказском регионе с августа 1999 г., погибло 2700 сотрудников органов внутренних дел. Потери Министерства обороны составили 2026 человек. Значительные потери несет Министерство внутренних дел и сегодня, в мирное время. Точная статистика потерь среди сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих в борьбе с криминальным антигосударственным экстремизмом на юге России отсутствовала вовсе либо не освещалась. В текущий момент имеется противоречивая информация о количестве уничтоженных и еще действующих боевиков в Северо-Кавказском регионе. Контент-анализ фе-

[1] *Война.* Обратная связь // Новая газ. 2015. 2 марта.
[2] См.: Союзное вече. 2015. 5–11 марта.

деральной прессы выявил, что число погибших представителей силовых структур как федерального, так и местного уровня в 2007–2008 гг. было сопоставимо либо превышало количество ликвидированных участников незаконных вооруженных формирований. По данным интернет-сайта «Кавказский узел» в 2012 г. в СКФО убито и ранено 1225 человек, в 2013 г. – 986. За 2012–2013 гг. на территории округа убито и ранено 1139 боевиков и 1072 силовиков и гражданских лиц. Большее число жертв приходится на Республику Дагестан. Подсчитано, что людские потери здесь выше потерь в грузино-осетинской войне 2008 г., где применялись артиллерия и авиация. Тем не менее, количество погибших в ходе контртеррористических операций в СКФО в последние годы гораздо меньше чем на Донбассе. Неприменение боевой техники спецподразделениями, неподключение в полной мере армии также не позволяет минимизировать потери среди сотрудников и военнослужащих. Неожиданность, внезапность террористических актов и нападений, преимущества субъекта агрессии влекут значительные потери среди мирных граждан и представителей власти.

Не самым лучшим образом действуют спецслужбы в Индии. Как эффективно действующее отмечают исследователи специализированное противоповстанческое военизированное формирование – Государственные стрелки (ГС): к 1998 г. оно уничтожило в общей сложности 1516 террористов, 3932 было захвачено в плен[1]. Вместе с тем, чтобы понять эффективность функционирования данного подразделения, необходимо знать потери с его стороны. ГС запросило у Правительства Индии дополнительно 35 тыс. военных единиц. Не исключено, что это и результат потерь. Одним из критериев его деятельности будет соотношение убитых и раненных боевиков и сотрудников данного формирования, гражданских лиц. Подтверждают сомнения в эффективности действий специального армейского формирования в борьбе с террористами множественные обвинения в нарушении прав человека со стороны мирного населения[2].

Даже в рамках ограниченных по масштабу (численности задействованных сил и незначительной территории) антитеррори-

[1] *Ходатенко Е.Н.* История правового регулирования борьбы с терроризмом в Индии (1947–2004 гг.): теория, практика, региональный опыт: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Владимир, 2011. С. 37.

[2] Там же. С. 38.

стических операций отечественным и зарубежным спецподразделениям полиции не всегда удается успешно использовать чрезвычайные меры. Для ликвидации террористов «без эмоций и колебаний» сотрудникам спецслужб нужны и правовые основания, правовые рамки функционирующего режима контртеррористической операции. Без них «трудно разрешимой проблемой являются допустимость и пределы использования против террористов и террористических организаций вооруженных сил и оружия неперсонифицированного воздействия. Как известно, любая военная акция и любое применение оружия в отношении неопределенного круга лиц (даже если среди них действительно есть террористы) оставляют после себя невинно пострадавших и сочувствующих им. Несправедливость в этом случае способна не только рождать новых террористов, но и вдохновлять нынешних»[1].

Ни в какое сравнение не идут потери военных США в Ираке и Афганистане, особенно на фоне количества уничтоженных иракцев и талибов, против которых они проводили спецоперации.

Цена военного вторжения США в Ирак, осуществленного без одобрения Совета Безопасности ООН в 2004 г., невероятно высока: на менее 4,5 тыс. погибших американских военнослужащих пришлось от 150 тыс. до нескольких миллионов погибших иракцев. Среди них 80% – гражданские лица. Было потрачено около 50 млрд долл. на реконструкцию Ирака в сравнении с 3 трлн долл., израсходованными на всю иракскую кампанию.

Результат вторжения: не прекращающиеся террористические акты в этой стране уносят почти каждый день жизни десятки мирных людей. Начиная со второй половины 2014 г. часть страны находится под контролем террористической организации ИГИЛ.

Цена военной компании США, начатой с 2001 г. в Афганистане, впечатляет не меньше: 110 млрд долл. составили ассигнования на военные программы в данной стране и лишь 2 млрд долл. было выделено на ее социальные программы.

Следствием экспансии стран Запада стала в настоящее время еженедельная гибель в городах Афганистана десятков полицейских и военнослужащих (в 2012 г. погибало примерно 110

[1] См.: *Максимов С.В.* Вступительная статья к работе Павлинова А.В. Федеральные законы «О противодействии экстремистской деятельности» и «О противодействии терроризму»: комментарии, практика. М., 2006. С. 6.

солдат афганской армии и 200 полицейских в месяц; в течение 2014 г. потери афганских сил безопасности составили 4634 человека убитыми). В свою очередь за 8 месяцев 2012 г. было уничтожено более 4,2 тыс. боевиков Талибана и примерно столько же арестовано. Несколько увеличилось оно в последующие годы. Таким образом, соотношение потерь Талибан/Афганская армия равняется 1:1 или 1,6:1. Несопоставимы потери международной коалиции сил в ходе военной операции против движения Талибан. Согласно данным министерств обороны США и Великобритании, с 07.10.2001 до 31.12.2014 (т.е. за 13 лет) боевые и небоевые потери международной коалиции в ходе операции «Несокрушимая свобода» в Афганистане составили 3485 военнослужащих погибшими. Наибольшие потери понесли США (2356), Великобритания (453). Приблизительное соотношение потерь Талибан и американских войск, сил ISAF равняется 15:1 или даже 20:1[1].

Приведенное сравнение ясно показывает одно: на территории Донбасса действуют не какие-то террористы-боевики, а способные эффективно противостоять как незаконным вооруженным формированиям националистов, так и армейским частям Украины вооруженные подразделения; отсутствует прямое участие российских войск в боях на юго-востоке, как и обширное вовлечение в конфликт представителей российских подразделений. Иначе показатели соотносимости потерь сторон, общего количества жертв (именно с украинской стороны) были бы иными, схожими с числом жертв американских милитаристских экспансий.

Между тем безучастно взирать на происходящие на Донбассе события Россия не могла и не может в силу национально-культурного, исторического родства, тесных экономических взаимосвязей, территориального соседства. Тем более, когда ситуация там, в Украине в целом давно переросла рамки проявлений государственной преступности, исходящей из Киева, насильственного антигосударственного экстремизма. С лета 2014 г. после начала массированного применения реактивных систем залпового огня по жилым кварталам городов ДНР и ЛНР она представля-

[1] Инструментом такой гегемонистской, имперской политики являются 6 тыс. военных баз в самих США и более 1 тыс. во всем мире. В 2011 г. 78% оружия по всей планете продают США. Из 3 трлн долл. в 2010 г. в бюджете США 1,3 трлн предназначены для разведки и армии // Первый канал (эфир от 31.01.2015).

ет собой внутренний вооруженный конфликт немеждународного характера.

Даже в текущих условиях относительного соблюдения Минских соглашений, не говоря уже об острых фазах боевых действий, Луганск и Донецк признаются чрезвычайно опасными для проживания из всех европейских городов[1]. Число беженцев из данного региона, по самым осторожным подсчетам, приближается к миллиону человек и их поток в основном устремлен в Россию.

Участие с обеих сторон конфликта многочисленных граждан других государств (США, Польши, России, Осетии, Грузии и др.), оружия и техники иностранного производства небезосновательно позволяет относить его к разряду международного характера. Поставки оружия украинской армии со стороны Пентагона, на которые американская администрация и ВПК готовы выделить от одного до трех миллиардов долларов, могут привести к переходу конфликта на уровень полномасштабной войны.

Следует подчеркнуть, что современное международное гуманитарное право определяет любое военное противостояние с применением вооружения как «вооруженный конфликт», включая в это понятие как войну (глобальную, региональную, локальную), сопровождающуюся разрывом дипломатических отношений между сторонами, так и вооруженные столкновения внутри государств. Военная доктрина Российской Федерации в качестве основных понятий также использует термины «военный конфликт» и «вооруженный конфликт». К военным конфликтам п. «г» ст. 8 относит «форму разрешения межгосударственных или внутригосударственных противоречий с применением военной силы (понятие охватывает все виды вооруженного противоборства», включая крупномасштабные, региональные, локальные войны и вооруженные конфликты)». Вооруженный конфликт согласно п. «д» ст. 8 – это «вооруженное столкновение ограниченного масштаба между государствами (международный вооруженный конфликт) или противостоящими сторонами в пределах территории одного государства (внутренний вооруженный конфликт)». Таким образом, сложилось одинаковое понимание клю-

[1] Грозный, Донецк и Луганск – опаснейшие города Европы. URL: https: // news.mail.ru/society/22101265/?frommail=1

чевого термина «вооруженный конфликт» на международном и национальном уровне.

Военная доктрина Российской Федерации (п. «и», «к», «л» ст. 12) к основным внешним военным опасностям относит наличие очагов и эскалацию вооруженных конфликтов на территориях государств, сопредельных с Российской Федерацией и ее союзниками; растущую угрозу глобального экстремизма (терроризма) и его новых проявлений в условиях недостаточно эффективного международного антитеррористического сотрудничества..; возникновение очагов межнациональной и межконфессиональной напряженности, деятельность международных вооруженных радикальных группировок, иностранных частных военных компаний в районах, прилегающих к государственной границе Российской Федерации и границам ее союзников, а также наличие территориальных противоречий, рост сепаратизма и экстремизма в отдельных регионах мира.

В ст. 13 к основным внутренним военным опасностям причисляются: а) деятельность, направленная на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, дестабилизацию внутриполитической и социальной ситуации в стране; б) деятельность террористических организаций и отдельных лиц, направленная на подрыв суверенитета, нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации[1].

Принятие во многом новой Военной доктрины обусловлено в том числе стремительным изменением геополитической обстановки в мире, растущими и изменяющимися военными опасностями и угрозами, событиями в Украине, начавшимися намного раньше февраля 2014 г. Не случайно к числу прежних внутренних военных опасностей добавилась и не носящая насильственный характер деятельность по информационному воздействию на население, в первую очередь на молодых граждан страны, имеющая целью подрыв исторических, духовных и патриотических традиций в области защиты Отечества (п. «в» ст. 13).

В России в 1990-е гг. и «нулевые» остервенелое бичевание советского прошлого, поддерживаемое частью национальной элиты (особенно показательно оно проявилось в проекте «Имя

[1] Военная доктрина Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 25.12.2014 № Пр-2976) // Рос. газ. 2014. 30 дек.

России» ТВ канала «Россия» в 2008 г.) и развернутое на государственном уровне в отдельных странах ближнего зарубежья (президент Украины В. Ющенко развернул антироссийскую, антикоммунистическую кампанию на истории голодомора), выглядело не случайным. Уход от текущих проблем, стремление сбить накал социального протеста и противоречий, отвлечение от масштабных финансовых афер мирового правительства глобалистов – задача таких действий.

Российской молодежи следует знать и помнить объективную картину исторического прошлого: проблемы голода как массового социального бедствия коснулись всего мира. В частности, отечественные (С.П. Капица) и зарубежные (С. Деверо, А. де Ваал) исследователи отмечают неисчислимую смертность от голода в 1920–1930-х гг. в Африке, большинство случаев голода в современный период на африканском континенте. В США в 1930-е гг. великой экономической депрессии прошлого столетия Национальный совет безработных выводил на улицы демонстрации, достигающие 500 тыс. человек. Обстановка в целом приближалась к революционной. В марте 1930 г. одновременно на улицы городов вышло почти 1,5 млн демонстрантов, требовавших работы и хлеба. Департамент здравоохранения г. Нью-Йорка констатировал в то время, что более одной пятой учеников начальных школ страдали от недоедания[1].

В Военной доктрине Российской Федерации систематизированы характерные черты и особенности современных военных конфликтов, в том числе комплексное применение военной силы, политических, экономических, информационных и иных мер невоенного характера, реализуемых с широким использованием протестного потенциала населения и сил специальных операций; участие в военных действиях иррегулярных вооруженных формирований и частных военных компаний (п. «а», «з» ст. 15)[2].

---

[1] См.: *Яковлев Н.Н.* Франклин Рузвельт: человек и политик. Новое прочтение. М., 1981. С. 110, 129; *Arthur M.* Schlesinger, jr. The Crisis of the Old Order, p. 3 / (цит. по: *Иванян Э.А.* Белый дом: президенты и политика. М., 1976. С. 154).

[2] Синхронное изменение представления о вооруженных конфликтах и войнах находит отражение на концептуальном, нормативном уровне в США. Главным в Новой оперативной концепции армии США «Победа в сложном мире 2020–2040 гг.» является то, что помимо изменения облика войны (Запад и в доктрине в целом все чаще уходит от четкого и юридически определенного термина «война», заменяя его понятиями «конфликт», «противоборство» и др.), значительно расширяется сфера противоборств. Сферами войн впер-

По данным российских исследователей, начиная с конца 1980-х гг. на территории бывшего Союза зафиксировано пять региональных длительных вооруженных столкновений с участием регулярных войск и использованием тяжелого оружия. Имеются в виду карабахский, таджикский, юго-осетинский, приднестровский и чеченский конфликты. Около 20 кратковременных вооруженных столкновений сопровождались жертвами среди мирного населения. Более ста невооруженных конфликтов, по мнению исследователей, имели признаки межгосударственной, межэтнической или межконфессиональной конфронтации, причем в районах, подвергшихся столкновениям, погромам и этническим чисткам, проживали более 10 млн человек, а численность убитых в этих конфликтах (за исключением чеченского) на постсоветском пространстве составляет около 100 тыс. человек. По данным же депутатов различных фракций Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, в межнациональных конфликтах на территории бывшего СССР за последние пять лет XX столетия погибли более 600 тыс. человек. Прямой материальный ущерб в горячих точках России и стран СНГ в общей сложности оценивается суммой в 15 млрд долл.[1]

Мировая история свидетельствует о том, что вооруженные конфликты в мире никогда не прекращались, и только за последние 55 лет на Земле зафиксировано около 30 средних по размеру войн и более 400 вооруженных конфликтов[2]. Мировое сообщество продолжает жить в условиях войн и вооруженных конфликтов, непрерывных вспышек насильственного антигосударственного

вые официально признаются не только традиционные боестолкновения с использованием летального оружия, но и противоборства в сфере дипломатии, внутриполитические гражданские конфликты, информационные войны, финансово-экономические войны, жесткое технологическое противоборство и, наконец, поведенческие войны (см.: *Ларина Е., Овчинский В.* Запад разжигает войну // Завтра. 2015. 12 февр.).

Экс-начальник Генерального штаба ВС РФ Ю. Балуевский отмечает, что курс США и их союзников направлен на переформатирование населения неугодных им стран через их хаотизацию. Эта цель достигается различными способами с применением всех современных информационных, коммуникационных и социальных технологий. При этом военные конфликты получают красивые названия: «сетевая» и «кибервойна», а теперь и «гибридная война» (см.: *Гибридная* война: проблемы и перспективы постконфликтного урегулирования (ч. I) // Независимая газ. 2015. 13 марта).

[1] *Айрапетова Н.* 600 тысяч человеческих жизней – за передел постсоветского пространства // Независимая газ. 2001. 28 июня.

[2] *Толкаченко А.А.* О роли права в предотвращении войн и вооруженных конфликтов // Право в Вооруженных Силах. 2002. № 6. С. 7.

экстремизма. Сейчас в мире насчитывается около 200 конфликтных этнических регионов, где существует острое недовольство тем, сколько суверенитета им отмерено национальными конституциями[1].

Многие из этих конфликтов – результат прямого вмешательства США, других стран Запада во внутренние дела суверенных государств, которыми разыгрывается «карта» экстремизма и в том числе терроризма в качестве средства эскалации конфликтов и противоречий на государственном, региональном и на глобальном цивилизационном уровне.

В странах с кризисом государственной власти международные группы террористов – «борцы за права человека, политические и экономические свободы» используют социально-экономическую, политическую нестабильность, национальную и религиозную нетерпимость, гражданские беспорядки в собственных целях и в целях своих «покровителей», втягивая такие государства в вооруженные конфликты. Как никогда ярко на практике испытана методика «управляемого хаоса». Свержение ливийского режима Западом произошло путем использования внутренних противоречий, вылившихся в насильственный антигосударственный экстремизм со стороны оппозиции и гражданскую войну, приведшую к гибели более 50 тыс. человек, поддержанную извне. Под флагом борьбы с диктаторским режимом в Сирии пятый год продолжается гражданская война, уже унесшая жизни от 120 до 200 тыс. человек и причинившая материальный ущерб в размере 21,6 млрд долл.

Наряду с использованием военной мощи экспорт «демократии» осуществлялся при помощи «мягкой силы» без применения оружия, за счет информационных и других технологий. Четыре ненасильственные «революции» в Евразии тому пример: Сербия, октябрь 2001 г. – президент С. Милошевич свергнут в результате «бархатной революции»; Грузия, ноябрь 2003 г. – Э. Шеварднадзе лишен власти после «революции роз» в г. Тбилиси; Украина, декабрь 2004 г. – «оранжевая революция» дает власть в руки В. Ющенко; Киргизия, март 2005 г. – «тюльпановая революция», которая в конечном итоге также свергает действовавший режим.

[1] *Независимость* Косово и его политический подтекст // Рос. газ. 2008. 19 февр.

Как отмечает С.Ю. Глазьев, «развязываемая Вашингтоном мировая война отличается от предыдущей отсутствием фронтовых столкновений враждующих армий. Она ведется на основе использования современных информационно-когнитивных технологий с опорой на «мягкую силу» убеждения в добровольной капитуляции и ограниченного применения военной силы в отношении непокорных. Расчет делается на поражение общественного сознания противника, дестабилизацию его внутреннего состояния, подкуп продуктивной элиты, разрушение институтов государственной власти и свержение легитимного руководства с последующей передачей власти марионеточному правительству, функции которого сводятся к обслуживанию интересов американского капитала. Поэтому такие войны называют хаотическими: жертва до последнего момента не чувствует угрозы со стороны противника. В решающий момент происходит их подрыв с военным подавлением возникающих очагов сопротивления»[1].

Более того, во введении к Новой оперативной концепции армии США «Победа в сложном мире 2020–2040 гг.» объясняется, что именно армии, в соответствии с официально принятым документом, предстоит после завершения военных действий нести основную нагрузку по переформатированию жизни и менталитета населения стран и регионов, представляющих собой угрозу американской исключительности[2]. Поэтому допустить такого развития события в Украине, а тем более в России, никак нельзя.

Вообще «постконфликтное урегулирование становится все сложнее, все продолжительнее. Дефрагментация народа государства – жертвы агрессии, появление в нем в ходе боевых действий новых факторов международных отношений, разложение, а зачастую и прямое уничтожение части элиты всех сторон конфликта делают процесс его урегулирования очень сложным, требующим порой многих лет целенаправленной работы по восстановлению мира и спокойствия»[3].

Эффективно разрешить внутриполитический кризис, подобный украинскому, можно лишь на первоначальных стадиях разви-

[1] *Глазьев С.* Украинская катастрофа: от американской агрессии к мировой войне? («Коллекция Изборского клуба»). М., 2015. С. 92–93.
[2] *Ларина Е., Овчинский В*. Указ. соч.
[3] *Гибридная* война: проблемы и перспективы постконфликтного урегулирования (ч. I) // Независимая газ. 2015. 13 марта.

тия, когда проявления насильственного антигосударственного экстремизма еще не выходят на уровень вооруженного конфликта. Здесь свое слово еще может сказать уголовный закон. Представляя криминологический анализ событий в Украине 2014 г., следует остановиться на их правовой оценке с учетом не примененных, а лишь существовавших уголовно-правовых норм УК Украины. Их потенциал можно лучше понять, используя метод сравнительного анализа содержания уголовно-правовых запретов глав 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» и раздела I УК Украины «Преступления против основ национальной безопасности Украины», глав 33 УК РФ «Преступления против военной службы» и раздела XIX УК Украины «Преступления против установленного порядка несения военной службы (воинские преступления)». Он позволяет сделать следующие выводы и заключения:

1. В отличие от такого антигосударственного преступления, как насильственный захват власти или насильственное удержание власти (ст. 278 УК РФ), объективная сторона которого представлена широким спектром действий, включающим в том числе насильственное удержание власти, схожий по содержанию объективной стороны, но отличающийся по названию уголовно-правовой запрет ст. 109 «Действия, направленные на насильственное изменение либо свержение конституционного строя или на захват государственной власти» УК Украины предусматривает такую неизвестную российскому закону слагаемую внешней стороны, как заговор на совершение таких действий. Дифференцированный подход законодателей двух стран к оценке общественной опасности содеянного проявляется в следующем: если российская сторона связывает ее только с насильственным способом содеянного, то украинская не всегда. Захват государственной власти, а тем более заговор на совершение таких действий криминализирован вне связи с насилием (отчасти это объясняет меньший карательный потенциал санкции ч. 1 ст. 109 УК Украины по сравнению со ст. 278 УК РФ). Тем не менее, несмотря на очевидно противоправный характер и с позиции закона, и с точки зрения произошедшего в Киеве захвата власти, никто из его участников не был привлечен к ответственности. Более того, действия государственных преступников, путчистов поощрялись и про-

должают поддерживаться извне, приводят к цепи неконституционных событий, сомнительных с позиций легитимности (выборы президента Украины в мае 2014 г., так называемая антитеррористическая операция на юго-востоке страны).

2. По сравнению с существующей в УК РФ иерархией объектов уголовно-правовой охраны «личность – общество – государство» в УК Украины на первое место помещен раздел «Преступления против основ национальной безопасности Украины» как отражение консенсуса о том, что защита прав и свобод личности находится в непосредственной зависимости от состояния национальной безопасности. Однако в действительности приоритет в обеспечении государственной безопасности, первенство в реализации принципа законности, в соблюдении и применении закона в Украине с февраля 2014 г. были отброшены. И, как следствие, когда нет закона либо закон не действует – общество разрознено, разрушается государство.

В УК Украины предусмотрена и ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, как и в ст. 280 УК РФ. В кодифицированном акте Украины она рассредоточена по нескольким составам ст. 110.1 «Экстремистская деятельность» и ч. 2 ст. 109 «Действия, направленные на насильственное изменение либо свержение конституционного строя или на захват государственной власти». Причем ни в одной из них содержащиеся нормы по объему не совпадают с российским уголовно-правовым запретом, за исключением наличия отягчающего признака «совершенные с использованием средств массовой информации» ч. 3 ст. 109 УК Украины. Тем не менее из содержания уголовно-правового запрета «Экстремистская деятельность» (ст. 110.1 УК Украины) и примечания к нему явствует, что под ней понимается «совершение действий в целях насильственного изменения или свержения конституционного строя, посягательство на территориальную целостность, неприкосновенность, суверенитет государства, насильственного захвата или удержания власти или властных полномочий, незаконного вмешательства в деятельность или препятствования законной деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления,

других субъектов властных полномочий...»[1]. Данная деятельность получила активное распространение в Украине с начала 2014 г., но осталась без должной правовой оценки и реакции со стороны законной власти.

3. Если российское правовое пространство только пополнилось уголовно-правовыми средствами борьбы с вербальным сепаратизмом, введенными в действие лишь с мая 2014 г. (ст. 280[1] УК РФ), то ст. 110 УК Украины предусматривает ответственность и за умышленные действия, совершенные с целью изменения границ территории или государственной границы Украины помимо самих публичных призывов или распространения материалов с призывами к совершению таких действий. Квалифицированный состав ее также представлен более широким спектром отягчающих признаков. Однако считаем невозможным рассматривать действия ополчения Донбасса, с оружием в руках вставших на защиту своей земли жителей Донецкой и Луганской республик, в подавляющем большинстве проголосовавших на референдумах за свою независимость, через призму содержания анализируемых уголовно-правовых норм по изложенным причинам.

4. Проведенный сравнительный анализ содержания уголовно-правовых запретов гл. 33 УК РФ и раздела XIX УК Украины показал: закрепление возможности принятия и действия специальной уголовной ответственности, законов военного времени, альтернативных действующему УК РФ, законодательству Украины неизвестно. Более того, в действующем УК Украины в качестве отягчающих обстоятельств во многих статьях закреплены такие признаки преступления как «совершенное в условиях военного положения либо в боевой обстановке». Отсутствие в санкциях данных норм наказания в виде смертной казни не помешало боевикам Нацгвардии расстреливать военнослужащих Украины без суда и следствия за неисполнение приказа стрелять в мирных жителей и ополчение юго-востока.

Извлекая уроки из современных трагических событий на Украине, остановимся на нескольких деталях.

---

[1] Отметим также, что широкий запрет экстремистской деятельности (ст. 110.1 УК Украины) отчасти соотносим с ключевым экстремистским преступлением ксенофобского типа, предусмотренным ст. 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» в УК РФ. Они во многом соотносятся как часть и целое.

Как правильно отмечал В.В. Лунеев еще в 1992 г., Президент Российской Федерации Б. Ельцин, выступая на конгрессе интеллигенции России, пугал его участников тем, что «угроза фашизма реальна». Если он имел в виду оппозиционеров его антинародной и незаконной деятельности, то такая угроза для него была. Серьезной же социальной базы для фашизма в стране, которая от него пострадала, но победила, не было и нет[1].

Тем не менее некоторые общественные правозащитные организации северной столицы на протяжении десятилетий били в набат о нацистской угрозе в России: проводили конференции, выпускали сборники, например, общеполитических рекомендаций, хрестоматии в защиту личности от дискриминации и все это при финансовой поддержке официальных западных кругов и фондов[2]. Об опасности возрождения фашизма в Украине, который взращивался десятилетиями, они почему-то молчали. Реакции осуждения происходящих там зверств нет до сих пор, несмотря на сотни убитых, сожженных заживо мирных людей, тысячи несогласных репрессированных и сотни тысяч дискриминированных по языковому и национальному признаку.

Мы не разделяли и не разделяем имеющуюся научную точку зрения, сводящую экстремизм лишь к проявлениям национальной, религиозной, социальной вражды и ненависти, и не придерживаемся точки зрения о том, что экстремизм полностью «сливается» с фашизмом и Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» направлен именно против данного явления в нашей стране. Представляется, что основной потенциал названного закона все же должен быть использован для защиты конституционного строя, территориальной целостно-

---

[1] *Лунеев В.В.* Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2005. С. 386.

[2] См.: Материалы: круглого стола 25.06.1996 «Возможность прихода нацистов к власти в России» совместный проект с немецким фондом «Бунтштифт»; круглого стола июля 1996 г. «Опасность прихода российских фашистов к власти законным путем в провинции»; конференции октября 1995 г. «Неонацизм как интернациональное явление: общая опасность»; круглого стола 29.04.2000 «Что такое расизм в его конкретных проявлениях?» при поддержке Фонда Форда и Международной Лиги по Правам Человека (США); сборник общеполитических рекомендаций Европейской Комиссии по борьбе с расизмом и нетерпимостью (СПб., ОО «Гражданский контроль», 2008); хрестоматия: Защита личности от дискриминации. В 3 томах. М.: Новая юстиция, 2009 (издание осуществлено при поддержке Фонда глобальных возможностей МИД и по делам Содружества Великобритании и Института «Открытое общество»).

сти от наиболее опасных, масштабных, насильственных вооруженных посягательств. Он должен рассматриваться в аккумулятивной совокупности с положениями антитеррористического, военного и чрезвычайного законодательства Российской Федерации. Идеология же наиболее опасных, масштабных проявлений антигосударственного экстремизма может быть любой: ваххабитской, фашистской, либеральной.

В условиях отсутствия официально закрепленной идеологии в России, в условиях отсутствия единой, воспринимаемой всеми идеологии роль закона значительно возрастает. Если советское общество было едино, то сейчас оно раскололось на страты, прослойки. Оно поляризовалось и поляризуется. Только закон, следование закону могут объединить общество, стать интегративным знаменателем жизни общества, позволят избежать разрушительных антигосударственных потрясений.

§ 4. Пресечение экстремистской деятельности радикальных украинских организаций на территории России

Секретарь Совбеза России Н.П. Патрушев, выступая 21 апреля 2015 г. в г. Воронеже на совещании о мерах обеспечения национальной безопасности, назвал основные угрозы для России, в числе которых и проникновение националистов с Украины, и приток украинских беженцев. Опасность наплыва в Россию «членов украинских националистических структур, бандитских формирований» с территории Украины, заявил глава Совбеза России, существует в четырех субъектах ЦФО – Брянской, Белгородской, Воронежской и Курской областях, а оперативная обстановка на российско-украинской границе «остается непростой». Н. Патрушев напомнил о задержании 25 граждан Украины, которые готовили теракты в семи российских регионах. «От пограничной службы ФСБ России, Росграницы, руководителей субъектов Российской Федерации требуется скоординированная работа по укреплению российско-украинской границы и совершенствованию пограничной инфраструктуры»[1].

[1] URL: http://www.kommersant.ru/doc/2713953

Правоохранительными органами Российской Федерации установлено, что одна из целей неофашистских организаций, действующих в Украине, состоит в дестабилизации ситуации на территории Крымского, Южного и Центрального федеральных округов.

Например, в Волгоградской области лицами, поддерживающими идеи украинской националистической партии «Правый сектор», в 2014 г. предпринимались попытки организации массовых мероприятий в нарушение установленного законом порядка. Отмечались факты демонстрации символики указанной организации[1].

Правоохранительными органами выявляются факты вербовочной деятельности, осуществляемой членами экстремистской организации «Правый сектор» на территории Российской Федерации.

Так, Главным следственным управлением Следственного комитета Российской Федерации завершено расследование уголовного дела в отношении гражданина России А. Он обвиняется в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 282 УК РФ и ч. 1 ст. 359 УК РФ. По версии следствия, с марта по май 2014 г. А., движимый идеями нацизма, выезжал на территорию Украины, где прошел боевую и идеологическую подготовку в рядах запрещенной на территории Российской Федерации экстремистской организации «Правый сектор», после чего вернулся в Россию, где вербовал лиц в ряды указанной экстремистской организации[2].

В конце 2014 г. Генеральный прокурор Российской Федерации обратился в Верховный Суд Российской Федерации с заявлением о признании украинских организаций «Правый сектор», «Украинская национальная ассамблея – Украинская народная самооборона» (УНА-УНСО), «Украинская повстанческая армия» (УПА), «Тризуб им. Степана Бандеры», «Братство» экстремистскими и запрете их деятельности на территории Российской Федерации, поскольку их деятельность посягает на основы конституционного строя Российской Федерации и ее территориальную

[1] Информационное письмо «О принятии дополнительных мер, направленных на противодействие экстремистским проявлениям» управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации в Южном федеральном округе от 10.12.2014.

[2] Сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: http://sledcom.ru/news/-item/943943/?type=news&more_link=1&_=48293 (дата обращения: 07.07.2015).

целостность, влечет за собой нарушение прав и свобод человека и гражданина, причинение вреда личности, здоровью граждан, общественному порядку и общественной безопасности.

В суде представители Генеральной прокуратуры Российской Федерации поддержали заявленные требования и пояснили, что украинские организации «Правый сектор», УНА-УНСО имеют свои структурные подразделения в регионах Украины, а также в Республике Крым, г. Симферополе, г. Керчи, г. Евпатории и в г. Севастополе.

Представители ФСБ России, Минюста России поддержали заявленные требования о признании украинских организаций «Правый сектор», УНА-УНСО, УПА, «Тризуб им. Степана Бандеры», «Братство» экстремистскими и запрете их деятельности на территории Российской Федерации.

Выслушав объяснения представителей Генеральной прокуратуры Российской Федерации, ФСБ России, Минюста России, исследовав материалы дела, Верховный Суд Российской Федерации признал, что заявление Генерального прокурора Российской Федерации подлежит удовлетворению.

Факт участия российских граждан в украинских националистических организациях установлен, в том числе, и международными экспертами. Например, Международная организация уголовной полиции (Интерпол) разыскивает граждан Российской Федерации, придерживающихся националистической идеологии (Романа Железнова («Зухель») и Артема Широбокова («Есенин»), воюющих в составе украинского батальона «Азов»[1].

В Российской Федерации запрещаются создание и деятельность общественных и религиозных объединений, иных организаций, цели или действия которых направлены на осуществление экстремистской деятельности (ст. 9 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»). Между тем на территории Российской Федерации без официальной регистрации функционирует ряд таких украинских объединений.

Важная роль в проведении деструктивной деятельности принадлежит «Украинской национальной ассамблее – Украинской народной самообороне» (УНА-УНСО), которая, по сути, правопреемник «Организации украинских националистов»

[1] URL: http://www.rosbalt.ru/ukraina/2015/06/29/1413338.html (дата обращения: 01.07.2015).

(ОУН) и «Украинской повстанческой армии» (УПА), воевавших на стороне гитлеровской Германии и признанных решением Нюрнбергского трибунала коллаборационистскими.

УНА-УНСО состоит из партии – УНА и военной организации – УНСО. Уставные и программные документы УНА-УНСО направлены на пропаганду насилия по политическим, расовым, национальным и религиозным мотивам, прославление «общественной значимости» известных террористов, нацистов и их пособников. УНА-УНСО выступает за создание на полиэтнической основе новой украинской нации и за объединение всех славянских земель в единую империю «от Адриатики до Тихого океана» со столицей в г. Киеве.

После создания организации ее члены провели ряд националистических акций. Так, в 1991 г. ими устроены массовые драки с русскоязычным населением, в 1992 г. проведен захват Киево-Печерской лавры с избиением православных священников, в 1995 г. на заседании Верховной Рады Украины депутаты от УНА-УНСО демонстративно сожгли российский флаг.

Особое место в деятельности УНА-УНСО занимает участие ее членов в вооруженных локальных и региональных конфликтах на территории бывшего СССР. В 1992 г. во время Приднестровского конфликта добровольцы УНА-УНСО принимали участие в боевых действиях на стороне Молдавии, в 1993 г. – в боевых действиях в Абхазии на стороне вооруженных сил Грузии.

В августе 2008 г. члены УНА-УНСО в качестве наемников участвовали в вооруженной агрессии Грузии против Южной Осетии. По фактам геноцида и массовых убийств граждан Российской Федерации Следственным комитетом Российской Федерации 12.08.2008 возбуждено уголовное дело, соединенное в одном производстве с уголовным делом, возбужденным 04.03.2010, в связи с указанными военными действиями. В ходе его расследования получена информация об участии в вооруженном конфликте не менее 200 членов УНА-УНСО.

В 1990 гг. при проведении Вооруженными Силами Российской Федерации контртеррористической операции на территории Чеченской Республики члены УНА-УНСО в качестве наемников принимали участие в боевых действиях на стороне незаконных вооруженных формирований.

В 2013 г. по инициативе украинской националистической организации «Тризуб им. Степана Бандеры» была создана группировка «Правый сектор», в который были делегированы представители УНА-УНСО и к концу января 2014 г. «Правый сектор» начал позиционировать себя как самостоятельную общественно-политическую силу, объявил о сформировании своего политического совета.

В основу идеологии «Правого сектора» заложены радикальный украинский национализм и подчеркнутая русофобия. Одна из заявленных целей «Правого сектора» – осуществление вооруженного противодействия «российской агрессии в Крыму».

Так, в мае 2014 г. органами Федеральной службы безопасности раскрыты совершенные сторонниками «Правого сектора», объединившимися в террористическое сообщество, два террористических акта и пресечена подготовка к третьему в г. Симферополе. Следственным управлением ФСБ России расследуется уголовное дело, в рамках которого установлено, что не позднее 10.04.2014 сторонником «Правого сектора» организовано террористическое сообщество для совершения террористических актов в целях дестабилизации деятельности органов власти Республики Крым и воздействия на принятие решения органами власти Российской Федерации о выходе Республики Крым из ее состава. Участники сообщества совершили два террористических акта – поджоги 14.04.2014 офиса партии «Русское единство» и 18.04.2014 офиса партии «Единая Россия» в г. Симферополе.

В ходе расследования уголовного дела получены доказательства, что выявленное террористическое сообщество в г. Симферополе создавалось при непосредственном участии украинской организации «Правый сектор» и в целях осуществления актов терроризма.

Совершение поджога офиса Симферопольского местного городского отделения Всероссийской политической партии «Единая Россия» воспрепятствовало его законной деятельности, что в соответствии со ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» признается экстремистской деятельностью.

Допустимость применения насильственных методов для достижения декларируемых целей подтверждается и иными факта-

ми противоправной деятельности представителей организаций УНА-УНСО и «Правый сектор» в отношении Российской Федерации и ее граждан.

Так, Главным следственным управлением СК России 03.03.2014 возбуждено уголовное дело в отношении руководителя организации «Правый сектор» Яроша по признакам преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 205^2 и ч. 2 ст. 280 УК РФ в связи с совершением им публичных призывов к активизации вооруженной борьбы против Российской Федерации с целью побуждения третьих лиц к осуществлению экстремистской и террористической деятельности путем распространения их 01.03.2014 в сети Интернет на странице организации «Правый сектор» в социальной сети «ВКонтакте» в виде «Обращения лидера «Правого сектора» Дмитрия Яроша к Доку Умарову».

Этим же следственным органом 21.03.2014 возбуждено уголовное дело по признакам преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 205^2 и ч. 2 ст. 354 УК РФ, в отношении лидера украинской радикальной организации «Братство» Корчинского (бывшего участника УНА-УНСО) в связи с высказанными им в интервью телеканалу «Россия 1» призывами к осуществлению террористической деятельности, а также к развязыванию агрессивной войны путем ведения диверсионно-партизанских действий на территории Российской Федерации, в том числе в Крыму.

Уголовные дела в отношении названных лиц 04.06.2014 соединены в одном производстве с уголовным делом, расследующимся ГСУ СК России по Северо-Кавказскому федеральному округу по признакам преступлений, предусмотренных п. «б», «ж», «з» ч. 2 ст. 105, ч. 2 ст. 208 УК РФ, по фактам организации и участия в незаконном вооруженном формировании и бандах, действовавших с 1995 по 2000 г. и осуществлявших на территории Чеченской Республики нападения на организации, граждан, в том числе на военнослужащих, и их убийства.

Предварительным следствием установлено, что 29.02.2000 при проведении контртеррористической операции в районе н.п. Улус-Керт Шатойского района Чеченской Республики произошло боевое столкновение между выполнявшими боевую задачу военнослужащими 76-й Псковской дивизии Воздушно-десантных войск и участниками незаконных вооруженных формирований,

входивших в отряды Басаева и Хаттаба, в результате которого погибло 84 военнослужащих, шестеро получили ранения различной степени тяжести. С указанным делом в одно производство соединен ряд иных уголовных дел, возбужденных и расследовавшихся по аналогичным фактам.

В ходе следствия установлены причастные к совершению расследуемых преступлений участники УНА-УНСО К., М. и К., которым предъявлено обвинение в бандитизме. Вынесены постановления о привлечении в качестве обвиняемых в организации и руководстве бандами в отношении Музычко и М., также являвшихся членами УНА-УНСО. Следствие располагает данными об участии в боевых действиях на территории Чеченской Республики против Вооруженных Сил Российской Федерации многочисленных представителей УНА-УНСО.

В рамках уголовного дела, возбужденного 17.10.2010 по факту обнаружения и хранения в государственном учреждении культуры Москвы «Библиотека украинской литературы» экстремистских материалов, экспертами Российского института языкознания РАН проведена комплексная культурологолингвистическая экспертиза многочисленных печатных изданий, изъятых в ходе обыска. В их числе публикации украинских авторов, оправдывающие террористическую деятельность, а также имеющие ярко выраженную антироссийскую направленность. Согласно экспертному заключению от 21.04.2011 книга УНА-УНСО «Пусть ненавидят, лишь бы любили» представляет собой программный сборник ОУН-УПА антироссийской направленности, содержит призывы к разжиганию национальной ненависти и формирует негативные установки, побуждающие к действиям против национальной группы. В ней, в частности, сформулированы следующие идеи: «в ООН Украина должна последовательно добиваться места постоянного члена Совета Безопасности вместо России», «необходимо установить союзный украинский авторитарный режим на территории России» и т.д. Решением Мещанского районного суда Москвы от 01.12.2011 книга признана экстремистским материалом.

В книге С. Ткаченко «Повстанческая армия. Тактика борьбы» имеется приложение, в котором участники боев в Чеченской Республике – члены современных подразделений УПА описыва-

ют свое участие в боевых действиях против российских войск и публично оправдывают террористическую деятельность.

Для пропаганды своей деструктивной деятельности украинские националистические организации активно используют Интернет.

Из представленных материалов следует, что 09.06.2014 должностными лицами ФСБ России в присутствии представителей общественности на интернет-ресурсах http://una-unso.in.ua, http://www.warchechnya.ru, http://unaunso.org, http://www.youtube.com обнаружены документы и видеоматериалы о деятельности УНА-УНСО. В частности, на сайте http://unaunso.org размещена «Программа УНА-УНСО», в которой содержатся идеологические основы деятельности организации, пропагандирующие исключительность украинской нации по отношению к другим национальностям. В разделе «Политика в России» имеется программное заявление в отношении России, согласно которому основной задачей организации является «отрывать российские регионы от Москвы и объединять их вокруг Украины».

Информация о деятельности «Правого сектора» представлена на интернет-ресурсах http://pravyysektor.info, http://snaua.info, http://bandrivets.org.ua (акты осмотров от 29.04.2014, 06.05.2014, 20.05.2014).

К примеру, на сайте http://pravyysektor.info имеется программа политической партии «Правый сектор» «Реализация украинской национальной идеи в процессе государства», согласно которой одним из политических принципов является политика в отношении «крымских татар», «существование которых вне Украины невозможно», а также указывается на то, что «всякие попытки проигнорировать или отложить крымско-татарский вопрос или решать его вопреки украинским национальным интересам неизбежно обернутся новыми бедами – и для украинцев, и для крымских татар, и для представителей других национальностей, прежде всего тех, которые проживают в Крыму».

Материалы интернет-ресурсов общедоступны и направлены на распространение радикальной украинской идеологии среди граждан России и побуждение их к совершению экстремистской и террористической деятельности.

Решением Верховной Рады Автономной Республики Крым от 11.03.2014 № 1740-6/14 «О противодействии распространению экстремизма в Автономной Республике Крым» запрещена деятельность на территории Автономной Республики Крым политических партий и общественных организаций профашистского и неонацистского толка, в том числе «Правого сектора» и входящих в него структурных образований УНА-УНСО, «Тризуб им. Степана Бандеры», «Братство» и других организаций как несущих угрозу для жизни и безопасности крымчан.

«Тризуб им С. Бандеры» – незарегистрированная общеукраинская праворадикальная националистическая организация, в состав которой входит ряд зарегистрированных в Минюсте Украины региональных подразделений (Днепропетровская, Волынская, Житомирская области и т.д.), в большинстве своем представляющих собой молодежные военно-патриотические и спортивные организации. «Воспитание украинской молодежи в духе патриотизма и национальная защитная деятельность, то есть защита чести и достоинства украинской нации, в любых условиях всеми доступными методами и способами» – одно из основных направлений деятельности «Тризуба им. Степана Бандеры».

Основная цель организации заключается в создании так называемой Украинской Соборной Независимой Державы на территории современной Украины с включением в ее состав так называемых исторических украинских территорий – Белгородской, Брянской, Ростовской областей и Краснодарского края Российской Федерации. Уничтожение России как федеративного государства путем инициирования революций в различных, в первую очередь национальных регионах страны, оказания им военной и идеологической поддержки.

Структура «Тризуба им. Степана Бандеры» построена по историческому типу в виде военного «ордена», где каждый активист присягает на верность идеологии украинского национализма в интерпретации С. Бандеры и обязан осуществлять ее пропаганду. После государственного переворота на Украине лидеры и активисты организации составили костяк созданного украинского радикального националистического объединения «Правый сектор». В боевых действиях на юго-востоке Украины в составе на-

циональной гвардии с мая 2014 г. действует карательный батальон организации «Тризуб им. Степана Бандеры».

Украинское радикальное националистическое движение «Братство» создано в 1999 г. по типу религиозной общины как самостоятельное подконтрольное военизированное формирование украинских националистов.

Основная цель – защита Украины от «имперской агрессии России». На базе движения «Братство» на постоянной основе действуют так называемые летние христианские тренировочные лагеря, в которых активисты организации проходят обучение минно-взрывному делу, восточным единоборствам, тактике ведения боя в городских условиях.

Из состава прошедших обучение в летних христианских тренировочных лагерях в июне 2014 г. на базе движения в составе национальной гвардии Украины сформирован так называемый Первый христианский добровольческий батальон им. Святой Марии, бойцы которого принимают активное участие в боевых действиях на юго-востоке Украины. Финансирование движения осуществляется на спонсорские средства и пожертвования единомышленников посредством перевода денежных средств на расчетный счет банка Украины.

Движение «Братство» пропагандирует идеологию необходимости отторжения от России так называемых исторически украинских регионов: Ростовской, Белгородской, Воронежской, Брянской, Курской областей, а также Краснодарского и Ставропольского краев, с их последующим включением в состав Украины. Обосновывает необходимость признания Российской Федерацией исторической вины за «угнетение украинской нации» в период совместной истории. Оправдывает деятельность руководителей украинских коллаборационистских организаций ОУН-УПА С. Бандеры и Р. Шухевича, воевавших на стороне гитлеровской Германии.

Как известно, в случае осуществления экстремистской деятельности соответствующие общественное или религиозное объединение либо иная организация могут быть ликвидированы, а деятельность общественного или религиозного объединения, не являющегося юридическим лицом, может быть запрещена по решению суда на основании заявления Генерального прокурора

Российской Федерации или подчиненного ему прокурора (ч. 2 ст. 9 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»).

Принимая во внимание изложенные факты, Верховный Суд Российской Федерации 17.11.2014 принял решение об удовлетворении заявления Генерального прокурора Российской Федерации и признал украинские организации «Правый сектор», «Украинская национальная ассамблея – Украинская народная самооборона» (УНА – УНСО), «Украинская повстанческая армия» (УПА), «Тризуб им. Степана Бандеры», «Братство» экстремистскими и запретил их деятельность на территории Российской Федерации.

§ 5. Правовые аспекты противодействия реабилитации нацизма

Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости»[1] направлена на сохранение исторической памяти и предотвращение любых попыток исказить и фальсифицировать итоги Второй мировой войны.

На 65-й сессии Комитета ООН по ликвидации всех форм расовой дискриминации (2004 г.) Верховный комиссар ООН по правам человека заявил, что «ни одна страна не может назвать себя свободной от расизма и расовой дискриминации»[2], поэтому борьба против расизма и нацизма, за национальное и расовое равноправие, которая велась на протяжении нескольких веков, не теряет своей актуальности и в современном мире.

Расизм – официальная идеология фашизма, а самой крайней его формой международное право признало апартеид, являющийся

[1] Резолюция принята по инициативе Российской Федерации 18 декабря 2014 г. на 69-й сессии Ген.Ассамблеи ООН. Сайт Генеральной Ассамблеи ООН. URL: http://www.un.org/ru/ga/69/docs/69res2.shtml.

[2] Сайт Верховного комиссара по правам человека ООН. URL: http://www.ohchr.org/RU/HRBodies/CERD/Pages/CERDIndex.aspx (дата обращения: 16.06.2015).

преступлением против человечества[1]. В 1980–1990 гг. в ряде стран Западной Европы законодатели стали приходить к выводу, что отрицание Холокоста (а также его умаление или оправдание) до такой степени безнравственно, что требует уголовного наказания. Указанные нормы были введены в Германии в 1985 г., в Израиле – в 1986 г., во Франции – в 1990 г., в Австрии – в 1992 г., в Швейцарии – в 1994 г., в Бельгии – в 1995 г., в Испании – в 1996 г. Позже к ним присоединились ряд стран Восточной Европы (Венгрия, Польша, Литва, Румыния, Словения), а также Канада.

Формулировки соответствующих уголовно-правовых норм, как правило, охватывают отрицание не только Холокоста как такового, но и других преступлений нацизма против человечности. При этом в юридической конструкции этих норм можно обнаружить некоторые существенные различия.

Так, согласно Закону № 1187 Израиля наказуемы отрицание, умаление, восхваление или одобрение деяний, совершенных при нацистском режиме и представляющих собой преступления против еврейского народа или против человечности.

Третий пункт § 130 Уголовного кодекса ФРГ содержит следующую формулировку: «Лишением свободы сроком до пяти лет или денежным штрафом наказывается тот, кто действия, подходящие под параграф 6.1 кодекса о международных преступлениях и совершенные при власти национал-социалистов, оправдывает, отрицает или преуменьшает в форме, расшатывающей общественное спокойствие».

При этом чрезвычайно важно отметить, что законы об отрицании Холокоста имеют трансграничный характер, т.е. под их действия могут попадать действия, совершенные в любой части земного шара, если их последствия проявляются на территории «наказывающего» государства, что в связи с распространением сети Интернет сегодня обычное дело. В отечественной монографии по немецкому уголовному праву приводится характерный пример, когда австралийский гражданин, немец по происхождению, в Аделаиде через австралийский сервер и homepage Adelaida-instantonline распространял утверждения о том, что евреев в

[1] См. понятие «преступления апартеида» в ст. II Международной конвенции о пресечении преступления апартеида и наказании за него (1973 г.) // Международные акты о правах человека: сб. док. / сост. В. А. Карташкин, Е. А. Лукашева. 2-е изд., доп. М., 2002. С. 154.

Освенциме не сжигали. Поскольку это уголовно наказуемое деяние по немецкому УК, при посещении Германии он был арестован и приговором немецкого суда признан виновным. Основной тезис по этому решению был следующим: «Если устанавливает иностранец свои утверждения, которые содержат в себе состав разжигания национальной розни в смысле § 130 ч. 1 или § 130 ч. 3 УК, на иностранном сервере в Интернете, который доступен в Германии, то принадлежащие к составу последствия (§ 9 ч. 1, 3-я альтернатива УК) наступают в Германии, если эти высказывания конкретно пригодны к нарушению мира внутри страны».

С другой стороны, в формулировке немецкой уголовно-правовой нормы обращает на себя внимание фраза «в форме, расшатывающей общественное спокойствие». Фактически здесь идет речь об обязательном элементе объективной стороны состава преступления, а именно, способе действий, могущих вызвать разжигание межнациональной вражды. Эта важная оговорка позволяет вывести из зоны криминальной репрессии допустимую академическую дискуссию или приватные разговоры, оставляя наказуемыми «скандальные» публичные заявления экстремистов.

Законы об ответственности за отрицание Холокоста и других преступлений нацизма получили в той или иной форме поддержку на региональном и международно-правовом уровне.

28.01.2003 в Страсбурге был опубликован Дополнительный протокол к Конвенции о киберпреступлениях относительно криминализации действий расистского и ксенофобского характера, совершаемых при помощи компьютерных систем.

Согласно Протоколу, стороны должны принять «такие законодательные и иные меры, которые могут потребоваться для того, чтобы квалифицировать в качестве уголовных преступлений «распространение или обеспечение доступа для общественности через компьютерную систему материала, который полностью отрицает или чрезвычайно умаляет отрицательные последствия, одобряет или оправдывает действия, являющиеся геноцидом или преступлениями против человечества, как определено международным правом и как это признано окончательными и обязательными решениями Международного военного трибунала, образованного в соответствии с Лондонским Соглашением от 08.08.1945 или любого другого международного суда, образован-

ного согласно соответствующим международным документам и юрисдикция которых признана Стороной».

В России вопрос об охране исторической правды приобрел особую социально-политическую значимость в начале XXI в. в связи с активными попытками в ряде бывших союзных республик (прежде всего, в Прибалтике и в Украине) пересмотреть роль Советского Союза во Второй мировой войне. В наиболее радикальной форме эти попытки заключаются в обвинении РККА и советского государства в целом в «военных преступлениях», «аннексии» и «порабощении народов Восточной Европы».

Крайне опасный прецедент был создан решением апелляционной палаты Европейского Суда по правам человека от 17.05.2010 по делу советского партизана Василия Кононова против Латвии. По мнению большинства судей, признав В. Кононова виновным в совершении военных преступлений, латвийская сторона не нарушала статьи 7 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, как это было определено в первом решении Страсбургского Суда в 2008 г. Таким образом, те, кто обвиняет Красную Армию и советских партизан в совершении военных преступлений, отныне могут ссылаться на решение авторитетной международной инстанции.

В связи с этим в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 15.05.2009 № 549 создана Комиссия при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. На Комиссию возложены задачи в основном информационного и консультационного характера.

Попытки фальсификации истории Великой Отечественной войны, умаления итогов побед и успехов нашей страны и народа, которые победили нацизм (фашизм) и отстояли мир, все чаще происходят со стороны ряда ультрарадикальных движений, чья экстремистская и нацистская деятельность пропагандируется активистами националистических движений с помощью атрибутики и символики организаций, которые во время Второй мировой войны сотрудничали с фашистами, в том числе националистических движений стран Прибалтики, Украины, Польши и др.

Российская Федерация как правопреемник Советского Союза активно противостоит процессам фальсификации истории и

героизации нацизма. Следует подчеркнуть, что факт рождения в свое время в лоне европейской цивилизации изуверской теории расового превосходства лишний раз доказывает, что ни технологические преимущества, ни высокоразвитая культура не служат гарантией от ксенофобии и расизма. Человечество не имеет права утрачивать бдительности.

Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации в своем заявлении констатирует, что сегодня вновь и вновь предпринимаются попытки фальсифицировать нашу общую историю, возложить равную вину за развязывание Второй мировой войны на нацистскую Германию и Советский Союз, поставить на одну доску палачей и жертв нацизма. Тем самым уже в современной Европе сохраняется благодатная почва для проявления агрессии и нетерпимости по национальному и расовому признакам, попрания прав национальных меньшинств и их принудительной ассимиляции, оскорбляются религиозные символы и сохраняется позорный институт так называемого не гражданства. К сожалению, в этот деструктивный процесс пытаются вовлечь и население Украины, глава правительства которой позволил себе публично обвинить Советский Союз во «вторжении» в Германию и в Украину, оскорбив тем самым в первую очередь украинский народ, внесший свой уникальный вклад в общую победу и при этом более, чем другие народы, пострадавший от нацистской агрессии. Вызывает разочарование, что эти неприемлемые и абсурдные по содержанию оценки, не имеющие ни исторического объяснения, ни морального оправдания, представителя нынешнего украинского руководства до сих пор не были осуждены лидерами большинства европейских стран, молчание которых напоминает позицию их предшественников накануне Второй мировой войны в отношении нацистских агрессоров[1].

Переоценка решений международного трибунала в форме одобрения завоевательной политики нацизма, отрицания фактов преступлений нацизма на оккупированных территориях, или, более того, объявление преступными действий антигитлеровской коалиции по сопротивлению агрессору являются международным

[1] Постановление СФ ФС РФ от 28.01.2015 № 15-СФ «О Заявлении Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации в связи с 70-летием освобождения узников концлагеря Освенцим и Международным днем памяти жертв Холокоста».

преступлением, поскольку в международных документах (Берлинская декларация о поражении Германии от 02.08.1945, Устав Нюрнбергского трибунала и т.п.) четко определены как страны антигитлеровской коалиции, так и страны, выступавшие на стороне агрессора, и подтвержден факт защиты странами антигитлеровской коалиции принципов поддержания международного мира и безопасности, оценка действий антигитлеровской коалиции в период Второй мировой войны не может подвергаться оспариванию в какой-либо форме. Страны, признающие вражескими действия стран антигитлеровской коалиции во второй мировой войне по отношению к себе, фактически ставят себя в положение союзников нацизма. Таким образом, деяния, отрицающие преступность нацистского режима, факты совершения им военных преступлений, преступлений против мира и безопасности человечества, геноцида и т.п., либо деяния, оправдывающие лиц, признанных виновными Нюрнбергским трибуналом, противоречат международному праву, представляя общественную опасность именно как международные преступления. Создавая условия для совершения преступлений, предусмотренных ст. 343, 282[1], 353–358 УК РФ, данные деяния подлежат безусловной криминализации.

Неоднократные и постоянно воспроизводящие попытки под различными предлогами, чаще всего окрашенными в якобы освободительные краски, реабилитировать нацистов свидетельствуют о социально-криминологической обусловленности уголовно-правового запрета реабилитации нацизма (ст. 354[1] УК РФ).

В рекомендациях парламентских слушаний «Политико-правовые аспекты противодействия реабилитации нацизма, героизации нацистских преступников и их пособников: сравнительный анализ и уроки на будущее» (постановление СФ ФС РФ от 20.05.2015 № 186-СФ), состоявшихся 23.04.2015, указано на очевидность того, что приговор Международного военного трибунала, а также позиция международного сообщества, выраженная, в частности, в резолюциях Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, не могут пересматриваться или корректироваться отдельными государствами.

В рекомендациях обращается внимание на то, что изуверская и ксенофобская идеология, основанная на идеях о расовом превосходстве и лежащая в основе такого беспрецедентного яв-

ления, как нацизм, не может быть приравнена к любым другим идеям и практикам (что само по себе было бы ее определенной реабилитацией) и подлежит осуждению в любых проявлениях. Все акции бывших нацистов и их пособников, как и мероприятия в их поддержку и оправдание, должны быть объявлены государствами, в которых они планируются или проводятся, вне закона. Никакие доводы в пользу нацистских преступников и их пособников, а также произвольные интерпретации начала, событий и итогов Второй мировой войны, ссылки на факты послевоенной истории и на политизированные решения, принятые некоторыми государствами, не могут приниматься во внимание при осуждении нацистских практик и участия в них пособников нацистских преступников.

Современное искажение истории Второй мировой войны и оправдание германского нацизма и его сравнение с другими режимами и идеологиями имеют практическую цель – переложить на современную Россию ответственность как за мнимые и реальные ошибки и просчеты советского руководства, так и за действия других государств и политиков в предвоенный, военный и послевоенный периоды, столкнуть страны, являющиеся наследниками героической истории государств антигитлеровской коалиции, в исторически бессмысленном и с моральной точки зрения кощунственном споре о так называемом национальном вкладе в общую победу. Все это представляет прямую угрозу не только национальной безопасности Российской Федерации, но и европейскому сотрудничеству и международной стабильности[1].

Логика активистов процесса реабилитации нацизма весьма своеобразна: неважно, что латышский, украинский, белорусский, эстонский или русский националист носил форму СС и участвовал в массовых карательных акциях, в том числе и против мирного населения, главное, что он воевал против Советского Союза (под которым по умолчанию понимается Россия). В конечном счете, участвуя в боевых операциях на стороне нацистской Германии, фашисты не немецкого и не итальянского происхождения не могли не понимать, что они делают.

[1] Сайт Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации URL: http://council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/55113 (дата обращения: 01.07.2015).

Любые попытки не только реабилитировать, но даже понять таких псевдо героев, помогавших насаждению нацистской (фашистской) идеологии и установлению нацистских (фашистских) порядков, должны быть признаны нелегитимными.

Согласно информации, размещенной на официальном интернет-сайте Следственного комитета Российской Федерации, за период, прошедший после введения в УК РФ указанной статьи Федеральным законом от 05.05.2014 № 128-ФЗ, было возбуждено только одно уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 354^1 УК РФ: в январе 2015 г. было обнаружено, что в Гвардейском парке на территории Советского района г. Красноярска на семи скульптурах, посвященных Великой Отечественной войне, расположенных на аллее Славы, нанесены краской фашистская символика и надписи экстремистского содержания. В соответствии с заключением экспертов, проводивших комплексную психолого-лингвистическую судебную экспертизу, содержание надписей направлено на возбуждение ненависти и вражды одной группы лиц к другой по признаку национальной принадлежности. В связи с этим в отношении двух жителей г. Красноярска возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ; проводится комплекс всех необходимых следственных и процессуальных действий.

Очевидно, что в организации противодействия экстремизму, в том числе реабилитации нацизма, большое значение придается уголовному преследованию лиц, совершивших такие преступления, обеспечению неотвратимости уголовной ответственности виновных. Поскольку вопрос об уголовной ответственности за названные преступления решается судом, важную роль в этой деятельности играет прокуратура Российской Федерации. Генеральный прокурор Российской Федерации обязывает поручать поддержание государственного обвинения по уголовным делам экстремистской направленности наиболее опытным и квалифицированным работникам прокуратуры (п. 1.6 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 19.11.2009 № 362 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности»). Требование активно и профессионально поддерживать государ-

ственное обвинение при рассмотрении судами уголовных дел содержится и в приказе Генерального прокурора Российской Федерации от 25.12.2012 № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства».

Анализ нормативного правового регулирования противодействия реабилитации нацизма позволяет сформулировать следующие выводы:

1. В настоящее время целесообразно незамедлительное принятие проекта федерального закона № 504872-6 «О противодействии реабилитации нацизма, героизации нацистских преступников и их пособников», который был разработан с учетом положений модельного Закона Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств «О недопустимости действий по реабилитации нацизма, героизации нацистских преступников и их пособников» (2012 г.). Аналогичные законопроекты разрабатываются в некоторых бывших республиках Союза ССР, в частности, проект модельного закона «Об увековечении памяти защитников Отечества, видных государственных и общественных деятелей» в Республике Кыргызстан.

Необходимость принятия предлагаемого законопроекта обусловлена участившимися случаями героизации и идеализации нацизма, нацистских преступников Второй мировой войны, их пособников и организаций, в некоторых странах – бывших республиках Союза ССР. Более того, в некоторых государствах подобная практика возведена в ранг официальной государственной политики. На их территории имеют место неоднократные факты необоснованного привлечения к ответственности ветеранов Второй мировой войны, активистов антифашистских движений, проведение маршей и шествий ветеранов войск гитлеровской Германии и их пособников с открытым использованием нацистской символики, разрушение мемориалов и памятников советским воинам-освободителям.

Между тем в других европейских государствах, в частности в ФРГ, Австрийской Республике, на официальном уровне чтят память советских воинов-освободителей и не отрицают противоправный характер нацизма (фашизма), и значительную роль Советского Союза в его разгроме.

Принимая во внимание то, что Российская Федерация – правопреемник и правопродолжатель Союза ССР, а также участник антигитлеровской коалиции и учредитель международного военного трибунала в г. Нюрнберг (Германия), учитывая то, что нацизм (фашизм) – это явление, ущемляющее права человека, создающее угрозу миру и безопасности человечества, а государственная политика, поддерживающая нацизм (фашизм) или его реабилитацию является недружественной по отношению к Российской Федерации и другим странам, предлагается активизировать работу над указанным законопроектом и его последующим принятием.

2. Необходимо усилить ответственность за пропаганду либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами (ст. 20.3 КоАП РФ), взяв в этой части за основу законодательный опыт зарубежных стран. Так, параграф 86 а (абз. 4) Уголовного уложения ФРГ под угрозой уголовного наказания (лишение свободы на срок до трех лет или денежный штраф) запрещает распространение на территории Германии опознавательных знаков бывших национал-социалистических организаций, а конкретно: флагов, значков, отдельных частей форменной одежды, лозунгов, знаков приветствия, а также схожих с ними знаков, которые можно было бы с ними перепутать. В настоящее время административное наказание в России за подобные деяния в виде штрафа или административного ареста не соответствует их степени общественной опасности.

Глава 3. Основные направления прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности

§ 1. Надзор за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления

Состояние законности и правопорядка в сфере противодействия экстремистской деятельности определяется совокупностью различных факторов, среди которых особое место занимают активизация деструктивной деятельности радикальных общественных и религиозных объединений, некоммерческих организаций, финансируемых из-за рубежа, неформальных групп и отдельных лиц, а также проповедуемая ими экстремистская идеология, угрожающая национальной безопасности, межнациональному и межконфессиональному согласию, государственному строю, спокойствию и безопасности граждан[1]. Несмотря на предпринимаемые государством и обществом меры в сфере противодействия экстремизму и терроризму, в последние годы существенных положительных изменений состояния, структуры и динамики правонарушений экстремистской направленности в стране не произошло. Актуальной проблемой остается распространение экстремистских идей с использованием сети Интернет среди пользователей, прежде всего молодежи[2].

По мнению руководства страны, борьбу с экстремизмом, который стал инструментом геополитики, необходимо вести комплексно, в строгом соответствии с законом и без перекосов в сторону «борьбы с инакомыслием». Россия должна учесть уроки других стран и не допустить «цветных революций». Об этом заявил Президент России на заседании Совбеза России, в ходе кото-

[1] См.: *Профилактика* экстремистской деятельности: проблемы и перспективы: сб. матер. круглого стола (26.06.2014, г. Москва) / под общ. ред. В.В. Меркурьева и Ф.М. Кобзарева; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М., 2014. С. 3–10; *Антонян Ю.М. и др.* Экстремизм и его причины: монография / под ред. Ю.М. Антоняна. М., 2014. С. 4–9.

[2] См.: *Тамаев Р.С.* Уголовно-правовое и криминологическое обеспечение противодействия экстремизму. М., 2008. С. 45–48.

рого был одобрен проект стратегии по противодействию экстремизму[1].

Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности» субъектами противодействия экстремисткой деятельности определены: федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления в пределах своей компетенции (абз. 3 ст. 4).

Поскольку права граждан в сфере противодействия экстремизму пронизывают всю систему российского законодательства, имеют отражение в различных социально-общественных сферах, где государственно-правовое регулирование осуществляется различными федеральными структурами, то, соответственно, и вопросы защиты прав и свобод человека и гражданина самостоятельно решаются уполномоченным в каждой конкретной сфере управления федеральным органом власти в рамках своего правового статуса.

Исходя из необходимости обеспечения единого подхода к реализации государственной политики в определенных областях, сформированы территориальные органы соответствующих федеральных служб, оптимизирована сеть подведомственных им государственных учреждений, созданы консультативно-совещательные органы. Организация деятельности структурных компонентов данной системы в сфере противодействия экстремистской деятельности, как правило, возложена на соответствующие федеральные министерства и службы[2].

На органы прокуратуры возложены особые полномочия в борьбе с экстремизмом и осуществление координационной деятельности на данном направлении, но при этом прокурорами не должны быть допущены нарушения конституционных прав и свобод человека и гражданина.

В *предмет надзора* в указанной сфере включаются вопросы:

---

[1] URL: http://geopolitics.by/news/putin-prizval-ne-dopustit-cvetnyh-revolyuciy-v-rossii/ (заседание Совета Безопасности Российской Федерации 20.11.2014) (дата обращения: 12.05.2015).

[2] См.: *Прокурорский* надзор за исполнением законов о государственной безопасности, межнациональных отношениях и противодействии экстремизму: пособие [П.В. Агапов, С.В. Борисов, А.В. Бриллиантов и др.]; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М., 2013. С. 118–130; *Экстремизм:* понятие, система противодействия и прокурорский надзор: метод. пособие / под ред. А.И. Долговой. М., 2009. С. 5–6, 41–57.

исполнения законов, обеспечивающих государственные гарантии равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. В том числе соблюдение конституционных прав граждан на определение своей национальной принадлежности, на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества, а также свободы совести и вероисповедания;

исполнения миграционного законодательства, нарушения которого занимают ведущее место в формировании причинного комплекса межнациональных конфликтов, экстремизма (терроризма). Во-первых, эти факторы способствуют интеграции мигрантов в криминальный рынок занятости. Во-вторых, создается угроза нарушению преимущественных прав на трудоустройство российских граждан. В-третьих, посредством миграционных потоков в страну проникают лица с чуждой коренному населению системой взглядов, культурой, в том числе представители международных террористических организаций. С учетом этого эффективная работа по предупреждению межнациональных конфликтов должна быть неразрывно связана с контролем за миграционными процессами, обеспечением прав и свобод как коренного населения, так и мигрантов[1];

исполнения законов общественными объединениями, сформированными по национальному признаку, а также всеми религиозными объединениями, включая вопросы профессионального религиозного образования. Обеспечение государственных гарантий культурной и языковой самобытности национальных меньшинств;

исполнения законов, регулирующих порядок проведения публичных мероприятий. Несмотря на выдвигаемые лозунги социального характера, большая часть массовых акций сопровождается участием представителей экстремистски настроенных сообществ, что обусловливает необходимость реализации полномо-

[1] См.: *Прокурорский* надзор за исполнением миграционного законодательства: актуальные вопросы: пособие / А.В. Паламарчук и др.; Ген. прокуратура Рос. Федерации; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М., 2014. С. 29.

чий при проведении таких мероприятий подразделениями органов прокуратуры по надзору за исполнением законов о федеральной безопасности, межнациональных отношениях и противодействии экстремизму.

Круг надзорных полномочий прокурора определен, прежде всего, ст. 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре), ч. 2 ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также другими законодательными актами. В целях недопущения использования средств массовой информации, сетей связи общего пользования для осуществления экстремистской деятельности прокурорам необходимо организовать их мониторинг, а также установить постоянное взаимодействие с территориальными подразделениями федерального органа исполнительной власти, на которые возложены функции по контролю и надзору в сфере массовых коммуникаций.

В ст. 21 Закона о прокуратуре указывается на осуществление надзора за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации, широким кругом объектов: федеральными органами исполнительной власти, Следственным комитетом Российской Федерации, представительными (законодательными) и исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, органами военного управления, органами контроля, их должностными лицами, субъектами осуществления общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания, а также органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций.

В соответствии со ст. 4 и 5 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления относятся к числу субъектов, участвующих в противодействии экстремисткой деятельности. Они уполномочены в пределах своей компетенции в приоритетном порядке осуществлять профилактиче-

ские, в том числе воспитательные, пропагандистские, меры, направленные на предупреждение экстремистской деятельности.

Учитывая, что важную роль в борьбе с экстремизмом и его наиболее опасной формой – терроризмом ведут федеральные органы безопасности необходимо отметить, что прокурорский надзор за процессуальной деятельностью органов ФСБ России обеспечивает интересы общества, государства, граждан, охрану от преступных посягательств конституционного строя, национального равноправия народов и граждан, борьбу с экстремизмом и терроризмом, защиту жизни, здоровья, чести и достоинства людей и т.д.

Предметом прокурорского надзора на этом направлении является:

1) соблюдение прав и свобод человека и гражданина, как потерпевших от преступления, так и привлекаемых к уголовной ответственности за эти преступления;

2) исполнение требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, возбуждении уголовных дел, производстве дознания и предварительного следствия, соблюдение закона о подследственности расследуемых уголовных дел экстремистской и террористической направленности, избрании мер пресечения, применении иных мер процессуального принуждения, приостановлении и прекращении уголовных дел, направлении дел в суд с обвинительным заключением или обвинительным актом, а также законность других действий и решений, принимаемых органами ФСБ, осуществляющими дознание и предварительное следствие;

3) исполнение законов при производстве по делам об административных правонарушениях.

В целях недопущения использования средств массовой информации, сетей связи общего пользования для осуществления экстремистской деятельности необходимо организовать их мониторинг, а также установить постоянное взаимодействие с территориальными подразделениями федерального органа исполнительной власти, на который возложены функции по контролю и надзору в сфере массовых коммуникаций.

Указом Президента Российской Федерации от 12.05.2008 № 724 «Вопросы системы и структуры федеральных органов ис-

полнительной власти» функции по регистрации некоммерческих организаций были переданы Минюсту России.

Основными задачами Минюста России определены: разработка и реализация общей стратегии государственной политики и нормативно-правовое регулирование в установленной сфере деятельности, в том числе в сфере регистрации некоммерческих организаций, включая отделения международных организаций и иностранных некоммерческих неправительственных организаций, общественные объединения, политические партии и религиозные организации; обеспечение в пределах своих полномочий защиты прав и свобод человека и гражданина, а также деятельности Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека – заместителя Министра юстиции Российской Федерации; организация деятельности по государственной регистрации некоммерческих организаций, в том числе отделений международных организаций и иностранных некоммерческих неправительственных организаций, общественных объединений, политических партий и религиозных организаций; контроль и надзор в сфере регистрации некоммерческих организаций, включая отделения международных организаций и иностранных некоммерческих неправительственных организаций, общественные объединения, политические партии и религиозные организации.

Реализацию поставленных задач Минюст России осуществляет непосредственно и (или) через свои территориальные органы во взаимодействии с другими федеральными органами исполнительной власти, региональными органами исполнительной власти, органами местного самоуправления, общественными объединениями и организациями.

К основным задачам его территориальных органов в области противодействия экстремизму относятся: осуществление деятельности в сфере государственной регистрации общественных объединений, политических партий, религиозных организаций, иных некоммерческих организаций, а также контроль за их деятельностью.

Государственный контроль в сфере деятельности общественных объединений ведется и иными федеральными органами исполнительной власти. Так, соответствие расходования общест-

венными объединениями денежных средств и использования иного имущества уставным целям устанавливают федеральные органы *государственного финансового контроля*, федеральный орган исполнительной власти, *уполномоченный по контролю и надзору в области налогов и сборов*, федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный на осуществление функции по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и *финансированию терроризма (экстремизма)*.

В силу п. 1.1 ст. 38 Федерального закона «О политических партиях» контроль за источниками и размерами имущества, получаемого политическими партиями, их региональными отделениями и иными зарегистрированными структурными подразделениями, в виде вступительных и членских взносов, а также пожертвований граждан и юридических лиц осуществляют Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, соответствующая избирательная комиссия субъекта Российской Федерации.

В целях предупреждения, выявления и пресечения деяний, связанных с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, и финансированием терроризма и экстремизма согласно с Федеральным законом от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» Указом Президента Российской Федерации[1] был создан Комитет Российской Федерации по финансовому мониторингу, который в настоящее время преобразован в *Федеральную службу по финансовому мониторингу*. На основании Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» указанный орган реализует следующие полномочия:

ведет обязательный контроль – совокупность мер по контролю за операциями с денежными средствами или иным имуществом, осуществляемых на основании информации, представляемой организациями, производящими такие операции, а также по

[1] Указ Президента Российской Федерации от 01.11.2001 № 1263 «Об уполномоченном органе по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

проверке этой информации в соответствии с законодательством Российской Федерации;

запрашивает информацию по операциям, подлежащим обязательному контролю, и операциям, в отношении которых возникают подозрения, что они осуществляются в целях легализации преступных доходов или финансирования терроризма;

издает постановления о приостановлении на дополнительный срок операций с денежными средствами или иным имуществом;

при достаточных основаниях, свидетельствующих о том, что операция, сделка связаны с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, и финансированием терроризма (далее – ОД/ФТ), направляет материалы в правоохранительные органы в соответствии с их компетенцией;

наделен полномочиями по предоставлению соответствующей информации компетентным органам иностранных государств по их запросам или по собственной инициативе в порядке и на основаниях, предусмотренных международными договорами Российской Федерации;

осуществляет контроль за исполнением физическими и юридическими лицами требований Закона о легализации в случае отсутствия надзорных органов в сфере деятельности отдельных организаций, производящих операции с денежными средствами или иным имуществом.

Среди основных функций Росфинмониторинга необходимо выделить следующие: контроль и надзор за выполнением физическими и юридическими лицами требований законодательства Российской Федерации о противодействии ОД/ФТ, привлечение к ответственности лиц, допустивших нарушение этого законодательства; сбор, обработка и анализ информации об операциях (сделках) с денежными средствами или иным имуществом, подлежащих контролю; создание единой информационной системы в сфере противодействия ОД/ФТ; подготовка проекта перечня организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их участии в экстремистской деятельности; координация деятельности федеральных органов исполнительной власти в сфере противодействия ОД/ФТ; представление Российской Федерации и участие в деятельности международных организаций по

вопросам противодействия ОД/ФТ; осуществление в соответствии с международными договорами Российской Федерации взаимодействия и информационного обмена с компетентными органами иностранных государств в сфере противодействия ОД/ФТ; подготовка и внесение в Минфин России предложений по определению перечня государств (территорий), которые не участвуют в международном сотрудничестве в сфере ПОД/ФТ; принятие решений о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации.

К числу основных задач *Министерства внутренних дел Российской Федерации* в сфере действия законодательства о противодействии экстремистской деятельности относится обеспечение в пределах собственных полномочий организации защиты прав и свобод человека и гражданина, предупреждения, выявления, пресечения, раскрытия и расследования преступлений, а также предупреждения и пресечения административных правонарушений[1] в рассматриваемой сфере.

Роскомнадзор осуществляет контрольные (надзорные) функции в сфере действия законодательства о противодействии экстремистской деятельности средств массовой информации и сети Интернет, а Рособрнадзор – по противодействию экстремизму в образовательном процессе на территории Российской Федерации. Кроме того, надзорные и контрольные функции в сфере противодействия экстремизму имеют и иные федеральные органы исполнительной власти: Министерство обороны; Министерство иностранных дел; МЧС; Служба внешней разведки; Федеральная миграционная служба; Федеральная таможенная служба; Федеральная служба безопасности; Федеральная служба охраны; Федеральное агентство по делам молодежи и др., которые хотя и не имеют по отношению к таким объектам прямых контрольных полномочий, однако каждый представляет собой уполномоченный орган исполнительной власти в определенной сфере.

Работа органов прокуратуры по надзору за исполнением законов органами исполнительной власти и органами местного самоуправления в сфере противодействия экстремистской деятельности построена на основе указаний Генерального прокурора

[1] См.: Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции».

Российской Федерации, изложенных в соответствующих организационно-распорядительных документах, в том числе приказах от 23.05.2013 № 13-н «О недостатках в организации прокурорского надзора за исполнением требований федерального законодательства органами местного самоуправления», от 21.06.2013 № 252 «О совершенствовании прокурорского надзора за исполнением федерального законодательства органами государственной власти, местного самоуправления, иными органами и организациями», от 02.10.2007 № 155 «Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления» и др.

В соответствии со ст. 26.3 Федерального закона от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» к компетенции органов государственной власти субъекта Российской Федерации относится решение следующих вопросов:

поддержка региональных и местных национально-культурных автономий, поддержка изучения в образовательных учреждениях национальных языков и иных предметов этнокультурной направленности (подп. 20 п. 2 ст. 26.3);

осуществление в пределах своих полномочий мер по обеспечению государственных гарантий равенства прав, свобод и законных интересов человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии и других обстоятельств, предотвращению любых форм ограничения прав и дискриминации по признакам расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности; разработки и реализации региональных программ государственной поддержки, сохранения и развития языков и культуры народов Российской Федерации, проживающих на территории субъекта Российской Федерации, осуществления иных мер, направленных на укрепление гражданского единства, межнационального и межконфессионального согласия, сохранение этнокультурного многообразия народов Российской Федерации, проживающих на территории субъекта Российской Федерации, защиту прав национальных меньшинств, социальную и культурную адаптацию мигрантов, профилактику межнациональных (межэт-

нических) конфликтов и обеспечение межнационального и межконфессионального согласия (подп. 20.1 п. 2 ст. 26.3);

организация и осуществление на территории субъекта Российской Федерации мероприятий по предупреждению терроризма и экстремизма, минимизации их последствий, за исключением вопросов, решение которых отнесено к ведению Российской Федерации (подп. 51.1 п. 2 ст. 26.3).

Федеральным законом от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» к вопросам местного значения городского сельского поселения отнесено:

участие в профилактике терроризма и экстремизма, а также в минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма и экстремизма в границах поселения (п. 7.1 ч. 1 ст. 14);

создание условий для реализации мер, направленных на укрепление межнационального и межконфессионального согласия, сохранение и развитие языков и культуры народов Российской Федерации, проживающих на территории поселения, социальную и культурную адаптацию мигрантов, профилактику межнациональных (межэтнических) конфликтов (п. 7.2 ч. 1 ст. 14).

К вопросам местного значения муниципального района относятся:

участие в профилактике терроризма и экстремизма, а также в минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма и экстремизма на территории муниципального района (п. 6.1 ч. 1 ст. 15);

разработка и осуществление мер, направленных на укрепление межнационального и межконфессионального согласия, поддержку и развитие языков и культуры народов Российской Федерации, проживающих на территории муниципального района, реализацию прав национальных меньшинств, обеспечение социальной и культурной адаптации мигрантов, профилактику межнациональных (межэтнических) конфликтов (п. 6.2 ч. 1 ст. 15).

К вопросам местного значения городского округа относятся:

участие в профилактике терроризма и экстремизма, а также в минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма и экстремизма в границах городского округа (п. 7.1 ч. 1 ст. 16);

разработка и осуществление мер, направленных на укрепление межнационального и межконфессионального согласия, поддержку и развитие языков и культуры народов Российской Федерации, проживающих на территории городского округа, реализацию прав национальных меньшинств, обеспечение социальной и культурной адаптации мигрантов, профилактику межнациональных (межэтнических) конфликтов (п. 7.2 ч. 1 ст. 16).

Обязанность осуществлять меры по профилактике межнациональных (межэтнических) конфликтов и обеспечению межнационального и межконфессионального согласия была возложена на исполнительные органы государственной власти субъектов Российской Федерации Федеральным законом от 22.10.2013 № 284-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части определения полномочий и ответственности органов местного самоуправления и их должностных лиц в сфере межнациональных отношений». Тем же законом был дополнен перечень вопросов местного значения – к полномочиям муниципального района и городского округа отнесены разработка и осуществление мер, направленных на укрепление межнационального и межконфессионального согласия, обеспечение социальной и культурной адаптации мигрантов, профилактику межнациональных (межэтнических) конфликтов, в то время как к вопросам местного значения поселения отнесено создание условий для реализации указанных мер.

Принятие поправок обозначило контуры деятельности органов местного самоуправления в сфере межнациональных отношений и противодействия экстремизму. При этом методология организации такой деятельности требует проработки.

Внесение изменений Федеральным законом от 22.10.2013 № 284-ФЗ потребовало принятия мер прокурорского реагирования для определения полномочий и ответственности органов местного самоуправления и их должностных лиц в сфере межнациональных отношений. Прокурорами направлялись и до сих пор направляются представления и протесты на уставы муниципальных образований, по результатам рассмотрения которых в уставы вносятся соответствующие дополнения. Так, направляются протесты с требованиями включить в Устав муниципального образования в качестве вопросов местного значения «создание условий

для реализации мер, направленных на укрепление межнационального и межконфессионального согласия, сохранение и развитие языков и культуры народов Российской Федерации, проживающих на территории поселения, социальную и культурную адаптацию мигрантов, профилактику межнациональных (межэтнических) конфликтов». То есть не что иное, как приведение уставов в соответствие с действующим законодательством.

Однако не всегда прокурорами своевременно проводится системный мониторинг региональных нормативных правовых актов и принимаются меры реагирования в случае отсутствия нормативных правовых актов, регулирующих бюджетную обеспеченность муниципальных образований для участия в профилактике экстремизма и терроризма, а также устанавливающих на определенный период расходные обязательства муниципальных образований, возникающие при выполнении полномочий органов местного самоуправления совместно с региональными органами государственной власти и финансируемые за счет предоставляемых субсидий из бюджета субъекта Российской Федерации, на что указывается в информационно-аналитических документах Генеральной прокуратуры Российской Федерации[1].

После внесения изменений прокурорами активно проводится работа по понуждению органов местного самоуправления по принятию комплексных муниципальных программ по профилактике экстремизма и терроризма. Стоит отметить, что создание муниципальных долгосрочных программ не вытекает напрямую из полномочий органов местного самоуправления, однако органы региональной власти нередко «спускают» подобную разнарядку на уровень муниципалитетов. Там, где к созданию подобных документов подходят не формально, они способны стать основой продуктивной и содержательной работы с молодежью, общественными организациями и национальными объединениями.

С учетом отсутствия прямой обязанности принимать участие в подготовке указанных программ, вопросы прокуратурой решаются по-разному. Имелись факты обращений с заявлением в порядке ст. 45 ГПК РФ в суд, судами выносились положительные

[1] Информационное письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 12.03.2015 № 31-12-2015 «О практике прокурорского надзора за исполнением законодательства о межнациональных отношениях, противодействии экстремизму и терроризму».

решения, при том что сами мотивировки судов можно охарактеризовать как спорные. Например, решение Холмогорского районного суда Архангельской области об обязании органа местного самоуправления принять соответствующую комплексную программу основано на следующей формулировке: «Отсутствие комплексной программы по вопросам участия в профилактике терроризма и экстремизма, а также в минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма и экстремизма на территории сельского поселения не позволяет в полном объеме планировать и осуществлять на территории поселения мероприятия по профилактике терроризма и экстремизма».

Таким образом, решения по заявлениям прокурора могут быть как положительными, так и отрицательными. Необходимость обращений в суд, по всей видимости, была вынужденной мерой и, скорее всего, это было продиктовано отказом органов местного самоуправления о принятии данных программ.

Вместо принятия отдельной муниципальной программы вопросы профилактики экстремизма и терроризма могут быть включены в муниципальную программу «Профилактики правонарушений на территории муниципального района». Такая муниципальная программа должна быть комплексной, поэтому включение сюда указанных мероприятий вполне оправданно.

В настоящее время среди актов прокурорского реагирования в сфере исполнения органами местного самоуправления законодательства о противодействии экстремизму значительный объем занимают представления и протесты по формальным нарушениям, допущенным в уставах и соответствующих программах муниципальных образований, а также в связи с отсутствием информации о деятельности органов местного самоуправления в сети Интернет. При этом в ведении муниципалитетов находятся вопросы, решение которых может непосредственно влиять на состояние межнациональных отношений в конкретном городском, сельском поселении, муниципальном районе, городском округе.

Из перечня вопросов местного значения, предусмотренных Федеральным законом от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», помимо норм, касающихся противодействия экстреми-

стской деятельности, можно выделить ряд вопросов, в числе которых:

владение, пользование и распоряжение имуществом, находящимся в муниципальной собственности;

создание условий для обеспечения жителей поселения услугами связи, общественного питания, торговли и бытового обслуживания;

организация библиотечного обслуживания населения, комплектование и обеспечение сохранности библиотечных фондов библиотек;

организация и осуществление мероприятий по работе с детьми и молодежью в поселении и др.

Однако прежде всего к таким вопросам относится распоряжение имуществом, находящимся в муниципальной собственности, а для городских поселения и округа – организация строительства и содержания муниципального жилищного фонда, создание условий для жилищного строительства, создание условий для обеспечения жителей услугами общественного питания, торговли и бытового обслуживания.

Выделение данных вопросов связано с тем, что одной из причин возникновения серьезных межэтнических конфликтов часто служат притязания на собственность, на землю, в том числе сельскохозяйственного назначения, жилищные условия, организация работы торговых точек и ярмарок выходного дня.

Например, принятые в нарушение ч. 2 ст. 131 Конституции Российской Федерации, ч. 3 ст. 11 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и распоряжения Правительства Российской Федерации от 25.05.2004 № 707-р в 2005 г. Парламентом Кабардино-Балкарской Республики республиканские законы № 12-РЗ «Об административно-территориальном устройстве Кабардино-Балкарской Республики» и № 13-РЗ «О статусе и принципах муниципальных образований в Кабардино-Балкарской Республике» спровоцировали межэтнические конфликты так как, согласно актам часть земель была изъята у поселений и отнесена к категории «межселенных территорий», т.е. «переподчинялась» вышестоящим органам власти республики. Конституционный Суд Российской Федерации

вынес определения от 03.04.2007 № 171-ОП и от 02.10.2007 № 715-ОП, в силу которых Парламент Кабардино-Балкарской Республики был обязан пересмотреть указанные республиканские законы и привести их в соответствие с законодательством страны и международным правом[1].

Отсутствие баланса интересов местных жителей и категории граждан, воспринимаемой местными жителями в качестве «приезжих», в торговле, при оказании бытового обслуживания, при распределении рабочих мест в сферах жилищно-коммунального хозяйства и строительства также является одним из условий межнациональной напряженности.

Необходимо отметить, что провокационные действия могут исходить от самих муниципальных служащих. Исследователи отмечают угрозу перехода под контроль мигрантских этнических общин органов местного самоуправления[2]. В связи с этим особое звучание приобретают сигналы местного населения некоторых регионов о фактах пренебрежения русским языком в деловом общении с местными жителями со стороны муниципальных служащих другой национальности. Например, в Красноярском районе Астраханской области в 2012–2013 гг. имели место подобные факты. Прокуратурой Республики Тыва отмечались факты издания отдельных нормативных актов органами местного самоуправления лишь на тувинском языке без перевода их на русский.

Такие действия муниципальных служащих важно учитывать при прокурорском надзоре в свете изменений, внесенных в Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации», который дополнен нормой, устанавливающей обязанность муниципального служащего соблюдать при исполнении должностных обязанностей права, свободы и законные интересы человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии и других обстоятельств, а также права и законные интересы организаций.

Противодействие экстремистской деятельности включает деятельность исполнительных органов государственной власти,

---

[1] См.: *Прокурорский* надзор за исполнением законов о государственной безопасности, межнациональных отношениях и противодействии экстремизму: пособие. С. 201.

[2] См.: *Конфликтология*: учеб. пособие для бакалавров / отв. ред. А.Я. Гуськов. М., 2013. С. 148–155.

правоохранительных органов, взаимодействие с общественными и религиозными объединениями.

Необходимость такого взаимодействия проявляется при устранении последствий межнациональных конфликтов. Например, меры к недопущению трансформации бытового конфликта в этнический конфликт в г. Невинномысске Ставропольского края в декабре 2012 г., когда был убит житель Кочубеевского района, принимались администрацией г. Невинномысска, ГУ МВД России по Ставропольскому краю, Невинномысского МСО СУ СК России по Ставропольскому краю, отдела УФСБ России по Ставропольскому краю в г. Невинномысске, органами местного самоуправления г. Невинномысска, прокуратурой при взаимодействии с общественными организациями края.

Эффективной становится работа разного рода консультационных советов на базе органов местного самоуправления, на которых могут обсуждаться местные и бытовые конфликты, причины и условия их возникновения, с тем, чтобы избежать их трансформации в этнические конфликты[1].

На сегодняшний день Министерство регионального развития Российской Федерации упразднено, однако в Методических рекомендациях для органов государственной власти субъектов Российской Федерации о порядке выявления формирующихся конфликтов в сфере межнациональных отношений, их предупреждения и действиях, направленных на ликвидацию их последствий, утвержденных приказом Минрегиона России от 14.10.2013 № 444, был изложен здравый подход к комплексному решению проблемы.

С целью выявления конфликтных ситуаций уполномоченному органу исполнительной власти рекомендуется, в частности, осуществлять постоянный мониторинг состояния конфликтности в межнациональных отношениях, объектом которого может быть влияющая на состояние межнациональных отношений в субъекте Российской Федерации деятельность: 1) органов местного самоуправления; 2) образовательных учреждений; 3) средств массовой информации; 4) коммерческих организаций; 5) некоммерческих организаций, представляющих интересы этнических общно-

[1] См.: *Павлинов А.В.* Угрозы безопасности России. Антикоррупционный и антиэкстремистский мониторинг: монография. М., 2012. С. 23.

стей; 6) казачьих обществ и общественных объединений казаков; 7) религиозных организаций и религиозных объединений; 8) групп лиц, представляющих интересы диаспор; 9) отдельных лиц, активно распространяющих информацию по вопросам межнациональных отношений в сети Интернет.

Кроме того, в качестве процессов, воздействующих на состояние межнациональных отношений, отмечены: 1) экономические (уровень и сферы занятости населения, уровень благосостояния, распределение собственности); 2) политические (представительство различных этнических общностей в органах государственной власти субъектов Российской Федерации, органах местного самоуправления, формы реализации политических прав);
3) социальные (доступ к услугам, предоставляемым социальной инфраструктурой); 4) культурные (удовлетворение языковых, образовательных, этнокультурных и религиозных потребностей); 5) иные процессы, которые могут оказывать воздействие на состояние межнациональных отношений[1].

Таким образом, при осуществлении надзора за исполнением законов органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления важно учитывать, что противодействие экстремистской деятельности подразумевает комплексность такой деятельности и включает в себя работу координационных межведомственных органов, общественных советов, учреждений системы образования, различные виды деятельности, такие как мониторинг этно-социальной обстановки, работа с молодежью, по адаптация трудовых мигрантов и др.

§ 2. Надзор за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности общественными, религиозными объединениями и иными организациями

Экстремизм перешел в ряд явлений, существенно влияющих на криминогенную обстановку в России. Значимую часть экстремистских проявлений занимает экстремизм под прикрыти-

[1] См.: *Фридинский С.Н.* Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование). М., 2013. С. 48–74.

ем радикального ислама[1]. Так, результаты раскрытия террористических актов свидетельствуют о том, что почти 90% лиц, участвовавших в их подготовке и совершении, имеют отношение к так называемым исламским экстремистским организациям[2].

Экстремистские проявления на религиозной основе имеют место и в деятельности последователей: «Древнерусской Инглиистической церкви Православных Староверов-Инглингов», «Союза Славянских общин Славянской Родной Веры», движения «Жить Без Страха иудейска» и ряда других религиозных объединений.

В первую очередь на их деятельность обращается внимание в совместном распоряжении Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 270/27р, МВД России № 1/9789, ФСБ России № 38 от 16.12.2008 «О совершенствовании работы по предупреждению и пресечению деятельности общественных и религиозных объединений по распространению идей национальной розни и религиозного экстремизма».

Согласно указанному распоряжению прокурорам субъектов Российской Федерации, приравненным к ним специализированным прокурорам поручено, в частности, по каждому установленному факту существования организаций экстремистской направленности рассматривать вопрос о подготовке в суд заявлений об их ликвидации и (или) запрете деятельности. При направлении в суд таких заявлений необходимо выносить решения о приостановлении деятельности указанных в обращении объединений.

Правовым основанием реализации данных правомочий служат нормы, закрепленные в ст. 9, 10 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности».

Согласно ст. 9 этого Закона в Российской Федерации запрещаются создание и деятельность общественных и религиозных объединений, иных организаций, цели или действия которых направлены на осуществление экстремистской деятельности.

---

[1] См.: *Антонян Ю.М.* Экстремизм и его причины. М., 2007. С. 6–9; *Суслонов П.Е., Гурский В.В.* Религиозный экстремизм в системе социальных отношений: монография. Екатеринбург, 2014. С. 23–29.

[2] См.: *Алиев А.К., Арухов З.С., Ханбабаев К.М.* Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северном Кавказе. Российская акад. наук, Дагестанский науч. центр, Региональный центр этнополитических исследований. М., 2007. С. 18–32.

В случае, предусмотренном ч. 4 ст. 7 данного Закона, либо при осуществлении общественным или религиозным объединением, либо иной организацией, либо их региональным или другим структурным подразделением экстремистской деятельности, повлекшей за собой нарушение прав и свобод человека и гражданина, причинение вреда личности, здоровью граждан, окружающей среде, общественному порядку, общественной безопасности, собственности, законным экономическим интересам физических и (или) юридических лиц, обществу и государству или создающей реальную угрозу причинения такого вреда, соответствующие общественное или религиозное объединение либо иная организация могут быть ликвидированы, а деятельность соответствующего общественного или религиозного объединения, не являющегося юридическим лицом, может быть запрещена по решению суда на основании заявления Генерального прокурора Российской Федерации или подчиненного ему соответствующего прокурора.

В силу ст. 10 указанного законодательного акта в случае осуществления религиозным объединением экстремистской деятельности, повлекшей за собой нарушение прав и свобод человека и гражданина, причинение вреда личности, здоровью граждан, окружающей среде, общественному порядку, общественной безопасности, собственности, законным экономическим интересам физических и (или) юридических лиц, обществу и государству или создающей реальную угрозу причинения такого вреда, соответствующие должностное лицо или орган с момента их обращения в суд по основаниям, предусмотренным ст. 9 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», с заявлением о ликвидации общественного или религиозного объединения либо запрете его деятельности вправе своим решением приостановить деятельность общественного или религиозного объединения до рассмотрения судом указанного заявления.

В приказе Генерального прокурора Российской Федерации от 19.11.2009 № 362 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности» указано, что особое внимание прокурорам «необходимо уделять обеспечению постоянного и эффективного надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремизму» (1.2). Исходя из законодательного определения по-

нятия «экстремизм», по каждому факту противоправной деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, редакций средств массовой информации, физических лиц прокурорам следует «принимать обоснованные меры реагирования» (1.3).

Действия в отношении религиозных объединений, предпринимаемые работниками прокуратуры, должны также носить превентивный характер (например, применение правового средства прокурорского реагирования, как представление, предупреждение либо предостережение).

Помимо предостережения и предупреждения важным средством профилактики правонарушений в сфере конфессиональных отношений служит взаимодействие прокурорских работников путем встреч с представителями различных религиозных объединений и организаций, религиозными деятелями, представителями национальных диаспор, студенческими коллективами.

В качестве эффективного средства оперативного предотвращения различных правонарушений по мотиву религиозной ненависти, а также массовых конфессиональных конфликтов зарекомендовало себя взаимодействие с имеющимися в регионе национальными и религиозными представительствами[1]. Принимая во внимание отсутствие возможности предусмотреть регламентацию процедуры проведения данных мероприятий, их результативность зависит от профессионализма и личных качеств прокурорского работника, участвующего в его проведении.

Согласно пп. 1.8 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 19.11.2009 № 362 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности» в организации надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности при наличии оснований необходимо использовать возможности взаимодействия с религиозными объединениями и иными организациями.

Важное место в процессе надзора за исполнением законодательства в сфере конфессиональных отношений занимают непо-

[1] См.: *Скворцова Т.А.* Юридические механизмы противодействия угрозам религиозного экстремизма: монография. Северо-Кавказский науч. центр высш. шк. М-ва образования и науки РФ, Ростовский юрид. ин-т МВД России. Ростов н/Д, 2006. С. 18–24.

средственные проверки религиозных организаций, особенно в части перечня их учредителей, источников финансирования, соответствия осуществляемой деятельности положениям, закрепленным в их учредительных документах, а также соблюдения порядка осуществления отчетных обязанностей[1].

Принимая во внимание отмечающуюся законспирированную деятельность международных экстремистских и террористических организаций («Таблиги джамаат», «Нурджулар», «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» и др.), а также то, что деятельность ряда из них еще не получила правовой идентификации, необходимо ориентировать правоохранительные органы на выявление представителей организаций, проповедующих крайние течения в исламе, которые ведут пропаганду ваххабитских идеологий.

В ходе проверок религиозных организаций на подобные характеристики их деятельности также необходимо обращать повышенное внимание. В частности, возникают ситуации, когда организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о запрете деятельности, фактически продолжает ее осуществлять, изменив свое название.

Реализация органами прокуратуры *мер административной ответственности* представляет собой эффективный способ противодействия негативным проявлениям в сфере конфессиональных отношений и противодействия экстремизму.

В ряде статей КоАП РФ предусматривается ответственность за подобные деяния. К ним, в частности, относятся такие, как: «Дискриминация» (ст. 5.62 КоАП РФ), «Организация деятельности общественного или религиозного объединения, в отношении которого принято решение о приостановлении его деятельности» (ст. 20.28 КоАП РФ), «Производство и распространение экстремистских материалов» (ст. 20.29 КоАП РФ).

Возможность привлечения к административной ответственности лиц, осуществляющих экстремистскую деятельность, предусмотрена ст. 15 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», согласно которой за экстремистскую деятельность граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства несут уголовную, администра-

[1] См.: *Залужный А.Г.* Прокурорский надзор за исполнение законов о свободе совести, религиозных объединениях и противодействии экстремизму. М., 2004. С. 7–10.

тивную и гражданско-правовую ответственность в установленном законодательством Российской Федерации порядке.

Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 19.11.2009 № 362 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности», в частности, предусматривает положения, направленные на повышение системности деятельности не только органов прокуратуры, но и всех правоохранительных органов, осуществляемой в рамках противодействия экстремизму.

Так, при решении вопроса о привлечении к административной ответственности приказано обеспечить принятие необходимых мер с целью тщательного установления всех обстоятельств содеянного, в том числе выяснения причастности виновных лиц к деятельности религиозных объединений, а также степени участия последних в противоправных действиях.

Конспиративность преступной деятельности указанных организаций оказывает влияние на сложность установления их структуры и состава участников. В подобных условиях отсутствие всей полноты информации не позволяет дать правильную правовую оценку действиям того или иного лица.

Указанные особенности свидетельствуют о повышенной важности неукоснительного соблюдения приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 19.11.2009 № 362 относительно выяснения причастности к деятельности религиозных объединений лиц, привлекающихся к административной ответственности.

Как правило, выявление правонарушений осуществляется в ходе проверок, по результатам которых возбуждаются дела об административных правонарушениях. Особого внимания в данном случае заслуживают религиозные организации, занимающиеся изготовлением печатной продукции, а также реализующие печатную и аудио-, видеопродукцию (например, Свидетели Иеговы и др.).

Кроме того, приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 19.11.2009 № 362 работникам органов прокуратуры предписано осуществлять мониторинг средств массовой информации, сетей связи общего пользования в целях выявления фактов их использования в экстремистской деятельности. Эффектив-

ность мониторинга повышается, когда он проводится во взаимодействии с территориальными органами ФСБ и МВД России, а также при взаимодействии со средствами массовой информации.

Аналогичным образом к административной ответственности привлекаются главные редакторы информационных порталов, размещающих в сети Интернет на общедоступном для пользователей сайте информационные материалы экстремистской направленности.

Помимо использования средств массовой информации и сети Интернет, аудио- и видеоинформация экстремистского содержания может распространяться путем использования различных электронных носителей, которые выявляются в ходе проверок субъектов предпринимательской деятельности.

В последнее время наибольший объем информации распространяется через сеть Интернет, количество пользователей которой превышает количество читателей любого печатного издания. По этой причине мониторинг именно данного информационного ресурса представляет наибольшую важность при выявлении правонарушений, направленных на дестабилизацию межнациональных отношений.

Религиозные объединения, правозащитные и иные организации оказывают существенное влияние на состояние конфессиональных отношений в субъектах Российской Федерации, лидеры которых пользуются авторитетом у населения и своими действиями, акциями и др. могут как способствовать укреплению толерантности в обществе, так и дестабилизировать в нем религиозные отношения.

Практика работы прокуроров на местах показывает, что Минюстом России и его территориальными органами не в полной мере реализуются полномочия по контролю за деятельностью религиозных объединений и пресечению допускаемых ими нарушений законодательства, требований учредительных документов. Прокурорами выявляются факты необоснованного принятия решений о государственной регистрации религиозных организаций (объединений) по результатам поверхностной правовой экспертизы учредительных документов. Такой подход приводит к случаям, когда цели, задачи и виды деятельности религиозной организации не соотносятся между собой, к регистрации организаций в

не предусмотренных законом формах, отсутствию в наименованиях организаций указаний на организационно-правовую форму, территориальную сферу и характер деятельности. При регистрации не проверяются данные в отношении учредителей религиозных организаций в части включения в перечень лиц в соответствии с п. 2 ст. 6 Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

Указанные нарушения создают предпосылки для нарушения требований закона в деятельности зарегистрированных некоммерческих (в том числе религиозных) организаций, в связи с чем в целях гарантии их законной деятельности при проведении проверок необходимо принимать меры прокурорского реагирования.

Кроме того, территориальными органами Минюста России ненадлежащим образом осуществляются контрольные функции, не в полной мере используются возможности по профилактике правонарушений, в том числе и на предмет экстремистских проявлений, не изучаются и не анализируются материалы, поступающие от подконтрольных субъектов, в том числе на наличие экстремистских идей.

Даже при очевидности нарушений законодательства какие-либо меры к их устранению в течение ряда лет не принимаются, информация в органы прокуратуры для принятия мер прокурорского реагирования не направляется.

Кроме того, при проверке законности регистрации различных форм некоммерческих организаций необходимо учитывать иные требования, предъявляемые специальными законами к их регистрации.

Вопреки п. 8 ст. 8 Закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» наименования зарегистрированных религиозных организаций не всегда содержат сведения о вероисповедании. Территориальными органами Минюста России принимаются решения о государственной регистрации при отсутствии сведений об ограничениях для членов и служителей религиозных организаций в отношении их гражданских прав и обязанностей, что предусмотрено п. 5 ст. 11 указанного Закона.

Согласно ст. 8, п. 2 ст. 11 Закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» религиозные организации в зависимо-

сти от территориальной сферы своей деятельности подразделяются на местные и централизованные. К полномочиям территориального органа Минюста России отнесено принятие решений о государственной регистрации местной религиозной организации, а также централизованной религиозной организации, имеющей местные религиозные организации на территории одного субъекта Российской Федерации.

Кроме того, в субъектах Российской Федерации практикуется регистрация региональных объединений религиозных организаций, в частности, на территории Республики Башкортостан действуют Региональное объединение Евангельских христиан-баптистов РБ, Региональное объединение Христиан веры Евангельской пятидесятников РБ, Региональное духовное управление РБ в составе ЦДУМ России.

Наименования религиозных объединений зачастую некорректны по причине несоблюдения правил русского языка к их оформлению.

Имеют место нарушения требований ст. 15 Федерального закона «О некоммерческих организациях», ст. 19 Федерального закона «Об общественных объединениях». При регистрации не проверяются данные в отношении учредителей некоммерческих организаций в части включения в перечень лиц в соответствии с п. 2 ст. 6 Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма».

Также в ходе проверок прокурорам необходимо выяснять, запрашиваются ли у контролирующих, надзорных и судебных органов сведения об иностранных гражданах или лицах без гражданства, в отношении которых в установленном законодательством Российской Федерации порядке принято решение о нежелательности их пребывания (проживания) в Российской Федерации, и лицах, в отношении которых вступившим в законную силу решением суда установлено, что в их действиях содержатся признаки экстремистской деятельности.

Выявляемые прокурорами нарушения в ходе проверок исполнения законов о противодействии экстремистской деятельности в органах Минюста России свидетельствуют о необходимости усиления прокурорского надзора в указанной сфере.

При проверках исполнения законодательства, касающегося злоупотребления свободой массовой информации в рассматриваемой сфере, положения ст. 4 Закона РФ «О средствах массовой информации» необходимо применять в совокупности с иными федеральными законами, регулирующими определенные общественные отношения: «О свободе совести и о религиозных объединениях», «О противодействии экстремистской деятельности» и др.

В соответствии со ст. 8 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» в случае распространения через средство массовой информации экстремистских материалов либо выявления фактов, свидетельствующих о наличии в его деятельности признаков экстремизма, учредителю и (или) редакции (главному редактору) данного средства массовой информации выносится предупреждение в письменной форме о недопустимости таких действий либо такой деятельности с указанием конкретных оснований вынесения предупреждения, в том числе допущенных нарушений. При возможности принять меры по устранению таких нарушений в предупреждении также устанавливается срок для устранения указанных нарушений, составляющий не менее десяти дней со дня вынесения предупреждения. Предупреждение может быть обжаловано в суд в установленном порядке. Если предупреждение не обжаловано в суде в соответствующем порядке или не признано судом незаконным, а также если в установленный в предупреждении срок не приняты меры по устранению допущенных нарушений, послуживших основанием для вынесения предупреждения, либо если повторно в течение двенадцати месяцев со дня вынесения предупреждения выявлены новые факты, свидетельствующие о признаках экстремизма в деятельности средства массовой информации, деятельность соответствующего средства массовой информации подлежит прекращению в установленном законом порядке.

В целях выявления недостатков в работе Роскомнадзора необходимо проводить проверки надлежащего исполнения административного законодательства об административных правонарушениях. Так, к компетенции Роскомнадзора относится рассмотрение дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 13.2–13.4, 13.6–13.9, 13.18, ч. 1–3 ст. 15.27 (в пределах своих полномочий) КоАП РФ. Рассматривать указанные дела об

административных правонарушениях вправе: главный государственный инспектор Российской Федерации по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, его заместители и старшие государственные инспектора Российской Федерации по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (ст. 23.44 КоАП РФ).

В компетенции Роскомнадзора находится рассмотрение административных материалов по вопросам распространения информации о религиозном объединении или иной организации, включенных в опубликованный перечень общественных и религиозных объединений, иных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности», без указания на то, что соответствующее общественное объединение или иная организация ликвидированы или их деятельность запрещена (ч. 2 ст. 13.15 КоАП РФ); неисполнение требований законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (ст. 15.27 КоАП РФ).

Когда рассмотрение административных материалов отнесено к полномочиям суда, как, например, по 20.29 (производство и распространение экстремистских материалов) КоАП РФ, решается вопрос о вынесении в силу ст. 8 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» и ст. 4 Закона РФ «О средствах массовой информации» предупреждения в письменной форме учредителю и (или) редакции (главному редактору) данного средства массовой информации о недопустимости таких действий.

Согласно Положению о Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Роскомнадзор осуществляет контроль за представлением обязательного федерального экземпляра документов в установленной сфере деятельности Службы (пп. 5.1.1.2 и 5.1.1.5 Положения).

Имеют место случаи, когда полномочия по контролю и надзору в указанной сфере реализуются не в полной мере. Отсутствие обязательного экземпляра периодических изданий свидетельствует о ненадлежащем осуществлении мониторинга должност-

ными лицами Службы. Нарушения в части непредоставления обязательных экземпляров становятся возможными в связи с непринятием территориальными управлениями мер к редакциям СМИ по направлению обязательного экземпляра печатной продукции.

Организация проверок исполнения законов о противодействии экстремистской деятельности в сетях связи, информационных технологий и массовых коммуникаций и в органах Роскомнадзора прежде всего выполняет профилактическую функцию по предотвращению распространения идей, направленных на разжигание религиозной и национальной розни. Одна из задач Роскомнадзора – это выявление материалов экстремистской направленности в СМИ, в том числе распространяемых в сети Интернет, зарегистрированных в качестве средств массовой информации.

В то же время прокурорами во взаимодействии с другими правоохранительными органами принимаются меры по пресечению использования ресурсов сети Интернет, не являющихся СМИ, для распространения информации религиозного экстремистского характера.

Следует отметить, что организация проверок исполнения законов о свободе совести, о религиозных объединениях и противодействии экстремистской деятельности в сетях связи, информационных технологий и массовых коммуникаций и в органах Роскомнадзора осуществляется в соответствии с законодательством, направлена на профилактику правонарушений в указанной сфере и строится на совместном скоординированном взаимодействии федеральных правоохранительных и контролирующих органов.

Надзирая за исполнением законодательства в сфере защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, прокурором значительное внимание уделяется недопущению вовлечения несовершеннолетних и молодежи в экстремистскую деятельность, пресечению случаев распространения среди молодежи идей религиозного экстремизма.

Наиболее характерные нарушения закона в анализируемой сфере – это факты бездействия директоров школ и отделов образования, выражающиеся в непринятии соответствующих организационно-распорядительных документов для установки согласно

законодательству систем фильтрации доступа в Интернет, ограждающей учащихся от экстремистских сайтов.

Основная причина выявленных в проектах нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Федерации и органов местного самоуправления нарушений федерального законодательства состоит в установлении в проектах норм, вторгавшихся в предметы ведения Российской Федерации. Нередко в проектах закреплялись необоснованно широкие пределы усмотрения, создающие возможность для злоупотреблений должностными лицами, либо позволяли им принимать произвольные решения. Не искоренена в полном объеме присущая в основном органам местного самоуправления практика формального декларирования отдельных профилактических мероприятий при отсутствии их фактической реализации.

Одно из важных направлений противодействия экстремистской деятельности – профилактика и пресечение правонарушений экстремистской направленности, совершенных с использованием средств массовой информации.

Согласно информационному письму Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 26.03.2007 № 17-16-07 на системной основе должны проверяться деятельность СМИ, проводиться мониторинг их печатной продукции, отслеживаться материалы, размещаемые в сети Интернет, и др.

По установленным фактам правонарушений органами прокуратуры проводятся проверки либо организуется передача необходимых материалов на проверку в другие компетентные органы. Соответствующий алгоритм работы у других правоохранительных органов, органов контроля, специализированных структурных подразделений органов исполнительной власти субъектов Федерации, каждый из которых ориентирован на обязательное информирование органов прокуратуры об установленных правонарушениях.

Для надлежащей надзорной деятельности в сфере противодействия экстремистской деятельности в СМИ и сети Интернет по всей системе органов прокуратуры проводится и серьезная организационно-подготовительная работа. В частности, практикуется направление нижестоящим прокурорам сведений о признании информационных материалов экстремистскими и включении

их в федеральный список экстремистских материалов. Также в прокуратурах городов и районов ведется накопление банка данных обо всех СМИ и издательских организациях, зарегистрированных в соответствующем регионе.

В целом результаты прокурорских проверок свидетельствуют о том, что принимаются необходимые меры к выявлению в работе печати и телерадиовещания фактов и материалов, свидетельствующих о наличии в деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций и СМИ проявлений экстремизма. В ряде случаев своевременное реагирование на правонарушения экстремистской направленности позволило не допустить использования СМИ для дестабилизации обстановки в обществе.

Последовательной и целенаправленной работой прокуроров удалось добиться того, что основные профилактические мероприятия по противодействию религиозному экстремизму стали формироваться на уровне муниципалитетов и региональных органов государственной власти[1].

Вместе с тем, несмотря на внешнюю активность и озабоченность региональных и местных властей проблемами религиозного экстремизма, принимаемые ими меры зачастую формальны и малопродуктивны, а самое главное – это отсутствие необходимого финансирования мероприятий по противодействию экстремистской деятельности. Декларативный характер планируемых мер указанными органами зачастую обусловлен отсутствием исчерпывающего мониторинга общественно-политической ситуации в регионе, навыков работы в указанной сфере, а также должного финансового обеспечения.

Анализ оперативной обстановки по линии противодействия религиозному экстремизму в Российской Федерации свидетельствует, что наряду с радикальными мусульманскими организациями все большую активность начинают проявлять представители «неорелигиозных» структур.

Таким образом, прослеживается тенденция вовлечения молодежи, способной на совершение преступлений экстремистского

[1] См.: *Экстремизм* как фактор снижения уровня национальной безопасности России: криминологический и экономический аспекты: материалы межвуз. науч.-практ. конф. (27.06.2014). МВД России, Краснодарский ун-т. Краснодар, 2014. С. 34–39.

характера, в деятельность «неоязыческих» объединений, по причине чего адепты таких объединений представляют особый интерес для органов прокуратуры и правоохранительных органов.

Преступления экстремистской направленности в большинстве своем представляют собой преступления небольшой и средней тяжести. Низкие размеры санкций уголовных норм не позволяют эффективно устранять лидеров и активных участников религиозных экстремистских сообществ посредством применения мер уголовно-правового принуждения. В этом контексте наиболее перспективным представляется признание объединений экстремистскими и запрета их деятельности[1].

Перечень общественных и религиозных объединений, иных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом, подлежит размещению в сети Интернет на сайтах федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих функции в сфере регистрации общественных и религиозных объединений, иных организаций. Указанный перечень также подлежит опубликованию в официальных периодических изданиях, определенных Правительством Российской Федерации.

При прокурорском надзоре необходимо обеспечивать своевременное получение полной и достоверной информации из соответствующих министерств и федеральных служб, а также из подведомственных им органов[2].

Для установления признаков экстремизма в деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации учитывается норма, закрепленная в ст. 15 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», где сказано, что, если руководитель или член руководящего органа данного объединения или организации делает публичное заявление, призывающее к экстремистской деятельности, без указания на то, что это его личное мнение, а равно в случае вступления в законную силу в отношении такого лица приговора суда за пре-

[1] См.: *Раскрытие* и расследование преступлений, связанных с террористической и экстремистской деятельностью: пособие: [в 2 ч.] / Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации; ВНИИ МВД России. М., 2011. С. 97–102.

[2] См.: *Прокурорский* надзор за исполнением законов о свободе совести и о религиозных объединениях. М., 2014. С. 25.

ступление экстремистской направленности соответствующие общественное или религиозное объединение либо иная организация обязаны в течение пяти дней со дня, когда указанное заявление было сделано, публично заявить о своем несогласии с высказываниями или действиями такого лица. Если соответствующие общественное или религиозное объединение либо иная организация не сделает такого публичного заявления, это может рассматриваться как факт, свидетельствующий о наличии в их деятельности признаков экстремизма.

В Российской Федерации запрещаются создание и деятельность общественных и религиозных объединений, иных организаций, цели или действия которых направлены на осуществление экстремистской деятельности. В случае, предусмотренном ч. 4 ст. 7 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», либо в случае осуществления общественным или религиозным объединением, либо иной организацией, либо их региональным или другим структурным подразделением экстремистской деятельности, повлекшей за собой нарушение прав и свобод человека и гражданина, причинение вреда личности, здоровью граждан, окружающей среде, общественному порядку, общественной безопасности, собственности, законным экономическим интересам физических и (или) юридических лиц, обществу и государству или создающей реальную угрозу причинения такого вреда, соответствующие общественное или религиозное объединение либо иная организация могут быть ликвидированы, а деятельность соответствующего общественного или религиозного объединения, не являющегося юридическим лицом, может быть запрещена по решению суда на основании заявления Генерального прокурора Российской Федерации или подчиненного ему соответствующего прокурора.

При принятии судом по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности», решения о ликвидации общественного или религиозного объединения их региональные и другие структурные подразделения также подлежат ликвидации.

Оставшееся после удовлетворения требований кредиторов имущество общественного или религиозного объединения либо иной организации, ликвидируемых по основаниям, предусмот-

ренным названным Федеральным законом, подлежит обращению в собственность Российской Федерации. Решение об обращении указанного имущества в собственность России выносится судом одновременно с решением о ликвидации общественного или религиозного объединения либо иной организации.

В соответствии со ст. 14 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» деятельность религиозного объединения может быть приостановлена, религиозная организация может быть ликвидирована, а деятельность религиозного объединения, не являющегося религиозной организацией, может быть запрещена в порядке и по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности».

В принятии решений о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности», задействована вся система судов, исключая Конституционный Суд Российской Федерации.

§ 3. Особенности надзора за исполнением законов федеральными органами исполнительной власти по профилактике экстремизма в молодежной среде

Распространение экстремизма в молодежной среде обусловлено рядом факторов: социальных, экономических, политических и др. Профилактическая работа в отношении названной категории лиц должна строиться с учетом того обстоятельства, что молодые люди наиболее подвержены негативному влиянию и крайне остро воспринимают недостатки социальной организации общества[1]. Для таких лиц характерно стремление объединяться в группы по интересам (фанаты, иные неформальные молодежные группы). Мотивом такого объединения нередко выступают радикальные взгляды и убеждения молодых людей, и именно дест-

[1] См.: *Кубякин Е.О.* Молодежный экстремизм в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды общественной жизни: дис. ... д-ра соц. наук. Краснодар, 2012. С. 18.

руктивный протестный потенциал детерминирует их участие в экстремистских и террористических организациях.

Молодежная среда в силу своих социальных характеристик и остроты восприятия окружающей действительности – та часть общества, в которой наиболее быстро происходит накопление и реализация негативного протестного потенциала. Под влиянием социальных, политических, экономических и иных факторов в молодежной среде, наиболее подверженной деструктивному влиянию, легко формируются экстремистские взгляды и убеждения[1]. В результате молодежь пополняет ряды экстремистских организаций, которые активно используют ее в своих политических интересах, что создает угрозу национальной безопасности.

Так, в Перечне организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму, из 3189 включенных в него физических лиц из числа граждан Российской Федерации значительное число составляют лица 1990–1997 гг. рождения, т.е. от 17 до 24 лет[2]. Среди выявленных в 2014 г. экстремистских сообществ 80% от общего количества составили молодежные националистические группировки[3].

Так, решением Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № АКПИ12-665 признано экстремистским и запрещена деятельность на территории Российской Федерации международного объединения «Кровь и Честь» («Blood and Honour/Combat 18», «B&H», «BandH»). Как указал Верховный Суд РФ, международное неонацистское объединение основано в конце 1970-х гг. в Великобритании правоэкстремистской партией. Свое название «B&H» получило по лозунгу и форме приветствия юношеской организации НСДАП «Гитлерюгенд» «blut und ehre» (в переводе с немецкого языка «Кровь и Честь»). В середине 1990-х годов в объединении образовалось два течения «Independent voice» и «Combat 18». Сторонники «Combat 18» (число 18 обозначает пер-

[1] Официальный сайт специализированной организации «Национальный антикоррупционный совет Российской Федерации». URL: http://www.korupcii.net (дата обращения: 16.03.2015).

[2] См.: сайт Росфинмониторинга. URL: http://fedsfm.ru/documents/terrorists-catalog-portal-act (дата обращения: 23.02.2015).

[3] См. подробнее: *Организация* экстремистского сообщества: проблемы квалификации и доказывания: пособие / под ред. В.В. Меркурьева; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М., 2013. С. 19–23.

вую и восьмую букву латинского алфавита «А» и «Н» и переводится как «Адольф Гитлер») выступают за экстремизм, борьбу против «сионистских» властей террористическими методами.

Российское отделение основано в 1996 г. и до 2004 г. представляло собой клуб соратников по интересам, деятельность его не носила экстремистского характера. Начиная с 2005 г. участники объединения основной упор сделали на пропаганду национал-социалистической идеологии, радикальных методов борьбы с политической властью в России посредством активного проведения музыкальных концертов, выпуска и продажи музыкальных дисков, атрибутики правого толка. Кроме того, отдельными направлениями их деятельности стали популяризация бренда «Кровь и Честь» и открытие региональных отделений объединения.

Лидеры российского отделения стремились создать национал-социалистическое подполье, модель которого описана в книге Э. Макдоналда «Дневник Тернера». Впоследствии в ходе взаимодействия с лидерами праворадикального объединения «Объединенные бригады 88» в качестве приоритета была выбрана так называемая концепция стратегического развития «Стратегия 2020».

С 2008 г. функционеры «Крови и Чести» стали пропагандировать превосходство ислама и «Концепцию русского джихада», смысл которой заключается в объединении усилий с боевиками бандформирований Северного Кавказа по осуществлению деятельности, направленной на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации.

Структуры российского отделения «Крови и Чести» выявлены в ряде городов России. В целях пропаганды экстремистской деятельности участники российского отделения создали интернет-сайт, где и была опубликована концепция «Стратегия 2020», являющаяся, по сути, программой российского отделения.

Верховный Суд РФ констатировал, что деятельность международного неонацистского объединения «Кровь и Честь» («Blood and Honour/Combat 18», «B&H», «BandH») направлена на осуществление экстремистской деятельности, посягает на права и свободы человека и гражданина, основы конституционного строя, обеспечения целостности и безопасности Российской Федерации.

В Методических рекомендациях по профилактике и противодействию экстремизму в молодежной среде, разработанных в 2011 г. Минспорттуризмом России совместно с МВД России и ФСБ России[1], выделяются следующие особенности экстремизма в молодежной среде.

Во-первых, экстремизм формируется преимущественно в маргинальной среде и постоянно подпитывается неопределенностью положения молодого человека и его неустановившимися взглядами на происходящее.

Во-вторых, экстремизм чаще всего проявляется в системах и ситуациях, характерных отсутствием действующих нормативов, установок, ориентирующих на законопослушность, консенсус с государственными институтами.

В-третьих, экстремизм проявляется чаще в тех обществах и группах, где существует низкий уровень самоуважения или же условия способствуют игнорированию прав человека.

В-четвертых, данный феномен характерен для общностей не столько с так называемым низким уровнем культуры, сколько с культурой разорванной, деформированной, не являющей собой целостности.

В-пятых, экстремизм соответствует обществам и группам, принявшим идеологию насилия и проповедующим нравственную неразборчивость, особенно в средствах достижения целей.

Необходимо отметить, что в некоторых регионах страны разработаны достаточно серьезные документы по профилактике экстремизма, которые могут быть приняты во внимание и при разработке соответствующих федеральных программ по предотвращению экстремизма среди молодежи. В частности, весьма полезны и интересны идеи и предложения, содержащиеся в Концепции реализации государственной политики в сфере межэтнических отношений, одобренной правительством Москвы. Заслуживают, например, внимания предложения по разработке единой методологии интернационального воспитания, созданию интернациональных клубов, повышению образовательного уровня государственных служащих в сфере межэтнических отношений, эт-

[1] Официальный сайт специализированной организации «Национальный антикоррупционный совет Российской Федерации». URL: http://www.korupcii.net (дата обращения: 14.06.2015).

нокультурному воспитанию, оказанию поддержки национальным театрам и творческим коллективам, популяризации национальных языков, традиций и обычаев народов России, противодействию незаконной миграции и адаптации мигрантов в новые этнические общества, повышению грамотности населения в вопросах религиозной философии и культуры и т.п.[1]

С учетом изложенного сегодня крайне важно уделять внимание улучшению социальной среды молодых россиян, вовлекать их в социально важные проекты, направленные на достижение одобряемых ими целей. Необходимо сформировать культ успешного молодого человека, благодаря своим способностям становящегося всесторонне развитой личностью и достигающего высокого социального уровня. К сожалению, современные реалии таковы, что в условиях неустойчивости экономики и социальной сферы прогрессирует социально-политическая незащищенность молодежи. Существующая затрудненность вертикальной социальной мобильности в российском обществе (неработающий «социальный лифт»), усиливающееся имущественное расслоение и т.п. факторы способствуют аномии в молодежной среде – распаду системы ценностей и норм, гарантирующих общественный порядок, проявляющейся в утере нормативно-ценностных оснований поддержания социальной солидарности и обеспечения социальной идентичности[2].

Особое значение в контексте рассматриваемых проблем следует уделять традиционным институтам социализации. Молодого человека должно окружать преимущественно позитивное социальное пространство, формирующее воспитательное воздействие на него. Помимо семьи положительный социальный импульс должен идти со стороны образовательных учреждений, общественных объединений, спортивных организаций, средств массовой информации. При этом профилактическая работа должна проводиться в отношении как социально благополучных молодых людей, так и лиц с отклоняющимся поведением, в том числе ранее имевшим криминальный опыт. Как показывает практика, вовремя осуществленная коррекция поведения подростка,

[1] О Концепции реализации государственной политики в сфере межэтнических отношений в Москве: постановление Правительства Москвы от 22.06.2010 № 522-ПП.

[2] *Бааль Н.Б.* Политический экстремизм российской молодежи и технологии его преодоления: автореф. дис. … д-ра полит. наук. Н. Новгород, 2012. С. 15–16.

переориентация его на социально полезную, эффективную и привлекательную сферу деятельности позволяет нейтрализовать его негативный потенциал или свести его к минимуму[1].

В основе такой коррекции должна лежать организация позитивного развивающего досуга подростков и молодежи. К сожалению, у многих молодых людей отсутствует возможность организовать свой полноценный досуг. Так, во многих регионах нет бесплатных спортивных секций, цены на билеты на культурные мероприятия высокие и т.п. Все это приводит к примитивному, бесцельному проведению досуга, употреблению алкоголя и наркотических средств, следствие чего, как правило, – совершение преступлений, в том числе экстремистской направленности.

В то же время ряд молодежных движений, несмотря на острую реакцию со стороны некоторых граждан и вызванные в связи с этим конфликтные ситуации, несут в себе социально полезную направленность. К таким движениям можно отнести, например, «Стопхам» или «Молодежный антинаркотический спецназ». Думается, что существует возможность объединения усилий названных движений и государственных органов в целях оптимизации деятельности указанных молодежных сообществ и их функционирования исключительно в правовом поле.

Специалисты утверждают, что весьма перспективным направлением профилактической работы выступает разрушение или (и) переориентация молодежных субкультур[2]. Для этого необходимо создавать условия для реализации агрессивных, экстремальных проявлений молодых людей, удерживая их в рамках законодательства и социальных норм. Наиболее успешно эта стратегия может быть реализована через развитие экстремальных видов спорта, содержащих элементы риска, или, например, возможность прохождения военной службы по контракту. При чем параллельно, где это возможно, целесообразно разрушать «управленческое ядро» носителей субкультуры с негативным от-

[1] *Зеленов Ю.Н.* Теория и практика педагогической профилактики экстремистских проявлений в молодежной среде в системе непрерывного профессионального образования: дис. ... д-ра педагог. наук. Екатеринбург, 2014. С. 3–28.

[2] См.: *Ростокинский А.В.* Преступления экстремистской направленности как проявления субкультурных конфликтов молодежных объединений: уголовно-правовые и криминологические проблемы. Саратов, 2007. С. 7–41.

тенком, переводить молодежное сообщество в новое деятельностное русло позитивной направленности.

Значительную угрозу для общественной безопасности и общественного порядка представляют фанатские движения «ультрас». Не секрет, что многие из них регулярно участвуют в массовых акциях, проходящих под различными лозунгами экстремистского характера. Группировки «ультрас» и совершаемые ими правонарушения стали настоящей «головной болью» правоохранительных органов. Жесткие репрессивные меры, как правило, не приносят желаемых результатов, в связи с чем практикуется «мягкий» вариант профилактики экстремистской активности фанатов, учет их интересов и предпочтений. Так, руководство профессиональных спортивных клубов практикует заключение своеобразного «джентельменского соглашения», а именно: помогает болельщикам организовать фанатские объединения спортивных клубов, выезжать совместно с командой в другие города, финансирует приобретение экипировки болельщиков и т.п., в ответ на это фанаты обещают не нарушать общественный порядок при проведении футбольных матчей и других спортивных соревнований.

К сожалению, экстремистские проявления усиливаются и в студенческой сфере. Их катализатором нередко становятся столкновения на межнациональной почве. Известны факты, когда представители какой-либо национальности сами провоцируют совершение в отношении них противоправных действий, тем самым «подливая масло в огонь» межнациональной напряженности. Профилактическая работа, направленная на формирование межнационального согласия в студенческой среде, включает: повышение роли студенческих общественных объединений в жизни вуза, степень их влияния на процессы в студенческой среде; организацию в образовательных учреждениях факультативных курсов по изучению законодательства в сфере противодействия экстремизму, созданию стендов антиэкстремистской направленности в корпусах учебных заведений и студенческих общежитиях, более активное привлечение к этой работе органов правопорядка; преподавание основ межнационального общения и интернационального воспитания учащихся, входящие в учебные программы образовательных учреждений, создание в вузах добровольных интернациональных студенческих дружин для поддержания об-

щественного порядка и предупреждения конфликтов на почве этнической неприязни на территории учебных заведений, общежитий и студенческих городков и др.

В связи с этим в противодействии экстремизму в молодежной среде велика роль профилактики, представляющей собой комплекс социальных, правовых, педагогических и иных мер, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих вовлечению молодежи в экстремистскую деятельность, результативность которых зависит от их научно-практической обоснованности и правильной организации.

Принятие профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности, ст. 3 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» отнесено к основным направлениям противодействия экстремизму.

В соответствии со ст. 5 названного Закона в целях противодействия экстремистской деятельности федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления в пределах своей компетенции в приоритетном порядке осуществляют профилактические, в том числе воспитательные, пропагандистские, меры, направленные на предупреждение экстремистской деятельности.

В числе основных субъектов системы профилактики экстремизма в молодежной среде – органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, органы внутренних дел, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее – КДНиЗП), органы и организации образования, органы по делам молодежи.

К сожалению, проводимая работа названных субъектов по противодействию проявлениям экстремизма в молодежной среде не всегда соответствует предъявляемым требованиям на фоне сохраняющейся сложной ситуации в рассматриваемой сфере религиозной и конфессиональной напряженности, распространения экстремисткой идеологии и национальных настроений, а также

роста в отдельных субъектах Российской Федерации протестной активности населения[1].

При таких обстоятельствах надзор за исполнением законов о противодействии экстремизму в молодежной среде сохраняет свою актуальность, а реализация принятых в последние годы дополнительных законодательных актов, направленных на усиление мер по противодействию экстремистской деятельности, требует более слаженной работы всех без исключения субъектов системы профилактики экстремизма в молодежной среде, на что было обращено внимание 31.03.2015, в ходе состоявшегося в Генеральной прокуратуре Российской Федерации под председательством Генерального прокурора Российской Федерации Ю.Я. Чайки координационного совещания руководителей правоохранительных органов Российской Федерации, посвященного вопросам противодействия преступлениям экстремистской и террористической направленности[2].

Сотрудники отдела проблем прокурорского надзора и укрепления законности в сфере федеральной безопасности, межнациональных отношений и противодействия экстремизму НИИ Академии выезжали в служебные командировки в прокуратуры субъектов Приволжского федерального округа для изучения опыта работы в регионах в сфере профилактики и противодействия экстремистской деятельности.

Так, в частности, в Чувашской Республике регулярно проводятся мероприятия по профилактике проявлений экстремизма и терроризма в молодежной среде, военно-патриотическому воспитанию учащихся и формированию толерантного мировоззрения в сфере межнациональных отношений, а именно: разработаны республиканские и муниципальные комплексные (целевые) программы по профилактике правонарушений, предусмотрены конкретные мероприятия по реализации государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы». В образовательных организациях республики реализуется более 20 профилактических программ, направленных на формирование толерантного поведения («О тебе и о твоих

[1] См.: решение оперативного совещания при Генеральном прокуроре Российской Федерации от 14.07.2014 «Об итогах работы органов прокуратуры в Приволжском федеральном округе и задачах по укреплению законности на второе полугодие 2014 г.».

[2] URL: http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-684690/ (дата обращения: 06.04.2015).

друзьях», «Мой выбор», «Перекресток», «Полезные привычки, навыки, выбор» и др.).

Также регулярно с приглашением работников правоохранительных органов республики проводятся конференции, совещания, круглые столы, тематические лекции, кураторские часы, индивидуальные беседы, недели толерантности, психологические тренинги, просмотры тематических фильмов, классные часы, дни национальных культур и другие мероприятия по вопросам профилактики экстремистских и террористических проявлений среди несовершеннолетних и молодежи, по формированию у них установок толерантного сознания. Так, в образовательных организациях г. Канаш и Канашского района с участием представителей межрайпрокуратуры проведены семинары на тему «Осторожно: секта», издана брошюра для родителей «Как уберечь ребенка от секты».

Следует отметить, что органами Минобразования Чувашии на системной основе ведется работа по соблюдению законодательства, направленного на защиту детей от распространения информации, наносящей вред их здоровью, нравственному и духовному развитию (обучающие семинары со специалистами органов управления образованием по усовершенствованию контент-фильтрации интернет-ресурсов).

Вопросы противодействия экстремизму регулярно рассматриваются на заседаниях Правительственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав и Комиссии по профилактике правонарушений в Чувашской Республике.

Во всех образовательных организациях общего образования, начального профессионального и среднего профессионального образования республики проводится обязательная подготовка граждан по основам военной службы в рамках учебного курса «Основы безопасности жизнедеятельности». При их проведении особое внимание уделяется обсуждению вопросов, касающихся ответственности граждан за экстремистские проявления, а также способствующих повышению уровня цивилизованного правосознания в молодежной среде. Сохранены традиции в организации и проведении ежегодных районных (городских) и республиканских военно-спортивных игр «Зарница» и «Орленок».

Координацию деятельности по патриотическому воспитанию молодежи и формированию толерантного мировоззрения в сфере межнациональных отношений осуществляет Межведомственная комиссия по патриотическому воспитанию населения Чувашии.

На территории республики создаются и действуют молодежные общественные объединения, – альтернатива экстремистским группировкам (тимуровские отряды, добровольческие объединения, советы работающей молодежи, молодежные парламенты и правительства, студенческие советы, студенческие дружины и др.). Также в республике создана система подготовки лидеров ученического, студенческого самоуправления детских, молодежных, общественных объединений.

В соответствии с распоряжением Правительства РФ от 29.10.2009 № 1578-р Чувашская Республика участвует в апробации учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики», направленного на развитие у школьников 4–5 классов представлений о нравственных идеалах и ценностях, составляющих основу религиозных и светских традиций многонациональной культуры России, на понимание их значения в жизни современного общества, а также своей сопричастности к ним.

Пристальное внимание уделяется вопросам профилактики экстремизма и в Республике Татарстан. В частности, Управлением Президента Республики Татарстан по взаимодействию с религиозными организациями осуществляется сотрудничество с Управлением Минюста России по Республике Татарстан по проблемам государственной регистрации новых религиозных объединений и оказывается содействие деятельности Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы.

В республике активно используется потенциал «Казанского межрегионального центра экспертиз» и научно-образовательного Центра развития этнокультурного образования. Под эгидой Российского исламского университета утверждены единые образовательные программы, а также проведена аттестация всех преподавателей мусульманских учебных заведений (110 человек). При Российском исламском университете действует Центр повышения квалификации и переподготовки религиозных деятелей. При

прохождении курса особое внимание уделяется сохранению и развитию традиционной для указанного региона толерантной формы ислама. Особый упор сделан на информирование имамов о действующих на территории республики нетрадиционных мусульманских течениях и сектах, а также способах идеологического противостояния их пропаганде.

В рамках реализации Комплексной программы содействия развитию сферы религиозного образования, прежде всего, мусульманского на 2005–2015 годы Казанским федеральным университетом совместно с Российским исламским университетом разрабатываются учебно-методические комплексы по двум стандартам «Лингвистика» и «Теология» и программы повышения квалификации для имамов и преподавателей мусульманских учебных заведений, проводятся соответствующие курсы.

Кроме того, оперативными службами МВД России и ФСБ России по Республике Татарстан проводится комплекс оперативно-профилактических мероприятий по предупреждению правонарушений и преступлений со стороны участников организованных преступных формирований молодежи, в том числе неформальных молодежных объединений. Фактов, свидетельствующих об участии нетрадиционных для России религиозных и общественных организаций в воздействии через образовательные организации на нравственное и психическое развитие детей, на территории республики не выявлено.

В рамках дел оперативного учета правоохранительными органами региона ведутся соответствующие оперативно-розыскные мероприятия, направленные на получение информации о негативных процессах, происходящих в молодежной среде, руководителях радикальных организаций, вовлекающих молодежь в совершение преступлений экстремистской направленности, выявление возможных источников распространения экстремистских идей. С руководителями учебных заведений, их службами безопасности, студенческими активами и комендантами общежитий проводятся рабочие встречи и разъяснительные беседы.

С 1998 г. при активной поддержке Министерства по делам молодежи, спорту и туризму, Министерства образования и науки и МВД по Республике Татарстан ведется работа по созданию и поддержанию молодежного правоохранительного движения, ко-

торое будет альтернативой молодежным группировкам экстремистской направленности.

Общественной палатой Республики Татарстан, АНО «Казанский межрегиональный центр экспертиз» совместно с Ассамблеей народов Татарстана разработан тематический план мониторинга, в который вошли прикладные и научно-исследовательские мероприятия, такие как: мониторинг и проведение комплексных исследований материалов с признаками разжигания межрелигиозной и межнациональной розни, распространяемых в республиканском сегменте сети Интернет; глубинное интервьюирование учащихся высших учебных заведений республики, являющихся приверженцами радикальных течений в исламе; опрос учащихся старших классов общеобразовательных учебных заведений республики с целью изучения основных социальных ориентиров молодежи; глубинное интервьюирование лиц, находящихся в местах лишения свободы и являющихся членами устойчивых религиозных групп, действующих в данных учреждениях; организация и проведение Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы методологии проведения экспертиз материалов с признаками экстремизма». Указанные мероприятия, по мнению разработчиков, позволят в дальнейшем эффективно осуществлять в Республике Татарстан профилактику деструктивных явлений в религиозной и общественно-политической сфере.

В рамках организации ежегодного летнего обучения лидеров молодежных общественных организаций, вожатых молодежных профильных лагерей, специалистов и волонтеров Министерством по делам молодежи, спорту и туризму Республики Татарстан проведен республиканский семинар вожатых зональных республиканских профильных смен и актива молодежных формирований «ФОРПОСТ» сельских муниципальных образований. В программу включены такие вопросы, как «Тактика охраны общественного порядка во время проведения массовых мероприятий», «Правовая подготовка по профилактике экстремизма и терроризма», «История экстремизма», «Методика выявления экстремистки настроенных граждан во время проведения массовых мероприятий», «Анализ структуры и изучение деятельности современных экстремистских группировок».

Деятельность Министерства образования и науки Республики Татарстан в сфере профилактики терроризма и экстремизма ведется по различным направлениям. В образовательных организациях широко используются рекомендации по образовательным программам и методикам формирования антитеррористической идеологии у школьников и учащихся средних специальных и высших учебных заведений в регионах со сложной обстановкой. В работе с несовершеннолетними основной акцент делается на их вовлечение в социально значимую деятельность, повышение правовой культуры подрастающего поколения, в том числе и разъяснительную работу об уголовной и административной ответственности за совершение противоправных действий экстремистского характера. Одно из направлений деятельности министерства – проведение комплекса учебно-воспитательных мероприятий, направленных на укрепление межнациональных и межконфессиональных отношений, поиск лучшего опыта, эффективной работы в этом деле.

Так, в 2013 г. специалисты муниципальных органов управления образованием приняли участие в работе Форума «Национально-культурные автономии России в развитии межэтнического диалога и гражданского согласия», который состоялся в Доме дружбы народов Татарстана. В разделе «Воспитание, дополнительное образование детей» официального сайта Министерства образования и науки Республики Татарстан создан раздел «Профилактика терроризма и экстремизма», где размещены инструктивно-методические материалы из серии «В помощь организаторам воспитательной работы».

Полагаем, что опыт по предупреждению и профилактике экстремизма в молодежной среде в указанных республиках должен быть внимательно изучен и положительно использован в деятельности органов прокуратуры и других субъектов противодействия экстремистской деятельности в регионах Российской Федерации.

В своей деятельности при осуществлении рассматриваемого направления надзора прокуроры руководствуются не только Законом о прокуратуре, иными законами и подзаконными норма-

тивными правовыми актами, но и приказами и указаниями Генерального прокурора Российской Федерации[1].

В п. 7 приказа Генерального прокурора РФ от 26.11.2007 № 188 указано, что, исходя из основных направлений государственной молодежной политики прокурорам надлежит усилить надзор за соблюдением прав органов и учреждений по делам молодежи, молодежных и детских общественных объединений, а также за соблюдением законности в их деятельности. Не допускать противоправного использования названных объединений в экстремистских целях. Прокурорам необходимо на основе анализа состояния законности систематически проводить проверки исполнения федеральными органами исполнительной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и их должностными лицами в пределах своей компетенции требований законодательства о противодействии экстремистской деятельности, в том числе о приоритетном порядке принятия профилактических мер (пп. 1.1 приказа Генерального прокурора РФ от 19.11.2009 № 362).

Источники информации о состоянии законности в сфере профилактики экстремизма в молодежной среде для прокуроров многообразны. К ним, в частности, относятся:

материалы проверок, ранее проведенных прокурорами; обобщения материалов прокурорской и судебной практики, информационные письма, обзоры, доклады и т.п. по вопросам профилактики экстремизма в молодежной среде;

материалы, касающиеся анализируемой сферы, подразделений и служб ОВД, в первую очередь ПДН, участковых уполномоченных, а также иных органов (использование в информационно-аналитической работе систематически представляемых ими данных, характеризующих их работу по рассматриваемому направлению, повышает эффективность прокурорского надзора в указанной сфере правоотношений);

---

[1] Наиболее важные организационно-распорядительные документы отраслевого значения – это приказы Генерального прокурора Российской Федерации от 26.11.2007 № 188 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи» (далее – приказ Генерального прокурора РФ от 26.11.2007 № 188), от 19.11.2009 № 362 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности» (далее – приказ Генерального прокурора РФ от 19.11.2009 № 362).

материалы уголовных дел, а также дел об административных правонарушениях; обращения в органы прокуратуры граждан и юридических лиц, государственных и муниципальных органов власти; результаты мониторинга средств массовой информации[1], официальных сайтов государственных и муниципальных органов, учреждений, организаций и т.д.

Важной составляющей информационной базы является государственная и ведомственная статистическая отчетность[2].

Сбор информации в рассматриваемой сфере и ее анализ позволит составить представление о состоянии законности в сфере противодействия экстремизму в молодежной среде. Систематическая конкретизация и сбор этих сведений применительно к рассматриваемой в монографии проблеме, их анализ, может помочь в определении значимых для региона проблем, требующих прокурорского реагирования.

Сбор приведенной статистической информации позволяет составить представление об абсолютных показателях, характеризующих распространение экстремизма в молодежной среде[3]. Для объективной оценки положения дел в указанной сфере правоотношений требуется проведение анализа собранных данных различными статистическими и иными методами[4].

В ходе проверок исполнения законодательства о противодействии экстремистской деятельности органами государствен-

---

[1] См.: приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 23.10.2009 № 341 «О взаимодействии органов прокуратуры со средствами массовой информации».

[2] Статистические данные органов прокуратуры Российской Федерации: форма ФБ «Сведения о работе прокурора по надзору за исполнением законов о федеральной безопасности, межнациональных отношениях и противодействии экстремизму и о результатах расследования уголовных дел экстремистской и террористической направленности»; форма 504 (ОЖ) «О работе прокурора по рассмотрению заявлений, жалоб и иных обращений» (по вопросам федеральной безопасности, межнациональных отношений); форма 511 (ОН) «Надзор за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина»; отчеты, формируемые ГИАЦ МВД России: форма «Несовершеннолетние» (код формы 180); форма 1-АП (код формы 577); форма 2-ЕГС (код формы 492); форма 3-ЕГС (код формы 493); форма Антитеррор (код формы 282).

[3] Более подробно об информационно-аналитической работе в сфере профилактики правонарушений безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних (см.: *Прокурорский* надзор за исполнением органами внутренних дел законов о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: пособие / А.В. Гришин и др.; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М., 2013. С. 52).

[4] См., напр.: *Состояние* законности и правопорядка в Российской Федерации: методы сбора и анализа эмпирической информации: науч.-метод. пособие / рук. авт. кол. О.С. Капинус; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М., 2010.

ной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления прокурорам следует особое внимание уделять вопросам реализации региональных и муниципальных программ, направленных на профилактику экстремизма в молодежной среде, их надлежащего финансирования.

В настоящее время выявляются многочисленные нарушения в рассматриваемой сфере, в числе которых недостаточное финансирование и ненадлежащее исполнение предусмотренных программами мероприятий (исполняются несвоевременно, некачественно, в ряде случаев не исполняются вообще).

Представляется, что надзорная деятельность органов прокуратуры в рассматриваемой сфере правоотношений способствует повышению эффективности деятельности органов и организаций (учреждений) по профилактике экстремизма в молодежной среде.

§ 4. Надзор за исполнением законов об информационной безопасности и противодействии распространению экстремистской идеологии

Проблемы, связанные с межнациональными противоречиями и религиозной нетерпимостью, распространением идей экстремистской и террористической направленности, остаются актуальными и представляют угрозу безопасности для современной России. Доступность информационных технологий позволяет радикально настроенным группам распространять свои взгляды среди населения, тем самым, в отдельных случаях, эффективно конкурируя с потоками информации, формируемыми властными структурами.

В соответствии со Стратегией противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, информационно-телекоммуникационные сети, включая сеть Интернет, стали основным средством коммуникации для экстремистских и террористических организаций, которые используются ими для привлечения в свои ряды новых членов, организации и координации совершения преступлений экстремистской направленности, распространения экстремистской идеологии (п. 12).

Противодействие распространению экстремистской идеологии представляет собой комплексную систему действий со стороны государства. Под *информационным противодействием терроризму и экстремизму* понимается система информационных, идеологических, правовых, организационных и иных мер, направленных на предупреждение и блокирование негативного информационно-психологического воздействия террористических и экстремистских организаций на личность и общество, а также на противодействие использованию информационно-коммуникационных технологий в деструктивной деятельности данных организаций[1].

Особое место среди субъектов информационного противодействия экстремизму и терроризму отводится Генеральной прокуратуре Российской Федерации, которой не только осуществляется надзор за исполнением законов другими субъектами (МВД России, Роскомнадзором, Минюстом России, Минобрнауки России, Минкультуры России и др.), но и непосредственно проводится работа по признанию материалов экстремистскими.

Согласно со ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» экстремистские материалы представляют собой предназначенные для обнародования документы либо информацию на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности, в том числе труды руководителей национал-социалистской рабочей партии Германии, фашистской партии Италии, публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство либо оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы.

Информационные материалы признаются экстремистскими федеральным судом по месту их обнаружения, распространения или нахождения организации, осуществившей производство таких материалов, на основании заявления прокурора или при про-

[1] См.: *Сундиев И.Ю. и др.* Теория и практика информационного противодействия экстремистской и террористической деятельности: монография. МВД России, ВНИИ МВД России. М.: Вологда, 2014. С. 129.

изводстве по соответствующему делу об административном правонарушении, гражданскому или уголовному делу (ст. 13 Закона о противодействии экстремистской деятельности).

Признание материалов экстремистскими с учетом правовых оснований, заложенных в указанной статье, лежит в области гражданско-правового законодательства. Правомочия по обращению в суд о признании материалов экстремистскими и запрете их распространения – исключительно прерогатива прокурора.

Законом предусмотрено направление копии вступившего в законную силу судебного решения о признании информационных материалов экстремистскими в Минюст России. Последнее определяет порядок ведения федерального списка экстремистских материалов и ведет этот список, а также обеспечивает опубликование названных списка и перечней (подп. 30.28 п. 7 Положения о Министерстве юстиции Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 13.10.2004 № 1313). Список экстремистских материалов публикуется в сети Интернет на сайте Минюста России по адресу «http://minjust.ru/ru/extremist-materials?search=&page=9».

Такой механизм признания и обнародования экстремистских материалов необходим для реального пресечения их распространения. Прокурорами активно применяются полномочия, предоставленные ст. 13 Закона о противодействии экстремистской деятельности. Так, на 1 января 2015 г. в федеральный список экстремистских материалов включен 2561 материал, что на 385 больше, чем в 2014 г. (2179)[1].

Прокуратурой выполняются требования федерального законодательства о включении информационных материалов в Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено. Например, прокуратурой Красноярского края в Роскомнадзор направлено 24 обращения о включении в Реестр 27 информационных материалов и сайтов, признанных в судебном порядке экстремистскими и

[1] См.: Обзор Генеральной прокуратуры Российской Федерации практики прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности в Сибирском федеральном округе № 39-23-2015 от 13.03.2015.

включенных в федеральный список экстремистских материалов, которые находились в свободном доступе для просмотра в сети Интернет. Часть таких информационных материалов и сайтов уже учтена в Реестре, доступ к ним на территории Российской Федерации заблокирован[1].

Материалы, содержащие признаки экстремистской деятельности, выявляются органами внутренних дел, ФСБ России, в том числе, в ходе расследования уголовных дел. Действия по пресечению распространения экстремистских идей указанных правоохранительных органов регулируются совместным Распоряжением Генерального прокурора Российской Федерации № 270/27р, МВД России № 1/9789, ФСБ России № 38 от 16.12.2008 «О совершенствовании работы по предупреждению и пресечению деятельности общественных и религиозных объединений по распространению идей национальной розни и религиозного экстремизма».

Однако данное распоряжение в настоящее время не вполне отвечает сложившейся обстановке. На наш взгляд, в круг субъектов, непосредственно участвующих в процессе пресечения экстремистских идей, в целях повышения эффективности работы в данном направлении и обеспечения необходимого взаимодействия должны быть включены Минюст России и Роскомнадзор.

Прокурором также самостоятельно выявляются экстремистские материалы в ходе мониторинга информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 19.11.2009 № 362 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности» указано на необходимость организации мониторинга средств массовой информации, сетей связи общего пользования и установления взаимодействия с территориальными подразделениями федерального органа исполнительной власти, на которые возложены функции по контролю и надзору в сфере массовых коммуникаций. Более того, приказом указано на необходимость обеспечения проведения соответствующих исследований и судебных экспертиз в рамках доследственных проверок и расследования уголовных дел

[1] См.: Обзор Генеральной прокуратуры Российской Федерации практики прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности в Сибирском федеральном округе № 39-23-2015 от 13.03.2015.

при выявлении информационных материалов экстремистского характера. При положительных экспертных заключениях надлежит решать вопрос о направлении в суды заявлений об установлении наличия в информационных материалах признаков экстремизма и признании их экстремистскими.

По состоянию на 1 июля 2015 г. федеральный список экстремистских материалов насчитывал 2827 наименований. На необоснованное разрастание списка указывают правоприменители, эксперты, работающие с материалами с признаками экстремистской деятельности и представители гражданского общества[1]. Одним из очевидных недостатков порядка формирования списка экстремистских материалов следует отметить их «увековечивание». Действительно, пункты списка дублируют решения суда, которые в свою очередь могут полностью передавать форму и содержание экстремистского материала. Например, п. 2784, 2787, 2880, 2808, 2809 содержат подробное описание рисунков с соответствующими негативными лозунгами либо полные тексты.

Требуются переоценка и теоретическая проработка как самого понятия «экстремистские материалы», так и изменение подхода к критериям их экспертной оценки. Очевидна необходимость сужения круга материалов, признанных экстремистскими в установленном законом порядке, и отнесение к ним только тех, которые создают реальную угрозу совершения экстремистской деятельности.

Не всегда при принятии решений о признании материалов экстремистскими и их запрете учитываются положения ст. 29 Конституции РФ, которой, наряду с запретом пропаганды или агитации, возбуждающих социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства, гарантировано право свободы слова и массовой информации. Имеют место нарушения этих принципов, о чем свидетельствуют отказы судов в признании материалов экстремистскими по искам прокуроров.

---

[1] *Плаксина Т.А.* Ответственность за массовое распространение экстремистских материалов: проблемы правоприменительной практики // Вестн. Алтайской акад. экономики и права. 2013. № 4. С. 97–99; *Хлебушкин А.Г.* Криминализация распространения экстремистских материалов: pro et contra // Общество и право. 2014. № 4 (50). С. 139–143.

Другой проблемой в сфере противодействия распространению экстремистских материалов можно назвать дублирование экспертиз разными ведомствами, в результате которых один и тот же материал может быть включен в Федеральный список экстремистских материалов несколько раз. Как, например, информационный материал, озаглавленный «Ты избрал – тебе судить» предусмотрен тремя пунктами списка (пп. 292, 463, 716).

В целях исключения подобных случаев необходимо рассмотреть вопрос о разработке и издании совместного организационно-распорядительного документа Генеральной прокуратуры Российской Федерации, МВД России, Следственного комитета Российской Федерации и ФСБ России, регулирующего порядок направления материалов для соответствующего исследования, а также создания и ведения единой базы назначенных и проведенных исследований, и определяющего порядка доступа к указанной базе уполномоченных должностных лиц правоохранительных органов.

Значительно обострились проблемы при признании экстремистской религиозной литературы, в частности по определению пределов разграничения религиозного экстремизма и религиозных установок, что не добавляет общественного спокойствия в субъектах, население которых использует признанную экстремистской литературу как каноническую.

Проблема распространения радикальных идей с использованием возможностей информационно-коммуникационной сети Интернет, в том числе для подготовки и проведения массовых протестных акций остается актуальной до сих пор. Факты использования информационно-телекоммуникационной сети Интернет в деструктивных целях устанавливались в большинстве субъектов Российской Федерации. Так, в Ростовской области в связи с обнаружением на Интернет-ресурсе «Городской портал. Ростов-на-Дону» информационного материала под заголовком «Манежка-2014 Ростов-на-Дону День Гнева», содержавшего призывы к участию в несанкционированных массовых мероприятиях, по требованию заместителя Генерального прокурора Россий-

ской Федерации Роскомнадзором доступ к указанной информации в тот же день был заблокирован[1].

Органами прокуратуры субъектов Российской Федерации в целях выявления информационных материалов с признаками экстремизма на постоянной основе проводится мониторинг средств массовой информации и сети Интернет. При выявлении нарушений организуются проверочные мероприятия, по результатам которых принимаются меры прокурорского реагирования.

Так, в 2014 г. прокурорами проведено 8117 проверок публикаций в СМИ, а также в сети Интернет (АППГ – 2270), выявлено 10169 нарушений законов (АППГ – 954), принято 5217 актов прокурорского реагирования (АППГ – 509).

Необходимость противодействия распространению экстремистских материалов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет обусловлена тем, что ресурсы сети активно используются:

при координации незаконных действий различных организаций экстремистского толка, проведения ими так называемых акций возмездия;

в целях вовлечения в деятельность экстремистских организаций путем электронной переписки с заинтересовавшимися их идеями лицами, сговора на совместное совершение преступлений после дачи согласия на участие в экстремистской организаций;

при обмене криминальным опытом совершения преступлений экстремистской направленности (на ресурсах сети Интернет содержатся описания способов и средств совершения преступлений, сокрытия следов преступления, а также отчеты о «криминальных акциях» экстремистского характера в виде текстовой информации и видеоматериалов);

в целях распространения информации экстремистского содержания и привлечения внимания к насильственным акциям экстремистских организаций[2].

С 01.02.2014 вступили в силу изменения в Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных

[1] Прокурор Ростовской области Ю. Баранов: «Благодаря работе прокуроров в регионе решается целый ряд проблем социальной сферы». URL: http://www.interfax-russia.ru/South/exclusives.asp?id=622819&p=3

[2] См.: *Противодействие* киберпреступности в аспекте обеспечения национальной безопасности: монография. Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М., 2014. С. 85.

технологиях и о защите информации», регламентирующие порядок взаимодействия Роскомнадзора и Генеральной прокуратуры Российской Федерации по вопросам принятия мер по ограничению доступа к информационным ресурсам, в том числе сети Интернет, в случае обнаружения в них информации, содержащей призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка (ст. 15.3 «Порядок ограничения доступа к информации, распространяемой с нарушением закона»).

Введение внесудебного порядка ограничения доступа к запрещенной информации способствовало повышению оперативности реагирования на размещаемые в Интернете экстремистских материалов и результативности профилактической работы прокуратуры по противодействию экстремизму. Своевременность наделения прокурора соответствующими полномочиями подтвердилась событиями ноября 2013 – февраля 2014 г. на Украине, где использование политических технологий, выражающихся в организации массовых уличных протестов населения, как известно, закончились дестабилизацией обстановки и сменой политической власти[1].

В целях установления порядка осуществления полномочий по внесудебному ограничению доступа к запрещенной информации разработана Временная инструкция о порядке рассмотрения уведомлений о распространении в сети Интернет информации, содержащей призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, участию в массовых (публичных) мероприятиях и направления требований о принятии мер по ограничению доступа к информационным ресурсам, утвержденная приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 05.06.2014 № 301 «Об организации работы по рассмотрению уведомлений о распространении в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет, информации, содержащей призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, участию в массовых (публичных)

[1] *Меркурьев В.В., Соколов Д.А.* Противодействие технологиям «цветных революций» // Проблемы теории и практики борьбы с экстремизмом и терроризмом: материалы науч.-практ. конф. М.: Рос. криминологич. ассоциация. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. С. 24.

мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка, и направлению требований о принятии мер по ограничению доступа к информационным ресурсам, распространяющим такую информацию».

Предупреждение экстремистских проявлений предполагает комплексную систему действий со стороны государства, обеспечивающую согласованность деятельности, объединение усилий всех органов и организаций, в первую очередь путем эффективного взаимодействия субъектов противодействия и профилактики.

В работе по пресечению распространения экстремистских идей задействованы практически все правоохранительные органы, различные министерства и ведомства, в особенности, деятельность которых связана с воспитанием молодежи (Минобрнауки России, Роскомнадзор, Минкультуры России, Минюст России, Росспорттуризм России и др.), а также органы местного самоуправления.

В Генеральной прокуратуре Российской Федерации в 2014 г. создана Межведомственная рабочая группа по противодействию распространению запрещенной информации в средствах массовой информации и сети Интернет, в состав которой также вошли представители Минкомсвязи России, Роскомнадзора, Минобрнауки России, МВД России, Минюста России, Роспотребнадзора, ФСБ России, Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка и других ведомств. Рабочей группой выработано взаимодействие между заинтересованными министерствами и ведомствами по основным вопросам в сфере борьбы с противоправной информацией в сети Интернет. В результате такой работы на основании решений уполномоченных органов ограничен доступ к 30 тысячам интернет-ресурсам с противоправной информацией[1].

Вместе с тем, несмотря на постоянное внимание органов прокуратуры в указанной сфере, деятельность всех субъектов противодействия распространению экстремистских материалов по-прежнему нуждается в совершенствовании.

[1] См.: *Шамшина О.Г.* Противодействие распространению запрещенной информации в средствах массовой информации и сети Интернет средствами прокурорского надзор // Всероссийское совещание по проблемам совершенствования прокурорского надзора за исполнением федерального законодательства: сб. материалов семинара по обмену опытом. Ген. прокуратура Рос. Федерации. М., 2015. С. 81.

Правовая база, регламентирующая деятельность субъектов противодействия экстремистской деятельности, в указанной части недостаточно урегулирована и требует приведения в соответствие правовых норм в различных законах и иных нормативных правовых актах. Такое положение обусловлено тем, что антиэкстремистское законодательство имеет свои специфические особенности и относительно недолгую и в то же время достаточно обширную практику применения, что приводит к постепенной его встройке и приведению в соответствие с ранее принятыми правовыми актами.

§ 5. Совершенствование прокурорского надзора за исполнением законов в сфере противодействия экстремистской деятельности

Эффективность прокурорского реагирования в сфере противодействия экстремистской деятельности зависит от соблюдения определенного комплекса требований к организации и осуществлению конкретных действий по устранению правонарушений, их причин и способствующих им условий. Прежде всего, прокурору необходимо обеспечить точность выбора формы прокурорского надзора. Каждый акт прокурорского реагирования имеет определенное назначение, которое он и должен обеспечивать. Подмена одного акта другим может привести к нежелательным последствиям.

Меры прокурорского реагирования по устранению выявленных нарушений законов о противодействии экстремистской деятельности зависят от характера, степени распространенности и тяжести таких нарушений. Этим вопросам уделяется достаточное внимание в научной и методической литературе[1].

Важный показатель эффективности актов прокурорского надзора состоит не только в устранении конкретных нарушений в

[1] См. об этом: *Викторов И.С.* Полномочия прокурора по выявлению нарушений закона и применению правовых средств реагирования на выявленные правонарушения: методич. рекомендации. М., 2004. С. 5–27; *Винокуров А.Ю.* К вопросу о совершенствовании правового регулирования надзорной и иной деятельности прокуроров // Актуальные вопросы российского права. М.: МосГУ, 2010. Вып. 17. С. 30; *Фридинский С.Н.* Борьба с экстремизмом – задача государственная // Прокурор. 2015. № 1. С. 7 и др.

сфере противодействия экстремизму, но и в заметном улучшении законности на том или ином объекте, создание обстановки, при которой стали бы невозможны аналогичные нарушения в будущем. Поэтому необходимо обеспечить действенный контроль за рассмотрением актов прокурорского реагирования. Его цель заключается прежде всего в том, чтобы, во-первых, добиться их рассмотрения в установленные законом сроки и, во-вторых, обеспечить принятие действенных мер к фактическому устранению нарушений законности. Эффективность прокурорского надзора увеличивается при контрольных проверках устранения выявленных нарушений законодательства.

Вступление в законную силу изменений, внесенных в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием работы органов предварительного следствия, требует корректировки организации прокурорского надзора за их процессуальной деятельностью. Так, в целях обеспечения единообразного применения положений уголовно-процессуального закона, а также эффективной реализации поставленных перед органами прокуратуры задач, прокурорам необходимо обеспечить качественный и эффективный надзор за исполнением законов органами предварительного следствия независимо от их ведомственной принадлежности в соответствии с полномочиями, предусмотренными законодательством[1].

Приоритетным направлением прокурорской деятельности следует считать защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а равно защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения. Необходимо взвешенно подходить к рассмотрению жалоб и заявлений участников уголовного судопроизводства, принимать в пределах имеющихся полномочий меры к восстановлению нарушенных прав, возмещению материального ущерба и компенсации морального вреда (п. 1.2).

В соответствии с п. 1.3 приказа № 162 прокурор обязан систематически проверять законность действий и решений следственных органов в ходе досудебного производства при приеме, ре-

[1] См.: приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 02.06.2011 № 162 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия».

гистрации и разрешении сообщений о преступлениях. В этих целях не реже одного раза в месяц нужно осуществлять выезды в поднадзорные следственные органы, где необходимо проводить сверку данных, содержащихся в книгах учета сообщений о преступлениях, регистрации обращений граждан, иных учетных и регистрационных документах, сводках органов внутренних дел, публикациях в СМИ. Кроме того, следует использовать сведения медицинских и иных учреждений и организаций, а также информацию, содержащуюся в обращениях граждан, поступивших в прокуратуру.

В целях обеспечения надлежащего участия прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства[1], участие в судебных стадиях уголовного судопроизводства считается одной из важнейших функций прокуратуры (п. 1). Прокурорам надо постоянно совершенствовать организационные основы этой деятельности, а именно: обеспечивать квалифицированное участие прокуроров в судебном разбирательстве уголовных дел публичного и частно-публичного обвинения, уголовных дел частного обвинения, если уголовное дело было возбуждено следователем либо с согласия прокурора дознавателем, а также в случае, когда мировым судьей в соответствии с ч. 8 ст. 318 УПК РФ участие в деле прокурора признано обязательным. Исходить необходимо из того, что от активной позиции и профессионализма государственного обвинителя в значительной степени зависят законность и справедливость рассмотрения уголовного дела.

Также прокурор обязан учитывать, что отказ от уголовного преследования невиновных и их реабилитация в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и поддержание обоснованного обвинения.

Одна из серьезных предпосылок эффективного прокурорского надзора за исполнением законов органами административной юрисдикции – это знание прокурорами этих органов, поскольку их названия и компетенция в связи с проводимыми реформами периодически меняются, в том числе знание законов и иных правовых актов, регулирующих их деятельность, компетенцию, т.е. их правовой статус.

---

[1] См.: приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 25.12.2012 № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства».

В КоАП РФ нет точного определения понятию органов административной юрисдикции, однако оно широко применяется как в научной среде, так и на практике для обозначения представителей системы специально уполномоченных органов, осуществляющих комплекс взаимосвязанных мероприятий, в основном выражающихся в принятии соответствующих решений властно-распорядительного характера в отношении лиц, совершивших административные проступки[1].

Согласно ст. 21 Закона о прокуратуре к предмету надзора относится соответствие законам правовых актов, издаваемых федеральными органами исполнительной власти, исполнительными органами государственной власти субъектов Федерации, органами местного самоуправления, органами контроля, их должностными лицами.

Следует отметить, что проверки исполнения законов прокурором должны проводиться на основании поступившей в органы прокуратуры информации (обращений граждан, должностных лиц, сообщений средств массовой информации и т.п.), а также других материалов о допущенных правонарушениях, требующих использования прокурорских полномочий[2]. Однако п. 3 указанного приказа предусмотрено, что надзор за законностью правовых актов, издаваемых федеральными органами исполнительной власти, исполнительными органами субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, органами контроля, их должностными лицами, осуществляется независимо от поступления информации о нарушениях законодательства. Этим обусловлена существующая в настоящее время возможность проведения прокурором в любой момент проверки законности привлечения к административной ответственности и соответствующих постановлений органов надзора (контроля) в отношении правонарушителей в сфере противодействия экстремистской деятельности, что распространено на практике.

По мнению ученых, прокуроры обязаны осуществлять надзор за исполнением законов при производстве по делам об адми-

---

[1] *Винокуров К.Ю.* Прокурорский надзор за исполнением законов органами административной юрисдикции: дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. С. 19.

[2] См.: п. 6 приказа Генерального прокурора РФ от 07.12.2007 № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина».

нистративных правонарушениях независимо от поступления информации о нарушениях закона. Так, А.Ю. Винокуров полагает, что Закон о прокуратуре не распространяет требование (о наличии у прокурора достаточных данных о нарушениях) на проверку законности правовых актов, прежде всего постановлений по делам об административных правонарушениях, выносимых соответствующими органами и их должностными лицами в пределах своих полномочий, в связи с чем прокурор вправе реализовывать свои полномочия и при отсутствии информации[1]. Из практики: прокурор из органа административной юрисдикции получает по направленному ранее запросу постановления по делам об административных правонарушениях в сфере противодействия экстремизму и терроризму, особенно это касается постановлений органов внутренних дел, поступление которых необходимо организовать на систематической основе. По результатам проверки, поступивших материалов, прокурор направляет протесты на не вступившие в силу постановления. Если представлена квитанция об оплате штрафа, назначенного в качестве административного наказания с нарушением положений КоАП РФ, прокурор, как правило, мер к отмене незаконного постановления не принимает, так как наказание уже исполнено. В последнем случае прокурор может принимать другие меры реагирования, например, вносить представления в порядке ст. 24 УПК РФ.

Постановление по делу об административном правонарушении – правовой акт, который не издается или принимается уполномоченным органом, а выносится конкретным должностным лицом по делу об административном правонарушении в установленном законом процессуальном порядке, поэтому с учетом сложившейся практики надзор за соответствием акта законодательным требованиям прокурорами не должен строиться на постоянной систематической основе вне зависимости от поступления информации о допускаемых органами административной юрисдикции нарушениях при вынесении этих постановлений или в отсутствие такой информации[2].

---

[1] См.: *Винокуров А.Ю.* Прокурорский надзор за исполнением законов при производстве по делам об административных правонарушениях: пособие. М.: ИПК РК Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2004. С. 22.

[2] *Алхутова Е.Ю.* Надзор за исполнением законов органами административной юрисдикции в сфере экономики // Законность. 2013. № 4.

Согласно п. 8 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 19.02.2015 № 78 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях» прокурорам регулярно (не реже одного раза в полугодие) предписано анализировать практику участия прокуроров в рассмотрении судами дел об административных правонарушениях.

Затем необходимо использовать результаты анализа для совершенствования деятельности подчиненных прокуроров, обеспечивать их материалами организационно-методического характера, распространять положительный опыт работы по реализации полномочий в производстве по делам об административных правонарушениях.

В соответствии с п. 3 приказа Генерального прокурора Российской Федерации, Минфина России от 20.01.2009 № 12/3н «О взаимодействии органов прокуратуры и Министерства финансов Российской Федерации при поступлении сведений об обращении в суд гражданина с иском (заявлением) о возмещении вреда, причиненного в результате незаконного уголовного преследования» Главному управлению по обеспечению участия прокуроров в рассмотрении уголовных дел судами, управлению по обеспечению участия прокуроров в гражданском и арбитражном процессе Генеральной прокуратуры Российской Федерации, управлению обеспечения участия военных прокуроров в рассмотрении дел в судах Главной военной прокуратуры предписано:

обеспечить учет и анализ информации, поступающей из прокуратур субъектов Российской Федерации, приравненных к ним военных и иных специализированных прокуратур;

в необходимых случаях принимать решение об обжаловании судебного акта;

ежегодно анализировать практику предъявления и рассмотрения судебными органами заявлений данной категории и участия прокуроров в рассмотрении судами дел, а также практику внесения апелляционных, кассационных и надзорных представлений, использовать результаты анализа для совершенствования деятельности подчиненных прокуроров.

Главному управлению по надзору за следствием, Главному управлению по обеспечению участия прокуроров в рассмотрении

уголовных дел судами, управлению по надзору за производством дознания и оперативно-розыскной деятельностью, управлению по надзору за исполнением законов о федеральной безопасности, межнациональных отношениях и противодействии экстремизму, управлению по надзору за расследованием особо важных дел, соответствующим структурным подразделениям Главной военной прокуратуры необходимо систематически анализировать причины незаконного привлечения к уголовной ответственности, а также действий (бездействия) органов прокуратуры или их должностных лиц, которые послужили основанием для обращения в суд с исками о возмещении вреда (п. 4 приказа от 20.01.2009 № 12/3н).

Несмотря на то что прокуратура осуществляет надзор за соблюдением прав и свобод человека, у уполномоченных прокуроров не всегда есть возможность для адекватной реакции на нарушения закона именно в силу недостаточного законодательного регламентирования и отсутствия необходимого объема полномочий в тех или иных сферах правоприменения.

Сокращение полномочий прокурора на досудебной стадии уголовного преследования лишь затруднило гражданам доступ к правосудию и создало необходимость усиления прокурорского надзора исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности.

По мнению ученых и практиков, защита граждан от нарушений закона в оперативно-розыскной деятельности, от необоснованного, без достаточных оснований, осуществления оперативной деятельности и нарушения конституционных прав и свобод невозможна без расширения полномочий органов прокуратуры в данной сфере[1].

Отсутствие четкой законодательной регламентации порядка и оснований проведения оперативных мероприятий, их засекреченность, невозможность исследования полного объема оперативных документов прокурорами и, самое главное, отсутствие четкого перечня полномочий прокурора, закрепленного в законе, создают возможности для многочисленных нарушений, пресечь которые не всегда удается.

---

[1] См.: *Колесников А.В.* Деятельность прокурора по реализации своих полномочий при осуществлении надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности по делам о неочевидных преступлениях против личности и направления ее совершенствования // Юридический мир. 2013. № 10.

Возникающие проблемы, как нами уже было показано выше, имеют достаточно широкий перечень – от проверки обоснованности проведения того или иного оперативного мероприятия до соблюдения законности при его проведении и при определении пределов действий оперативных сотрудников с целью не допустить совершение последними провокации для достижения положительного результата[1].

В соответствии с п. 3 распоряжения Генерального прокурора Российской Федерации № 270/27р, МВД России № 1/9789, ФСБ России № 38 от 16.12.2008 «О совершенствовании работы по предупреждению и пресечению деятельности общественных и религиозных объединений по распространению идей национальной розни и религиозного экстремизма» прокуроры субъектов Российской Федерации, а также приравненные к ним специализированные прокуроры *обязаны*:

активизировать надзор за исполнением законодательства об оперативно-розыскной деятельности, особое внимание уделять вопросам эффективности, реализации, планированию, полноте мероприятий и использованию результатов оперативно-розыскной деятельности в отношении лиц и объединений экстремистской направленности;

по каждому задокументированному факту существования организаций экстремистской направленности рассматривать вопрос о подготовке в суд заявлений об их ликвидации и (или) запрете деятельности. При направлении в суд таких заявлений необходимо выносить решения о приостановлении деятельности указанных в обращении объединений;

шире использовать гражданско-правовые методы с целью пресечения деятельности интернет-сайтов, содержание которых направлено на возбуждение социальной, национальной, расовой или религиозной ненависти и вражды;

возвращать для производства дополнительного расследования уголовные дела о преступлениях экстремистской направленности, в которых отсутствуют данные о принятых мерах к всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств преступления, выявлению и устранению причин и усло-

[1] *Капканов В.И.* Проблемы разграничения пресечения преступлений и провокации их совершения // Уголовное право. 2007. № 6.

вий, способствовавших его совершению, установлению причастности виновных лиц к деятельности какого-либо объединения;

поддержание государственного обвинения по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности поручать наиболее опытным прокурорам.

Государственным обвинителям необходимо всемерно способствовать установлению фактических обстоятельств дела с целью вынесения судом законного, обоснованного и справедливого решения. Надлежит выявлять обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений указанной категории, и при наличии оснований предлагать суду вынести частное постановление (определение).

Следует отметить, что на прокуратуры городов и районов приходится значительный, превосходящий по масштабам нагрузку прокуратур вышестоящих уровней объем надзорной деятельности, участия в рассмотрении судами уголовных и гражданских дел. Результаты их работы имеют основополагающее значение в формировании отношения общества к прокуратуре, характеризуют реальную роль органов прокуратуры в укреплении законности, защите интересов личности, общества и государства. Любой промах моментально оказывается в центре общественного внимания и зачастую расценивается как недостаток всей системы.

Но как результаты работы всей прокурорской системы во многом зависят от слаженности и профессионализма этого самого многочисленного, основного ее звена, так и работа прокуратур городов находится в прямой зависимости от ее правильной и эффективной организации.

Организация работы конкретной городской прокуратуры зависит от множества фактов: от штатной численности, объема работы, территориально-экономической характеристики города и его районов, состояния и структуры правонарушений, в том числе преступлений. Но в наибольшей степени грамотное построение работы зависит от одного человека – прокурора города. Комплексное и системное решение задач совершенствования организации прокурорской деятельности возможно только при его умелом управлении отношениями в коллективе, как по горизонтали, так и по вертикали (между руководителями, между подчиненными, с подчиненными), распределении обязанностей, своевремен-

ной постановке задач, заинтересованном и деятельном участии в их решении, и наконец, степени его организационной свободы и возможностях защиты от некомпетентного вмешательства извне.

Не случайно именно для прокуроров городов и районов была утверждена Квалификационная характеристика должности прокурора города, района и приравненного к ним прокурора (заместителей)[1], организована в Академии профессиональная переподготовка прокуроров, включенных в резерв кадров для выдвижения на эти должности.

В свою очередь, при освоении слушателями программ профессиональной переподготовки более трети учебного времени отводится вопросам организации руководства прокуратурой, анализу и прогнозированию состояния законности на поднадзорной территории, определению приоритетных задач, взаимодействию с правоохранительными органами, органами государственной власти и местного самоуправления, общественными организациями, принятию и реализации управленческих решений, контролю и проверке их исполнения, а также иным вопросам, необходимым каждому прокурору-руководителю[2].

Кроме того, в начале 2015 г. в Академии была проведена профессиональная переподготовка среди прокурорских работников, реализующих полномочия в сфере федеральной безопасности, межнациональных отношений, противодействии экстремизму и терроризму с участием научных сотрудников профильного отдела на занятиях, учебных семинарах и круглом столе. Тексты докладов ряда прокуроров, выступивших на учебном семинаре по обмену опытом в рамках указанной профессиональной переподготовки, были опубликованы в журнале «Следственная практика» (2015. Выпуск 195).

---

[1] См.: приказы Генерального прокурора Российской Федерации от 12.08.2010 № 316 «Об организации профессиональной переподготовки прокурорских работников, включенных в резерв кадров для выдвижения на должности прокуроров городов, районов и приравненных к ним прокуроров»; от 09.01.2013 № 5 «Об утверждении Квалификационной характеристики должности (квалификационных требований к должности) заместителя прокурора города, района, приравненного к ним прокурора».

[2] См.: *Капинус О.С.* Прокуратуры городов и районов – ключевое звено системы органов прокуратуры России // Прокурор. 2014. № 1.

Глава 4. Уголовно-правовые меры борьбы с экстремистской деятельностью

§ 1. Основы конституционного строя как объект преступлений экстремистской направленности

Эффективность охраны основ конституционного строя путем использования специфических методов уголовно-правовой политики требует четкого определения содержания охраняемого объекта с учетом социально-правовой специфики последнего.

«Конституционный строй» – понятие гораздо более широкое, нежели только правовое. Оно может рассматриваться в правовом, социальном, политическом и иных контекстах. Такая многозначность предопределяется имманентной связью конституционного строя с общественно-государственными явлениями и происходящими в стране процессами. Справедливо и утверждение о многофункциональности понятия конституционного строя – это и цель, и средство, и процесс, и результат[1].

В силу значительной общественной опасности деяний, посягающих на конституционный строй, ведущая роль в противодействии им и, соответственно, среди гарантий конституционного строя, принадлежит мерам уголовно-правового воздействия. В ч. 1 ст. 2 УК РФ конституционный строй Российской Федерации указан в качестве одного из основных объектов уголовно-правовой охраны. Это нормативное положение получает выражение и на уровне видового объекта преступлений, ответственность за которые установлена нормами главы 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства».

В настоящее время основы конституционного строя закреплены в главе 1 Конституции РФ, но самого понятия конституционного строя в ней нет, поэтому необходимо обращаться к теоретическим работам. В них это понятие трактуется двояко. Так, Е.И. Козлова и О.Е. Кутафин указывают следующее: «Строй, закрепленный конституцией государства, становится его конституционным строем… Однако, есть и другое понятие конституционного строя… относящееся не ко всякому государству, а лишь к

[1] *Боброва Н.А.* Конституционный строй и конституционализм в России. М.: ЮНИТИ, 2003. С. 40.

такому, форма, способ организации которого имеет строго определенные черты, позволяющие считать его *конституционным государством*» (выделено авторами)[1].

Анализ различных вариантов трактовки понятия «конституционный строй» позволяет сделать вывод о возможности их разделения на две группы и, соответственно, о существовании двух основных подходов к его определению, которые условно предлагается называть **юридическим** и **аксиологическим.**

Юридический подход базируется на признаке формального, нормативного закрепления основ конституционного строя. Сторонники данного подхода рассматривают конституционный строй как систему основополагающих общественных отношений (экономических, социальных, политических, духовно-нравственных и иных), устанавливаемых (определяемых) конституцией или иным основным законом государства[2].

Приверженцы же аксиологического подхода, хотя и ориентируются на наличие конституции (основного закона) и закрепленных в ней положений, тем не менее во главу угла ставят соответствие конституции и самого строя демократическим ценностям (отсюда и условное название данного подхода от латинского «axia» – ценность), рассматривая конституционный строй как форму (или способ) организации государства, которая обеспечивает подчинение его праву и характеризует его как конституционное государство; порядок, при котором соблюдаются права и свободы человека и гражданина, а государство действует в соответствии с конституцией; способ организации государства, базирующийся на Конституции и защищаемых ею ценностей; систему социально-правовых отношений и институтов, подчиненную

---

[1] *Козлова Е.И., Кутафин О.Е.* Конституционное право России: учеб. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. С. 94.

[2] *Румянцев О.Г., Додонов В.Н.* Юридический энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 1996. С. 143; *Большой* юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. М.: ИНФРА-М, 1998. С. 304; *Конституционное* (государственное) право России: учебник / под общ. ред. В.П. Сальникова. М.: ЦОКР МВД России, 2005. С. 55; *Конституционное* право России: учебник / под ред. А.Е. Постникова. М.: Проспект, 2008. С. 53; *Мамонов В.В*. Конституционный строй Российской Федерации: понятие, основы, гарантии // Государство и право. 2004. № 10. С. 43; *Лучин В.О*. Конституция Российской Федерации: проблемы реализации. М., 2002. С. 294–295; *Конституционное* право. Энциклопедический словарь / отв. ред. С.А. Авакьян. М.: НОРМА, 2001. С. 310; *Прудников А.С., Лимонов А.М., Бобров К.О.* Краткий словарь терминов и определений по конституционному праву. М.: МосУ МВД России, 2009. С. 72–73.

нравственным и конституционным велениям и т.п.[1] Конституционный строй иногда связывается и с понятием конституционализма[2], который рассматривается как система представлений о конституционном государстве, их нормативном оформлении и реализации[3].

Соответственно, при аксиологическом подходе конституционный строй не сводится к фактам существования конституции и закрепления в ней необходимых основ, поскольку ключевым признаком конституционного строя признается соблюдение конституции и ее демократический характер[4]. Подобное понимание конституционного строя встречается и в работах, посвященных рассмотрению вопросов уголовно-правовой охраны конституционного строя[5].

Иногда в литературе используются понятия широкого и узкого подхода к определению конституционного строя. При этом широкий обозначают аналогично указанному выше юридическому подходу, а узкий – аксиологическому[6].

---

[1] *Конституционное* право России: учеб. для студентов вузов / под. ред. А.С. Прудникова, В.И. Авсеенко. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. С. 104; *Баглай М.В.* Конституционное право Российской Федерации: учебник. 6-е изд., изм. и доп. М.: Норма, 2007. С. 115; *Самойлов А.С., Мирзоев Г.Б., Ежов А.Н.* Уголовная ответственность за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства: лекция. М.: Моск. городской ин-т управления Правительства Москвы; Рос. акад. адвокатуры, 2004. С. 9; *Иванец Г.И., Калинский И.В., Червонюк В.И.* Конституционное право России: Энциклопедический словарь / под общ. ред. В.И. Червонюка. М.: Юрид. лит., 2002. С. 151; *Баглай М.В., Туманов В.А.* Малая энциклопедия конституционного права. М.: БЕК, 1998. С. 298; *Румянцев О.Г.* Основы конституционного строя России (понятие, содержание, вопросы становления). М.: Юрист, 1994. С. 23; *Ткачева Н.А.* Проблемы гарантированности основ конституционного строя: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. С. 14; *Савченко Д.А.* Основы конституционного строя Российской Федерации и их уголовно-правовая защита: учеб. пособие. Новосибирск: СибАГС, 2000. С. 14–15; *Яковлев А.М.* Социальная структура общества: учебник. М.: Экзамен, 2003. С. 98.

[2] См.: *Арутюнян Г.Г., Баглай М.В.* Конституционное право: Энциклопедический словарь. М.: Норма, 2006. С. 224.

[3] См.: *Богданова Н.А.* Категория «конституционализм» в науке конституционного права // Российский конституционализм: проблемы и решения: материалы междунар. конф. М.: ИГиП РАН, 1999. С. 138.

[4] См.: *Баглай М.В., Туманов В.А.* Указ.соч.; *Баглай М.В.* Указ. соч. С. 115.

[5] См.: *Царев Д.В.* Общее понятие и признаки преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства: дис. … канд. юрид. наук. Иваново, 2005. С. 101.

[6] См., напр.: *Ткачева Н.А.* Проблемы гарантированности основ конституционного строя. С. 14; *Савченко Д.А.* Основы конституционного строя Российской Федерации и их уголовно-правовая защита. С. 12–13.

Таким образом, в теории конституционный строй понимается в юридическом (широком) и аксиологическом (узком) значениях.

Каждый из приведенных подходов по-своему правильный, ведь конституционный строй традиционно ассоциируется с демократией. Однако проецирование излагаемых позиций в плоскость уголовно-правового воздействия приводит к следующим результатам.

Конституционный строй, при всей своей фундаментальности, не несет обязательного позитивного содержания в том смысле, что и государства, в которых не обеспечивается надлежащее соблюдение прав и свобод человека и гражданина, могут, тем не менее, провозглашать определенные основы своего государственного устройства и закреплять их нормативно. Поэтому в теории предлагается различать юридически закрепленный конституционный строй и фактически существующий[1], используются и формулировки «фактическая конституция»[2], «конституция фактическая – конституция юридическая», «конституция реальная – конституция фиктивная»[3].

Попытки рассматривать конституционный строй как некую идеальную модель государственного устройства, соответствующую тем или иным демократическим требованиям и принципам, неизбежно вовлекут нас в сферу дискуссий, увлечение которыми не будет способствовать формированию четкого представления о том, что же такое конституционный строй, и, самое главное, что же должно охранять уголовное право. Один исследователь скажет, что права и свободы человека при том или ином строе соблюдаются и поэтому он – конституционный, другой будет утверждать обратное и существующий строй конституционным не признает.

Получается, что если строй кем-либо оценивается негативно (например, как недостаточно демократический), то с позиции оценивающего он не конституционный, а, значит, не подлежит уголовно-правовой охране, и его свержение не признается пре-

---

[1] См.: *Мамонов В.В.* Конституционный строй Российской Федерации: понятие, основы, гарантии // Государство и право. 2004. № 10. С. 42.

[2] *Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е.* Теория современной конституции. С. 31–32.

[3] *Степанов И.М.* Грани российского конституционализма (XX век) // Конституционный строй России: сб. статей. Вып. 1. М.: Институт государства и права РАН, 1992. С. 31.

ступлением. В итоге вопросы уголовно-правового обеспечения охраны такого строя решались бы исходя не из правовой сущности рассматриваемого явления, общеобязательных нормативных предписаний, содержания закрепленных в конституции норм, а с ориентацией на его качество, определяемое каждым по своему собственному усмотрению, своим критериям.

Поэтому в сфере исследования вопросов правовой охраны конституционного строя приемлем исключительно юридический (широкий) подход к определению его сущности и содержания: то, что закреплено в конституции (основном законе), как основа государственного и общественного устройства, подлежит безоговорочной уголовно-правовой охране при наличии в уголовном законе отсылки к соответствующим положениям конституции (основного закона). Иное понимание сведет на нет весь общепризнанный формально-материальный характер как понятия преступления в целом, так и преступлений против основ конституционного строя – в частности.

Соответственно, предусмотренные уголовным законом посягательства на закрепленные в законе основы государственного и общественного устройства признаются преступлениями независимо от степени соответствия этих основ демократическим принципам.

Использование в сфере уголовно-правовой охраны основ конституционного строя аксиологического (узкого) подхода для оценки преступного характера посягательств на данные основы неизбежно привело бы к юридическому хаосу, поскольку был бы устранен единственный четкий критерий такой оценки – правовой, и каждый давал бы ее с учетом каких-либо своих норм, эталонов, лишенных юридического, общеобязательного характера. При таких условиях любое деяние, например, публичные призывы к свержению конституционного строя или насильственный захват власти можно лукаво обозначить как совершенные «во имя истинной демократии» с одновременным провозглашением себя справедливым борцом за эту демократию. Оценка режима кем-либо как недемократичного не должна становиться выписанной самому себе «лицензией» на антигосударственные общественно опасные действия.

Следует согласиться с утверждением, что формулировка «конституционный строй» может быть применена к любому государству, имеющему конституцию[1]. Соответственно, любое такое государство может принимать меры уголовно-правовой защиты конституционного строя вне зависимости от его (строя) ценностно-идеологической ориентации. И, также вне зависимости от указанной ориентации, посягательства на этот строй будут признаваться преступлениями.

Тем самым, как конституционный строй, подлежащий уголовно-правовой охране, должен рассматриваться тот строй, который закреплен в основном законе, безотносительно к его качеству. В противном случае соблюдение норм конституционного и уголовного права зависело бы от того, нравится ли человеку то, что они регулируют и охраняют, или нет.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы:

1) существует два основных подхода к определению понятия конституционного строя, которые условно предлагается называть юридическим (широким) и аксиологическим (узким);

2) в сфере уголовно-правового обеспечения охраны конституционного строя допускается использование исключительно юридического (широкого) подхода к определению его сущности и содержания: то, что закреплено в конституции (основном законе), как основа государственного и общественного устройства, подлежит безоговорочной уголовно-правовой охране;

3) согласно юридическому (широкому) подходу, конституционный строй – это система основополагающих общественных отношений (политических, социальных, экономических и иных), устанавливаемых (определяемых) конституцией или иным основным законом государства.

Мы поддерживаем существующую в науке позицию о том, что объект уголовно-правовой охраны и объект преступления – идентичные понятия. Использование же конкретного термина зависит от рассматриваемой сферы: если анализируют охраняемые уголовным законом ценности, то говорят об объекте уголовно-

[1] См.: *Невинский В.В.* Основы конституционного строя как система основополагающих конституционных принципов // Основы конституционного строя Российской Федерации: понятие, содержание, значение: сб. статей / под ред. В.В. Невинского. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2003. С. 36.

правовой охраны. Когда же исследуется вредоносность деяния, приемлем термин «объект преступления»[1].

Настоящая работа основана на традиционной концепции, согласно которой объектом преступления признаются общественные отношения, поставленные под охрану уголовного закона, нарушение которых причиняет социально опасный вред[2]. Связано это с тем, что она, во-первых, подтвердила свою многолетнюю состоятельность, и, во-вторых, поддерживается судебной практикой. Так, в решении Конституционного Суда РФ применительно к одному из преступлений экстремистской направленности (ст. 282 УК РФ) было указано, что содержащаяся в данной статье норма направлена на охрану *общественных отношений*, гарантирующих признание и уважение достоинства личности независимо от каких-либо физических или социальных признаков[3].

Общественные отношения рассматриваются как связи между субъектами отношений, складывающиеся в процессе их материальной и духовной деятельности. Проявляются они в форме, определенном способе взаимодействия людей[4]. Более развернуто общественные отношения определяются как массовидная структурная совокупность постоянно повторяющихся конкретно-исторических социальных связей, зависимостей и разграничений между субъектами, возникающая в результате и в ходе общественно значимой предметной деятельности и определяемая в конечном счете материальными условиями жизни[5].

При этом в теории уголовного права подчеркивается, что общественные отношения – категория социальная, а не правовая[6].

Изложенное дает все основания утверждать, что в качестве объекта уголовно-правовой охраны основы конституционного строя следует рассматривать как систему общественных отношений.

---

[1] См.: *Филимонов В.Д.* Охранительная функция уголовного права. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 16.

[2] См.: *Коржанский Н.И.* Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М.: Акад. МВД СССР, 1980. С. 27; *Таций В.Я.* Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. Харьков: Издательское объединение «Выща школа», 1988. С. 6.

[3] Определение Конституционного Суда РФ от 22 апреля 2010 г. № 564-О-О.

[4] См.: *Таций В.Я.* Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. С. 14.

[5] *Ткаченко Ю.Г.* Методологические вопросы теории правоотношения. М.: Юрид. лит., 1980. С. 84.

[6] См.*: Глистин В.К.* Общее учение об объекте преступления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1981. С. 7.

Родовой объект преступлений экстремистской направленности.

Родовым объектом преступлений, предусмотренных разделом X УК РФ «Преступления против государственной власти», в который входит глава 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства», выступают общественные отношения, складывающиеся по поводу реализации интересов государственной власти.

Власть – это управление делами общества. Данное управление осуществляется через систему специальных органов (федеральных и субъектов Российской Федерации), наделенных определенными полномочиями, путем совершения действий и принятия норм, имеющих обязательное значение, выполнение которых в необходимых случаях достигается с помощью принуждения. В результате обеспечивается подчинение индивидуальных и коллективных субъектов единой воле, общим интересам. Источником власти выступает народ.

В теории в качестве свойств государственной власти указывают преимущественно именно эти признаки (в разном сочетании)[1].

Соответственно, родовым объектом рассматриваемых преступлений можно считать общественные отношения, складывающиеся по поводу реализации организованного руководства делами общества со стороны государства и его органов.

Основы конституционного строя как видовой объект преступлений экстремистской направленности.

В теории нет общего мнения по характеристике объекта преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, объединенных в рамках главы 29 УК РФ, к числу которых относятся и рассматриваемые преступления экс-

---

[1] *Конституционное* право. Энциклопедический словарь. С. 136; *Борисов В.И., Илюхов А.А., Кажанов О.А.* Словарь по конституционному праву Российской Федерации. М.: Экономика, 2003. С. 71; *Прудников А.С., Лимонов А.М., Бобров К.О.* Краткий словарь терминов и определений по конституционному праву. С. 48–49; *Большая* юридическая энциклопедия. М.: Эксмо, 2005. С. 125; *Арутюнян Г.Г., Баглай М.В.* Конституционное право: Энциклопедический словарь. М.: Норма, 2006. С. 98; *Краснов М.А., Кряжков В.А.* Толковый словарь конституционных терминов и понятий. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. С. 46; *Иванец Г.И., Калинский И.В., Червонюк В.И.* Конституционное право России: Энциклопедический словарь. С. 52–53; *Баглай М.В., Туманов В.А.* Малая энциклопедия конституционного права. С. 81.

тремистской направленности. Так, С.В. Дьяков родовым (в значении видового) объектом данных преступлений считает безопасность государства как состояние стабильности, прочности и защищенности личности, общества и конституционного строя в целом от тех источников опасности, которые реально имеются в современных условиях формирования в России нового общественно-экономического строя[1].

В соответствии с источниками угроз, данный объект он подразделяет на три непосредственных объекта: внешнюю безопасность, внутреннюю безопасность и экономическую безопасность. Именно к преступлениям против внутренней безопасности автор относит[2] составы, предусмотренные ст. 280, 282, 282[1], 282[2] УК РФ.

А.В. Савинский, комментируя изложенную позицию С.В. Дьякова, указывает, что она проистекает из положений советского уголовного права, которое родовым объектом (в УК РСФСР 1960 г. не было разделов, поэтому понятие видового объекта отсутствовало) особо опасных государственных преступлений, аналога нынешних преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, признавало советский общественный и государственный строй и внешнюю безопасность страны[3]. Сам же автор считает, что наиболее юридически корректно считать видовым объектом преступлений главы 29 УК РФ государственную безопасность как совокупность внешней (суверенитет, территориальная целостность, обороноспособность) и внутренней (основы конституционного строя) безопасности государства[4].

А.С. Ржевский выделяет основы безопасности государства, к которым относит защищенность конституционного строя, суве-

---

[1] См.: *Дьяков С.В.* Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства: уголовно-правовое и криминологическое исследование. СПб: Юрид. центр Пресс, 2009. С. 25.

[2] *Дьяков С.В.* Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства: уголовно-правовое и криминологическое исследование. СПб: Юрид. центр Пресс, 2009. С. 31,32.

[3] *Савинский А.В.* Уголовно-правовая оценка посягательств на основы конституционного строя и безопасность государства: монография. Архангельск: Поморский гос. ун-т, 2008. С. 21–22.

[4] Там же. С. 22.

ренитета, территориальной неприкосновенности, обороноспособности и других жизненно важных интересов[1].

В.А. Бурковская, ссылаясь на работы О.Э. Лейста, А.Я. Куделича, А.Ю. Шумилова, также обращается к вопросам государственной безопасности и рассматривает ее как часть общественной безопасности, в связи с чем предлагает перенести главу 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» в IX раздел, изменив его название на «Преступления против безопасности общества и государства»[2].

Не отрицая наличия тесной связи между государственной безопасностью и состоянием защищенности основ конституционного строя, все же позволим высказаться против их полного отождествления в уголовно-правовой сфере. Во-первых, Конституция РФ прямо определяет основы конституционного строя (глава 1); во-вторых, при квалификации преступлений против основ конституционного строя для установления признаков конкретных составов необходимо обращаться именно к ее соответствующим положениям, а не к абстрактному понятию «безопасность государства», лишенному четкого юридического содержания.

Таким образом, в сфере уголовно-правового воздействия конституционный строй следует рассматривать как систему общественных отношений, устанавливаемых конституцией[3] определенного государства и ей соответствующих, в которых выражаются политические, социальные, экономические, духовно-нравственные и иные основы жизни личности, общества и государства. Для уголовно-правовой охраны первоочередное значение имеет нормативное закрепление основ конституционного строя, поскольку она осуществляется безотносительно к степени их соответствия или несоответствия демократическим принципам.

Выше излагались доводы относительно целесообразности использования в сфере уголовно-правовой охраны только юридического (широкого) подхода к его определению. В качестве еще

---

[1] См.: *Ржевский А.С.* Экстремизм и его проявления в Уголовном кодексе России (уголовно-правовая характеристика): дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004. С. 85.

[2] См.: *Бурковская В.А.* Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 222, 225.

[3] Они могут устанавливаться и другими нормативными актами, называемыми иначе, но обладающими характеристиками именно основного закона.

одного аргумента проведем сугубо терминологическое моделирование: если заменить в названии главы 29 УК РФ понятие «конституционный строй» на «государственный строй»[1], то представление о данном объекте уголовно-правовой охраны изменится мало, хотя при этом и отпадает то необходимо позитивное содержание, которые вкладывают сторонники аксиологического (узкого) подхода в понятие конституционного строя. В любом случае правоприменитель будет ориентироваться на охраняемые общественные отношения, складывающиеся в соответствии с определенными основами, отраженными в правовой материи. Причем материя эта вполне может носить иное, отличное от конституции, название. Например, в Германии соответствующая отрасль права называется «государственное право» (Staatsrehts), а не «конституционное право», там нет такого понятия, как «конституция» – аналогичный нормативно-правовой акт ФРГ носит название Основного закона[2].

По сути, поддерживаемый нами юридический подход к определению конституционного строя, позволяет с известной долей условности отождествлять понятия «конституционный строй» и «государственный строй». Корни различий между этими понятиями можно поискать в вопросах соотношения понятий «конституционное право» и «государственное право». Долгое время отечественная юридическая наука в советский период оперировала именно понятием «государственное право», что предполагало, соответственно, наличие государственного, а не конституционного, строя. Это, однако, не порождало сложностей с определением соответствующего объекта уголовно-правовой охраны: объектом

[1] К примеру, подобные предложения высказываются в науке конституционного права: «Едва ли можно согласиться с тем, что только первая глава Конституции определяет основы конституционного строя России. Конституция не случайно называется Основным Законом государства, так как все ее главы и разделы определяют основы конституционного строя страны. Поэтому первую главу Конституции точнее можно было бы назвать так: «Основы государственного строя», не меняя при этом ее содержание» (см.: *Зиновьев А.В*. Конституционное право России / под общ. ред. В.П. Сальникова; С.-Петерб. ун-т МВД России; Акад. права, экономики и безопасности жизнедеятельности. СПб.: Фонд «Университет», 2005. С. 62).

[2] См.: *Мухачев И.В.* Проблемы теории российского конституционного права. М.: Манускрипт, 1998. С. 19–20.

особо опасных государственных преступлений признавался советский общественный и государственный строй[1].

В УК РФ используются два понятия: «конституционный строй» (ст. 2) и «основы конституционного строя» (название главы 29). В обоих случаях они обозначают объекты уголовно-правовой охраны. Однако квалификация преступлений, ответственность за которые предусмотрена нормами главы 29 УК РФ, требует определения в качестве их объекта именно основ конституционного строя, поскольку эта формулировка используется в названии главы и, тем самым, для обозначения видового объекта данных преступлений.

Основы конституционного строя некоторыми авторами тоже рассматриваются как общественные отношения[2]. Вместе с тем часто высказываются точки зрения, согласно которым основы конституционного строя – это определенные принципы и нормы[3]. Существуют и компромиссные мнения о том, что основы конституционного строя можно понимать в двух аспектах: и как совокупность общественных отношений, составляющих основы построения общества и государства, и как правовой институт, регулирующий эти отношения[4]. Также предлагается различать две стороны понятия основ конституционного строя – объективную (устои реальных общественных отношений) и субъективное отражение объективной категории, устанавливаемое законодателем[5] (видимо, в последнем случае речь идет о закреплении в конституции норм, определяющих соответствующие устои).

---

[1] См., напр.: *Особо* опасные государственные преступления / под. ред. В.И. Курляндского и М.П. Михайлова. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1963. С. 16; *Дьяков С.В.. Игнатьев А.А., Карпушин М.П.* Ответственность за государственные преступления / общ. ред. и введение Л.И. Баркова. М.: Юрид. лит., 1988. С. 11–12; *Клягин В.С.* Ответственность за особо опасные государственные преступления. Минск: Изд-во «Вышэйшая школа», 1973. С. 20–27.

[2] См.: *Большая* юридическая энциклопедия. М.: Эксмо, 2005. С. 379.

[3] *Румянцев О.Г., Додонов В.Н.* Юридический энциклопедический словарь. С. 205. См. также: *Большой* юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. М.: ИНФРА-М, 1998. С. 461; *Гавриленко В.Г., Никитенко П.Г., Яденевич Н.И.* Энциклопедия конституционного права. Серия: «Право», приложение к журналу «Право и экономика». Минск, 2000. С. 212; *Конституционное* право: словарь / сост. Л.В. Жильская, П.В. Иванов, К.М. Сарсенов, А.А. Смольяков. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2010. С. 149.

[4] См.: *Ткачева Н.А.* Проблемы гарантированности основ конституционного строя. С. 15.

[5] *Румянцев О.Г.* Основы конституционного строя России (понятие, содержание, вопросы становления). С. 28.

Если исходить из того, что основы конституционного строя – это принципы, положения, требования и т.п., то получится, что и уголовное право охраняет принципы, положения, требования и т.п. Но они не признаются объектом правовой охраны, поскольку представляют собой нормативную фиксацию, описание, модель желаемых общественных отношений, а не сами общественные отношения.

Следовательно, более приемлемо исходить из того, что, во-первых, уголовное право охраняет не нормы и принципы, а общественные отношения; во-вторых, конституционный строй – это совокупность определенных общественных отношений. Поэтому и его основы должны рассматриваться подобным образом.

В теории конституционного права приводятся различные классификации основ конституционного строя на фоне отсутствия единого подхода к решению этого вопроса. Так, М.В. Баглай выделяет четыре их вида: гуманистические основы конституционного строя; основные характеристики Российского государства; экономические и политические основы конституционного строя; основы организации государственной власти[1].

Довольно полную характеристику основам конституционного строя приводит А.Е. Постников, который к ним относит следующие: 1) Российская Федерация – демократическое государство с республиканской формой правления; 2) Российская Федерация является суверенным государством; 3) народовластие; 4) федеративное устройство; 5) правовое государство; 6) права и свободы человека – высшая ценность; 7) разделение властей; 8) социальное государство; 9) основы экономической системы государства; 10) независимость местного самоуправления; 11) идеологическое многообразие; 12) политическое многообразие, многопартийность, равенство общественных объединений; 13) светское государство[2].

Содержание данных положений позволяет охарактеризовать основы конституционного строя как общественные отношения, складывающиеся по поводу реализации принципов государст-

[1] См.: *Баглай М.В*. Указ. соч. С. 116.

[2] См. подробнее: *Конституционное* право России: учебник / под ред. А.Е. Постникова. М.: Проспект, 2008. С. 53–74. Автор главы А.Е. Постников.

венного и общественного устройства, закрепленных в Конституции РФ.

Один из элементов этих положений следует рассмотреть отдельно, поскольку в конституционно-правовом смысле он не сводится к нормам только лишь главы 1 Конституции РФ, однако, в рамках уголовного закона «погружен» в основы конституционного строя в рамках объекта главы 29 УК РФ.

Речь идет об общественных отношениях, формирующихся и существующих в соответствии с нормами, содержащими общие требования о равенстве граждан, недопустимости возбуждения гражданской ненависти и вражды, а также о запрете любых форм ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности (ст. 13, 19, 29 Конституции РФ). Обобщенно данные требования можно обозначить как конституционные основы равенства граждан.

При этом не все конституционные основы равенства граждан отнесены к основам конституционного строя, поскольку устанавливаются не только нормами главы 1 Конституции РФ (например, ст. 19, провозглашающая принцип равенства, и ст. 29, устанавливающая запрет на пропаганду или агитацию, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, расположены в главе 2 Конституции РФ).

Однако и нормы (в том числе запреты), устанавливающие конституционные основы равенства граждан, которые содержатся в иных главах Конституции РФ, направлены на обеспечение основ конституционного строя, а именно стабильных отношений внутри российского общества, поскольку единственный источник власти – многонациональный народ, существующий в условиях установленного Конституцией РФ равенства граждан, политического и идеологического многообразия, свободы вероисповедания.

Согласно ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» к экстремизму, в частности, отнесены такие деяния, как насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности

или отношения к религии. Однако первоначально эти деяния запрещены конституционными нормами (ч. 4 ст. 3, ч. 5 ст. 13, ч. 2 ст. 29 Конституции РФ). Поэтому можно говорить о наличии конституционных запретов на осуществление экстремистской деятельности, обеспечивающих состояние защищенности личности, общества и государства от угроз экстремистского характера.

Ответственность за осуществление названных и других экстремистских деяний предусмотрена ст. 280, 280^{1}, 282, 282^{1}, 282^{2} и 282^{3} УК РФ, входящими в главу 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства». Таким образом, данные нормы охраняют общественные отношения, складывающиеся в соответствии с конституционными основами равенства граждан и конституционными запретами на осуществление экстремистской деятельности. Имеются в виду, в частности, следующие нормы Конституции РФ: ч. 5 ст. 13 – «запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни»; ч. 2 ст. 19 – «Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности»; ч. 2 ст. 29 – «Не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства».

Подтверждается изложенное и анализом судебной практики, который показывает, что суды, квалифицируя действия виновных лиц по ст. 282 УК РФ (это наиболее распространенное преступление из всех посягательств на основы конституционного

строя), чаще всего указывают на нарушение осужденными именно ст. 13, 19 и 29 Конституции РФ[1].

Изложенное позволяет сделать следующий вывод: как объект уголовно-правовой охраны, основы конституционного строя представляют собой общественные отношения, складывающиеся по поводу обеспечения: а) соблюдения установленных главой 1 Конституции РФ принципов государственного и общественного устройства; б) равенства граждан; в) состояния защищенности личности, общества и государства от угроз экстремистского характера.

На основе данного понятия можно сделать вывод о том, что деяния, ответственность за которые установлена нормами главы 29 УК РФ, могут быть направлены как против соблюдения конституционных основ государственного и общественного устройства (ст. 277, 278 и 279 УК РФ), так и против конституционных основ равенства граждан и состояния защищенности от угроз экстремистского характера – ст. 280, 280^1, 282, 282^1, 282^2 и 282^3 УК РФ (преступления экстремистской направленности).

Однако приведенная классификация весьма условна, поскольку большинство рассматриваемых составов можно одновременно отнести к обеим группам. Например, публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) могут выражаться в призывах к насильственному изменению политической системы Российской Федерации. Так, Н. изготовил два плаката, которые впоследствии публично демонстрировал на улице неопределенному кругу лиц. В тексте плакатов содержались публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя, физическому устранению Президента РФ, захвату и присвоению властных полномочий. Также в тексте были выявлены элементы, возбуждающие ненависть и вражду. Суд указал, что целью призывов было вовлечение широких масс в

[1] Архив Челябинского гарнизонного военного суда. Дело № 1-42/2011 за 2011 г.; Архив Белебеевского районного суда Республики Башкортостан. Дело № 1-7/11 за 2011 г.; Архив Курганского городского суда. Дело № 1-672/11 за 2011 г.; Архив Сыктывкарского городского суда Республики Коми. Дело № 1-1112/11 за 2011 г.; Архив Красноармейского районного суда г. Волгограда. Дело № 1-491/2010 за 2010 г.; Архив Промышленного районного суда г. Курска. Дело № 1-60-11 за 2011 г.; Архив Октябрьского районного суда г. Томска. Дело № 1-105/13 за 2013 г.; Архив Бутырского районного суда г. Москвы. Приговор от 10 октября 2008 г. в отношении Ч. по ст. 282 и ст. 282^1 УК РФ.

экстремистскую деятельность по мотивам политической ненависти. Действия Н. были квалифицированы по ч. 1 ст. 280 УК РФ[1].

Универсальный характер имеет и ст. 282^2 УК РФ: анализ судебной практики свидетельствует, что по данной статье к уголовной ответственности привлекались участники тех экстремистских и террористических (до изменений, внесенных в УК РФ Федеральным законом от 02.11.2013 № 302-ФЗ) организаций, которые нередко преследуют именно политические цели (свержение действующей власти, установление исламского правления и т.п.). Так, Г. вступив в международную террористическую организацию «Партия исламского освобождения», будучи осведомленным о том, что она признана террористической и ее деятельность на территории России запрещена в связи с осуществлением экстремистской деятельности, умышленно создал условия для ее развития и функционирования. Он, действуя с целью увеличения численности организаторов и участников данной организации, используя приобретенные им для этого специальные познания и агитационные навыки, приискал среди осужденных, отбывающих совместно с ним наказание, новых лиц, с целью их последовательного склонения к участию в ней. Воздействуя на сознание и волю осужденных, Г. с указанной целью вводил их в религиозное заблуждение, подменяя традиционное в исламе понятие распространения этой религии в обществе идеями подстрекательства к организованной антиконституционной деятельности на территории Российской Федерации, основанными на доктрине непременного поэтапного создания теократического унитарного государства – Всемирного Халифата, обосновывающей и оправдывающей необходимость упразднения органов государственной власти, нарушения суверенитета и государственной целостности Российской Федерации, совершения действий, направленных на насильственный захват власти и насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации. Действия Г. были квалифицированы по ч. 1 ст. 282^2 УК РФ как организация деятельности экстремистской организации[2].

---

[1] Архив Беловского городского суда Кемеровской области. Приговор от 19 ноября 2007 г. в отношении Н. по ст. 280 УК РФ.

[2] Архив Ленинского районного суда г. Барнаула Алтайского края. Дело № 1-830/2010 за 2010 г.

В другом случае К. также был признан виновным в организации деятельности экстремистской организации и осужден по ч. 1 ст. 282[2] УК РФ. Он осуществлял деятельность по распространению идей международного религиозного экстремистского объединения. Для этой цели К. организовывал и активно участвовал в проводимых приверженцами данного объединения собраниях и семинарах, занимался проповеднической деятельностью для привлечения новых последователей. Он возглавлял миссионерские группы, выезжавшие в другие регионы с проповедями, читал вслух сборник этого объединения. В сборнике, как следует из выводов лингвистически-религиозноведческой судебной экспертизы, имелись высказывания, направленные на разжигание религиозной ненависти и розни, ведение указанным объединением войны, направленной на уничтожение неверных. Призывы, содержащиеся в сборнике, также были направлены на отрицание роли светских государств и их правительств в обществе, против существующего государственного устройства и любых других форм государственного устройства[1].

Основы конституционного строя как непосредственный объект преступлений экстремистской направленности.

В качестве непосредственного объекта преступлений традиционно рассматривается конкретное общественное отношение, охраняемое соответствующей уголовно-правовой нормой, против которого направлено деяние, описываемое данной нормой. «Анализ конкретного общественного отношения, – писал В.К. Глистин, – на которое направлено посягательство, должен как минимум решить две практические задачи: выделить, во-первых, признаки, которые позволяют квалифицировать деяние по соответствующей норме уголовного закона, и, во-вторых, признаки, обозначающие границы значимых для уголовного права вредных последствий»[2].

Непосредственным объектом преступлений, предусмотренных главой 29 УК РФ, служат конкретные общественные отношения, складывающиеся по поводу обеспечения соблюдения принципов государственного и общественного устройства, ра-

[1] Архив Ингодинского районного суда г. Читы. Дело № 1-364-10 за 2010 г.

[2] *Глистин В.К.* Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений (объект и квалификация преступлений). С. 13.

венства граждан и обеспечения состояния защищенности личности, общества и государства от угроз экстремистского характера.

Как отмечает В.С. Комиссаров, в силу многообразия и взаимосвязи общественных отношений их те или иные элементы могут быть составными частями иных общественных отношений. Однако это уже другие общественные отношения, с другим содержанием, и скорее всего они будут являться объектом посягательства уже других преступлений[1]. Некоторые из основ конституционного строя действительно охраняются нормами других глав Особенной части УК РФ, что предполагает иной объект преступления. Например, общественные отношения, складывающиеся по поводу обеспечения равенства граждан, охраняются также ст. 136 УК РФ «Нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина», расположенной в главе 19 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина».

Подробнее характеристика объекта каждого преступления экстремистской направленности будет дана далее при анализе конкретных составов преступлений.

§ 2. Ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ)

Объектом данного преступления выступают общественные отношения, складывающиеся по поводу обеспечения: а) соблюдения установленных главой 1 Конституции РФ принципов государственного и общественного устройства; б) равенства граждан; в) состояния защищенности личности, общества и государства от угроз экстремистского характера.

Такое широкое понимание объекта предлагается в связи с разнообразием видов экстремистской деятельности, к осуществлению которой может призывать виновный при совершении этого преступления.

Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности могут представлять угрозу для основ конституционного

[1] См.: *Комиссаров В.С.* Преступления, нарушающие правила безопасности (понятие, система, общая характеристика): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. С. 28.

строя в целом. Именно данный признак отражает общественную опасность экстремизма, его масштабную социальную вредоносность, суть которой состоит в причинении вреда не интересам отдельных лиц, а более общим социальным ценностям. Речь идет о призывах к совершению действий, направленных на причинение вреда отношениям в сфере обеспечения соблюдения конституционно-правовых требований об основах государственного и общественного устройства, политической безопасности, стабильности политической системы, легитимности государственной власти. Согласно ч. 5 ст. 13 Конституции запрещается деятельность, направленная на насильственное изменение основ конституционного строя; в ч. 4 ст. 3 Конституции РФ установлено, что «никто не может присваивать власть в Российской Федерации. Захват или присвоение властных полномочий преследуется по федеральному закону». Само по себе это явление не ново. Уместно вспомнить слова Чезаре Беккариа о том, что люди, объединившись в общество, пожертвовали долей своей свободы. «Из суммы всех частиц свободы, пожертвованных на общее благо, составилась верховная власть нации, и суверен стал законным их хранителем и управителем. Но недостаточно было создать такое хранилище свобод, нужно было охранить его от расхищения, так как каждый стремился не только взять обратно свою часть, но и захватить доли других»[1].

Экстремистская деятельность может быть направлена и на нарушение установленных Конституцией РФ требований о равенстве граждан, недопустимости возбуждения гражданской ненависти и вражды. Здесь важно учитывать, что ответственность за последнее деяние предусмотрена ст. 282 УК РФ, однако, и при совершении преступления, ответственность за которое установлена ст. 280 УК РФ, может причиняться вред этим же общественным отношениям, пусть и несколько иным способом.

Вместе с тем, в литературе отмечается, что непосредственный объект по ст. 280 УК РФ четко определить нельзя в силу обширного содержания понятия «экстремистская деятельность», которое закреплено нормативно[2].

---

[1] См.: *Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях / сост. и предисл. В.С. Овчинского. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 89.

[2] См.: *Леньшин Д.И.* Преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 60.

В теории в качестве объекта этого преступления указывают также общественную безопасность[1]. Действительно, согласно п. 11 раздела II Концепции общественной безопасности Российской Федерации от 20 ноября 2013 г.[2] в числе основных источников угроз общественной безопасности названа экстремистская деятельность националистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутриполитической и социальной ситуации в стране. В Концепции отмечается, что члены экстремистских организаций активно используют новые технологии, в том числе информационно-телекоммуникационную сеть Интернет, для распространения экстремистских материалов, привлечения в свои ряды новых членов и координации противоправной деятельности.

Не отрицая тесную связь основ конституционного строя с общественной безопасностью, как, впрочем, и с государственной безопасностью, следует, все же, учитывать, что рассматриваемая норма расположена в главе «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства», а не в главе «Преступления против общественной безопасности». Исходя из традиционной для российского уголовного закона структуры его Особенной части, строящейся на основе разных родовых и видовых объектов, говорить о том, что объектом публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности выступает общественная безопасность можно лишь с большой долей условности. Будь это действительно так, норма об ответственности за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности находилась бы в главе 24 УК РФ, как, например, ст. 205^2 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма».

Основным непосредственным объектом по ст. 280 УК РФ называют и «общественные отношения, обеспечивающие безопасность общества в целом, а обязательными дополнительными непосредственными объектами – альтернативно – общественные отношения, обеспечивающие идеологическое многообразие

[1] См.: *Кашепов В.* Квалификация преступлений экстремистской направленности // Уголовное право. 2007. № 3. С. 32; *Скудин А.С.* Правовые меры противодействия экстремизму: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 94.

[2] Официальный сайт Президента РФ. URL: http://www.kremlin.ru/acts/19653

(ст. 13 Конституции РФ), свободу слова и средств массовой информации (ст. 29 Конституции РФ)»[1]. Данное суждение неоднозначно в части указания на обеспечение идеологического многообразия и защиты свободы слова. Во-первых, сущность публичных призывов заключается в побудительном воздействии, оказываемом на людей с целью вызвать у них желание совершить общественно опасные деяния, в чем и проявляется социальная вредоносность таких призывов, а не в нарушении идеологического многообразия или свободы слова; во-вторых, анализируемая уголовно-правовая норма является запретительной и скорее направлена на ограничение указанных свобод для обеспечения безопасности личности, общества и государства.

Высказано и предложение считать основным объектом по ст. 280 УК РФ общественные отношения, регулирующие конституционный порядок и стабильность законной власти в РФ, а дополнительным – отношения общественной безопасности населения, нормального функционирования жизнедеятельности[2]. Соглашаясь с указанием на охрану конституционного порядка и стабильности власти, отметим, что общественные отношения не могут регулировать другие общественные отношения, а общественная безопасность, как уже отмечалось, является видовым объектом преступлений, указанных в другой главе УК РФ.

Объективная сторона рассматриваемого преступления выражается в публичных призывах к осуществлению экстремистской деятельности.

Понятие экстремистской деятельности приводится в ст. 1 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Следует учитывать, что данное понятие неоднократно изменялось. Экстремистская деятельность (экстремизм) это:

насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;

публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;

---

[1] *Бурковская В.А.* Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 239.

[2] См.: *Мыльников Б.А.* Противодействие преступлениям экстремистской направленности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 116.

возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;

пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;

воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;

совершение преступлений по мотивам, указанным в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ;

пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций;

публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;

публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением;

организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;

финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг.

Юридически понятия «экстремизм» и «экстремистская деятельность» являются идентичными. Вместе с тем, хотя к экстремизму отнесено публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность, публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, исходя из положений ч. 3 ст. 17 УК РФ, квалифицируются по ст. 205^2 УК РФ (п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»).

Часто виновные призывают к совершению насильственных действий. В любом случае, при квалификации необходимо указывать, к совершению каких именно действий призывал виновный и в чем выражался их экстремистский характер. Анализ судебной практики показывает, что экстремистские действия, к которым призывают виновные, можно разделить на два основных вида (условно назовем их антигражданские и антиправительственные призывы): в первом случае виновные призывают к осуществлению противоправных действий по мотивам расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, во втором – к насильственному изменению конституционного строя, свержению действующей власти, воспрепятствованию законной деятельности государственных органов и применению насилия в отношении представителей власти.

Под публичными призывами следует понимать выраженные в любой форме (устной, письменной, с использованием технических средств, информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, включая сеть Интернет) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности (п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11).

Вопрос о публичности призывов должен разрешаться с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств дела (обращения к группе людей в общественных местах, на собраниях,

митингах, демонстрациях, распространение листовок, вывешивание плакатов, размещение обращения в информационно-телекоммуникационных сетях общего пользования, включая сеть Интернет, например на сайтах, в блогах или на форумах, распространение обращений путем веерной рассылки электронных сообщений и т.п.). Преступление считается оконченным с момента публичного провозглашения (распространения) хотя бы одного обращения независимо от того, удалось побудить других граждан к осуществлению экстремистской деятельности или нет (п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11).

Нельзя считать призывами к экстремистской деятельности по смыслу ст. 280 УК РФ обращения к заведомо узкому кругу лиц (к членам семьи, друзьям и т.п.), когда общественная опасность таких призывов резко снижается[1].

Публичность означает открытый характер призывов, обращенных к неопределенному кругу лиц с целью побудить массы людей совершить экстремистские действия или осуществлять экстремистскую деятельность[2]. Также отмечается, что признак публичности имеет место, если призыв производится в отношении двух и более лиц[3].

Так, Н. создал и разместил на интернет-сайте группу для общения. Далее он, действуя умышленно, преследуя цель побудить группу лиц к осуществлению экстремистской деятельности по мотиву национальной и религиозной ненависти и вражды, разместил на этой интернет-странице сообщения, доступные для публичного просмотра, содержащие призывы к насильственным действиям в отношении группы лиц, выделенной по национальному и религиозному признаку (в отношении лиц азербайджанской и турецкой национальности и мусульман). Как указал суд, в данном сообщении имелись призывы к насильственным действиям в отношении группы лиц, а именно к совершению преступлений, предусмотренных ст. 105 УК РФ по мотивам национальной

---

[1] См.: *Быков В.М.* Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам экстремистской направленности»: науч. коммент. // Право и политика. 2011. № 9. С. 1478.

[2] См.: *Кашепов В.* Квалификация преступлений экстремистской направленности // Уголовное право. 2007. № 3. С. 32.

[3] См.: *Фридинский С.Н.* Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности: уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации // Юристъ-Правоведъ. 2008. № 4. С. 68.

и религиозной ненависти и вражды. Действия виновного были квалифицированы по ч. 1 ст. 280 УК РФ[1].

В судебной практике встречаются и иные способы совершения данного преступления.

К., поддерживая деятельность и разделяя политические позиции, взгляды и убеждения российских неформальных анархистских и анархокоммунистических (либертарных) движений и других общественных организаций, выступающих против законной деятельности государственных органов Российской Федерации, испытывая личную неприязнь и негативное отношение к сотрудникам МВД России, организовал проведение публичного мероприятия в форме митинга с целью выражения требований о закрытии и расформировании Центров по противодействию экстремизму МВД России. Он изготовил и распространил во время митинга на площади листовки, в тексте которых содержалась информация, призывающая к насильственным действиям в отношении сотрудников Центра по противодействию экстремизму МВД России и направленная на возбуждение социальной розни, нарушение свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной принадлежности, то есть призывы к осуществлению экстремистской деятельности. Действия К. были квалифицированы по ч. 1 ст. 280 УК РФ[2].

Ш. разместил на интернет-сайте (не являющемся средством массовой информации) для публичного доступа видеоролик, (признанный впоследствии судом экстремистским материалом), содержащий призывы к осуществлению экстремистской деятельности, а также материалы, создающие у просматривающегося резко отрицательные психологические установки в отношении лиц определенной расы. Действия Ш. были квалифицированы по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 280 и ч. 1 ст. 282 УК РФ[3].

А. (обвиняемый также по ч. 4 ст. 111 и п. «а» ч. 2 ст. 282 УК РФ, но впоследствии по ним оправданный), являясь автором и

---

[1] Приговор мирового судьи судебного участка № 15 Советского округа г. Липецка по ч. 1 ст. 280 УК РФ. Официальный сайт судебного участка № 15 Советского округа г. Липецка. URL: http://sovetsk15.lpk.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=4497851&delo_id=1540006 (дата обращения: 05.01.2013).

[2] Архив Центрального районного суда г. Тюмени. Дело № 10-22/2011 за 2011 г.

[3] Архив Октябрьского районного суда г. Уфы. Дело № 1-641/2010 за 2010 г.

исполнителем песен музыкальной группы, имея умысел на совершение публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности в отношении лиц иных рас, национальностей, а также по признаку отношения к религии, принадлежности к определенным социальным группам, лично написал тексты песен для данной группы, побуждающие к указанным действиям. Песни были объединены в музыкальный альбом и распространялись путем продажи CD-дисков с записями, а также лично исполнялись А. на концертах. А. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 280 УК РФ[1].

В., руководствуясь мотивом расовой, национальной ненависти и вражды по отношению к лицам не славянской национальности, на участок поверхности стены нанес надпись с призывами к насильственным действиям в отношении лиц определенной национальности, при этом рассчитывая на последующее ознакомление с ее содержанием неограниченного круга лиц. Согласно заключению эксперта, в данной надписи содержится призыв к насильственным действиям в отношении национальной группы и призыв к действиям, направленным на возбуждение национальной розни в отношении этнической группы. Данные действия В. были квалифицированы по ч. 1 ст. 280 УК РФ[2].

А., после просмотра телевизионной программы новостей с сюжетом о произошедших 11 декабря 2010 г. в Москве по мотивам национальной ненависти и вражды столкновениях между фанатами футбольной команды «Спартак» и выходцами с Кавказа, решил организовать сбор представителей кавказских народностей, проживающих в г. Тюмени. Во исполнение задуманного в сети Интернет в группе социальной сети, открытой для доступа других пользователей, он разместил тему для обсуждения, в которой для посетителей указанной группы создал голосование на тему обсуждения. В это же время в социальной сети он разместил печатный текст, содержащий призывы к осуществлению экстремисткой деятельности, а именно к насильственным действиями в

[1] Архив Смольнинского районного суда г. Санкт-Петербурга. Дело № 1-458/10 за 2010 г.

[2] Приговор мирового судьи судебного участка № 19 Кировского района г. Хабаровска в отношении В. от 26 апреля 2012 г. Официальный сайт судебного участка № 19 Кировского района г. Хабаровска. URL: http://19.hbr.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=1394596&delo_id=1540006 (дата обращения: 03.01.2013).

отношении русских. Действия А. были квалифицированы по ч. 1 ст. 280 УК РФ[1].

Обращение виновного должно носить именно побудительный, инициативный характер, а не выражаться только в оценках, приглашении к обсуждению, предложении принять свою точку зрения. Так, оправдывая Д., опубликовавшего несколько статей в печатных изданиях, в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 280 УК РФ, за отсутствием его события, суд основывался на заключении комиссии экспертов, согласно которому тексты, представленные на исследование, не могли оказать побудительное воздействие на сознание, волю и поведение человека. Контексты негативной оценки в исследуемых текстах связаны не с какой-то определенной социальной группой, а с некоторым неудовлетворительным с точки зрения автора положением дел в обществе. Призывы, содержащиеся в текстах статьи, не отвечали признакам, необходимым для утверждения наличия специфического психологического воздействия, предусмотренного ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», а также не были целенаправленными, конкретными и понятными. В представленном на исследование текстовом материале имелись высказывания, представляющие собой публичный призыв, но призывы не содержали побуждения к каким-либо насильственным действиям[2].

В другом случае, в ходе судебного рассмотрения уголовного дела в отношении лидера Национал-большевистской партии (НБП) С. было установлено следующее. Стороной обвинения в основу обвинительного приговора в отношении С. и др. по ст. 280 УК РФ (в редакции 1996 г.) было предложено положить политическое издание межрегиональной общественной организации «Национал-большевистская партия» – закрытый бюллетень «НБП-ИНФО» № 3, содержащий, по мнению государственных обвинителей, призывы к насильственному изменению конституционного строя Российской Федерации. Однако суд, исследовав полностью бюллетень «НБП-ИНФО» № 3, тщательно изучив его

[1] Приговор мирового судьи судебного участка № 4 Калининского АО г. Тюмени от 21 июня 2011 г. в отношении А. Официальный сайт судебного участка № 4 Калининского АО г. Тюмени. URL: http://kalin4.tyum.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=1435578&delo_id=1540006 (дата обращения: 03.01.2013).

[2] Архив Центрального районного суда г. Прокопьевска. Дело № 1-1/2011 за 2011 г.

содержание, приняв во внимание особенности пропаганды национал-большевиков (революционная риторика и милитаристский стиль), пришел к выводу об отсутствии в бюллетене призывов к насильственному захвату власти и насильственному изменению конституционного строя Российской Федерации[1].

При квалификации публичных призывов к насильственному изменению конституционного строя, свержению действующей власти, воспрепятствованию законной деятельности государственных органов и применению насилия в отношении представителей власти, их следует отличать от действий, направленных на насильственное изменение конституционного строя (ст. 278 УК РФ). При публичных призывах лицо ограничивается лишь фактом совершения инициативных действий, направленных на возбуждение у других лиц желания изменить конституционный строй насильственным способом, но иных деяний, направленных на фактическую реализацию данного намерения, не выполняет. Так, Г. будучи недовольным политикой, действующей в России государственной власти и в том числе результатами военной реформы, проводимой Министерством обороны РФ, пришел к убеждению о необходимости насильственного изменения основ конституционного строя Российской Федерации. С целью вовлечения как можно большего числа людей к участию в назревающем, по его мнению, вооруженном перевороте в стране, Г. принял решение провести встречу на территории военного училища с неопределенным кругом лиц из числа военнослужащих указанного училища, а также военных пенсионеров и иных заинтересованных лиц. Впоследствии он обратился к собравшимся лицам с призывами участвовать в «перевороте», который будет проводить «армия и народное ополчение», для того, чтобы «покончить с этим антинародным режимом». Согласно заключению эксперта, в указанных высказываниях Г. имелись призывы к действиям, направленным на насильственное изменение основ конституционного строя путем вооруженного конфликта и к нарушению целостности Российской Федерации в форме прямого оценочно-немотивированного призыва эксклюзивного действия, а также в

[1] Архив Саратовского областного суда. Дело № 2-1/2003 за 2003 год.

форме скрытого оценочно-мотивированного призыва. Действия Г. были квалифицированы по ч. 1 ст. 280 УК РФ[1].

Когда публичные призывы к экстремистской деятельности выражаются в нанесении надписей и изображений на здания и сооружения, необходимо решать вопрос о наличии признаков их осквернения. При установлении последних содеянное должно дополнительно квалифицироваться по ст. 214 УК РФ. Например, В., руководствуясь мотивом расовой, национальной ненависти и вражды по отношению к лицам не славянской национальности, нанес на участок поверхности стены ряд надписей и изображений. Согласно заключению комплексной экспертизы данные надписи, а также символы в виде знака доллара, усов, бороды, клыков, звезды имели словосочетания побудительного характера, содержащие побуждение (призыв) к насильственным действиям в отношении национальной группы, содержали словесные средства, выражающие идеи ненависти и вражды, унижающие достоинство группы лиц по национальному признаку. Они были неприличными, непристойными по содержанию, оскорбляющими общественную нравственность, нарушающими нормы общественной морали и нравственности, нормы русского литературного языка, а также оскорбляющими чужую нацию. Придавали неприличный вид зданию, оскверняли здание, находящееся в месте, доступном для обозрения и посещения широким кругом лиц. Оскорбляли нравственные чувства учащихся лицея, снижали эстетические свойства здания. Действия В. были квалифицированы по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 280 и ч. 2 ст. 214 УК РФ[2].

При квалификации рассматриваемого преступления следует учитывать, что в своей изначальной редакции (на момент вступления УК РФ в силу) ст. 280 УК РФ предусматривала ответственность за публичные призывы к насильственному захвату власти, насильственному удержанию власти или насильственному изме-

[1] Приговор мирового судьи судебного участка № 83 Самарской области от 9 июня 2011 г. в отношении Г. Официальный сайт судебного участка № 83 Самарской области. URL: http://83.sam.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=13156280&delo_id=1540006 (дата обращения: 24.07.2015).

[2] Приговор мирового судьи судебного участка № 19 Кировского района г. Хабаровска в отношении В. от 26 апреля 2012 г. Официальный сайт судебного участка № 19 Кировского района г. Хабаровска. URL: http://19.hbr.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=1394596&delo_id=1540006 (дата обращения: 03.01.2013).

нению конституционного строя Российской Федерации. Федеральным законом от 25.07.2002 № 112-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» редакция ст. 280 УК РФ была изменена, и в настоящее время она предусматривает ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности.

Такое обобщенное содержание привело к правовому конфликту между мерами уголовной и административной ответственности. Наряду с прочими, к экстремизму отнесены такие деяния, как пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций, являющееся административным правонарушением (ст. 20.3 КоАП РФ), то же касается и массового распространения экстремистских материалов (ст. 20.29 КоАП РФ).

Вследствие этого складывается парадоксальная ситуация – преступлением признаются призывы к осуществлению административного правонарушения. Такой вывод основан на буквальном толковании закона. В качестве способа решения данной проблемы было предложено[1] прибегнуть к ограничительному толкованию и исходить из того, что в ст. 280 УК РФ речь идет о призывах к осуществлению только преступной экстремистской деятельности. Такой подход в теории оценивается как приемлемый[2].

Однако такое ограничительное толкование – это вынужденная мера, правомерность которой может быть оспорена, ведь для такой специфической отрасли права, как уголовное, любое отступление от буквы закона весьма болезненно. Отметим, что даже вне указанной проблемы, в теории описание признаков объективной стороны рассматриваемого преступления в целом харак-

---

[1] См. подробнее: *Хлебушкин А.Г.* Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ: монография / отв. ред. Н.А. Лопашенко. Саратов, 2007. С. 59–60.

[2] См.: *Саркисов Д.Н.* Уголовно-правовые средства противодействия экстремистской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 105; *Бешукова З.М.* Преступления, связанные с осуществлением экстремистской деятельности: сравнительно-правовое исследование. Пятигорск, 2011. С. 114.

теризуется как неопределенное[1]. Для преодоления сложившихся противоречий более предпочтительно применение законодательных мер. Например, изменить диспозицию ст. 280 УК РФ: «Публичные призывы к осуществлению преступной экстремистской деятельности, – наказываются…».

Рассматривая призывы через призму института соучастия, нетрудно заметить, что по своему уголовно-правовому содержанию они имеют много общего с подстрекательством. Следовательно, возникает проблема отграничения анализируемого преступления от подстрекательства к конкретным преступлениям, связанным с осуществлением экстремистской деятельности.

А.С. Горелик пишет, что призывы, в отличие от подстрекательства, носят общий характер. В противном случае (если в призывах содержится склонение к совершению определенного преступления) содеянное квалифицируется как подстрекательство[2]. С.В. Дьяков, анализируя признаки состава преступления, предусмотренного ст. 280 УК РФ (в ее предыдущей редакции), указал буквально следующее: «Призывы субъекта… носят общий характер, т.е. не обращены персонально к кому-либо, в них нет конкретного содержания о месте, времени и способе совершения преступления. Этим они отличаются от подстрекательства к конкретному преступлению»[3]. Аналогичную позицию занимают С.М. Кочои и А.Ю. Шумилов[4].

Таким образом, при разграничении подстрекательства к совершению конкретных преступлений и публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности следует исходить из общего характера последних.

---

[1] См.: *Кондрашев А.А.* Правовые аспекты регулирования экстремизма: противоречия и пробелы законодательной регламентации и недостатки научного осмысления этого правового института // Вест. Алтайской акад. экономики и права. 2015. № 1. С. 99.

[2] См.: *Уголовное* право России. Часть Особенная: Учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. Л.Л. Кругликов. М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 656 (автор главы – А.С. Горелик).

[3] *Дьяков С.В.* Государственные преступления (против основ конституционного строя и безопасности государства) и государственная преступность. М.: НОРМА, 1999. С. 49.

[4] См.: *Кочои С.М.* Терроризм и экстремизм: уголовно-правовая характеристика. М.: ТК Велби; Проспект, 2005. С. 106; *Преступления* против основ конституционного строя и безопасности государства: Комментарий к главе 29 УК РФ. С постатейным приложением нормативных актов и документов / авт.-сост. А.Ю. Шумилов. М., 2001. С. 48.

С субъективной стороны преступление характеризуется прямым умыслом. Интеллектуальный момент умысла в данном случае заключается в осознании лицом:

экстремистского характера деятельности, к осуществлению которой оно призывает;

публичности совершаемых действий;

общественной опасности совершаемого деяния в целом.

Осознание экстремистского характера деятельности означает, что лицо понимает специфическую социальную вредоносность тех действий, к совершению которых оно побуждает других лиц. Это, однако, не предполагает обязательного понимания противоправности данных действий в смысле установления осведомленности виновного об их юридическом отнесении к экстремизму согласно Федеральному закону от 25.07.2002 № 114-ФЗ.

Лицо должно осознавать их фактический и социальный характер, зависящий от конкретного вида экстремистского деяния, к осуществлению которого оно призывает, например, насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации; совершение преступлений по экстремистским мотивам.

Лицо понимает, что фактическое выполнение таких действий нарушает сложившиеся в обществе требования к поведению субъектов данных общественных отношений.

Осознание общественной опасности своего поведения означает и понимание осуществления посягательства на определенный объект, а именно факта внесения своими действиями деструктивных изменений в сферу общественных отношений, складывающихся по поводу обеспечения соблюдения как общих принципов государственного и общественного устройства, так и равенства граждан, состояния защищенности личности, общества и государства от угроз экстремистского характера.

Преступное воздействие на субъектов общественных отношений может быть физическим (воздействие на тело человека, на его биологическую предметную сущность) либо психическим (воздействие на психику человека).

Именно последним путем причиняется вред объекту преступления при публичных призывах к осуществлению экстремистской деятельности и умыслом виновного охватывается доведе-

ние до лиц определенных высказываний с целью оказания воздействия на их поведение и побуждения к осуществлению экстремистской деятельности. Справедливо утверждение, что в таких случаях правоприменитель должен руководствоваться принципом субъективного вменения и доказать, какие именно формы деятельности пропагандировались в процессе соответствующих призывов, а также то, что они оказали влияние на определенную категорию лиц, эффективно воздействовали на сознание и психику людей[1].

Лицо должно осознавать публичность призывов. В связи с тем, что признак публичности устанавливается с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств дела, то и осознание публичности лицом определяется исходя из этих же обстоятельств. Об умысле на обеспечение публичности призывов могут свидетельствовать, в частности, размещение обращений (надписей, листовок, плакатов) в местах, где с ними может ознакомиться неопределенный круг лиц (стены домов, заборы); устное обращение к людям в общественных местах, а равно во время проведения публичных мероприятий; использование сетей общего пользования, включая Интернет, для размещения соответствующих сведений на сайтах, в блогах или на форумах и т.д.

Субъектом данного преступления признается вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Субъектом преступления признается лицо, которое способно было осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий, и могло руководить своим поведением. Такая способность понимать значение своих действий формируется по достижению определенного возраста, поэтому законодатель установил общий возраст уголовной ответственности – 16 лет. Это положение распространяется и в отношении рассматриваемого преступления.

Экстремистская деятельность, к которой призывает виновный, может носить разнообразный характер. Однако ее антисоциальную сущность вполне способно осознавать лицо, достигшее

[1] См.: *Агапов П.В.* Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: анализ законодательной новации // Уголовное право. 2007. № 1. С. 4–5.

16-летнего возраста, как и то, что призывы к ее осуществлению причиняют вред обществу.

Так, в г. Ноябрьске по ч. 1 ст. 280 УК РФ был осужден 16-летний учащийся местной средней общеобразовательной школы, который изготовил листовки, содержащие призывы к совершению насильственных действий в отношении лиц определенной национальности, и распространил их[1].

В другом случае за публичные призывы к экстремистской деятельности был осужден несовершеннолетний житель Алтайского края, разместивший на странице социального домена лозунг, содержащий призывы к враждебным насильственным действиям в отношении группы лиц, объединенных национальным признаком. Мотивы своего поступка несовершеннолетний объяснил неприязненным отношением к представителям определенной национальности, но понимает, что преступил закон, в чем искренне раскаивается[2].

Квалифицирующий признак. После изменений, внесенных в ч. 2 ст. 280 УК РФ Федеральным законом от 28.06.2014 № 179-ФЗ в ней предусмотрена ответственность за те же деяния, совершенные с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет).

В п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 указано, что при решении вопроса об использовании средств массовой информации необходимо учитывать положения Закона Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» (с последующими изменениями).

Под массовой информацией понимаются предназначенные для неограниченного круга лиц печатные, аудио-, аудиовизуальные и иные сообщения и материалы; под средством массовой информации понимается периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная

[1] Официальный сайт прокуратуры Тюменской области. URL: http://www.proctmo.ru/press-center/news/5021/ (дата обращения 14.06.2015).

[2] Официальный сайт прокуратуры Алтайского края. URL: http://www.prok-altai.ru/news/prigovorom_mirovogo_sudi_osugden_podsudimyy__nesovershennoletnih_gi.html (дата обращения: 10.04.2015).

форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием); под периодическим печатным изданием понимается газета, журнал, альманах, бюллетень, иное издание, имеющее постоянное наименование (название), текущий номер и выходящее в свет не реже одного раза в год; под радио-, теле-, видео-, кинохроникальной программой понимается совокупность периодических аудио-, аудиовизуальных сообщений и материалов (передач), имеющая постоянное наименование (название) и выходящая в свет (в эфир) не реже одного раза в год; под продукцией средства массовой информации понимается тираж или часть тиража отдельного номера периодического печатного издания, отдельный выпуск телеканала, радиоканала, радиопрограммы, телепрограммы, кинохроникальной программы, тираж или часть тиража аудио- или видеозаписи программы, отдельный выпуск либо обновление сетевого издания, отдельный выпуск иного средства массовой информации (ст. 1 Закона РФ «О средствах массовой информации»).

В связи с тем, что касается изменений, внесенных в 2014 г. в ч. 2 ст. 280 УК РФ, в ней указывалось только использование средств массовой информации, ряд сложностей ранее вызывали вопросы правовой оценки распространения сведений через сеть Интернет, поскольку ее использование при публичных призывах квалифицировалось по-разному, в том числе как использование СМИ. Так, Л. написал две статьи националистического содержания, которые разместил в сети Интернет на сайте, обеспечив тем самым доступ к их прочтению неограниченного круга лиц. В статьях содержались призывы к свержению конституционного строя в России, к созданию русского нацистского государства. Публикации были направлены на возбуждение ненависти и вражды между славянами и другими нациями, населяющими Россию, а также между представителями различных социальных и религиозных групп. Действия Л. были квалифицированы судом по ч. 2 ст. 280 УК РФ (в редакции 2002 г.) как публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, совершенные с использованием средств массовой информации[1].

[1] В Челябинской области вынесен приговор в отношении жителя г. Магнитогорска, который с использованием сети Интернет призывал граждан к экстремистской деятельности. Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: http://genproc.gov.ru/news/news-59228/ (дата обращения: 04.02.2015).

Согласно п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» в случае, если сведения были размещены в сети Интернет на информационном ресурсе, зарегистрированном в установленном законом порядке в качестве средства массовой информации, необходимо руководствоваться нормами, относящимися к средствам массовой информации. Если кино-, видео-, аудио-, печатная продукция либо информационный ресурс в сети Интернет не носит периодического характера и не зарегистрирована в качестве средства массовой информации, вменение рассматриваемого признака невозможно; при наличии соответствующих оснований в данном случае содеянное может быть квалифицировано лишь с учетом признака публичности[1].

Однако в настоящее время, с учетом действующей редакции ч. 2 ст. 280 УК РФ, содеянное следует квалифицировать по данной норме как в случае, если публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности совершены с использованием сетевых изданий (сайтов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, зарегистрированных в качестве средства массовой информации в установленном порядке), так и при использовании для совершения указанных деяний сайтов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, не зарегистрированных в качестве средства массовой информации в установленном порядке.

По ч. 2 ст. 280 УК РФ преступление считается оконченным с момента распространения продукции средств массовой информации (например, продажа, раздача периодического печатного издания, аудио- или видеозаписи программы, начало вещания теле- или радиопрограммы, демонстрация кинохроникальной программы, предоставление доступа к сетевому изданию).

[1] См.: *Комментарий* к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2010. С. 483.

§ 3. Ответственность за публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280[1] УК РФ)

Объектом данного преступления выступают общественные отношения, складывающиеся по поводу обеспечения территориальной целостности Российской Федерации как жизненно важного интереса государства – единства территории, на которую распространяется его суверенитет, и состояния защищенности этого единства.

Территориальную целостность справедливо называют основным условием существования государства, поскольку территория есть сфера действия его суверенитета[1]. Достаточно устоявшимся в науке считают представление о государстве как о сочетании власти и подвластных ей населения и пространства (территории)[2].

Согласно ч. 1 ст. 4 Конституции РФ суверенитет Российской Федерации распространяется на всю ее территорию.

В Декларации о принципах международного права (принята Генеральной Ассамблеей ООН 24 октября 1970 г.[3]) установлено, что «каждое государство должно воздерживаться от любых действий, направленных на частичное или полное нарушение национального единства территориальной целостности любого другого государства или страны».

В соответствии с ч. 3 ст. 4 Конституции РФ, целостность и неприкосновенность государства относятся к числу основ ее конституционного строя, а в ч. 5 ст. 13 Конституции РФ установлен запрет деятельности, направленной на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации.

---

[1] См.: *Сафонов В.Е.* Государственное единство и территориальная целостность в судебных решениях: международные и конституционно-правовые аспекты. М.: Рос. акад. правосудия, 2008. С. 8.

[2] См.: *Вельяминов Г.М.* К вопросу о понятиях власти и суверенитета // Государство и право. 2014. № 4. С. 96.

[3] Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 30.03.2014).

Под территориальной целостностью государства в теории предлагается понимать «качественную характеристику государства, отражающую состояние его безопасности, проявляющуюся в единстве территории, на которую распространяется суверенитет государства, и определяемую способностью государства сохранять свою территорию в пределах, установленных в соответствии с международным правом границ, противодействовать внешним и внутренним угрозам, направленным на их изменение»[1].

Территориальная целостность тесным образом связана с безопасностью государства: в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года среди национальных интересов России на долгосрочную перспективу указано обеспечение незыблемости ее конституционного строя, территориальной целостности и суверенитета. Защита основ конституционного строя Российской Федерации названа в Стратегии в качестве стратегической цели обеспечения национальной безопасности, а к числу основных источников угроз национальной безопасности отнесена экстремистская деятельность националистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации.

Угрозы для территориальной целостности могут быть как внешними, так и внутренними.

Существует много общего между объектом преступлений, предусмотренных ст. 280[1] УК РФ и ст. 278, 279 УК РФ: анализ диспозиций последних двух норм позволяет сделать вывод о том, что они охраняют общественные отношения, складывающиеся по поводу обеспечения реализации конституционно-правовых принципов государственного и общественного устройства, включая территориальную целостность и федеративное устройство, поскольку речь идет о нормальной, стабильной деятельности власти на определенной территории, о суверенитете Российской Федерации. Подробнее вопрос о соотношении этих трех составов преступлений при квалификации будет рассмотрен ниже.

---

[1] *Остроухов Н.В.* Территориальная целостность государств в современном международном праве и ее обеспечение в Российской Федерации и на постсоветском пространстве: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 8.

С.Ф. Милюков уже достаточно давно обращал внимание на то, что «не прекращающееся, а более того, нарастающее с каждым годом стремление определенных внутренних и внешних сил продолжить процесс расчленения Российского государства делает насущно необходимым противодействие этому процессу всеми наличными силами и средствами, в том числе уголовно-правовыми»[1].

Поэтому криминализация публичных призывов к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, – логичное продолжение формирования правового обеспечения состояния защищенности конституционного строя Российской Федерации, включающего ее территориальную целостность, от внутренних и внешних угроз. Данное законодательное решение направлено на предупреждение возможных сепаратистских тенденций, призывов к уступке частей территории России иностранным государствам, распространения сведений, оправдывающих эти действия. Тем самым создаются условия для нормального функционирования государственной власти, поскольку последняя существует в таких отношениях, при которых она выступает в качестве высшего авторитета на определенной территории[2].

Объективная сторона рассматриваемого преступления выражается в публичных призывах к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации. Публичные призывы, как и по ст. 280 УК РФ, представляют собой выраженные в любой форме (устной, письменной, с использованием технических средств, информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, включая сеть Интернет) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению деятельности, направленной на нарушение целостности территории Российской Федерации.

---

[1] См.: *Милюков С.Ф.* Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. СПб., 2000. С. 265.

[2] См.: *Баев В.Г., Пугина О.А.* Власть как юридическая категория: интерпретация власти в правовой науке // Рос. юстиция. 2012. № 2. С. 41.

Согласно ч. 1 ст. 67 Конституции РФ территория Российской Федерации включает в себя территории ее субъектов, внутренние воды и территориальное море, воздушное пространство над ними.

В ст. 76 Конституции РФ определено, что территории субъектов Российской Федерации, внутренние воды и территориальное море РФ образуют единую целостную территорию Российской Федерации. Территории ее субъектов не могут быть изменены без их согласия. Изменение границ Российской Федерации, влекущее уменьшение ее территории, не может быть произведено без выраженного посредством референдума волеизъявления населения субъектов, территория которых затрагивается таким изменением, и без последующего соответствующего волеизъявления всего народа Российской Федерации. Оформление уточнения линии прохождения государственной границы Российской Федерации производится в порядке, предусмотренном для заключения ее территориальных международных договоров.

Федеративное устройство и территория Российской Федерации, определение статуса и защита государственной границы относится к ведению Российской Федерации (п. «б» и «н» ст. 71 Конституции РФ).

Под действиями, направленными на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, следует понимать действия, направленные на изменение единства территориального устройства, границ территории или государственной границы Российской Федерации, в пределах которых распространяется ее суверенитет, совершаемые с нарушением установленных Конституцией РФ оснований и порядка их осуществления.

Именно в названном единстве, связанном с определением пределов действия суверенитета государства, и проявляется его территориальная целостность[1].

В пояснительной записке к законопроекту о введении ст. 280[1] УК РФ указывалось, что принцип территориальной целостности гарантирует, во-первых, территориальное верховенство государства от посягательств извне; во-вторых, невозможность

[1] См. подробнее: *Остроухов Н.В.* О понятии «территориальная целостность государств» как основном объекте преступлений, посягающих на безопасность государства // Междунар. уголовное право и междунар. юстиция. 2010. № 1. С. 3–6.

уступки Российской Федерацией, ее органами и должностными лицами части территории России иностранным государствам, иным организациям и лицам; в-третьих, невозможность выхода субъекта Российской Федерации из ее состава[1].

Таким образом, по смыслу ст. 280[1] УК РФ объективную сторону данного преступления могут образовывать:

1) публичные призывы к совершению действий по подготовке, организации, осуществлению или содействию деятельности иностранного государства, международной либо иностранной организации или их представителей, направленной на нарушение территориальной целостности Российской Федерации;

2) публичные призывы к уступке Российской Федерацией, ее органами и должностными лицами части территории России иностранным государствам;

3) публичные призывы к выходу субъекта Российской Федерации из ее состава;

4) публичные призывы к разделению Российской Федерации на два и более государства.

При квалификации необходимо указывать, к совершению каких именно действий призывал виновный и какую они представляли угрозу для территориальной целостности Российской Федерации.

Призывы к совершению действий, направленных на увеличение (приращение) территории Российской Федерации состава рассматриваемого преступления не образуют.

Возможна связь указанных действий с сепаратизмом, под которым на международном уровне понимается «какое-либо деяние, направленное на нарушение территориальной целостности государства, в том числе на отделение от него части его территории, или дезинтеграцию государства, совершаемое насильственным путем, а равно планирование и подготовка такого деяния, пособничество его совершению, подстрекательство к нему»[2].

---

[1] Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(ViewDoc)?OpenAgent&work/dz.nsf/ByID&B179B6F4B104670343257C3E004074D8 (дата обращения: 16.03.2014).

[2] Статья 1 Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (15 июня 2001 г.).

Актуальным является противодействие, прежде всего, деятельности, направленной на обеспечение выхода субъектов из состава Российской Федерации. Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин в 2004 г. прямо указывал: «Когда меня спрашивают, что было самым опасным в прошедшее десятилетие действия Конституции Российской Федерации, я без всяких колебаний отвечаю, что это была реальная опасность развала страны»[1].

Дело в том, что весьма продолжительное время существовали сложности, связанные с суверенитетом субъектов Российской Федерации. Отчасти их (применительно к республикам) порождали положения Федеративного договора от 31.03.1992 «О разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации». Его название уже содержало признак суверенности названных субъектов Российской Федерации. Предпосылки этого вопроса содержатся и в ч. 2 ст. 5 Конституции РФ «Республика (государство) имеет…». О.Е. Кутафин писал, что очень важной и сложной является проблема суверенитета субъектов Российской Федерации, не признанная Конституцией РФ, но старательно пропагандируемая в регионах[2]. Как указывает М.В. Баглай, принятие Конституции РФ в 1993 г. проходило в сложных условиях, и естественное стремление к ликвидации бюрократической централизации и к подлинному федерализму порождало порой экстремистское требование полной самостоятельности и даже выхода из Российской Федерации[3].

В рамках настоящей работы нет необходимости вдаваться в эту дискуссию, поскольку она носит не уголовно-правовой, а конституционно-правовой характер. И вполне естественно, что точку в споре о суверенитетах субъектов поставил именно Конституционный Суд РФ:

---

[1] *Зорькин В.Д.* Об угрозах конституционному строю в XXI веке и необходимости проведения правовой реформы в России // Журн. рос. права. 2004. № 6. С. 4.

[2] См.: *Кутафин О.Е.* Конституция и проблемы ее реализации // Российский конституционализм: проблемы и решения: материалы междунар. конф. М.: ИГиП РАН, 1999. С. 37.

[3] См.: *Баглай М.В.* Указ. соч. С. 130.

1. Конституция РФ не допускает какого-либо иного носителя суверенитета и источника власти, помимо многонационального народа России, и, следовательно, не предполагает какого-либо иного государственного суверенитета, помимо суверенитета Российской Федерации.

2. Суверенитет Российской Федерации, в силу Конституции Российской Федерации, исключает существование двух уровней суверенных властей, находящихся в единой системе государственной власти, которые обладали бы верховенством и независимостью, т.е. не допускает суверенитета ни республик, ни иных субъектов Российской Федерации.

3. Субъекты Российской Федерации не обладают суверенитетом, который изначально принадлежит Российской Федерации в целом[1].

Эта позиция представляется верной, поскольку из содержания ст. 3 и ст. 4 Конституции РФ следует, что носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ – именно народ в целом, а не его отдельная часть, проживающая на территории отдельного субъекта Федерации[2].

Запаздывание в устранении угроз территориальной целостности и решении проблемы распространения сепаратистских идей способны приводить к весьма серьезным последствиям, вплоть до вооруженных противостояний. Уже несколько лет назад в науке подчеркивалась опасность формирования «идейной платформы» националистических сил в составе международных экстремистских и террористических организаций, «нацеленных на административно-территориальные изменения в регионах Северного Кавказа, Поволжья и Урала, на нарушение территориальной целостности России»[3].

---

[1] См.: п. 2.1 постановления Конституционного Суда РФ от 07.06.2000 № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации».

[2] См.: *Конституционное* законодательство России / под ред. Ю.А. Тихомирова. М.: Городец, 1999. С. 93.

[3] См.: *Меркурьев В.В., Гладков И.В., Соколов Д.А*. Деятельность международных террористических и экстремистских организаций как источник угрозы национальной безопасности России // Вестн. Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. 2011. № 4 (24). С. 49.

Трудности обеспечения территориальной целостности нередко связывают с возникновением и распространением этнических конфликтов после распада СССР. Ухудшению ситуации способствовала и активность экстремистских сил с сепаратистскими намерениями. Особенно проявляли себя проблемы, присущие Северо-Кавказскому региону. Набиравшие здесь силу сепаратистские настроения, сопровождаемые политическим и религиозным экстремизмом, находили свое воплощение в создании и функционировании целого ряда поставленных под запрет уголовного закона преступных групп, в том числе, и незаконных вооруженных формирований (НВФ)[1].

В теории отмечается, что появление НВФ – это результат распада Советского государства, потери им управляемости регионами и связанного с этим безвластия и хаоса в стране, которые затянулись на многие годы. Образование таких противоправных структур стимулировали динамично развивавшиеся сепаратистские процессы, экстремизм, стремительно пробивавший себе дорогу под целенаправленным воздействием внутренних и внешних сил, межнациональные и межэтнические конфликты и противоречия, разрешить которые цивилизованным мирным путем в условиях ослабевшего федерального центра оказалось задачей неразрешимой[2].

Недопустимо злоупотребление и спекулирование правом на самоопределение, поскольку, как указал Конституционный Суд РФ, цель сохранения целостности российского государства согласуется с общепризнанными международными нормами о праве народа на самоопределение. Из принятой 24 октября 1970 г. Декларации принципов международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, следует, что осуществление права на самоопределение «не должно толковаться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или полному нарушению территориальной целост-

[1] См.*: Бейбулатов Б.Ш.* Уголовно-правовые и криминологические аспекты организации и участия в незаконных вооруженных формированиях: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2001. С. 3.

[2] См.: *Попов В.И.* Актуальные проблемы борьбы с наиболее опасными проявлениями организованной преступности: монография. М.: СГУ, 2004. С. 252–253.

ности или политического единства суверенных и независимых государств, действующих с соблюдением принципа равноправия и самоопределения народов»[1].

Вопрос о публичности призывов, так же, как и при квалификации преступления, предусмотренного ст. 280 УК РФ, должен разрешаться с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств дела (обращения к группе людей в общественных местах, на собраниях, митингах, демонстрациях, распространение листовок, вывешивание плакатов, размещение обращения в информационно-телекоммуникационных сетях общего пользования, включая сеть Интернет, например на сайтах, в блогах или на форумах, распространение обращений путем веерной рассылки электронных сообщений и т.п.).

Преступление считается оконченным с момента публичного провозглашения (распространения) хотя бы одного обращения независимо от того, удалось побудить других граждан к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, или нет.

При квалификации рассматриваемого преступления возможны вопросы о его разграничении с другими преступлениями.

Как отмечалось выше, территориальная целостность относится к основам конституционного строя Российской Федерации. Поэтому при квалификации публичных призывов к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, их следует отличать от действий, направленных на насильственное изменение конституционного строя (ст. 278 УК РФ) и от вооруженного мятежа (ст. 279 УК

[1] См.: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31.07.1995 № 10-П «По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 2137 «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики», Указа Президента Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта», Постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 1360 «Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа», Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 г. № 1833 «Об Основных положениях военной доктрины Российской Федерации».

РФ), тем более что в качестве одной из целей последнего в диспозиции статьи названо нарушение территориальной целостности Российской Федерации. При публичных призывах лицо ограничивается лишь фактом инициативного обращения к другим лицам, стремясь возбудить у них желание совершить действия, направленные на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, но иных деяний, фактически направленных на ее нарушение, оно не совершает.

Если в ходе совершения преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 278 и 279 УК РФ, лицо призывает к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, то имеет место конкуренция норм, а именно части и целого, при которой одна норма охватывает содеянное в целом, а другая – лишь отдельные его признаки. Согласно правилу квалификации, которым руководствуются при данном виде конкуренции норм, всегда должна применяться та норма, которая с наибольшей полнотой охватывает все фактические признаки совершенного деяния[1], т.е. содеянное в таких случаях квалифицируется только по ст. 278 или 279 УК РФ без совокупности со ст. 280[1] УК РФ.

Возможен и другой вид конкуренции – общей и специальной норм, когда одна норма предусматривает определенный круг деяний, а вторая – лишь некоторые случаи из этого круга. В таких ситуациях должна применяться специальная норма[2]. В частности, до введения ст. 280[1] УК РФ не содержал описания самостоятельного состава преступления, связанного с публичными призывами к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации. Однако преступность и наказуемость указанных деяний все же были установлены, на что справедливо указал Верховный Суд РФ в отзыве на законопроект о введении ст. 280[1] УК РФ, отметив следующее: согласно ст. 1 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», деятельность, направленная на нарушение целостности территории Рос-

[1] См.: *Кудрявцев В.Н.* Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2001. С. 225, 226.
[2] См.: Там же. С. 211, 220.

сийской Федерации, признается одной из форм экстремизма. Ввиду этого деяние, за которое предлагается установить ответственность в проектной ст. 280[1] УК РФ, охватывается статьей 280 УК РФ в действующей редакции, которой установлена ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности. При таких обстоятельствах проектная ст. 280[1] УК РФ будет являться специальной нормой по отношению к ст. 280 УК РФ[1].

Таким образом, при возникновении конкуренции между нормами, содержащимися в ст. 280 и ст. 280[1] УК РФ, они должны рассматриваться как общая и специальная, что требует применения соответствующего правила квалификации: приоритет имеет специальная норма – ст. 280[1] УК РФ.

Возможны ситуации, когда публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, сочетаются с возбуждением ненависти или вражды. Например, относительно этнорелигиозного конфликта в Чечне Ю.М. Антонян и М.Д. Давитадзе указывали, что «националистические и сепаратистские идеи, призывы и лозунги стали повседневностью, но наряду с ними всегда активно использовали религиозный фактор, особенно для разжигания вражды и ненависти к иноверцам, прежде всего к русским»[2]. В таких случаях содеянное, при наличии к тому оснований, должно дополнительно квалифицироваться по ст. 282 УК РФ.

Если публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, сопряжены с фактическим изъятием, перемещением или уничтожением пограничных знаков в целях противоправного изменения Государственной границы Российской Феде-

---

[1] Официальный отзыв Верховного Суда РФ на проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях установления ответственности за публичные призывы к действиям, направленным на нарушение территориальной целостности Российской Федерации». Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(ViewDoc)?OpenAgent&work/dz.nsf/ByID&9DF089E1F7EB0F1743257C3E004ABF2E (дата обращения: 16.03.2014).

[2] *Антонян Ю.М., Давитадзе М.Д.* Этнорелигиозные конфликты: проблемы, решения: учеб. пособие. М.: Щит-М, 2004. С. 75.

рации, содеянное дополнительно квалифицируется по совокупности преступлений по ст. 323 УК РФ.

С субъективной стороны преступление характеризуется прямым умыслом. Сознанием лица охватывается любая форма призывов (устно, письменно, с использованием технических средств, информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, включая сеть Интернет). Оно понимает, что посредством совершения своих действий обращается к другим лицам с целью побудить их к осуществлению деятельности, направленной на нарушение целостности территории Российской Федерации.

Интеллектуальный момент умысла в данном случае заключается в осознании лицом:

фактического характера деятельности, к осуществлению которой оно призывает (подготовка, организация, осуществление или содействие деятельности иностранного государства, международной либо иностранной организации или их представителей, направленной на нарушение территориальной целостности Российской Федерации; уступка Российской Федерацией, ее органами и должностными лицами части территории России иностранным государствам; выход субъекта Российской Федерации из ее состава; разделение Российской Федерации на два и более государства);

социальной вредоносности совершаемого деяния, обусловленной стремлением нарушить территориальную целостность Российской Федерации, создать препятствие в обеспечении жизненно важного интереса государства – единства территории, на которую распространяется его суверенитет, и состояния защищенности этого единства;

публичности совершаемых действий, факта обращения к неопределенному кругу лиц;

общественной опасности совершаемого деяния в целом.

Как и при квалификации публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности, при установлении признаков субъективной стороны анализируемого преступления осознание общественной опасности совершаемого деяния следует рассматривать и как понимание виновным факта посягательства на определенный объект – внесения своими действиями изменений в сложившиеся общественные отношения, складывающиеся по поводу обеспечения территориальной целостности Российской Федерации.

Так как влияние на поведение субъектов общественных отношений при публичных призывах к осуществлению деятельности, направленной на нарушение целостности территории Российской Федерации, осуществляется путем психического воздействия, умыслом виновного охватывается доведение до лиц определенных высказываний.

Лицо должно осознавать место, способ, обстановку и другие обстоятельства дела, которые влияют на установление объективного признака публичности.

Стремление совершить деяние публично выражается, как и по ст. 280 УК РФ, в размещении обращений (надписей, листовок, плакатов) в местах, где с ними может ознакомиться неопределенный круг лиц (стены домов, заборы); обращении к людям в общественных местах, а равно во время проведения публичных мероприятий; использовании сетей общего пользования, включая Интернет, для размещения соответствующих сведений на сайтах, в блогах или на форумах и т.д.

Субъектом данного преступления считается вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Субъектом преступления признается лицо, которое способно было осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий, и могло руководить своим поведением. Такая способность понимать значение своих действий формируется по достижению определенного возраста, поэтому законодатель установил общий возраст уголовной ответственности – 16 лет. Это положение распространяется и в отношении рассматриваемого преступления.

Лицо, достигшее 16-летнего возраста, уже способно осознавать общественную опасность действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, как и то, что призывы к ее осуществлению причиняют вред обществу.

Вменяемое лицо не только осознает фактический характер и общественную опасность своих действий, но и способно выбирать варианты поведения. При совершении рассматриваемого преступления лицо склоняется к тому варианту, который выражается именно в совершении указанного общественно опасного деяния, что является выражением его воли.

В ч. 2 ст. 280[1] УК РФ предусмотрена ответственность за те же деяния, совершенные с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет).

При решении вопроса об использовании средств массовой информации следует учитывать положения Закона Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» (в ред. от 02.07.2013). Если публичные призывы совершены с использованием сетевых изданий (сайтов в сети Интернет, зарегистрированных в качестве средства массовой информации в установленном порядке), содеянное квалифицируется по ч. 2 ст. 280[1] УК РФ. Использование для совершения указанных деяний сайтов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, не зарегистрированных в качестве средства массовой информации в установленном порядке, также квалифицируется по ч. 2 ст. 280[1] УК РФ.

По ч. 2 ст. 280[1] УК РФ преступление считается оконченным с момента распространения продукции средств массовой информации (например, продажа, раздача периодического печатного издания, аудио- или видеозаписи программы, начало вещания теле- или радиопрограммы, демонстрация кинохроникальной программы, предоставление доступа к сетевому изданию).

§ 4. Ответственность за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ)

Объектом данного преступления служат общественные отношения, складывающиеся по поводу обеспечения равенства граждан и состояния защищенности личности, общества и государства от угроз экстремистского характера.

В теории рассматриваемую статью относят к нормам, «карающим за поведение, выходящее за рамки цивилизованных отношений, и грозящим непредсказуемыми последствиями»[1] и «к уголовно-правовым гарантиям принципа равенства»[2].

---

[1] См.: *Тюнин В.И.* Ответственность за возбуждение ненависти либо вражды и унижение человеческого достоинства // Уголовный процесс. 2013. № 3. С. 50.

[2] См.: *Кленова Т.В.* Проблема равенства в уголовном праве // Рос. судья. 2011. № 7. С. 35.

В ч. 1 ст. 3 Конституции РФ указано, что носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. В соответствии с ч. 5 ст. 13 Конституции РФ запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни; в ст. 19 Конституции РФ закреплен принцип равенства граждан, а также содержится запрет на любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности; согласно ч. 2 ст. 29 Конституции РФ, не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, а также запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства.

Названные нормы устанавливают конституционные основы равенства граждан, а также конституционные запреты на осуществление экстремистской деятельности, соблюдение которых – необходимое условие обеспечения состояния защищенности от угроз экстремистского характера.

Конечно, посягательство на указанные основы – это посягательство не на нормы как таковые, а на складывающиеся в соответствии с ними общественные отношения. Как уже отмечалось, в одном из решений Конституционного Суда РФ применительно к ст. 282 УК РФ было указано, что содержащаяся в данной статье норма направлена на охрану *общественных отношений*, гарантирующих признание и уважение достоинства личности независимо от каких-либо физических или социальных признаков[1].

Конституционно-правовое закрепление указанных положений ясно свидетельствует о важности обеспечения стабильности отношений внутри общества, что приобретает особое значение в условиях полинациональности Российской Федерации. Действия, направленные на дестабилизацию данных отношений, ставят под угрозу и нормальный порядок формирования и функционирования органов государственной власти, так как в обществе, преисполненном внутренними противоречиями, государственная власть не только теряет свои позиции, но и может быть попросту

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 22.04.2010 № 564-О-О.

уничтожена как институт. Вследствие этого очевидна опасность таких деяний для конституционных основ равенства граждан, которые, в свою очередь, непосредственно связаны с основами конституционного строя Российской Федерации.

Основным объектом ст. 282 УК РФ в науке также называют: общественные отношения, охраняющие конституционные права граждан, равенство граждан независимо от национальности, расы, исповедуемой религии во всех сферах политической и социальной жизни[1]; общественные отношения, обеспечивающие безопасность общества (в том числе государства) в части, относящейся к реализации конституционного запрета на разжигание расовой, национальной и религиозной нетерпимости как одного из составляющих основ конституционного строя[2]; конституционный запрет на провоцирование ненависти или вражды по признакам пола, расы, национальности, происхождения, языка, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе и иным личным или социальным признакам[3].

Как видно, практически во всех приведенных определениях в той или иной форме содержится указание на конституционные основы равенства граждан и запреты на осуществление экстремистской деятельности.

Этот подход воспринимается и практикой: при квалификации данного преступления в качестве его объекта называют отношения, характеризующие конституционный принцип запрета пропаганды или агитации, возбуждающих национальную, расовую, религиозную или социальную ненависть или вражду, а также дискриминацию или унижение людей по политическим, этническим, социальным и иным признакам[4].

В зарубежном законодательстве можно встретить и иную оценку объекта рассматриваемого преступления. Так, в УК Республики Казахстан ст. 164 «Возбуждение социальной, национальной, родовой, расовой или религиозной вражды» находится в главе 4 «Преступления против мира и безопасности человечест-

---

[1] См.: *Мыльников Б.А.* Противодействие преступлениям экстремистской направленности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 116.

[2] *Бурковская В.А*. Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия. С. 240–241.

[3] *Саркисов Д.Н.* Уголовно-правовые средства противодействия экстремистской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 16.

[4] Архив Смольнинского районного суда г. Санкт-Петербурга. Дело № 1-458/10 за 2010 г.

ва». Такое расположение состава в теории связывают с тем, что он сформулирован на основе Международной конвенции 1965 г. «О ликвидации всех форм расовой дискриминации, и непосредственным объектом данного преступления выступает международно-правовой и конституционный принцип недопущения разжигания социальной, национальной, родовой, расовой, религиозной вражды или розни[1].

В судебной практике опасность данного преступления характеризуют тем, что действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, влияют на массовое сознание и служат мировоззренческой основной для ультрарадикальных социальных, религиозных, национальных устремлений и способны оказать влияние на сознание аудитории читателей (зрителей, слушателей) в направлении формирования подкрепления негативных стереотипов, предвзятых представлений о тех или иных нациях, расах, религиозных или социальных группах, возбуждая чувство враждебности, неприязни по отношению к ним, оправдывая и доказывая правомерность применения насилия в межнациональных, межрасовых, религиозных, социальных отношениях[2].

Так, при осуждении М. и К. по ч. 1 ст. 282 УК РФ суд указал, что текст листовок, распространяемых подсудимыми, типичен для этнонационалистической идеологии, выстроен на основании ультра-радикального этнического национализма (нацизма), приводит к формированию криминальной ксенофобии (дискриминация, возбуждение в обществе этнической, расовой, религиозной вражды), способствует распространению этнически окрашенной мигрантофобии, вводит в круг «врагов» русского народа всех мусульман, тем самым способствует возбуждению религиозной вражды[3].

Аналогично, и в теории подчеркивается, что в экстремистское и террористическое поведение чаще всего связано с национально-этническими либо религиозными конфликтами[4]. Так, А.,

---

[1] См.: *Комментарий* к Уголовному кодексу Республики Казахстан. В двух книгах. Книга 1 (статьи 1–174). Алматы: Норма-К, 2003. С. 406.

[2] Архив Выборгского районного суда г. Санкт-Петербурга. Дело № 1-24/08 за 2008 г.

[3] Архив Красноглинского районного суда г. Самары. Приговор от 18 июля 2007 г. в отношении М. и. К. по ст. 282 УК РФ.

[4] См.: *Антонян Ю.М., Юрасова Е.Н.* Экстремистское и террористическое поведение с позиций глубинной психологии // Научный портал МВД России. 2010. № 2. С. 3. См. также об этом: *Кабанов П.А.* Политический терроризм: причины и некоторые меры предупреждения // Следователь. 1999. № 3. С. 32.

придерживавшийся националистических взглядов, с целью возбуждения у неопределенного круга лиц национальной ненависти и вражды к этническим выходцам с территории Кавказа, используя черную аэрозольную краску, нанес на ограждения и стены здания несколько надписей, в которых, согласно заключению эксперта, имелись словесные средства, содержащие отрицательные эмоциональные оценки в отношении определенных этнических групп. Такие высказывания могли служить мировоззренческой основой для ультрарадикальных социальных националистических устремлений и возбуждать чувство враждебности, неприязни по отношению к данной социальной группе, поскольку содержали открытый призыв направлять свои действия (в том числе, физические) против представителей народов, проживающих на указанных территориях, избавляться от них. Действия А. были квалифицированы по ч. 1 ст. 282 УК РФ[1].

Поэтому ст. 282 УК РФ, устанавливающую ответственность за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, можно отнести к уголовно-правовым запретам с так называемой двойной превенцией: путем охраны указанного объекта обеспечивается предупреждение совершения и иных преступлений – как экстремистской направленности (например, убийств, причинения вреда здоровью и иных преступлений по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы), так и террористической направленности (ст. 205 УК РФ и др.).

Объективная сторона данного преступления выражается в совершении публично или с использованием средств массовой информации действий, направленных на:

1. Возбуждение ненависти либо вражды по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе.

Под действиями, направленными на возбуждение ненависти либо вражды, следует понимать, в частности, высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций, совершения иных противо-

[1] Архив Тобольского городского суда Тюменской области. Дело № 1-680/2008 за 2008 г.

правных действий, в том числе применения насилия, в отношении представителей какой-либо нации, расы, приверженцев той или иной религии и других групп лиц. Критика политических организаций, идеологических и религиозных объединений, политических, идеологических или религиозных убеждений, национальных или религиозных обычаев сама по себе не должна рассматриваться как действие, направленное на возбуждение ненависти или вражды (п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11).

В теории в качестве возможных вариантов проявления таких действий указывают: 1) «ложную идентификацию» – приписывание представителям этнической или религиозной группы каких-либо негативных свойств; 2) «ложную атрибуцию» – возложение вины за какие-либо деяния отдельных представителей на всю такую группу («захватили рынки» и т.п.); 3) «мнимую оборону» – например, когда предъявляются требования вытеснить из различных социальных сфер представителей тех или иных национальностей, рас[1].

Возбуждение ненависти или вражды может выражаться в различных формах. Например, Б., используя аэрозольный баллончик с белой краской, нанес на стену здания надпись, косвенно содержащую восхваление геноцида и предполагающую оправдание геноцида по отношению к лицам еврейской и иной национальности. Он был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ[2]. За нанесение экстремистских надписей на стены зданий и заборы также по ч. 1 ст. 282 УК РФ был осужден С.[3]

Встречаются случаи совершения такого преступления и путем устных выступлений[4], распространения печатной продукции, в том числе – расклейки листовок[5] и др.

Не исключает наличия признаков данного преступления и лаконичный характер высказываний. Так, К. используя самонаборный штамп, составил предложение с призывом не совершать

---

[1] См.: *Арефьева Л.В., Магомедов Г.А.* Проблема разжигания национальной и религиозной нетерпимости в современных СМИ // Рос. следователь. 2012. № 19. С. 28–29.

[2] Архив Шпаковского районного суда Ставропольского края. Дело № 1-273/10 за 2010 г.

[3] Архив Талдомского районного суда Московской области. Дело № 1-45/11 за 2011 г.

[4] Архив Индустриального районного суда г. Ижевска. Дело № 1-273/2010 за 2010 г.

[5] Архив Стерлитамакского городского суда Республики Башкортостан. Дело № 1-317/2011 за 2011 г.

покупки у определенной категории граждан, нанес его на банковские билеты Банка России и пустил в свободный оборот, обратившись тем самым к неопределенному кругу лиц. Согласно заключению экспертов Бюро лингвистической экспертизы, данное высказывание содержало негативные оценки в адрес определенных национальных групп по сравнению с другими национальными группами, носило побудительный характер в форме директивного предписания к действиям против лиц определенных социальных групп, по структуре представляло побудительное предложение и было, в контексте данной экстралингвистической ситуации, призывом «не покупать у лиц кавказской национальности»[1].

В связи с распространенностью доступа в сеть Интернет в судебной практике нередко встречаются случаи осуждения по ст. 282 УК РФ за размещение соответствующих материалов на интернет-сайтах, в том числе в так называемых социальных сетях и блогах (интернет-журналах, интернет-дневниках), поскольку последние, в отличие от обычных дневников, предполагают именно публичное высказывание своих суждений и доступ к ним других лиц. Так, Д. разместила в редактируемом ею публичном сетевом журнале текст «Пособие по уличному террору», содержащий материалы, направленные на возбуждение ненависти и вражды, а также на унижение достоинства представителей кавказской, азиатской и еврейской национальностей, унизительные характеристики и негативные установки в отношении указанных лиц и пропагандирующие их неполноценность. Действия Д. были квалифицированы по ч. 1 ст. 282 УК РФ[2]. За аналогичные действия по размещению в сети Интернет текстов экстремистского содержания осуждались и другие лица[3].

Предоставление пользователям сети Интернет общего доступа к тем или иным данным, а равно использование локальных файлообменных сетей интернет-провайдеров не образует признака использования СМИ, а квалифицируется по признаку либо использования информационно-телекоммуникационных сетей или

[1] Архив Невинномысского городского суда Ставропольского края. Дело № 1-278/2010 за 2010 г.

[2] Архив Химкинского городского суда Московской области. Приговор от 21 сентября 2009 г. в отношении Д. по ст. 282 УК РФ.

[3] Архив Октябрьского районного суда г. Ижевска. Дело № 1-180/11 за 2011 г.

признаку публичности. Так, А., в целях возбуждения расовой и национальной ненависти и вражды, унижения достоинства лиц другой расы, используя сеть Интернет и локальную файлообменную сеть интернет-провайдера, разместил в своем компьютере и ноутбуке в специальных папках видеозаписи экстремистского содержания и поставил отметку об открытии общего доступа к данным папкам. Как указал суд, А. совершил активные и целенаправленные действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам расы, национальности, происхождения, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе у широкого круга пользователей локальной файлообменной сети. Действия А. были квалифицированы по ч. 1 ст. 282 УК РФ[1].

Практика показывает, что анализируемые преступные действия могут быть направлены в отношении лиц разных национальностей, как русской, так и иных.

Например, Б., получив теоретическую подготовку по «ваххабитской идеологии», имея умысел на разжигание в обществе, среди многонационального и многоконфессионального народа Российской Федерации, религиозной вражды между иудеями, христианами и мусульманами, не являющимися последователями идеологии «ваххабизм», начал встречаться в мечетях с интересующимися религией лицами, после чего приводил их к себе домой. На этих собраниях он, действуя открыто и публично, пропагандировал разжигание межнациональной и межконфессиональной розни, подчеркивая исключительность и превосходство одного из направлений религии, неполноценность граждан по признаку их отношения к религии, передавал другим лицам для прочтения литературу, содержащую аналогичные утверждения. Действия Б. были квалифицированы по ч. 1 ст. 282 УК РФ[2].

Совершение данного преступления может быть связано с «территориальными» спорами между представителями разных национальностей. Если такие споры сопровождаются действиями, направленными на возбуждение ненависти или вражды, это дает основание квалифицировать содеянное по ст. 282 УК РФ.

---

[1] Архив Фрунзенского суда г. Иваново. Дело № 1-364/09 за 2009 г.

[2] Архив Сызранского городского суда Самарской области. Дело № 1-19/08 за 2008 г.

Так, А., в присутствии других жителей города, публично и устно высказал в отношении неопределенного круга лиц русской национальности неприязнь к образу жизни, культуре, традициям русского народа, а также угрозу расправы в отношении лиц русской национальности, обосновывая свои взгляды тем, что территория города Ставрополя принадлежит армянскому народу. Его действия были квалифицированы по ч. 1 ст. 282 УК РФ[1]. За аналогичные действия в отношении неопределенного круга лиц русской национальности, совершенные из предполагаемой принадлежности города Кисловодска карачаевскому народу, по ч. 1 ст. 282 УК РФ была осуждена и Б.[2]. Однако совершаются и обратно направленные деяния: К. нанес на стены различных зданий несколько надписей, а также вывесил на стену дома листовку, где содержались негативные оценки лиц нерусской национальности, призывы к их изгнанию с территории Ставропольского края и совершению в отношении указанных лиц враждебных насильственных действий. Действия К. были квалифицированы по ч. 1 ст. 282 УК РФ[3].

Конфликты могут возникать и в бытовых сферах. Например, Г., будучи индивидуальным предпринимателем, совместно со своими сыновьями занимался продажей овощей и фруктов на одном из рынков Нижегородской области. У него сложились неприязненные отношения с работавшим там же К. и другими лицами на почве национальности. Впоследствии Г. и его сыновья неоднократно совершали действия (публичные высказывания, демонстрацию оскорбительных изображений), направленные на возбуждение ненависти и вражды в отношении потерпевших именно как представителей русской национальной группы. Действия виновных были квалифицированы по ч. 1 ст. 282 УК РФ[4].

Т. был осужден за совершение ряда преступлений, в том числе предусмотренного ст. 282 УК РФ. Он, находясь в г. Грозном Чеченской Республики в 1997–1999 гг., написал книги «Наша борьба или повстанческая армия ислама» и «Газават или как

[1] Архив Ленинского районного суда г. Ставрополя. Дело № 1-365/10 за 2010 г.

[2] Архив Кисловодского городского суда Ставропольского края. Приговор от 9 февраля 2007 г. в отношении Б. по ст. 282 УК РФ.

[3] Архив Ленинского районного суда г. Ставрополя. Приговор от 30 апреля 2008 г. в отношении К. по ст. 282 УК РФ.

[4] Архив Балахнинского городского суда Нижегородской области. Приговор от 17 июня 2010 г. в отношении Г. и др. по ст. 282 УК РФ.

стать бессмертным». Книги были выпущены в 1997 г. и в марте – апреле 1999 г. соответственно, тиражом 2500 и 500 экземпляров, и получили распространение на территории Республики Дагестан. Согласно заключению судебно-психологической экспертизы содержание этих книг возбуждало национальную, расовую и религиозную вражду, направленную на этнических русских и лиц православного вероисповедания, унижало национальное достоинство русского и русскоязычного населения, пропагандировало исключительность и превосходство лиц мусульманского вероисповедания, а последователи иных вероисповеданий были представлены как заблудшие[1].

Если анализируемое преступление носит продолжаемый характер, т.е. складывается из нескольких тождественных действий, объединенных единым умыслом, то в этих случаях совокупность преступлений отсутствует и содеянное квалифицируется как единичное преступление.

2. Унижение достоинства человека либо группы лиц по тем же признакам.

Унижение достоинства в уголовном праве традиционно рассматривалось как признак объективной стороны оскорбления (ст. 131 УК РСФСР 1960 г., ст. 130 УК РФ до признания ее утратившей силу).

Включение такого деяния, как унижение достоинства, в диспозицию ст. 282 УК РФ, стирает грань между преступлением против личности и преступлением против основ конституционного строя. Получается, что унижение достоинства лица в любой неприличной форме – это простое оскорбление (являющееся теперь административным правонарушением – ст. 5.61 КоАП РФ). Но если при этом была затронута, например, его национальность, то данное деяние уже представляет собой форму преступного экстремизма и рассматривается как преступление против основ конституционного строя (причем сразу как преступление средней, а не небольшой тяжести – ч. 1 ст. 282 УК РФ). Эта искусственно созданная близость абсолютно разных правонарушений не может быть признана нормальной.

[1] Архив Верховного суда Республики Дагестан. Дело № 2-55/04 за 2004 г.

В судебной практике встречаются следующие случаи квалификации содеянного по ст. 282 УК РФ по признаку унижения достоинства:

С. и Д. были осуждены по п. «а» ч. 2 ст. 282 УК РФ за то, что устно оскорбляли потерпевшего (киргиза) по признаку его национальности, используя нецензурные выражения, далее С. плюнул в лицо потерпевшему, после чего они применили насилие с целью, как указал суд, также унизить его достоинство, поскольку имело место избиение потерпевшего нерусской национальности в общественном месте[1];

А. изготовил с целью распространения листовки с призывами вступать в региональную организацию «Союз славян». Согласно заключению комплексной психолого-лингвистической экспертизы, в содержании листовки выявлены слова и словосочетания, которые могут быть расценены как унижение чести и достоинства человека или группы лиц по признакам расы, национальности, происхождения. Унижение достоинства достигается в тексте листовки посредством применения риторического приема антитезы (противопоставления) хозяина и гостя. Позитивный член этой оппозиции – «хозяин – белый», «Русский», «Славянин», «Патриот всей отчизны», а намерения «гостя» носят исключительно негативный характер, что отражает расистскую национал-патриотическую позицию составителя листовки. В качестве «гостей» выступают представители всех иных рас, корме белой (европеоидной), а также национальностей, имеющих смешенное расовое происхождение, отличающихся от белой расы цветом кожи и неславянской внешностью. При этом в листовке не выявлено слов и словосочетаний, направленных на возбуждение ненависти либо вражды по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, а также сведений, содержащих публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности. А. был признан виновным в совершении публичных действий, направленных на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам расы, национальности, про-

[1] Архив Дзержинского районного суда г. Нижнего Тагила. Приговор от 3 марта 2008 г. в отношении С. и Д. по ст. 282 УК РФ.

исхождения и его действия квалифицированы по ч. 1 ст. 282 УК РФ[1].

Как указывалось, унижение достоинства – это, по сути, оскорбление. В судебной практике действиями, направленными на оскорбление национального, конфессионального или расового достоинства, признаются публичные высказывания или иные публичные действия, направленные на распространение в обществе идей, состоящих в приписывании негативных и осуждаемых обществом свойств личности в качестве характерных, заведомо присущих кому-либо исключительно на основании принадлежности лица или группы лиц к определенной национальной, религиозной или расовой группе (т.е. в пропаганде презумпции виновности, порочности, опасности для общества), что тем самым наносит моральный ущерб представителям данной национальной, конфессиональной или расовой группы; такие действия могут выражаться в распространении недостоверной или вырванной из исторического контекста информации, тенденциозной подборке негативного материала и его публичном распространении, провозглашении неравноценности для общества социальных субъектов (граждан) по национальному, религиозному или расовому признаку, оперировании исключительно негативным материалом относительно лиц какой-либо национальности, расы или религиозной группы, порицании и осуждении ценностей, уважаемых представителями этой группы; иначе говоря, в публичных высказываниях, распространении материалов и иных публичных действиях, направленных на то, чтобы вызвать неприязнь, недоброжелательное отношение ко всем лицам определенной национальной, религиозной или расовой группы на основе заведомого отождествления личностных групповых характеристик[2].

Несложно заметить, что в данном определении оскорбление в итоге сводится к возбуждению ненависти или вражды. Это еще раз подтверждает искусственность формулировки «унижение достоинства группы лиц». В этом отношении интересно утверждение Ю.В. Голика по поводу ст. 282 УК РФ: «Совершение преду-

[1] Архив Ленинского районного суда г. Владивостока. Дело № 1-522/10 за 2010 г.

[2] Архив Новгородского областного суда. Кассационное определение по делу № 1-12/05-22-826 за 2005 г.

смотренного этой статьей преступления в принципе невозможно без совершения оскорбительных действий»[1].

Высказана точка зрения, согласно которой под действиями, направленными на унижение достоинства группы лиц по указанным в диспозиции ст. 282 УК РФ признакам, «следует понимать деяния, направленные на ущемление права социальных групп на самобытность, как непосредственно нарушающие устойчивость групп, сформированных по признакам пола, национальности, языка, расовой или конфессиональной принадлежности»[2]. Попытка замены достоинства на самобытность сути проблемы не решает: нельзя причинить вред достоинству группы лиц, ибо достоинство присуще лишь конкретному, отдельному человеку, личности, а у группы его нет и быть не может. Надлежит согласиться с мнением, что нельзя оскорбить и юридическое лицо, так как оно не обладает чувством собственного достоинства[3].

Действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а равно на унижение достоинства человека или группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к какой-либо социальной группе, влекут уголовную ответственность по ч. 1 ст. 282 УК РФ только в случае, если они совершены публично или с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет (например, выступление на собраниях, митингах, распространение листовок, плакатов, размещение соответствующей информации в журналах, брошюрах, книгах, в сети Интернет, и иные подобные действия, в том числе рассчитанные на последующее ознакомление с информацией других лиц) (п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11).

Публичными могут признаваться и действия, совершаемые в относительно ограниченном кругу лиц. Так, Р. загрузил с сети Интернет ряд видеороликов со сценами избиений граждан неславянской внешности лицами, придерживающимися националисти-

---

[1] *Голик Ю.* Очередная модернизация Уголовного кодекса // Уголовное право. 2012. № 2. С. 33.

[2] *Абдуллаева Э.С.* Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2004. С. 11.

[3] См.: *Курс* уголовного права: учеб. для вузов. Т. 3. Особенная часть / под ред. Г.Н. Борзенкова и В.С. Комиссарова. М.: Зерцало-М, 2002. С. 242.

ческой идеологии, относящими себя к движению «скинхэдов», содержащие призывы к насильственным действиям в отношении указанных граждан, а также листовки с призывами к совершению экстремистских действий по признакам расы, национальности, отношения к государственной власти. Впоследствии он демонстрировал эти ролики и листовки своим друзьям, высказывая при этом лозунги, направленные на возбуждение национальной, расовой ненависти и вражды, а также расклеивал листовки на стенах домов. Действия Р. были квалифицированы по ч. 1 ст. 282 УК РФ[1]. К. был осужден по ч. 1 ст. 282 УК РФ за то, что во дворе дома провел беседу с участием не менее четыре человек, в ходе которой публично высказывал предложения, содержащие элементы, направленные на пропаганду превосходства и исключительности одной нации[2].

Преступление считается оконченным с момента совершения хотя бы одного действия, направленного на возбуждение ненависти либо вражды, а равно на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам их принадлежности к определенным полу, расе, национальности, языку или в зависимости от происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе.

В силу особенностей описания в диспозиции ст. 282 УК РФ общественно опасного деяния, образующего объективную сторону рассматриваемого преступления – «действия, направленные на…» момент окончания фактически действительно довольно ранний. Однако это не исключает возможности квалификации содеянного как покушения на совершение данного преступления. В частности, когда совершенные лицом действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а равно на унижение достоинства человека либо группы лиц по не зависящим от него обстоятельствам не стали публичными. Так, М. изготовил листовки, возбуждающие межнациональную вражду и унижающие национальное достоинство лиц еврейской национальности. Затем он осуществил почтовое отправление двух бандеролей с данными листовками в адрес Б., являющегося главным редактором газеты,

[1] Архив Советского районного суда г. Улан-Удэ. Приговор от 14 марта 2008 г. в отношении Р. по ст. 282 УК РФ.

[2] Архив Таштагольского городского суда Кемеровской области. Дело № 1-106/10 за 2010 г.

написав рекомендации по распространению этих листовок среди неопределенного круга лиц. Умысел виновного не был доведен до конца в связи с тем, что бандероли были вскрыты по решению суда. Действия М. были квалифицированы по ч. 3 ст. 30 и ч. 1 ст. 282 УК РФ[1].

Если действия, направленные на возбуждение ненависти или вражды, а равно на унижение человеческого достоинства, были сопряжены с осквернением зданий или иных сооружений, порчей имущества в общественном транспорте или иных общественных местах, то содеянное должно квалифицироваться по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 282 и ст. 214 УК РФ. Так, О. нанес на стены нескольких зданий (рынка, магазина и др.) надписи и нацистскую символику. Согласно заключению экспертиз данные надписи носили подстрекательский характер и были направлены на подрыв доверия к определенным этническим группам, при этом лица кавказской национальности преподносились как нежелательные представители социума. Действия О. были квалифицированы по ч. 1 ст. 282 УК РФ и по ст. 214 УК РФ (в ред. 2006 г.). Суд указал, что нанесение этих надписей в общественных местах с большим скоплением людей, с учетом циничности данных надписей повлекло причинение духовного вреда обществу[2].

Рассматриваемое преступление следует отличать от дискриминации, т.е. нарушения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам, ответственность за которую предусмотрена ст. 136 УК РФ (если совершается с использованием служебного положения), расположенной, в силу иного характера основного объекта, в главе 19 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина», либо влекущей административную ответственность (ст. 5.62 КоАП РФ).

С субъективной стороны преступление совершается только с прямым умыслом и с целью возбудить ненависть либо вражду,

[1] Архив Новгородского городского суда. Дело № 1-128 за 2008 г.
[2] Архив Сосногорского городского суда Республики Коми. Дело № 1-227/07 за 2007 г.

а также унизить достоинство человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе.

Интеллектуальный момент умысла в данном случае заключается в осознании лицом:

характера своей деятельности, ее на направленности на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека;

публичности совершаемых действий либо факта использования СМИ или информационно-телекоммуникационных сетей;

общественной опасности совершаемого деяния в целом.

Не признается преступлением, предусмотренным ст. 282 УК РФ, высказывание суждений и умозаключений, использующих факты межнациональных, межконфессиональных или иных социальных отношений в научных или политических дискуссиях и текстах и не преследующих цели возбудить ненависть либо вражду, а равно унизить достоинство человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе (п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11).

В судебной практике указанная цель, характеризуется, например, следующим образом: «Прямыми действиями, направленными на возбуждение межнациональной, религиозной или расовой вражды и розни, то есть действиями, ведущими к возникновению или усилению противостояния групп населения, объединенных национальным, расовым или религиозным признаком, должны быть признаны публичные высказывания, публикации или иные публичные индивидуальные или коллективные действия, предполагающие своим конечным результатом… вытеснение лица или группы лиц из общественной среды или социальной системы на основании принадлежности данного лица, группы лиц к национальной, религиозной или расовой группе (то есть по национальному, религиозному или расовому признаку), а также публичные высказывания или иные публичные индивидуальные или коллективные действия, предполагающие своим конечным результатом… установление в обществе подчинения или дискри-

минации граждан, ущемление их прав по национальному, расовому или религиозному признаку»[1].

Субъект данного преступления – вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Субъектом преступления признается лицо, которое способно было осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий, и могло руководить своим поведением. Такая способность понимать значение своих действий формируется по достижении определенного возраста, поэтому законодатель установил общий возраст уголовной ответственности – 16 лет. Это положение распространяется и в отношении рассматриваемого преступления.

Лицо, достигшее 16-летнего возраста, уже способно осознавать общественную опасность действий, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства.

Вменяемое лицо не только осознает фактический характер и общественную опасность своих действий, но и способно выбирать варианты поведения. При совершении рассматриваемого преступления лицо склоняется к тому варианту, который выражается именно в совершении указанного общественного опасного деяния, представляет собой выражение его воли.

В ч. 2 ст. 282 УК РФ предусмотрена ответственность за те же деяния, совершенные:

1. С применением насилия или с угрозой его применения (п. «а» ч. 2 ст. 282 УК РФ). Наличие данного признака не меняет характер рассматриваемого преступления с антиконституционного на преступление против личности – речь идет о возрастании степени общественно опасности.

Следует учитывать, что в отличие от предусмотренных главой 16 УК РФ насильственных преступлений против жизни и здоровья, совершаемых по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, п. «б» ч. 2 ст. 116,

[1] Архив Новгородского областного суда, кассационное определение по делу № 1-12/05-22-826 за 2005 год.

п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РФ), насилие, применяемое при совершении преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, – не только выражение ненависти в отношении конкретного потерпевшего, но и направлено на достижение специальной цели – возбуждение ненависти или вражды в других людях (о чем, например, может свидетельствовать применение в общественных местах в присутствии посторонних лиц насилия в отношении потерпевшего (потерпевших) по признаку принадлежности к определенной расе или национальности, сопровождаемое расистскими или националистическими высказываниями) (п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11).

Тем самым при квалификации случаев применения насилия с целью возбуждение ненависти или вражды в других людях необходимо отграничивать рассматриваемое преступление от преступлений против личности. Исходя из правил квалификации при конкуренции норм, когда имеет место конкуренция части и целого, а также с учетом санкции ч. 2 ст. 282 УК РФ можно утверждать, что при установлении такой цели применение насилия, выражающееся в нанесении побоев, а также повлекшее причинение легкого вреда здоровью, охватываются п. «а» ч. 2 ст. 282 УК РФ и не требуют дополнительной квалификации по ст. 115 и 116 УК РФ.

Так, З., увидев в магазине М., которого воспринял как лицо нерусской национальности, в присутствии других посетителей магазина и его работников, стал выкрикивать в адрес потерпевшего националистические лозунги и нанес ему несколько ударов, причинивших физическую боль, но не повлекших причинения вреда здоровью. Действия З. были квалифицированы только по п. «а» ч. 2 ст. 282 УК РФ[1].

Г., Е., К., Б., Ч. и другие, имея негативное отношение к лицам неславянской внешности, предполагая, что путем угроз, демонстрации насилия, применения насилия можно заставить лиц «кавказской внешности» покинуть территорию Российской Федерации, на площади города, при большом скоплении людей совершили нападение на двух потерпевших (лиц азербайджанской национальности) с причинением им легкого вреда здоровью. При этом они выкрикивали оскорбительные лозунги экстремистского

[1] Архив Ленинского районного суда г. Екатеринбурга. Дело № 1-438/09 за 2009 г.

содержания с требованием покинуть территорию России. Действия виновных были квалифицированы только по п. «а» ч. 2 ст. 282 УК РФ[1].

Однако само по себе сочетание применения насилия и специальной цели еще не образует состав данного преступления. Необходимо принимать во внимание и иные признаки состава преступления, в том числе обстановку. Так, по одному из уголовных дел суд, оправдывая лиц в совершении преступления, предусмотренного п. «а», «в» ч. 2 ст. 282 УК РФ, привел следующую аргументацию. Подсудимые совершали нападения на потерпевших, являвшихся лицами не русской национальности, действуя в составе организованной группы, в которую входили только сами, и имели устойчивые взгляды в отношении лиц не русской национальности, при этом преследовали корыстную цель, а именно завладение имуществом, принадлежащим потерпевшим. Нападения на потерпевших они совершали в позднее время суток, когда на улице было темно, очевидцев совершения преступлений не было, что, по мнению суда, свидетельствовало об отсутствии публичности в действиях подсудимых. Двое свидетелей, присутствовавших при совершении нападения на одного из потерпевших, на момент нападения уже имели такие же, как и у подсудимых, взгляды в отношении лиц не русской национальности. В связи с этим допущенные в их присутствии высказывания подсудимых в отношении потерпевшего, который являлся лицом не русской национальности, не свидетельствует о совершении действий, направленных на возбуждение национальной и расовой вражды[2].

К выводу об отсутствии состава преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, в действиях виновных, также совершивших нападение на потерпевшего и причинивших ему тяжкий вред здоровью, пришел суд и в другом случае, указав, что умысел подсудимых был направлен на причинение вреда его здоровью, при этом основанием нападения послужила его принадлежность к иной национальности. Вместе с тем причинению вреда здоровью не сопутствовали никакие действия, направленные на возбужде-

[1] Архив Балахнинского городского суда Нижегородской области. Приговор от 29 декабря 2007 г. в отношении Г., Е., К., Б., Ч. и др. по ст. 282 УК РФ.
[2] Архив Новосибирского областного суда. Дело № 2-3/2006 за 2006 г.

ние ненависти или вражды, а равно на унижение достоинства человека по признакам расы и национальности, совершенных публично. Не установлено сведений, что причинение вреда здоровью потерпевшего также преследовало цель унизить его достоинство путем публичной демонстрации его неспособности оказать сопротивление. Наличие прохожих, чье присутствие было очевидным для подсудимых, не установлено[1].

Аналогичное решение принял суд и в иной схожей ситуации: признав подсудимых, причинивших тяжкий вред здоровью потерпевшего в составе группы лиц по предварительному сговору по мотиву национальной ненависти, виновными в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ, суд оправдал их в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 282 УК РФ, указав, что посторонних лиц на месте совершения преступления не было, а присутствующие свидетели входили в одну компанию с подсудимыми и неоднократно общались с лицами, разделяющими националистические взгляды. Соответственно, стороной обвинения не установлено, что подсудимые, выкрикивая националистические лозунги, возбуждали у других лиц чувство национальной ненависти или вражды[2].

Вместе с тем анализ практики показывает, что отсутствие признака возбуждения ненависти или вражды при применении к потерпевшему насилия по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы не исключает наличия публичного унижения достоинства человека либо группы лиц по тем же признакам[3].

2. Лицом с использованием своего служебного положения (п. «б» ч. 2 ст. 282 УК РФ), т.е. с использованием лицом своих властных или иных служебных полномочий для совершения данного преступления. К лицам, использующим свое служебное положение, относятся, в частности, должностные лица, обладающие признаками, предусмотренными примечанием 1 к ст. 285 УК РФ, государственные или муниципальные служащие, не являющиеся

[1] Архив Смольнинского районного суда г. Санкт-Петербурга. Дело № 1-458/10 за 2010 г.
[2] Архив Железнодорожного районного суда г. Екатеринбурга. Дело 1-8/2010 за 2010 г.
[3] Архив Выборгского районного суда г. Санкт-Петербурга. Дело № 1-49/10 за 2010 г; Архив Санкт-Петербургского городского суда. Дело № 2-06/10 за 2010 г.

должностными лицами, а также иные лица, отвечающие требованиям, предусмотренным примечанием 1 к ст. 201 УК РФ. Использование служебного положения выражается не только в умышленном использовании указанными лицами своих служебных полномочий, но и в оказании влияния исходя из значимости и авторитета занимаемой ими должности на других лиц в целях совершения ими действий, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе (п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11). Например, по п. «б» ч. 2 ст. 282 УК РФ был осужден Л. Как указал суд, он, являясь начальником территориального ОВД, в присутствии других лиц, используя свое служебное положение вопреки интересам службы, общества и государства, распространял взгляды и призывы, направленные на возбуждение ненависти и вражды, а также на унижение достоинства в отношении одного потерпевшего и этнической группы по признаку национальности. Являясь очевидцем избиения подчиненными ему сотрудниками ОВД потерпевшего, осознавая противоправный характер их действий и не пресекая данные действия, он, используя оскорбительную «бранную» лексику, призывал при этом к совершению насильственных действий по отношению к лицам, не являющимися русскими по национальности, выражал враждебное отношение к лицам по факту их национальной принадлежности, унижал достоинство лиц в связи с тем же фактом[1].

3. Организованной группой (п. «в» ч. 2 ст. 282 УК РФ). Согласно ч. 3 ст. 35 УК РФ преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. Об устойчивости группы могут свидетельствовать такие признаки, как длительность существования, постоянство состава группы, наличие тесных взаимосвязей между ее членами, постоянство форм и методов преступной деятель-

[1] Архив Степновского районного суда Ставропольского края. Приговор от 18 августа 2008 г. в отношении Л. по ст. 282 УК РФ.

ности, наличие лидера, тщательная подготовка к совершению преступлений и др.

При совершении данного преступления организованной группой не обязательно, чтобы каждый из членов группы совершал действия, непосредственно направленные на возбуждение ненависти или вражды либо на унижение человеческого достоинства: их действия могут носить разный характер, но они должны дополнять друг друга и в совокупности образовывать объективную сторону рассматриваемого преступления. Так, Д. создавал и распространял литературные и видеоматериалы, основанные на идеях ненависти, вражды, унижения достоинства человека по признакам национальности и вероисповедания. Распространение велось с помощью М.А. и М.П., которые рассылали по почте диски и видеокассеты с указанными видеоматериалами в разные города России. Суд указал, что действия осужденных характеризовались публичностью, длительностью и целенаправленностью, они последовательно распространяли экстремистские материалы максимально широкому кругу лиц. Группа действовала более года, она приобрела устойчивый характер с распределением ролей и разработкой плана действий. Участники группы подчинялись Д. и выполняли отведенную им роль. Действия виновных были квалифицированы по п. «в» ч. 2 ст. 282 УК РФ[1].

Однако само по себе групповое совершение данного преступления еще не образует признаков организованной группы, равно как и тот факт, что виновные знали друг друга продолжительное время, имели общие идеологические взгляды и т.д. Необходимо выявлять характеристики, которые свидетельствуют об устойчивости группы именно как формирования, созданного для совершения преступлений[2]. Так, К., С., Г. и др. имели общие националистические взгляды, являлись членами группы, поддерживающей идеологию «скинхедов», носили соответствующую одежду (тяжелые ботинки, свисающие подтяжки, джинсы, подвернутые снизу), часто общались лично и через «Интернет». В группе существовало понятие «акция», означающее совместное нападение на лиц с внешностью кавказца или азиата. Они в тече-

[1] Архив г. Санкт-Петербургского городского суда. Кассационное определение по делу 1-2/2010 за 2010 г.

[2] См. также об этом: *Глазкова Л.В.* Банда и преступное сообщество (преступная организация) как формы соучастия // Законность. 2011. № 3. С. 45–47.

ние пяти дней совершили два нападения на потерпевших по мотивам расовой и национальной ненависти и вражды, в ходе которых причинили им тяжкий вред здоровью. Суд квалифицировал действия лиц, причинившего тяжкий вред здоровью, по совокупности преступлений, предусмотренных п. «е» ч. 2 ст. 111 и п. «а» ч. 2 ст. 282 УК РФ, а остальных – только по п. «а» ч. 2 ст. 282 УК РФ. При этом из обвинения был исключен п. «в» ч. 2 ст. 282 УК РФ, поскольку, как указал суд, имеющимися доказательствами не было установлено, что подсудимые состояли в устойчивой группе, сплотившейся для совершения преступлений[1].

В другом случае также суд исключил п. «в» ч. 2 ст. 282 УК РФ из обвинения лиц, совершивших групповое нападение на потерпевшего с целью унижения его достоинства по признаку национальности и расы, отметив следующее: устойчивость организованной группы означает наличие постоянных связей между ее членами и специфических методов деятельности по подготовке и совершению преступлений. Несмотря на согласованность действий виновных, каких-либо объективных доказательств, указывающих на устойчивость группы, не установлено; не представлено доказательств наличия признаков единства данной группы, наличия организующей и руководящей роли кого-либо из участников и признаков предварительного объединения данной группы для совершения преступлений[2].

Установление признаков социальной группы при квалификации преступлений экстремистской направленности

В ст. 282 УК РФ предусмотрена ответственность за возбуждение ненависти либо вражды, а также за унижение достоинства человека либо группы лиц по признаку принадлежности к какой-либо социальной группе, и в правоприменительной деятельности встречаются случаи квалификации содеянного по данному признаку.

Однако уголовно-правовое значение понятия социальной группы до сих пор не получило однозначной трактовки. Например, по поводу признания сотрудников милиции (полиции) социальной группой в одном случае эксперты пришли к выводу о том, что «в настоящее время не существует единого мнения по поводу

[1] Архив Советского районного суда г. Уфы. Дело № 1-509/2010 за 2010 г.
[2] Архив Ленинского районного суда г. Екатеринбурга. Дело № 1-1/10 за 2010 г.

того, относятся ли сотрудники милиции к категории отдельной социальной группы»[1], в другом случае эксперты не признали представителей МВД, прокуратуры, суда, госслужащих и депутатов Госдумы социальной группой, в третьем – пришли к противоположным выводам[2].

На неудачность использования в уголовном законе формулировок «социальная группа», «мотивы ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы» и на необходимость их законодательного, официального определения указывают А.Г. Кибальник[3], И.И. Бикеев и А.Г. Никитин[4].

Эта проблема была поводом для обращения в Конституционный Суд РФ, в котором утверждалось, что «неопределенность содержащегося в оспариваемой норме понятия «социальная группа» влечет возможность необоснованных ограничений свободы выражения мнений и, как следствие, незаконного уголовного преследования граждан»[5]. Однако Конституционный Суд РФ каких-либо разъяснений о том, что следует считать социальной группой, не дал.

В докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (2008 г.) было отмечено, что «неопределенно сформулированы и применяются такие признаки экстремизма, как возбуждение социальной розни, пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их социального происхождения и др.»[6].

Все это свидетельствует о необходимости в разъяснении именно *уголовно-правового* содержания понятия социальной группы. Уже давно специалисты выражали мнение о том, что «если право отказывается от своей точности и однозначности, оно перестает функционировать как право»[7]. Исходя из ключевой задачи науки по обеспечению потребностей правоприменитель-

---

[1] URL: http://www.rg.ru/2011/10/13/reg-szfo/voina-anons.html (дата обращения: 27.08.2013).

[2] URL: http://www.rg.ru/2012/01/19/reg-urfo/redaktor-anons.html (дата обращения: 27.08.2013).

[3] См.: *Кибальник А.* Борьба с экстремизмом и противоречивость уголовной политики // Уголовное право. 2008. № 2. С. 129.

[4] *Бикеев И.И., Никитин А.Г.* Экстремизм: междисциплинарное правовое исследование. Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2011. С. 87, 89–90.

[5] Определение Конституционного Суда РФ от 22.04.2010 № 564-О-О.

[6] Рос. газ. 2009. 17 апр.

[7] *Основания* уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, А.М. Яковлев. М.: Наука, 1982. С. 137.

ной деятельности попытаемся, избегая критических нападок в адрес законодателя за внедрение в правовую материю неконкретных понятий, рассмотреть обозначенный вопрос по юридическому существу и сформулировать соответствующие выводы.

Как отмечалось, суды, квалифицируя действия виновных лиц по ст. 282 УК РФ, чаще всего указывают на нарушение осужденными ст. 13, 19 и 29 Конституции РФ.

Сопоставление диспозиций ст. 282 УК РФ и ч. 2 ст. 19 Конституции РФ позволяет сделать вывод о производности первой от второй.

Согласно ч. 2 ст. 19 Конституции РФ государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности.

Из числа признаков, указанных в этой конституционно-правовой норме, в ст. 282 УК РФ нашли прямое отражение признаки пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии. Соответственно, «не охваченными» остались имущественное и должностное положение, место жительства, убеждения, принадлежность к общественным объединениям, а также «другие обстоятельства».

Представляется, что именно эти признаки и могут лежать в основе выделения социальных групп по смыслу ст. 282 УК РФ, поскольку так положения ч. 2 ст. 19 Конституции РФ находят свое более полное уголовно-правовое обеспечение (ст. 136 УК РФ предусматривает ответственность только за дискриминацию), не оставаясь декларативной нормой, не имеющей практической силы, подкрепленной легитимным принуждением.

С учетом того, что ни в одной норме Конституции РФ понятие «социальная группа» не используется, но при этом в ней говорится о социальной принадлежности, выделение социальных групп по приведенным признакам и будет (технически) способом определения данной принадлежности.

Если с имущественным и должностным положением, местом жительства, убеждениями, принадлежностями к общественным объединениям ситуация относительно ясна, то с «другими обстоятельствами» все сложнее: в данном случае речь идет о принадлежности к социальным группам, выделяемым по иным, нежели приведенные, признакам.

Логика исследования понятия социальной группы требует обращения, прежде всего, к положениям социологической науки и энциклопедическим источникам. В них социальная группа рассматривается как:

общность людей, выделяемая по какому-либо признаку (территориальному, культурному, экономическому, демографическому, родства и т.п.). Она не является простой совокупностью включенных в нее людей, ее особенности не выводятся напрямую из индивидуальных характеристик членов группы; объединение людей в социальную группу приводит к возникновению нового субъекта общественных отношений[1];

родовое понятие для обозначений любых общностей индивидов, в которых фиксируется и через которые реализуется система социального неравенства, присущая тому или иному обществу[2];

стабильная совокупность людей, связанных общими отношениями, деятельностью, ее мотивацией и нормами. Люди объединяются в группы на основе общего для них интереса, выраженного определенным набором целей[3];

собрание людей, взаимодействующих определенным, упорядоченным образом на базе согласованных, взаимных ожиданий соответствующего поведения друг друга[4].

Как видно, имеются серьезные расхождения в критериях выделения социальных групп (взаимодействие, интересы, неравенство и проч.). Нет единства и относительно минимального количества членов социальной группы: указывают двух (диаду)[5]

---

[1] *Большая* Российская энциклопедия. В 30 т. / отв. ред. С.Л. Кравец. Т. 8. Григорьев – Динамика. М.: Большая Рос. энциклопедия, 2007. С. 86.

[2] *Новая* Российская энциклопедия: В 12 т. / М.: Энциклопедия; ИНФРА-М, 2008. Т. 5 (1): Головин – Даргомыжский. С. 315.

[3] *Беляев В.А.* Социальная стратификация российского общества. Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2002. С. 26.

[4] *Яковлев А.М.* Социальная структура общества: учебник. М.: Экзамен, 2003. С. 252.

[5] *Большая* Российская энциклопедия. Т. 8. С. 86.

либо трех[1] человек. Для выработки общего понятия социальной группы приведенные признаки может и достаточны, а расхождения – не критичны, но попытка перенести их в сферу уголовно-правового воздействия вряд ли будет успешной, поскольку применение норм уголовного права требует четкости формулировок, ибо последние определяют объем реализуемой легитимной репрессии.

В уголовно-правовой литературе социальная группа характеризуется как группа, определенная социальными (не биологическими) признаками. Это могут быть формальные или неформальные, объединенные личностными или безличными отношениями объединения людей, имеющих общие интересы[2].

В качестве основы отнесения индивидов к определенной социальной группе называют классовую принадлежность, содержание и характер совместной деятельности, социальный статус, национальность, пол, возраст образование и др. При этом отмечается, что не могут охватываться понятием «социальная группа» представители каких-либо профессий, а равно правоохранительных, правоприменительных органов и органов власти как таковых[3].

Также под социальной группой предлагается понимать объединение людей, образующих относительно устойчивую общность, выраженную в определенных, присущих именно этой группе видах внутригрупповых связей и взаимодействия, когда представители группы имеют общие существенные социально значимые признаки, основанные на той роли, которую играет эта группа в общественной жизни. Социально значимые признаки могут быть связаны с имущественным положением («богатые» и «бедные»), местом жительства (городские и сельские жители, мигранты, провинциалы), принадлежностью к определенной профессии (врачи, учителя, работники правоохранительных орга-

[1] *Новая* Российская энциклопедия. Т. 5. С. 315.

[2] См.: *Комментарий* к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2010.

[3] См.: *Агапов П.В.* Проблемы противодействия террористической и экстремистской деятельности (уголовно-политический аспект) // Актуальные проблемы уголовного и уголовно-исполнительного права: сб. ст. по материалам межвуз. науч.-практ. конф. 16 марта 2011 г. СПб.: НОУ СЮА, 2011. С. 145–146.

нов), социальному слою (интеллигенция, служащие), возрастной группе (пенсионеры) и т.д.[1]

Высказано и предложение понимать под социальной группой в преступлениях экстремистской направленности совокупность людей, которые в силу профессиональной деятельности, совершения систематических совместных действий, а равно открыто выражаемых личных, политических, религиозных и иных убеждений, предпочтений, имеют общие интересы или формы самовыражения, самоидентификации, не противоречащие закону[2].

Под социальной группой, по отношению к которой может иметь место проявление ненависти или вражды в случае совершения преступления экстремистской направленности, предлагается также понимать устойчивую совокупность людей, объединенных исконной средой обитания и традиционным образом жизни, обладающих единым языком, общими относительно стабильными особенностями культуры и психики (этническая общность) либо имеющих общий значимый социальный признак, основанный на их участии в определенной деятельности, либо связанных системой отношений, которые регулируются формальными или неформальными социальными институтами. В качестве социальных групп, по их мнению, могут рассматриваться: этнические сообщества (этносы, нации, народности), социальные слои (интеллигенция, предприниматели, сельское население, студенты), возрастные группы (молодежь, пенсионеры) и т.д.[3]

Ключевое затруднение в выработке понятия социальной группы, приемлемого для использования при квалификации преступлений, заключается в попытке соединить в одном понятии фактически две ее разновидности: ту, которая выделяется уже по факту наличия указанных в Конституции признаков (пол, должностное положение и др.) и не требует установления взаимодействия между представителями группы, и ту, которая основана на «других обстоятельствах» (ч. 2 ст. 19 Конституции РФ) и часто

---

[1] См.: *Кунашев А.А.* Мотивы ненависти или вражды в уголовном праве России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2011. С. 6.

[2] См.: *Леньшин Д.И.* Преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2011. С. 6.

[3] См.: *Прокурорский* надзор за исполнением законов о государственной безопасности, межнациональных отношениях и противодействии экстремизму: пособие / П.В. Агапов, А.В. Бриллиантов, В.В. Меркурьев и др.; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М., 2013. С. 40.

определяется авторами как раз с помощью наличия общих интересов и взаимодействия. Думается, два этих вида нужно разделять – например, вряд ли необходимо устанавливать взаимодействие внутри социальной группы, выделяемой по признаку пола, чтобы признать ее таковой.

Можно предложить следующие критерии определения уголовно-правовой сущности понятия социальной группы, выделяемой по признаку «других обстоятельств».

Социологические критерии

1. Коль речь идет о социальной группе, то ее выявление и обособление от иных социальных субъектов определяется ее положением в социуме. Поэтому возникновение социальной группы должно означать появление нового субъекта общественных отношений. Общественные отношения рассматриваются как возникающая в результате и в ходе общественно значимой предметной деятельности массовидная структурная совокупность постоянно повторяющихся конкретно-исторических социальных связей, зависимостей и разграничений между субъектами[1].

2. Объединение индивидов может быть признано социальной группой, если:

а) ее члены обладают общими интересами и взаимодействуют между собой;

б) объединяющие их признаки – социальные, а не биологические;

в) они вступают или способны вступать в общественные отношения, социальную связь с другими субъектами;

г) у социальной группы и субъекта, с которым она (ее представители) вступают в отношения, должен быть хотя бы один соотносящийся признак, поскольку «отношение исключается, если отсутствует признак, взаимно определяющий соотносящиеся стороны»[2];

д) эти общественные отношения являются социально конструктивными. Совершение правонарушений и аморальных поступков – тоже своего рода вступление в общественные отношения, но они носят деструктивный характер, и их возникновение и

---

[1] См.: *Ткаченко Ю.Г.* Методологические вопросы теории правоотношения. М.: Юрид. лит., 1980. С. 84.

[2] *Гревцов Ю.И.* Проблемы теории правового отношения. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1981. С. 9.

существование не может охраняться правом, поэтому такие общности, как «преступники», «проститутки», «наркоманы» и т.д. вряд ли с позиции рассматриваемой проблемы могут считаться социальными группами[1];

е) в данные отношения они вступают именно как представители соответствующей социальной группы. В отношении не появляется ничего такого, чего бы не было у его сторон[2], поэтому должен быть хотя бы один вид общественных отношений, вступление в которые обусловлено, во-первых, фактами существования тех или иных социальных групп и, во-вторых, необходимостью вступления их представителей в качестве таковых в общественные отношения.

В теории пишут о делении групп на реальные и номинальные. Реальные группы имеют объективную основу, заключающуюся в наличии у их членов общего социального признака (возраст, пол, профессия и т.д.). Номинальные выделяются в соответствии с классификационным критерием, избранным исследователем[3]. В целях обеспечения законности критерии определения социальных групп, используемые в сфере уголовно-правового воздействия, должны быть такими, чтобы выделяемые на их основе группы были реальными, а не номинальными. Иначе все будет сводиться к воле конкретного правоприменителя, а не объективным данным.

В качестве примера типичной социальной группы, соответствующей приведенным критериям, можно назвать политическую партию. Она представляет собой самостоятельный субъект общественных отношений и не сводится к простой сумме ее участников. Это отчетливо проявляется в сфере основной деятельности партии – политических отношениях: на выборах регистрируется именно партия, а не отдельные лица; избиратели голосуют именно за партию, как за групповой субъект социальных отношений. То же можно сказать и в отношении иных общественных

---

[1] В противном случае уголовно-правовая охрана такого рода субъектов противоречила бы самому смыслу и целям антиэкстремистского законодательства (См.: *Агапов П.В.* Преступления экстремистской направленности: вопросы толкования и практики // Законность. 2011. № 10. С. 15).

[2] См.: *Гревцов Ю.И.* Указ соч. С. 8.

[3] См.: *Михайловская И.Б.* Социально-психологический механизм действия уголовно-правовых норм: лекция. М.: Акад. МВД СССР, 1978. С. 12.

объединений, осуществляющих социально значимую деятельность в качестве коллективного субъекта.

Уголовно-правовые критерии

Преступные действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а равно на унижение человеческого достоинства по признакам принадлежности к какой-либо социальной группе причиняют вред основам конституционного строя (ст. 282 расположена в главе 29 УК РФ). Это подводит нас к вопросу о механизме причинения вреда объекту конкретного преступления.

Причинить вред объекту преступления путем непосредственного воздействия на общественные отношения невозможно. Нарушить, изменить общественные отношения можно опосредованно, путем воздействия на реальные, материальные предметы, вещи, людей, либо прямо – путем разрыва социальной связи[1].

Состав преступления, предусмотренный ст. 282 УК РФ, не предполагает обязательного наличия материального предмета или потерпевшего. Поэтому при совершении данного преступления причинение вреда объекту преступления осуществляется путем воздействия на граждан – субъектов общественных отношений, путем доведения до них определенных сведений с целью, например, формирования у них негативного отношения к представителям той или иной социальной группе. Признание объединения социальной группой по смыслу ст. 282 УК РФ предполагает, что она (эта группа) вступает в определенную связь с другими участниками общественных отношений, либо способна вступать в такую связь.

Логика суждений здесь проста и основывается преимущественно на приведенном выше механизме причинения вреда: если нет связи группы с другими субъектами отношений, то нельзя эту связь и разрушить. Если связь не разрушается, то не причиняется вреда объекту – основам конституционного строя. Связь понимается как «отношение, в котором изменения одной из его сторон (признака, элементов и т.д.) является необходимым и достаточным условием изменения другой ее стороны»[2]. Поэтому сама по себе совокупность людей, обладающих тем или иным общим

[1] См.: *Коржанский Н.И.* Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М.: Акад. МВД СССР, 1980. С. 135–137.

[2] *Суворов Л.Н.* Материалистическая диалектика. М.: Мысль, 1980. С. 43.

признаком, социальной группой по смыслу ст. 282 УК РФ не признается, кроме признаков имущественного и должностного положения, места жительства, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, поскольку последние имеют прямое конституционно-правовое закрепление в сочетании с указанием на социальную принадлежность (ч. 2 ст. 19 Конституции РФ), а также могут выступать критерием определения социальной розни (ст. 13 Конституции РФ), социальной ненависти или вражды и социального превосходства (ч. 2 ст. 29 Конституции РФ). Социальные группы в данном случае выделяются уже по самому факту наличия таких общих закрепленных в конституции признаков.

В обоснование целесообразности использования предлагаемых критериев можно привести следующие примеры определения социальной группы при квалификации преступлений экстремистской направленности:

1) действия Т. были квалифицированы по ч. 1 ст. 282 УК РФ за возбуждение ненависти и вражды по признаку принадлежности к социальной группе «высшая государственная власть»[1];

2) В. был осужден по ч. 1 ст. 282 УК РФ за высказывания с целью возбуждения ненависти и вражды к представителям социальных групп, относящихся к сторонникам демократического правления[2];

3) К. был осужден по ч. 1 ст. 280 УК РФ за публичные призывы к совершению действий, направленных на возбуждение социальной розни, нарушение свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной принадлежности в отношении сотрудников МВД России[3];

4) А. за совершение публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности по признаку принадлежности к определенным социальным группам (богатые, правящие, бедные, социально ущемленные, законодатели, правоохранители) также был осужден по ч. 1 ст. 280 УК РФ[4].

Однако встречается и неоднозначная квалификация содеянного по анализируемому признаку:

---

[1] Архив Ленинского районного суда г. Кирова. Дело № 1-255/2010 за 2010 г.

[2] Архив Индустриального районного суда г. Ижевска. Дело № 1-273/2010 за 2010 г.

[3] Архив Центрального районного суда г. Тюмени. Постановление по делу № 10-22/2011 за 2011 год.

[4] Архив Смольнинского районного суда г. Санкт-Петербурга. Дело № 1-458/10 за 2010 г.

1) М. и Д. были осуждены по п. «а», «в» ч. 2 ст. 282 УК РФ за унижение достоинства человека по признакам его принадлежности к социальной группе «Готы»[1];

2) Н. (впоследствии признанный невменяемым), совместно с другими лицами напал на З. и Т., имевших внешность, схожую с представителями молодежной субкультуры «эмо», с целью возбуждения ненависти и вражды, а также унижение достоинства группы лиц по признакам принадлежности к социальной группе. Суд указал, что Н. совершил запрещенное уголовным законом деяние, предусмотренное п. «а», «в» ч. 2 ст. 282 УК РФ[2].

Вряд ли приверженцев тех или иных молодежных субкультур («эмо», «готы» и др.) можно считать социальными группами по смыслу ст. 282 УК РФ, поскольку эти группы выделяются на основе убеждений, не имеющих существенного социального значения (как, например, группа любителей одежды определенного цвета).

Существует еще два важных аспекта квалификации. Все изложенное рассмотрено применительно к ст. 282 УК РФ. Однако социальная группа указана также в примечании 2 к ст. 282[1] УК РФ, согласно которому к преступлениям экстремистской направленности относятся преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Поэтому приведенная позиция нуждается в уточнении.

1. В связи с тем, что конституционно закрепленные признаки пола, языка, происхождения, отдельно предусмотренные в диспозиции ст. 282 УК РФ, не нашли отражения в понятии преступлений экстремистской направленности, они тоже могут быть основой для выделения социальных групп при квалификации таких преступлений наряду с признаками имущественного и должностного положения, места жительства, убеждений, принадлежности к общественным объединениям и другими обстоятельствами.

2. В отличие от квалификации *возбуждения* ненависти или вражды, при квалификации преступлений, совершенных по *мо-*

[1] Архив Советского районного суда г. Казани. Дело № 597557 за 2008 г. Цит. по: *Бикеев И.И., Никитин А.Г.* Указ. соч. С. 87–88.

[2] Архив Сестрорецкого районного суда г. Санкт-Петербурга. Дело № 1-138/10 за 2010 г.

тивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы необходимо учитывать тот факт, что в определении преступлений экстремистской направленности уголовный закон предусматривает еще несколько альтернативных мотивов (политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды), а это может влиять на уголовно-правовую оценку содеянного. Так, С., испытывая ненависть и вражду по отношению к лицам, придерживающимся антифашистских взглядов, как к социальной группе, полагая, что Я. относится к указанной социальной группе, совершил на него нападение. Действия С. в этой части были квалифицированы как хулиганство, совершенное по мотивам ненависти и вражды в отношении какой-либо социальной группы[1].

Однако по другому делу покушение на убийство и причинение вреда здоровью, совершенные из-за принадлежности потерпевших к неформальному молодежному движению «антифашисты», были квалифицированы как совершенные по мотиву идеологической ненависти, а не мотиву ненависти или вражды в отношении социальной группы[2]. Последнее решение представляется более точным, поскольку той или иной идеологии лицо может придерживаться и единолично, не являясь членом какой-либо группы (движения и т.п.), и сам факт такого членства или его отсутствия не меняет антиконституционного характера общественной опасности совершаемого в отношении данного лица преступления.

В случае объединения при квалификации преступлений идеологической ненависти или вражды и принадлежности к социальной группе приоритет все-таки должен быть за идеологией.

В итоге можно сформулировать следующие выводы.

1. При квалификации преступлений экстремистской направленности к социальной группе можно относить два вида объединений: а) группу граждан, выделяемую на основе пола, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, убеждений, принадлежности к общественным объединениям (для ст. 282 УК РФ этот перечень не включает признаки пола, языка и происхождения, поскольку они указаны в

[1] Архив Санкт-Петербургского городского суда. Дело № 2-37/09 за 2009 г.
[2] Архив Нижегородского областного суда. Дело № 2-14/10 за 2010 г.

ее диспозиции отдельно); б) объединение лиц, осуществляющих совместную социально полезную или социально нейтральную деятельность, вступающих (способных вступить) в общественные отношения именно как представители группы, т.е. устанавливающих в качестве таковых социальную связь с другими субъектами.

2. Если при совершении преступлений экстремистской направленности в отношении конкретных лиц, хоть и являющихся представителями определенной социальной группы, доминирующим мотивом виновного была неприязнь к их политическим, идеологическим или религиозным взглядам и убеждениям, то содеянное квалифицируется как совершенное по мотивам политической, идеологической или религиозной ненависти или вражды, а не по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

3. Исходя из приведенного механизма причинения вреда объекту преступления, пропаганда идей социальной справедливости, если она не направлена на формирование негативного отношения к представителям той или иной социальной группы, сама по себе не разрушает социальных связей между субъектами общественных отношений и не причиняет вреда основам конституционного строя. Поэтому возбуждение ненависти либо вражды, а также унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам принадлежности к какой-либо социальной группе следует отличать от этой легальной пропаганды. Например, согласно ст. 16 Федерального закона от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» включение в учредительные и программные документы общественных объединений положений о защите идей социальной справедливости не может рассматриваться как разжигание социальной розни.

Проблемы разграничения возбуждения ненависти либо вражды, унижения человеческого достоинства и публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 282 и ст. 280 УК РФ).

Анализ практики показывает, что нередко в высказываниях (текстах, видеороликах и т.д.), направленных на возбуждение ненависти или вражды, содержатся сведения о необходимости применения насилия или совершении других противоправных дейст-

вий в отношении представителей тех или иных групп. Это может порождать сложности квалификации и разграничения преступлений, предусмотренных ст. 282 и ст. 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности». Верховный Суд РФ дал следующее разъяснение по этому поводу: «Статьей 280 УК РФ предусмотрена ответственность лишь за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности. Публичное распространение информации, в которой обосновывается необходимость совершения противоправных действий в отношении лиц по признаку расы, национальности, религиозной принадлежности и т.д., либо информации, оправдывающей такую деятельность, следует квалифицировать по статье 282 УК РФ при наличии иных признаков этого состава преступления» (п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11). Однако выше были приведены неоднократные примеры осуждения по ст. 280 УК РФ лиц, призывавших к совершению противоправных действий по мотивам расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды.

Вряд ли возможно призвать кого-либо к совершению противоправных действий в отношении представителей определенной расы, национальности и т.п. без одновременного формирования негативного (враждебного) отношения к этим лицам. Специалисты, характеризуя ненависть как крайнюю форму вражды, прямо отмечают, что враждебность может быть одним из источников агрессивных действий, т.е. поведенческих проявлений вражды, в том числе – насильственных действий[1]. Получается, экстремистская *деятельность* может выступать следствием вражды (и ее крайней формы – ненависти), т.е. вражда первична.

Как представляется, вражда является имманентным свойством побуждения к совершению указанных действий, поэтому очень сложно четко разграничить преступления, предусмотренные ст. 280 и ст. 282 УК РФ, в тех случаях, когда действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, выражаются в высказываниях, обосновывающих и (или) утверждающих необходимость совершения противоправных действий, в том числе применения насилия, в отношении представителей какой-либо

[1] *Ратинов А.Р., Кроз М.В., Ратинова Н.А.* Ответственность за разжигание вражды и ненависти. Психолого-правовая характеристика / под ред. А.Р. Ратинова. М., 2005. С. 50–51.

нации, расы, приверженцев той или иной религии и других групп лиц.

При общей оценке таких ситуаций можно прийти к выводу о допустимости квалификации содеянного по совокупности названных преступлений: данный вариант соответствует положениям ст. 280 и ст. 282 УК РФ, а также ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», поскольку в приведенных случаях в действиях лица содержатся и признаки обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности и признаки возбуждения ненависти или вражды.

Помочь разграничить данные преступления может более детальный анализ целевой направленности действий виновного в каждом конкретном случае. Если в обращениях только обосновывается необходимость совершения противоправных действий в отношении лиц по признаку расы, национальности, религиозной принадлежности и т.д., либо оправдывается такая деятельность, и основной целью виновного лица является именно возбуждение ненависти или вражды, содеянное надлежит квалифицировать по ст. 282 УК РФ. Если же умысел был направлен на побуждение других лиц к осуществлению конкретных форм экстремистской деятельности, при этом возбуждение ненависти или вражды являлось, по сути, лишь способом формирования у данных лиц желания такую деятельность осуществить, содеянное может квалифицироваться по ст. 280 УК РФ.

Правовая оценка критики политических деятелей

Интересным представляется разъяснение, содержащееся в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11, о том, что при установлении в содеянном в отношении должностных лиц (профессиональных политиков) действий, направленных на унижение достоинства человека или группы лиц, судам необходимо учитывать положения ст. 3 и 4 Декларации о свободе политической дискуссии в средствах массовой информации, принятой Комитетом министров Совета Европы 12 февраля 2004 г., и практику Европейского Суда по правам человека, согласно которым политические деятели, стремящиеся заручиться общественным мнением, тем самым соглашаются стать объектом

общественной политической дискуссии и критики в средствах массовой информации.

В литературе отмечается, что «за критику власть имущих журналистов преследовали и до внедрения в нашу жизнь понятия экстремизма. При желании наказать особо бойких использовались статьи УК РФ о клевете и оскорблении представителей власти»[1]. Тем не менее игнорирование особого (в качестве объекта для критики) положения профессиональных политиков, может вести к ошибкам при уголовно-правовой оценке содеянного.

Так, К. был осужден за клевету, связанную с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления по ч. 3 ст. 129 УК РФ (в настоящая время утратила силу) за критическую статью в адрес губернатора края. Судебная коллегия по уголовным делам краевого суда оставила приговор в отношении К. без изменения. Однако Европейским Судом по правам человека 22 февраля 2007 г. в этих решениях были установлены нарушения п. 1 ст. 6 и ст. 10 Конвенции от 04.11.1950 «О защите прав человека и основных свобод», допущенные судом при рассмотрении уголовного дела в отношении К.

К., будучи журналистом и редактором газеты, критиковал губернатора, являющегося публичным должностным лицом, в отношении которого пределы допустимой критики шире, чем в отношении частного лица. Статья была написана в критической форме, однако автор не вышел за рамки общепризнанного уровня преувеличения или провокации, что допустимо с позиции свободы слова для журналиста, статья не превышала применимых границ критики. В постановлении Европейского Суда по правам человека, в частности, было сказано, что пределы критики в отношении профессионального политика шире по сравнению с частным лицом. Выдвинув свою кандидатуру на выборах, губернатор вышел на политическую арену и неизбежно и сознательно открыл себя для тщательного наблюдения за каждым своим словом и поступком со стороны журналистов и большей части общества, и, следовательно, он должен проявлять большую степень терпимости. Президиум Верховного Суда РФ отменил состоявшиеся в отношении К. судебные решения в части осуждения его по ч. 3

[1] *Мошкович М.* Критикуйте губернаторов // ЭЖ-Юрист. 2009. № 39.

ст. 129 УК РФ и производство по делу прекратил за отсутствием в деянии состава преступления[1].

Правовая оценка распространения экстремистских материалов

Следует отметить содержащееся в п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 разъяснение по вопросу возможной конкуренции мер административной и уголовной ответственности в случае распространения экстремистских материалов: «Вопрос о том, является ли массовое распространение экстремистских материалов, включенных в опубликованный федеральный список экстремистских материалов, преступлением, предусмотренным ст. 282 УК РФ, или административным правонарушением (ст. 20.29 КоАП РФ), должен разрешаться в зависимости от направленности умысла лица, распространяющего указанные материалы. В случае, когда лицо распространяет экстремистские материалы, включенные в опубликованный федеральный список экстремистских материалов, с целью возбудить ненависть либо вражду, а также унизить достоинство человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, содеянное им должно влечь уголовную ответственность по статье 282 УК РФ». Федеральный список экстремистских материалов размещен на официальном сайте Министерства юстиции Российской Федерации[2]. В.И. Тюнин справедливо указывает, что в рассматриваемой ситуации экстремистские материалы должны быть способны потенциально возбудить ненависть или вражду[3].

В теории отмечается, что по одному указанному критерию – умыслу – разграничить такие деяния весьма сложно. Поэтому нужно учитывать иные обстоятельства: характер распространяе-

[1] Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 08.04.2009 № 301П08.

[2] Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. URL: http://www.minjust.ru/nko/fedspisok?theme=minjust

[3] См.: *Тюнин В.И.* Ответственность за возбуждение ненависти либо вражды и унижение человеческого достоинства // Уголовный процесс. 2013. № 3. С. 54.

мых материалов, их количество, неоднократность распространения и др.[1]

В качестве примеров приведем материалы следующих уголовных дел.

Ю. разместил в сети Интернет файл с фильмом, содержащим унизительные характеристики, отрицательные эмоциональные оттенки и негативные установки в отношении этнической группы евреев и религиозной группы иудеев, идеи ненависти, вражды, унижения достоинства человека по признакам национальности, языка, происхождения, отношения к религии, в котором использованы специальные языковые приемы для целенаправленной передачи оскорбительных характеристик, отрицательных эмоциональных оценок, негативных установок и побуждений к агрессивным и насильственным действиям против указанных групп. Данный фильм включен в федеральный список экстремистских материалов. Действия Ю. были квалифицированы по ч. 1 ст. 282 УК РФ[2].

Б. также был осужден по ч. 1 ст. 282 УК РФ за то, что разместил в сети Интернет файл с фильмом экстремистского содержания, отнесенный к экстремистским материалам и включенный в соответствующий список[3].

Таким образом, если распространение экстремистских материалов, включенных в соответствующий федеральный список, осуществлялось в целях, указанных в ст. 282 УК РФ (возбудить ненависть либо вражду, а также унизить достоинство человека либо группы лиц по приведенным в ней признакам), содеянное рассматривается как преступление и квалифицируется по данной статье.

---

[1] См.: *Быков В.М.* Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам экстремистской направленности»: науч. коммент. // Право и политика. 2011. № 9. С. 1479.

[2] Архив Новочебоксарского городского суда Чувашской Республики. Дело № 1-384/11 за 2011 г.

[3] Архив Ленинского районного суда г. Чебоксары. Дело № 1-175/2011 за 2011 г.

§ 5. Ответственность за организацию экстремистского сообщества (ст. 282[1] УК РФ)

Объектом данного преступления выступают общественные отношения, складывающиеся по поводу обеспечения: а) соблюдения установленных главой 1 Конституции РФ принципов государственного и общественного устройства; б) равенства граждан; в) состояния защищенности личности, общества и государства от угроз экстремистского характера.

С.Н. Фридинский основной непосредственный объект анализируемого преступления рассматривает более широко и считает, что его содержание составляют общественные отношения, обеспечивающие внутреннюю безопасность, стабильность государства, устойчивость государственной власти, отсутствие угроз целостности страны[1].

В литературе в качестве основного объекта данного преступления называют также общественные отношения по обеспечению стабильности государства, его устоев и территориальной целостности[2].

В.А. Бурковская к элементам объекта преступления, предусмотренного ст. 282[1] УК РФ относит: а) общественное отношение, обеспечивающее безопасность общества (общественную безопасность); б) общественное отношение, обеспечивающее безопасность нравственного и (или) духовного здоровья населения. Кроме того, она называет обязательным непосредственным объектом данного преступления общественные отношения, обеспечивающие установленный законодательством порядок создания и деятельности религиозных или общественных объединений либо иных организаций[3]. Последнее утверждение применимо, скорее, к ст. 282[2] УК РФ. Экстремистское же сообщество – сугубо криминальное объединение, преследующее преступные цели, поэтому оно в принципе не может «укладываться» в установленный порядок создания и деятельности религиозных или обществен-

---

[1] См.: *Фридинский С.Н.* Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России: социально-правовое и криминологическое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 156.

[2] См.: *Мыльников Б.А.* Противодействие преступлениям экстремистской направленности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 116.

[3] *Бурковская В.А.* Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия. С. 236.

ных объединений либо иных организаций, равно как и, например, банда или преступное сообщество.

Общественную безопасность в качестве объекта рассматриваемого преступления называют и другие авторы, в связи с чем высказываются предложения перенести ст. 282[1] в главу 24 УК РФ («Преступления против общественной безопасности»)[1].

Однако основная общественная опасность рассматриваемого преступления сводится к его способности причинить существенный вред именно конституционным основам равенства граждан, стабильности отношений между людьми, о чем свидетельствуют обязательные признаки субъективной стороны – специальные мотивы ненависти или вражды. В литературе отмечается, что общественно опасные изменения в объекте есть следствие объективизации мотива преступления, по сути, реализованный мотив преступления, а объект, в свою очередь, является основным фактором при определении уголовно-правовой природы деяния[2].

Поэтому в структуре Особенной части УК РФ эта норма, устанавливающая ответственность за организацию экстремистского сообщества, находится на своем месте, поскольку описанные в ней деяния причиняют вред именно основам конституционного строя.

Объективная сторона. В ч. 1 ст. 282[1] УК РФ предусмотрена ответственность за совершение следующих деяний:

1) создание экстремистского сообщества;

2) руководство экстремистским сообществом;

3) руководство частью экстремистского сообщества или входящими в такое сообщество структурными подразделениями;

4) создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений экстремистского сообщества;

В ч. 1[1] ст. 282[1] УК РФ установлена ответственность за склонение, вербовку или иное вовлечение лица в деятельность экстремистского сообщества.

---

[1] См.: *Кондратьев Ю.А.* Противодействие экстремистской деятельности как направление современной уголовной политики // Науч. тр. РАЮН. Вып. 4. М., 2004. Т. 3. С. 29; *Скудин А.С.* Правовые меры противодействия экстремизму: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 95.

[2] См.: *Борисов О.А*. Взаимосвязь объекта и мотива преступления: автореф. дис... канд. юрид. наук. Волгоград, 1996. С. 6, 13, 14.

В ч. 2 ст. 282[1] УК РФ предусмотрена ответственность за участие в экстремистском сообществе.

Под экстремистским сообществом следует понимать устойчивую группу лиц, заранее объединившихся для подготовки или совершения одного или нескольких преступлений экстремистской направленности, характеризующуюся наличием в ее составе организатора (руководителя), стабильностью состава, согласованностью действий ее участников в целях реализации общих преступных намерений (п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11).

Так, Т., находясь в Москве, вступил в незарегистрированную в Министерстве юстиции РФ общественную организацию «Союз русского народа», целью которой, в соответствии с учредительными документами, было «возрождение русского народа и русской государственности на принципах самодержавия, православия народности». Вернувшись из Москвы в Благовещенск, он заявил о том, что центральным руководством «Союза русского народа» он уполномочен организовывать на территории Дальневосточного федерального округа отделы «Союза русского народа». В г. Благовещенске он создал экстремистское сообщество под названием амурский отдел «Союз русского народа» и возглавил его, не согласовывая свои действия с центральным руководством «Союза русского народа». Впоследствии в амурский отдел «Союз русского народа» вступили другие лица, всего в количестве более 10 человек. Прием проводился по предусмотренному Т. порядку: вступавшие подавали письменные заявления о вступлении в организацию, после чего им выдавались удостоверения и нагрудные знаки «Союза русского народа». Было предусмотрено ношение единого форменного обмундирования. Роли членов созданного и возглавляемого Т. экстремистского сообщества были распределены им лично и предполагали четкий организованный порядок взаимодействия между участниками. Он осуществлял общее руководство и организовывал сбор участников сообщества. Состав сообщества отличался устойчивостью. У участников была единая цель – подготовка и совершение преступлений по мотивам расовой, национальной и религиозной ненависти и вражды, а равно унижение человеческого достоинства. Периодически проводились собрания членов сообщества, на ко-

торых определялись основные цели и задачи сообщества, методы достижения целей. Члены сообщества проводили митинги, на которых публично, с помощью звукоусиливающей аппаратуры, транспарантов, флагов и баннеров с надписями в присутствии представителей средств массовой информации (нескольких телекомпаний) пропагандировали экстремистские идеи, направленные на возбуждение чувства ненависти и вражды к лицам иной национальности. Действия виновных были квалифицированы судом по п. «в» ч. 2 ст. 282 и ст. 282[1] УК РФ[1].

Отсутствие признака устойчивости свидетельствует об отсутствии состава преступления, предусмотренного ст. 282[1] УК РФ. Например, оправдывая Т., обвиняемого в создании экстремистского сообщества, суд указал, что не нашел подтверждения признак устойчивости экстремистского сообщества, не представлено доказательств о тесной взаимосвязи между членами сообщества, согласованности их действий, длительности существования сообщества и стабильности состава[2].

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 28.06.2011 № 11 подчеркнул, что для признания организованной группы экстремистским сообществом не требуется предварительного судебного решения о запрете либо ликвидации общественного или религиозного объединения либо иной организации в связи с осуществлением экстремистской деятельности. Тем самым, экстремистское сообщество следует отличать от экстремистской организации, что принципиально важно, поскольку в теории встречаются попытки объяснить сущность экстремистского сообщества через наличие соответствующего судебного решения[3]; высказывалось и мнение о том, что «наличие такого судебного решения является необходимым условием для последующего привлечения конкретных лиц к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 282[1] УК РФ»[4].

Указывая традиционные признаки организованной группы, разновидность которой и представляет экстремистское сообщест-

---

[1] Архив Благовещенского городского суда Амурской области. Дело № 1-259/08 за 2008 г.
[2] Архив Ленинского районного суда г. Кирова. Дело № 1-255/2010 за 2010 г.
[3] См., напр.: *Залиханова Л.И.* К вопросу о юридической состоятельности категории «экстремистское сообщество» // Юристъ-Правоведъ. 2008. № 3. С. 79, 81.
[4] *Белоцерковский С.* Организованные преступные формирования: уголовно-правовой запрет и судебное толкование // Уголовное право. 2009. № 3. С. 22.

во, Пленум Верховного Суда РФ, не обозначает (и совершенно справедливо) экстремистское сообщество как вид преступного сообщества (преступной организации)[1], хотя в литературе неоднократно утверждалось обратное[2].

Анализ ч. 3 и ч. 4 ст. 35 УК РФ позволяет сделать вывод о том, что преступное сообщество предполагает качественно иной, нежели в организованной группе, характер связей между соучастниками. Нормативное выделение преступного сообщества отражает стремление законодателя обозначить в ч. 4 ст. 35 УК РФ более совершенную (в первую очередь, в организационно-структурном плане) форму соучастия. Смешивание же понятий «организованная группа» и «преступное сообщество» недопустимо. Интересы борьбы с организованной преступностью требуют очень четких законодательных формулировок. Кроме того, согласно ч. 4 ст. 35 УК РФ термины «преступное сообщество» и «преступная организация» используются в одном значении. Однако, как отмечает А.И. Долгова, «обращает на себя внимание, что в другом случае законодатель использует раздельно понятия «сообщество» и «организация» в статьях 282^1 и 282^2 УК РФ»[3].

Данная позиция Пленума представляется правильной, ибо допущенная законодателем терминологическая небрежность, выразившаяся в использовании в двух статьях Особенной части УК РФ (ст. 282^1 и ст. 210) одного и того же термина «сообщество» не дает оснований считать, что экстремистское сообщество является разновидностью сообщества преступного. Следует согласиться с мнением о том, что в ст. 282^1 УК РФ понятие «сооб-

---

[1] Далее – преступное сообщество.

[2] См., напр.: *Фридинский С.Н.* Совершенствование уголовно-правовых мер борьбы с организацией экстремистского сообщества (ст. 282^1 УК РФ) // Юристъ-Правоведъ. 2007. № 1. С. 58; *Его же.* О совершенствовании уголовно-правовых мер борьбы с осуществлением экстремистской деятельности // Законность. 2008. № 7. С. 36; *Кашепов В.П.* Особенности квалификации преступлений экстремистской направленности // Комментарий судебной практики. Вып. 13. М., 2007; *Ростокинский А.В.* К вопросу об ужесточении уголовной ответственности за участие в преступном сообществе // Журн. рос. права. 2007. № 7. С. 69; *Сергун Е.П.* Экстремизм в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. С. 189.

[3] *Долгова А.И., Евланова О.А.* Методика анализа организованной преступности. М., 2005. С. 43.

щество» употребляется как идентичное понятию «организованная группа»[1].

В пользу высказываемого утверждения можно привести и ст. 205[4] УК РФ «Организация террористического сообщества и участие в нем», в диспозиции которой названное сообщество также характеризуется как организованная группа, а не преступное сообщество.

Встречаются и компромиссные точки зрения. В частности, в теории утверждается о том, что в ст. 282[1] УК РФ законодатель установил ответственность и за создание организованной группы экстремистской направленности, и за создание преступного сообщества[2].

В литературе можно встретить и такой вариант решения обозначенной проблемы: «Чтобы избежать решения вопроса о том, является ли экстремистское сообщество организованной группой или преступной организацией, в названии и в тексте ст. 282[1] УК РФ представляется целесообразным вместо термина «экстремистское сообщество» использовать термин «экстремистское объединение». Этим термином, нейтральным по отношению к институту соучастия, следует именовать любое объединение независимо от его организационной формы и характера деятельности»[3].

Надлежит, однако, учитывать тот факт, что мнения, связанные с отождествлением экстремистского и преступного сообществ, высказывались преимущественно в период действия прежней редакции ст. 35 УК РФ (1996 г.), согласно которой преступление признавалось совершенным преступным сообществом, если оно совершено сплоченной организованной группой (организацией), созданной для совершения тяжких или особо тяжких преступлений, либо объединением организованных групп, созданным в тех же целях. Такое законодательное описание сводило все отличия организованной группы и преступного сообщества, по сути, к двум, признакам – сплоченности и специальной цели сообщества.

---

[1] См.: *Тюнин В.И.* Организация экстремистского сообщества // Уголовное право. 2006. № 3. С. 52.

[2] См.: *Быков В.М.* Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам экстремистской направленности»: науч. коммент. // Право и политика. 2011. № 9. С. 1480.

[3] *Саркисов Д.Н.* Уголовно-правовые средства противодействия экстремистской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 136.

Возможно, столь зыбкие критерии разграничения и способствовали стремлениям рассматривать экстремистское сообщество через призму признаков сообщества преступного.

Федеральным законом от 03.11.2009 № 245-ФЗ были изменены ст. 35 и ст. 210 УК РФ, и теперь обязательные признаки преступного сообщества – структурированность (или наличие объединения организованных групп) и цель совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды. Действующая редакция ст. 35 УК РФ дает больше возможностей для размежевания этих двух форм соучастия, что, в свою очередь позволяет четко разграничивать экстремистское и преступное сообщества. Хотя утверждения об отнесении экстремистского сообщества к разновидности преступного сообщества продолжают выказываться и после внесения изменений в ст. 35 УК РФ[1], с чем нельзя согласиться как по приведенным причинам, так и с учетом обязательной цели преступного сообщества – получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды, тогда как экстремистское сообщество в соответствии с ч. 1 ст. 282[1] УК РФ создается для подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности.

Тем самым, для квалификации содеянного по ст. 282[1] УК РФ не обязательно наличие разработанных теорией и практикой традиционных признаков преступного сообщества (преступной организации). Игнорирование этого обстоятельства может привести к принятию неоднозначных решений: признавая К. виновным в организации и руководстве экстремистским сообществом и квалифицируя его действия по ч. 1 ст. 282[1] УК РФ суд указал следующее: то обстоятельство, что в данной преступной группировке не было своего устава, членских взносов, финансового обеспечения в виде централизованного «общака», символики и т.д. не влияет на характер ее структуры, которую суд идентифицировал как экстремистское сообщество. Перечисленные элементы, при их наличии, несомненно, делают преступную группу более ярко выраженной в плане экстремистской направленности своей деятельности и проповедуемой идеологии, но их отсутствие не означает

[1] См., напр.: *Юдичева С.А.* Уголовная ответственность за организацию экстремистского сообщества и участие в нем: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2014. С. 23.

невозможность ее существования как таковой в принципе. Главенствующим и решающим фактором, по мнению суда, в данном случае служат признаки, свидетельствующие о том, что рассматриваемая преступная группа по своей структуре обладает признаком организованности в том смысле, как это определено в ст. 35 УК РФ, при этом ею совершались преступления экстремистской направленности[1]. Впоследствии, однако, Судебная коллегия Верховного Суда РФ, даже признав, что К. создал именно организованную группу, тем не менее уголовное дело в отношении К. в части осуждения его по ч. 1 ст. 282[1] УК РФ прекратила, указав, что признаками экстремистского сообщества являются его организованность, включающая в себя совокупность таких элементов, как наличие устава, руководителя, определенной структуры, символики, дисциплины, системы мер воздействия на ее нарушителей, а данная группа такими признаками не обладала[2].

Аналогичное решение по исключению из обвинения ч. 1 ст. 282[1] УК РФ со схожей аргументацией было принято и по другому делу[3]. Представляется, все же, что указанные признаки по смыслу ч. 3 ст. 35 УК РФ не обязательны для экстремистского сообщества, хотя и встречаются в практике. Так, Н. был признан виновным в создании экстремистского сообщества (ч. 1 ст. 282[1] УК РФ), которое он создал в виде «партии», где каждому члену отводились свои обязанности, имелись звания, устав, партийные билеты и четкая иерархия, соблюдалась конспирация. Данная партия занималась планированием и проведением акций по устрашению и насилию над лицами «неславянской» национальности[4]. Ч., осужденный по ч. 1 ст. 282[1] УК РФ, также проводил собрания некой «партии», разработал ее устав и символику[5].

В теории уголовного права существует несколько подходов к определению понятия «создание группы лиц». В основном они сводятся к формированию перечня действий по созданию, при-

---

[1] Архив Нижегородского областного суда. Дело № 2-6/10 за 2010 г.

[2] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 26.08.2010 по делу № 9-О10-40.

[3] См.: Архив Нижегородского областного суда. Дело № 2-14/10 за 2010 г.; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14.10.2010 по делу № 9-О10-47.

[4] Архив Городецкого городского суда Нижегородской области. Дело № 1-006/010 за 2010 г.

[5] Архив Бутырского районного суда г. Москвы. Приговор от 10 октября 2008 г. в отношении Ч. по ст. 282 и ст. 282[1] УК РФ.

чем перечня неопределенного. Это, в сущности, верно: то, какими способами это достигнуто, для создания группы безразлично, поскольку важен итог такой деятельности, кроме случаев, когда действия по созданию образуют самостоятельный состав преступления, требующий квалификации по совокупности преступлений[1].

В целом под созданием экстремистского сообщества следует понимать действия, в результате которых образуется группа, характеризующаяся признаками, указанными в ч. 3 ст. 35 и ст. 282[1] УК РФ, т.е. устойчивая группа лиц, заранее объединившихся для подготовки или совершения одного или нескольких преступлений экстремистской направленности. К таким действиям, в частности, можно отнести: приискание участников; распределение ролей; определение структуры сообщества, направлений его деятельности и идеологии; материальное обеспечение.

Так, в Г., основываясь на идеях возбуждения национальной религиозной ненависти и вражды, решил создать организованную, устойчивую, сплоченную группу лиц – молодежную экстремистскую группировку. Реализуя возникший преступный умысле, Г. с целью пропаганды стал публично распространять религиозную литературу на различных носителях, содержащую идеи возбуждения национальной и религиозной ненависти и вражды по признакам отношения к религии, рассчитывая на последующее ознакомление с ними неопределенного круга лиц. Ряд лиц, разделяя экстремистские идеи Г., вступили с ним в преступный сговор на создание организованной устойчивой, сплоченной группы лиц для публичной пропаганды идей возбуждения национальной и религиозной ненависти и вражды. Таким образом, Г. создал молодежное экстремистское формирование под названием «Джамаат Мувахидов». Данная группа осуществляла свою деятельность по публичной пропаганде превосходства «истинного» ислама (ваххабизма) перед другими религиями, т.е. публичной пропаганде идей возбуждения национальной и религиозной ненависти и вражды. Действия виновных были квалифицированы по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 282 и ст. 282[1] УК РФ[2].

---

[1] См.: *Малиновский В.В.* Организационная деятельность в уголовном праве России (виды и характеристика): монография / отв. ред. А.И. Чучаев. М., 2009. С. 25–26.

[2] Архив Ленинского районного суда г. Астрахани. Дело № 1-176/08 за 2008 г.

В другом случае Ш. объединил в группу сторонников движения «скинхеды». Данной группой использовалась идеология, закрепленная в «азбуке Славянских Бритоголовых», содержащая открытое выражение неприязни и ненависти к людям по расовому и национальному признаку, а также другая литература. Созданная Ш. группа отличалась дисциплиной, организованностью и сплоченностью, имела иерархию подчинения, правила взаимоотношений и поведения, в том числе санкции за их нарушения, определенную форму одежды единого направления, проводилась физическая подготовка участников, соблюдалась определенная конспирация. На вооружение группы имелось холодное оружие и предметы, используемы в качестве оружия, о наличии которых были осведомлены все члены. Действия Ш. в указанной части были квалифицированы по ч. 1 ст. 282[1] УК РФ[1].

В отличие от создания, руководство экстремистским сообществом предполагает совершение соответствующих действий в рамках уже сформировавшейся группы.

Под руководством экстремистским сообществом, его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями следует понимать осуществление управленческих функций в отношении экстремистского сообщества, его части или структурных подразделений, а также отдельных его участников как при совершении конкретных преступлений экстремистской направленности, так и при обеспечении деятельности экстремистского сообщества. Такое руководство может выражаться, в частности, в разработке общих планов деятельности экстремистского сообщества, в подготовке к совершению конкретных преступлений экстремистской направленности, в совершении иных действий, направленных на достижение целей, поставленных экстремистским сообществом или входящими в его структуру подразделениями при их создании (например, в распределении ролей между членами сообщества, в организации материально-технического обеспечения, в разработке способов совершения преступлений, в принятии мер безопасности в отношении членов экстремистского сообщества) (п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11).

[1] Архив Тюменского областного суда. Дело № 2-54/07 за 2007 г.

Р.Р. Галиакбаров организацию группы отождествляет с созданием, а под руководством предлагает понимать действия по объединению и направлению усилий остальных участников для достижения поставленных перед группой целей. Конкретно руководство выражается в наставлении рядовых участников и контроле за деятельностью группы. В отличие от организации руководство возможно только в рамках вполне сформировавшейся группы. Оповещение о месте и времени явки, приискание или предоставление помещения – это не организация[1].

Руководство может осуществляться на нескольких уровнях и несколькими же лицами. Например, Л. вступил в преступный сговор с другим лицом на создание устойчивой организованной преступной группы (экстремистского сообщества «Русское национальное движение» («РНД») – структурного подразделения национал социалистического общества («НСО»), с целью совершения преступлений экстремистской направленности и вовлек в данное экстремистское сообщество несколько лиц. Л. отвел себе функции руководителя данного сообщества. Другое лицо Л. назначил руководителем сектора пропаганды и идейным лидером экстремистского сообщества. Также Л. назначил: руководителя силового блока, возложив на него функции по обеспечению общей безопасности при совершении преступлений экстремистской направленности и собственной безопасности членов экстремистского сообщества «РНД»; руководителя сектора экстремистского сообщества «РНД» по связям со средствами массовой информации, возложив на него функции по созданию видеороликов экстремистской направленности. Действия Л. были квалифицированы по ч. 1 ст. 282[1] УК РФ[2].

Руководящие действия могут выражаться в разрешении участвовать в сообществе лицам, желающим вступить в него, принятии у таких лиц присяги и проведении иных аналогичных ритуалов, постановке задач и контроле за их исполнением, принятии определяющих решений и даче указаний членам сообщест-

[1] См.: *Галиакбаров Р.Р.* Ответственность за религиозное изуверство по Уголовному кодексу РСФСР: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1964. С. 8; *Его же.* Борьба с групповыми преступлениями: вопросы квалификации. Краснодар, 2000. С. 89; *Его же.* Борьба с групповой преступностью средствами уголовного закона: учеб. пособие. Саратов, 1999. С. 48.

[2] Архив Правобережного районного суда г. Магнитогорска Челябинской области. Дело № 1-517/2010 за 2010 г.

ва, вовлечении новых участников, поддержании внутригрупповой дисциплины и т.д.).

Выделяют следующие отличительные черты руководящих действий в отношении группы лиц:

а) они носят властный характер, т.е. обязательны для участников группы. Неподчинение этим действиям может вызвать применение мер воздействия, принятых в такой группе;

б) они способствую достижению конечных преступных целей деятельности и предполагают не организацию повседневного быта группы, а направленность к реализации целей, которые стоят перед всеми участниками;

в) они отдаются лицом, обладающим в глазах подчиненных правом их отдавать, а не просто выполняющим чью-то волю[1].

Как правило, действия по созданию экстремистского сообщества сочетаются и с последующим руководством им. Так, Р. был признан виновным в организации экстремистского сообщества «Славянский союз» для совершения по экстремистским мотивам преступлений, предусмотренных ст. 280 и ст. 282 УК РФ. Р. и другое лицо совместно возглавляли созданное ими экстремистское сообщество, приняв на себя функцию организаторов запланированных преступлений и руководя действиями подчиненных им лиц; разработали эмблему, структуру и флаг сообщества с использованием элементов символики фашистской Германии, а также порядок приема новых членов; обязали членов сообщества носить одежду по типу субкультуры скинхедов; разрабатывали планы преступной деятельности; распределяли обязанности между членами сообщества; осуществляли отбор новых членов; организовывали и проводили сборы членов сообщества, проводили их тренировки. Действия Р. были квалифицированы по ч. 1 ст. 282[1] УК РФ[2].

Если же в сообществе между участниками было фактическое равенство, то это исключает ответственность за руководство

[1] См.: *Малиновский В.В.* Организационная деятельность в уголовном праве России (виды и характеристика). С. 28.

[2] Архив Сахалинского областного суда. Кассационное определение по делу 22-2 за 2011 г.

ими – судебная практика придерживается именно такого подхода, что в теории признается обоснованным[1].

Руководство частью экстремистского сообщества или входящим в него структурным подразделением выражается в аналогичных действиях. Структурное подразделение (часть) экстремистского сообщества представляет собой функционально и (или) территориально обособленную группу, состоящую из двух или более лиц (включая руководителя этой группы), которая осуществляет преступную деятельность в рамках и в соответствии с целями экстремистского сообщества. Такие структурные подразделения (части) могут не только совершать отдельные преступления экстремистской направленности, но и выполнять иные задачи по обеспечению функционирования экстремистского сообщества (например, обеспечение сообщества оружием, иными предметами, используемыми в качестве оружия, производство листовок, литературы и других материалов экстремистского характера) (п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11).

Д. был признан виновным в создании экстремистского сообщества, его структурных подразделений и руководстве ими. Он, совместно с другими лицами, организовал структурные подразделения национал-социалистического движения «Славянский союз» (НСД «Славянский союз») и руководил ими, имея в подчинении более 50 человек. Будучи куратором по приему в данное движение, Д. вербовал его новых членов, имеющих схожие идеологические взгляды, планировал акции, направленные на достижение поставленных перед сообществом целей, руководил ими и принимал в них непосредственное участие, проводил встречи с другими организаторами и руководителями экстремистского сообщества, получал от них информацию, занимался подготовкой идеологических и пропагандистских материалов, проводил собрания членов сообщества, разрабатывал планы совершения конкретных преступлений, распределял роли между их участниками. Указанные действия Д. были квалифицированы по ч. 1 ст. 282[1] УК РФ[2].

---

[1] См.: *Малиновский В.* Объективные признаки организационной деятельности // Законность. 2009. № 6. С. 39; *Головенков П.В., Есаков Г.А., Мацкевич И.М., Хельманн У.* НеОбыкновенный фашизм (криминологическая и уголовно-правовая характеристика). С. 172.

[2] Архив Мещанского районного суда г. Москвы. Дело № 1-36/08 за 2008 г.

Ш., С. и П. в г. Белгород создали экстремистское сообщество – «Белгородский национальный корпус» для совершения по мотивам расовой, национальной ненависти и вражды преступлений, предусмотренных ч. 1 и ч. 2 ст. 213 УК РФ. Деятельность экстремистского сообщества была основана на идеологии движения «скинхедов». В нем выделялись орган управления и два структурных подразделения: «Юный национальный фронт» и «Дружина 14», которые организовывались по территориальному принципу, в целях облегчения управления участниками и должны были состоять из отдельных групп «десяток». Лидерами «Белгородского национального корпуса» определялась система подчиненности лиц, входящих в организованную группу, материальная основа для решения ее текущих нужд, место и порядок сбора членов организации, правила проведения силовых акций – преступных посягательств с целью избиения и причинения телесных повреждений. Действия виновных в этой части были квалифицированы по ч. 1 ст. 282[1] УК РФ[1].

Под объединением организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений экстремистского сообщества следует понимать группу, созданную в целях координации преступных действий частей или структурных подразделений сообщества, распределения между ними сфер преступной деятельности, разработки планов и (или) условий для совершения преступлений экстремистской направленности.

Как создание такого объединения квалифицируются действия, которые привели к образованию устойчивых связей между указанными лицами в целях совместной разработки планов и (или) создания условий для совершения преступлений экстремистской направленности (п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11).

Выделение в диспозиции ч. 1 ст. 282[1] УК РФ деяния в форме создания объединения организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений экстремистского сообщества не выглядит однозначно оправданным в силу следующих причин. В тех случаях, когда руководитель экстремистского сообщества обсуждает вопросы деятельности экстремистского сообщества с каждым представителем

[1] Архив Октябрьского районного суда г. Белгорода. Дело № 1-288-2006 за 2006 г.

структурного подразделения либо части сообщества наедине, то эти действия охватываются общим руководством и дополнительного уголовно-правового значения не имеют. Однако если руководитель встречается одновременно с двумя и более представителями, то эту группу уже можно рассматривать как объединение организаторов, руководителей и иных представителей частей или структурных подразделений сообщества. По смыслу ст. 282[1] УК РФ все они действуют в рамках именно одного криминального формирования, представляя его часть или подразделение, а само определение сообщества как группы лиц уже подразумевает, что они определенным образом соотносятся между собой. Создание экстремистского сообщества в случае, если оно состоит из нескольких частей или структурных подразделений, предполагает и возникновение определенных координационных взаимоотношений между представителями данных подразделений, иначе будет несколько разрозненных частей, не являющихся сообществом, вследствие чего создание объединения организаторов, руководителей и иных представителей частей или структурных подразделений экстремистского сообщества самостоятельного уголовно-правового значения, по сути, не имеет. Коль скоро в диспозиции ст. 282[1] УК РФ описываются действия лиц в рамках одного сообщества, нельзя создать объединение, которое уже существует. Эта точка зрения находит поддержку в литературе[1].

По ч. 1 ст. 282[1] УК РФ преступление считается оконченным с момента совершения указанных действий. В части создания экстремистского сообщества анализируемый состав преступления является усеченным. Уголовная ответственность за создание экстремистского сообщества наступает с момента фактического образования указанного сообщества, т.е. с момента объединения нескольких лиц в целях подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности и осуществления ими умышленных действий, направленных на создание условий для совершения преступлений экстремистской направленности или свидетельствующих о готовности экстремистского сообщества реализовать свои преступные намерения, независимо от того, совершили ли участники такого сообщества запланированное пре-

[1] См.: *Саркисов Д.* Организация экстремистского сообщества // Уголовное право. 2010. № 2. С. 64.

ступление экстремистской направленности. О готовности экстремистского сообщества к совершению указанных преступлений может свидетельствовать, например, достижение договоренности о применении насилия в общественных местах в отношении лиц по признакам принадлежности (или непринадлежности) к определенным полу, расе, национальности, языковой, социальной группе, в зависимости от происхождения, отношения к религии (п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11).

В силу усеченного характера анализируемого преступления, приготовление к созданию экстремистского сообщества вряд ли возможно, что вместе с тем не исключает покушения на него. Так, К., совместно с другим лицом, в целях создания экстремистского сообщества намеренно познакомились с Г., Б., А. и не менее трех раз, в разные дни, как вместе, так и по отдельности с ведома друг друга, встречались ними и каждый раз активно уговаривали, убеждали и призывали последних создать экстремистское сообщество. В частности, предлагали и призывали Г., Б. и А. совершать в рамках сообщества следующие преступления экстремистской направленности: убийства и избиение представителей коренных народов Кавказа и Закавказья, представителей ряда иных народов по признакам расы, национальности, языка, происхождения; осуществление взрывов на рынках; нанесение на стенах зданий надписей и рисунков националистического толка, националистической символики в виде свастики, а также распространение листовок и литературы экстремистского содержания. Однако указанные лица отказались от создания экстремистского сообщества. Действия К. были квалифицированы по ч. 3 ст. 30 и ч. 1 ст. 282[1] УК РФ[1].

Склонение, вербовка или иное вовлечение лица в деятельность экстремистского сообщества

Под склонением, вербовкой или иным вовлечением лица в деятельность экстремистского сообщества следует понимать, в частности, умышленные действия, направленные на склонение лица к вхождению в состав экстремистского сообщества, его вовлечение в подготовку или совершение преступления (преступлений) экстремистской направленности в составе сообщества, а равно склонение лица к выполнению функциональных обязан-

[1] Архив Воркутинского городского суда Республики Коми. Дело № 1-7/2010 за 2010 г.

ностей по обеспечению деятельности сообщества. Такое вовлечение может осуществляться, например, путем уговоров, убеждения, просьб, предложений (в том числе совершенных посредством размещения материалов на различных носителях и распространения через информационно-телекоммуникационные сети), применения физического воздействия. В частности, И.Ю. Сундиев выделяет так называемый онлайн-рекрутинг, характеризуя его как систему мер выявления и мобилизации симпатизирующих лиц. При использовании сети Интернет информация об экстремистских идеях становится для потенциальных рекрутов более доступной, благодаря размаху глобальной сети экстремистские и террористические группы могут пропагандировать себя большему количеству людей, появляются большие возможности как для содействия данным группам, так и для прямого контакта с ними[1].

Вовлечение в деятельность экстремистского сообщества следует считать оконченным преступлением с момента начала осуществления вовлекаемым лицом приготовления к преступления экстремистской направленности, покушения на преступление экстремистской направленности или совершения такого преступления в составе сообщества либо с момента выполнения им иных конкретных действий по обеспечению деятельности экстремистского сообщества.

Под участием в экстремистском сообществе надлежит понимать вхождение в состав такого сообщества и участие в подготовке к совершению одного или нескольких преступлений экстремистской направленности и (или) непосредственное совершение указанных преступлений, а также выполнение лицом функциональных обязанностей по обеспечению деятельности такого сообщества (финансирование, снабжение информацией, ведение документации и т.п.) (п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11).

Таким образом, участие в экстремистском сообществе выражается, прежде всего, в совершении конкретных преступлений экстремистской направленности в составе сообщества (непосредственном совершении, совершении в соучастии, приготовлении к таким преступлениям и покушении на них), либо совершении

[1] См.: *Сундиев И.Ю.* Информационные технологии в экстремистской деятельности молодежных объединений // Науч. портал МВД России. 2010. № 2. С. 19.

иных действий, связанных с преступной деятельностью сообщества.

Квалификация действий виновных по ст. 282[1] УК РФ осуществляется, как правило, одновременно с привлечением к ответственности за совершение других преступлений, предусмотренных ст. 280, 282, 213, 214, 167 и 222 УК РФ. Вместе с тем отмечается, что в последние годы в уголовных делах по организации экстремистского сообщества все чаще встречается обвинение в совершении преступлений против личности (убийства, умышленного причинения тяжкого вреда здоровью и др.) в связи с расовой, национальной и социальной принадлежностью граждан.

Так, К., будучи убежденным в своем превосходстве над лицами неславянского происхождения, которое сформировалось под воздействием националистических идей, пропагандируемых неформальными молодежными объединениями, в том числе движением скинхедов, присоединился к созданной другими лицами организации, созданной для совершения нападений на лиц неславянского происхождения и впоследствии принял участие в нескольких таких совместных нападениях. Его действия в этой части были квалифицированы по ч. 2 ст. 282[1] УК РФ как участие в экстремистском сообществе и по совокупности преступлений по иным статьям Особенной части УК РФ, в том числе по п. «а», «ж», «и», «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ (в отношении более 10 потерпевших)[1].

Впрочем, члены экстремистского сообщества могут и не ограничиваться лишь экстремистской деятельностью. В г. Казани было возбуждено уголовное дело по ст. 282[1] УК РФ по факту создания организаторами и идеологами «Фронта казанских патриотов» экстремистской группировки с целью совершения насильственных действий в отношении лиц «неславянской» внешности. В ходе расследования выяснилось, что наряду с преступлениями экстремистской направленности ее участники также совершали преступления против собственности (кражи, грабеж и разбой)[2].

В целом же вопрос о том, в совершении каких конкретных действий может выражаться участие в запрещенном уголовным

---

[1] Архив Московского городского суда. Дело № 2-63-28/10 за 2010 г.

[2] См.: *Борисов С.В., Вагурин Д.В.* Надзор за исполнением законов о противодействии экстремизму в молодежной среде // Законность. 2013. № 4. С. 11.

законом сообществе (в том числе экстремистском) и какова должна быть степень такого участия, весьма сложен для правовой оценки. Его решение требует общего анализа характера участия лица в конкретных криминальных структурах, предусмотренных Особенной частью УК РФ, преследующих цель совершения тех или иных преступлений.

Прежде всего следует учитывать, что участие в названных формированиях – это хотя и особого рода, но все же соучастие. Соучастие в преступлении предполагает наличие обязательного объективного признака – причинной связи между деянием конкретного соучастника и общим преступным результатом. Такой подход выработан достаточно давно и общепризнан в уголовно-правовой науке. При этом результат в данном случае необходимо понимать широко и не отождествлять с преступными последствиями в материальных составах: речь идет о том вреде, который причиняется любым преступным деянием в социально-правовом смысле, ибо в подобной трактовке беспоследственных преступлений не бывает.

Соответственно, лицо тогда может быть признано участником какого-либо формирования, преследующего цели совершения преступлений, когда оно так или иначе участвует в совершении конкретных преступлений. В противном случае будет отсутствовать причинная связь с преступным результатом, что влечет отсутствие основания уголовной ответственности и соучастия как такового. Участие лица в экстремистском сообществе может выражаться в таких деяниях, которые:

предусмотрены в качестве конкретного преступления (преступлений) Особенной частью УК РФ;

являются соучастием в конкретном преступлении (преступлениях);

представляют собой приготовление или покушение на конкретное преступление (преступления).

В научной литературе встречается неоправданно широкая трактовка участия в противоправном сообществе (организации). Так, Ю.А. Цветков считает, что участник преступной организации может не только не участвовать в совершаемых ею преступлениях, но даже не знать об обстоятельствах их совершения. По его мнению, для того, чтобы действия лица квалифицировать как

участие в преступной организации, необходимо установить, что оно занимает определенное место в ее структуре и связано с ней выполнением конкретной функции. Причем выполняемая таким лицом функция (например, аналитическая, техническая, бухгалтерская, информационная) может вообще не содержать в себе признаков объективной стороны какого-либо преступления. Достаточно, чтобы эта функция осуществлялась им в интересах преступной организации и была направлена на поддержание ее организационного единства и эффективной деятельности[1].

В теории высказываются и иные мнения по этому вопросу. В частности, указывается следующее: «участием будет считаться нахождение, членство в данном сообществе, и для квалификации преступления по ч. 2 ст. 282[1] УК РФ не потребуется реального совершения преступлений экстремистской направленности»[2]; «участие в экстремистском сообществе предполагает пребывание в его членах. Можно в объективную сторону данного состава включить также принятие активных действий в деятельности указанной организации по достижению поставленной цели либо разработке планов, выполнение указаний руководства и т.п.»[3].

Позиция сторонников возможности непреступного участия в противоправном сообществе противоречит установленному законом основанию уголовной ответственности, положениям института соучастия в преступлении и создает опасность объективного вменения. Как справедливо отмечается в классической юридической литературе, «при соучастии особого рода – при участии в сообществе – не возникает иная, новая солидарная ответственность взамен индивидуальной. Напротив, как и при совершении отдельным лицом преступления… неизменным остается основной принцип… – каждый отвечает за себя, за свои действия…»[4]. Поэтому не ясно, за какие же свои действия должно нести уголовную ответственность лицо, непреступно участвующее в том или ином преступном формировании. Получается, что лицо под-

---

[1] См.: *Цветков Ю.А.* Преступное сообщество (преступная организация): уголовно-правовой и криминологический анализ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 79–80.

[2] *Фридинский С.Н.* Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России: социально-правовое и криминологическое исследование. С. 175–176.

[3] *Ржевский А.С.* Экстремизм и его проявления в Уголовном кодексе России (уголовно-правовая характеристика): дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004. С. 106.

[4] *Трайнин А.Н.* Избранные труды. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. С. 286–287.

лежит уголовной ответственности за свои непреступные действия, что недопустимо.

Еще раз подчеркнем, что речь идет только о криминальных формированиях – сообществах, преследующих цели совершения преступлений. Следовательно, наличие такой цели является обязательным признаком, отсутствие которого (а у «непреступных участников» такая цель отсутствует) исключает возможность привлечения к уголовной ответственности.

Конкретизируя предлагаемый подход применительно к экстремистскому сообществу, можно утверждать следующее. Участие в экстремистском сообществе предполагает, в первую очередь, подготовку или совершение лицом преступлений экстремистской направленности, а также совершение им каких-либо иных деяний в преступных интересах сообщества (однако в любом случае эти деяния должны быть причинно связаны с конкретными преступлениями, осуществляемыми указанным сообществом). Это может быть обеспечение участников сообщества техническими средствами, транспортом, финансирование преступных акций и оказание иной материальной помощи, подыскание объектов общественно опасных посягательств и т.д.

Участие в группе должно быть деятельным и активным, когда лицо существенно способствует его функционированию[1]. Нельзя согласиться с мнением исследователей, условно разделяющих участие в экстремистском сообществе на «пассивное» и «активное». Пассивным предлагается считать участие, когда лицо не участвует в разработке планов (условий) для совершения преступлений, являясь рядовым членом экстремистского сообщества, а активным – когда лицо принимает участие в экстремистском сообществе в целях разработки планов (условий) совершения преступлений экстремистской направленности[2]. В уголовном праве общепризнано, что пассивное волевое общественно опасное поведение человека – это преступное бездействие. Сложно представить себе участие в сообществе, выраженное в форме бездействия.

---

[1] См.: *Галиакбаров Р.Р.* Ответственность за религиозное изуверство по Уголовному кодексу РСФСР. С. 9.

[2] См.: *Завидов Б.Д.* Комментарий преступлений экстремистской направленности (ст. 280, 282^1 и 282^2 УК РФ). (Уголовно-правовой анализ) // СПС «КонсультантПлюс».

По той же причине спорной представляется и позиция С.Н. Фридинского, утверждающего, что «участие в экстремистском сообществе – в принципе, является бездействием, чистым или смешанным, аналогичным «участию в банде» по ст. 209 УК РФ, т.е. таковым будет считаться уже просто нахождение, членство в данном сообществе. Таким образом, данное преступление, как и руководство по ч. 1 ст. 282[1] УК РФ, – длящееся»[1]. Подобные подходы к оценке участия в экстремистском сообществе находят как сторонников[2], так и противников[3].

Еще в ходе Нюрнбергского процесса отмечалось, что решение об уголовной ответственности членов преступной организации должно исключать лиц, которые не были осведомлены о преступных целях или действиях организации, кроме тех случаев, когда они были лично замешаны в совершении преступлений в качестве членов этой организации. Формальное членство не подпадает под действие этого решения[4].

Отдельно следует остановиться на моменте окончания участия в сообществах, создание и деятельность которых запрещена уголовным законом. Сложно согласиться с существующим в науке мнением, что такое участие следует считать оконченным преступлением с момента дачи лицом согласия, произнесения клятвы или исполнения другого ритуала вступления в соответствующее сообщество[5]. Отсутствуют в данном случае и признаки покушения на данное преступление, поскольку сами по себе намерения человека, не получившие еще конкретной реализации, по российскому уголовному праву не рассматриваются как преступное дея-

---

[1] *Фридинский С.Н.* Борьба с экстремизмом: уголовно-правовой и криминологический аспекты. С. 83.

[2] См., напр.: *Бешукова З.М.* Преступления, связанные с осуществлением экстремистской деятельности: сравнительно-правовое исследование. Пятигорск, 2011. С. 149.

[3] См.: *Саркисов Д.Н.* Уголовно-правовые средства противодействия экстремистской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 143. Верно в этом смысле и утверждение о том, что участниками организованной преступной группы должны признаваться лица, умышленно и совместно принимавшие участие в преступной деятельности группы (см.: *Ситникова А.И.* Авторский проект главы 7 УК РФ // Уголовно-правовая защита прав человека (к 15-летию Конституции России): сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. 26–27 мая 2009 г.; БИЭПП–БИИЯМС. СПб., 2009. С. 367).

[4] См.: *Нюрнбергский* процесс: сб. материалов. М., 1955. Т. 2. С. 1023.

[5] См., напр.: *Уголовное* право России. Часть Особенная: учеб. для вузов / отв. ред. Л.Л. Кругликов. М.: БЕК, 1999. С. 415. Автор главы В.П. Малков; *Мордовец А.А.* Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации) и участие в нем: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 16.

ние. Участие в криминальном сообществе должно признаваться оконченным преступлением, когда лицо не просто даст согласие на вступление в него (участвовать в преступлениях, выполнять отдельные поручения), а обязательно подкрепит это конкретной практической деятельностью, выполнит любые действия, вытекающие из факта принадлежности к деятельности сообщества. Еще в XIX в. известный немецкий криминалист А. Бернер писал о том, что «несправедливо то положение, по которому все участники уговора и решения должны быть наказываемы как главные виновники, не обращая внимания ни на способ их содействия при исполнении, ни даже на само участие в исполнении вообще». Такого подхода, по мнению доктора Бернера, нужно остерегаться больше всего из существующих «абстракций старой теории»[1].

Уголовное уложение 1903 г. предусматривало ряд норм, устанавливавших ответственность за участие в различных противозаконных сообществах. Комментируя их, Н.С. Таганцев указал следующее: «Одно только заявление о желании сделаться членом сообщества, заявление сочувствия целям или деятельности сообщества, не дает еще права признать данное лицо членом сообщества; необходимо чтобы оно вступило в сообщество, прямо выразило чем-либо свою принадлежность к таковому, принимало действительное участие в собраниях или деятельности сообщества, заведомо выполняло поручения общества или заведомо для общества учинило что-либо, направленное к достижению… целей сообщества»[2].

Все изложенное позволяет сделать ряд выводов:

1. Участие в экстремистском сообществе, ставящем перед собой цель подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности, должно выражаться в совершении конкретных, предусмотренных УК РФ общественно опасных деяний в интересах этого сообщества (непосредственном совершении, совершении в соучастии, приготовлении к таким преступлениям и покушении на них).

2. Участие должно быть активным, деятельным и не может выражаться в простом бездейственном членстве в сообществе.

---

[1] См.: *Бернер А.Ф.* Учебник уголовного права: Часть общая. Части общая и особенная. Т. 1. СПб., 1865. С. 98.

[2] *Уголовное* уложение 22 марта 1903 года. СПб., 1904. С. 229.

3. Лицо может считаться членом сообщества только тогда, когда оно существенно способствует его функционированию.

4. Участие в сообществе должно признаваться оконченным преступлением, когда лицо не просто даст согласие на вступление в него, а обязательно подкрепит это конкретной практической деятельностью, выполнит любые действия, вытекающие из факта принадлежности к деятельности соответствующей криминальной структуры.

Пленум Верховного Суда РФ справедливо указал, что преступление в форме участия лица в экстремистском сообществе считается оконченным с момента начала подготовки к совершению преступления экстремистской направленности или совершения хотя бы одного из указанных преступлений или иных конкретных действий по обеспечению деятельности экстремистского сообщества (п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11).

При совершении участником экстремистского сообщества конкретного преступления его действия должны квалифицироваться по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 282^1 УК РФ и соответствующей частью (пунктом) статьи УК РФ, с учетом квалифицирующего признака совершения «организованная группа». Если состав совершенного лицом преступления не предусматривает в качестве квалифицирующего признака совершение его организованной группой, то действия лица подлежат квалификации по ч. 2 ст. 282^1 УК и соответствующей части (пункту) статьи УК РФ, предусматривающей квалифицирующий признак «группой лиц по предварительному сговору», а при его отсутствии – по признаку «группой лиц». Если состав совершенного лицом преступления не предусматривает в качестве квалифицирующего признака совершение его организованной группой, группой лиц по предварительному сговору или группой лиц, действия лица необходимо квалифицировать по ч. 2 ст. 282^1 УК РФ и соответствующей статье УК РФ. При этом совершение участниками экстремистского сообщества конкретного преступления в составе организованной группы в соответствии с п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ признается в качестве обстоятельства, отягчающего наказание (п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11).

С субъективной стороны преступление характеризуется прямым умыслом, специальной целью и специальными мотивами.

Уголовная ответственность за создание экстремистского сообщества, руководство им (его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями) или за участие в нем наступает в случаях, когда организаторы, руководители и участники этого сообщества объединены умыслом на подготовку либо совершение преступлений экстремистской направленности при осознании ими общих целей функционирования такого сообщества и своей принадлежности к нему (п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11).

Решение об уголовной ответственности участников того или иного объединения должно приниматься с учетом того, что исключается ответственность лиц, которые не были осведомлены о преступных целях или действиях этого объединения, кроме случаев, когда они принимали личное участие в совершении преступлений именно как участники этого объединения.

Сложно поэтому согласиться с высказанным в теории предложением дополнить ст. 282[1] УК РФ новой частью: «Участие в экстремистском сообществе по иным мотивам и при отсутствии прямого умысла на достижение целей такой преступной организации»[1].

Также обязательный признак данного преступления – это специальная цель и мотивы.

Целями экстремистского сообщества являются подготовка или совершение преступлений экстремистской направленности. Согласно примечанию 2 к ст. 282[1] УК РФ под преступлениями экстремистской направленности понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части УК РФ и п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Понятие «преступления экстремистской направленности» используется не только для квалификации преступлений по данной статье УК РФ, но и в иных сферах правоприменительной и

[1] См.: *Сергун Е.П.* Экстремизм в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. С. 195.

законодательной деятельности[1]. При этом вопрос о конкретном перечне названных преступлений остается сложным и до конца не решенным. Обращение к официальным документам, в которых есть такие перечни, вносит мало ясности и больше свидетельствует об отсутствии единообразной трактовки их содержания.

Следует отметить, что впервые понятие «преступления экстремистской направленности» появилось в УК РФ с введением именно ст. 282[1]. В диспозиции данной статьи к преступлениям экстремистской направленности были отнесены восемь преступлений (ст. 148, 149, 213, 214, 243, 244, 280, 282 УК РФ).

Федеральным законом от 24.07.2007 № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» редакция ст. 282[1] УК РФ была изменена путем исключения этого перечня из ее диспозиции с одновременным введением примечания 2, процитированного выше.

Тем самым был реализован универсальный подход к определению преступлений экстремистской направленности: вместо указания конкретных статей введен общий критерий отнесения преступлений к числу экстремистских, причем критерий полностью основанный на специальном мотиве. Однако этот мотив предусмотрен и как признак конкретных преступлений (например, в п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «б» ч. 2 ст. 115 УК РФ и др.), и как обстоятельство, отягчающее наказание, которое может быть отнесено к любому преступлению. Именно такая двойственная трактовка и породила трудности в понимании содержания института преступлений экстремистской направленности и соответствующие разночтения.

Рассмотрим три подхода к определению перечня данных преступлений, один из которых и будет предложен нами в качестве варианта решения обозначенной проблемы.

---

[1] См., напр.: п. 3^2 ст. 4 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»; ч. 4^2 ст. 5 Федерального закона от 18.05.2005 № 51-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»; п. 5^2 ст. 3 Федерального закона от 10.01.2003 № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации»; ст. 15 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

1. Узкий подход основан на буквальном толковании примечания 2 к ст. 282[1] УК РФ: «Под преступлениями экстремистской направленности в настоящем Кодексе понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, *предусмотренные соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса и пунктом «е» части первой статьи 63 настоящего Кодекса».*

Исходя из подобного толкования и с учетом того, что п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ преступлений не предусматривает, к числу преступлений экстремистской направленности относятся только те, в диспозиции которых указывается приведенный мотив:

п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ;

п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ;

п. «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ;

п. «б» ч. 2 ст. 115 УК РФ;

п. «б» ч. 2 ст. 116 УК РФ;

п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РФ;

ч. 2 ст. 119 УК РФ;

ч. 4 ст. 150 УК РФ (условно, так как в данном случае ответственность предусмотрена не за совершение преступления по такому мотиву, а за вовлечение в его совершение);

п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ;

ч. 2 ст. 214 УК РФ;

п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ.

Во всех случаях данные мотивы предусмотрены в качестве квалифицирующего признака (исключение – ст. 213 УК РФ, где они являются одним из двух альтернативных криминообразующих признаков).

Основное достоинство указанного подхода в том, что он исключает неконкретность правовой оценки, так как речь идет о статьях Особенной части УК РФ, где прямо указаны соответствующие признаки.

Первый же его недостаток – чрезмерная узость, что порождает сугубо практическую, правоприменительную проблему: судебная практика свидетельствует, что для экстремистских сообществ типично совершение преступлений, предусмотренных

ст. 282 УК РФ (Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства), собственно, и представляющее собой «классическое» экстремистское преступление. Но оно не предусматривает какого-либо специального мотива. Мотив в данном случае может быть, например, корыстным (лицо за вознаграждение распространяет соответствующие листовки, не разделяя при этом изложенных в них суждений). Проблема касается и публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ), публичных призывов к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280^1 УК РФ), а также финансирования экстремистской деятельности (ст. 282^3 УК РФ), не предусматривающих обязательного экстремистского мотива. Такое «выпадение» экстремистских, по своей сути, преступлений из перечня преступлений экстремистской направленности противоречит смыслу криминализации деяний, предусмотренных ст. 282^1 УК РФ, и при буквальном толковании примечания 2 к названной статье препятствует признанию экстремистским сообществом организованного формирования, созданного для совершения преступлений, ответственность за которые установлена ст. 280, 280^1, 282 и 282^3 УК РФ.

Второй недостаток данного подхода состоит в том, что в этом случае остается без внимания п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ, также предусмотренный в примечании 2 к ст. 282^1 УК РФ в качестве критерия отнесения преступлений к числу преступлений экстремистской направленности.

2. Широкий подход. С учетом отмеченных недостатков, широкий подход предполагает отнесение к числу преступлений экстремистской направленности, во-первых, 11 преступлений, указанных при анализе узкого подхода; во-вторых, иных преступлений, непосредственно связанных с экстремистской деятельностью: публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ), публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280^1 УК РФ), возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ), финансирование экстремистской деятельности (ст. 282^3 УК РФ). Эти преступления в том случае, когда совершаются не по экстремистским мотивам (что, однако, не пред-

полагается для экстремистского сообщества), относятся к преступлениям экстремистской направленности по признаку двойной противоправности: в ст. 1 Закона «О противодействии экстремистской деятельности» эти деяния отнесены к экстремизму, а согласно УК РФ они признаются преступлениями. Таким образом, названные деяния не что иное, как проявления преступного экстремизма.

Формально в этот перечень можно включить и деяния, связанные с организацией экстремистских структур и участием в них (ст. 282^1, ст. 282^2 УК РФ), так как в ст. 282^1 УК РФ в качестве обязательного признака закреплены экстремистские мотивы преступлений, для подготовки и совершения которых создается экстремистское сообщество, а в ст. 282^2 УК РФ предусмотрена ответственность за организацию и участие в деятельности организации, которая уже признана судом экстремистской именно в связи с осуществлением экстремистской деятельности[1].

В подтверждение необходимости отнесения названных четырех составов к числу преступлений экстремистской направленности говорят и следующие данные ГИАЦ МВД России. В 2007 г., когда в УК РФ были внесены анализируемые изменения, касающиеся понятия преступлений экстремистской направленности, наибольшее число зарегистрированных экстремистских преступлений образовывали деяния, выделяемые не на основе мотивов. Больше 80% всех зарегистрированных преступлений с объективными признаками экстремизма (без преступлений экстремистской направленности) составили деяния против основ конституционного строя и безопасности государства. В их числе: 68,5% – факты возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ), 16,2% – организация и участие в экстремистском сообществе или экстремистской организации, 15,3% – публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ)[2].

---

[1] Разумеется, этот подход неприемлем в качестве перечня преступлений экстремистской направленности для определения цели экстремистского сообщества, поскольку сложно обосновать возможность создания экстремистского сообщества для организации другого экстремистского сообщества или для организации деятельности экстремистской организации.

[2] См.: *Экстремизм:* понятие, система противодействия и прокурорский надзор: методич. пособие / под ред. А.И. Долговой. М., 2009. С. 36.

3. Ультраширокий подход, согласно которому к преступлениям экстремистской направленности относятся все приведенные при анализе широкого подхода преступления, а также *любые преступления, совершенные по мотивам, предусмотренным п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ (мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы),* поскольку эти мотивы отражены в Общей части УК РФ в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, и распространяются на все преступления, безотносительно к тому, содержит или нет статья Особенной части УК РФ, предусматривающая ответственность за данное преступление, такой квалифицирующий признак.

В пользу приемлемости этой точки зрения свидетельствует и то, что согласно ст. 1 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ экстремистская деятельность (экстремизм) – это, наряду с иными деяниями, и «совершение преступлений по мотивам, указанным в п. «е» ч. 1 ст. 63 Уголовного кодекса Российской Федерации». В данном нормативном положении не предусмотрены какие-либо конкретные составы преступлений, поэтому п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ может относиться к любому преступлению.

Именно последний из трех подходов представляется нам правильным в силу своей полноты, системного отражения положений Общей и Особенной части УК РФ, юридической непротиворечивости и соответствия Федеральному закону от 25.07.2002 № 114-ФЗ.

Таким образом, под преступлениями экстремистской направленности понимаются:

1) любые преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы;

2) действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе (ст. 282 УК РФ); публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ); публичные призывы к осуществлению действий, направленных

на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280^1 УК РФ); финансирование экстремистской деятельности (ст. 282^3 УК РФ). Эти преступления относятся к числу экстремистских по двум основаниям – если они совершаются по экстремистским мотивам либо, в случае их совершения по иным мотивам, в силу двойной противоправности (предусмотрены и в УК РФ и в Федеральном законе от 25.07.2002 № 114-ФЗ);

3) организация экстремистского сообщества (ст. 282^1 УК РФ), так как статья в качестве обязательного признака предусматривает экстремистские мотивы преступлений, для подготовки и совершения которых создается экстремистское сообщество;

4) организация деятельности экстремистской организации (ст. 282^2 УК РФ), так как в ней установлена ответственность за организацию и участие в деятельности организации, которая уже признана судом экстремистской именно в связи с осуществлением экстремистской деятельности.

Именно такой подход и отразил в своих рекомендациях Пленум Верховного Суда РФ, указав, что к числу преступлений экстремистской направленности относятся преступления, предусмотренные, в частности, ст. 280, 282, 282^1, 282^2 УК РФ, п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ, а также иные преступления, совершенные по указанным мотивам, которые в соответствии с п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ признаются обстоятельством, отягчающим наказание (п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11). В целом можно положительно оценить этот законодательный прием без формирования конкретного исчерпывающего перечня преступлений экстремистской направленности, хотя такие предложения в теории высказываются[1].

Цель же объединения организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений экстремистского сообщества состоит в разработке планов и (или) условий для совершения преступлений экстремистской направленности.

---

[1] См., напр.: *Маршакова Н.Н.* Противодействие организации экстремистского сообщества: проблемы уголовно-правовой регламентации // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты: материалы III Рос. Конгресса уголовного права, состоявшегося 29–30 мая 2008 г. М.: Проспект, 2008. С. 263.

С учетом того, что целью экстремистского сообщества выступает подготовка или совершения преступление экстремистской направленности, а последние предполагают наличие мотивов политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо мотивов ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, названные мотивы – обязательные признаки рассматриваемого преступления.

Специфика мотивов политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды, а также мотивов ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы заключается в том, что они выделяются в качестве признака, объединяющего разнородные, посягающие на различные объекты уголовно наказуемые деяния, включенные законодателем в единый перечень преступлений экстремистской направленности. При этом в литературе политическую, идеологическую, социальную, расовую национальную и религиозную ненависть и вражду обобщенно характеризуют как стойкие активные отрицательные чувства человека, представляющие собой процесс непримиримой неприязни к представителям другой национальности, расы, конфессии, политической, идеологической или социальной группы. В основе совершаемых по этим мотивам преступлений лежит высокая степень ригоризма (нетерпимости) к таким лицам[1].

Мотив *политической ненависти или вражды* означает наличие отрицательного отношения к потерпевшему, которое вызвано принадлежностью последнего к какой-либо политической партии или общественному объединению, его участием в выборах в государственные органы власти или органы местного самоуправления, а равно тем, что он придерживается определенных политических взглядов.

Мотив *идеологической ненависти или вражды* представляет собой отрицательное отношение к потерпевшему, обусловленное тем, что он – сторонник определенных идей (например, антифашистских), образующих систему, доктрину, теорию, концепцию.

Мотивы *расовой и национальной ненависти или вражды* можно рассматривать как неприязнь к потерпевшему, связанную

[1] См.: *Полный* курс уголовного права: в 5 т. / под. ред. А.И. Коробеева. Т. II: Преступления против личности. СПб., 2008. С. 227 (второй главы – А.И. Коробеев).

с его расой, цветом кожи, родовым, национальным или этническим происхождением[1]. Эти мотивы основываются на идеях исключительности и превосходстве одних рас, национальностей, этнических групп над другими[2]. Авторы монографии «Ответственность за разжигание вражды и ненависти. Психолого-правовая характеристика» подчеркивают, что уголовно наказуемым должно являться возбуждение вражды по отношению к любой этнической (национальной) группе и ее представителям, независимо от размера, наличия общей территории, особенностей происхождения, уровня развития и других объективных характеристик данной группы[3]. Именно указанный мотив наиболее типичен для членов экстремистских объединений. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, признавая правильным осуждение группы лиц за совершение ряда преступлений, в том числе, предусмотренных п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ, отметила, что «убеждения и мотивация действий подсудимых, выбор ими людей с не русской внешностью в качестве объекта для нападения, их одежда во время совершения преступлений и внешний вид были характерны и полностью соответствовали атрибутам экстремистского националистического движения «бритоголовых»[4].

Мотив национальной ненависти или вражды присущ лицам, совершающим преступление в отношении индивидуально безразличного им субъекта «не той» национальности или расы[5].

В основе мотива *религиозной ненависти или вражды* лежит стойкое отрицательное чувство, испытываемое виновным к определенному религиозному направлению (вероучению) и (или) его представителям.

Раскрывая содержание признака религиозной принадлежности, А.Р. Ратинов, М.В. Кроз и Н.А. Ратинова предлагают считать уголовно наказуемым разжигание вражды, направленное: на религиозное вероучение, его догматы и обряды; церковную организацию, ее служителей и иерархов (клир); а также верующих, ис-

---

[1] См. ст. 1 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (Принята 21 декабря 1965 г. Резолюцией 2106 (XX) Генеральной Ассамблеи ООН).
[2] См.: *Капинус О.С.* Убийства: мотивы и цели. М., 2003. С. 115–116.
[3] См.: *Ратинов А.Р., Кроз М.В., Ратинова Н.А.* Указ. соч. С. 65.
[4] Определение Верховного Суда РФ от 20.07.2007 № 4-о07-15.
[5] См.: *Головенков П.В., Есаков Г.А., Мацкевич И.М., Хельманн У.* НеОбыкновенный фашизм (криминологическая и уголовно-правовая характеристика). С. 137.

поведующих данное вероучение[1]. Помимо этого в литературе подчеркивается, что необходимо отграничивать преступления, совершенные по мотиву религиозной ненависти или вражды, от посягательств, обусловленных иной религиозной мотивацией. Например, религиозные убийства, хотя и совершаются на религиозной почве, однако связаны с желанием виновного исполнить религиозный обряд, ритуал и проявлением религиозной ненависти или вражды не являются[2]. Вместе с тем данный мотив может проявляться и в случаях, когда потерпевшим выступает лицо, вообще не исповедующее никакой религии.

Наибольшие сложности в правоприменительной деятельности вызывает определение *мотива ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы* в связи с неопределенностью понятия и признаков последней в сфере уголовно-правового воздействия. Данный вопрос подробно рассматривался при анализе преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, и был сделан вывод, который применим и к ст. 282[1] УК РФ: при квалификации преступлений экстремистской направленности к социальной группе следует относить два вида объединений: а) группу граждан, выделяемую на основе пола, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, убеждений, принадлежности к общественным объединениям; б) объединение лиц, осуществляющих совместную социально полезную или социально нейтральную деятельность, вступающих (способных вступить) в общественные отношения именно как представители группы, т.е. устанавливающих в качестве таковых социальную связь с другими субъектами.

С учетом того значения, которое имеют мотивы в преступлениях экстремистской направленности, для подготовки или совершения которых создается экстремистское сообщество, следует также обратить внимание на вопросы оценки полимотивированных преступлений. В науке по этому поводу отмечается: «Особую сложность представляет квалификация преступления, когда оно вызывается несколькими мотивами, имеющими самостоятельное правовое значение, так как при этом возникает сомнение,

[1] См.: *Ратинов А.Р., Кроз М.В., Ратинова Н.А.* Указ. соч. С. 70.
[2] См.: *Кунашев А.А.* Мотивы ненависти или вражды в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 10.

какому из них отдать предпочтение»[1]. Как указывал Б.С. Волков, судебная практика свидетельствует о том, что при совершении преступления лицо часто руководствуется несколькими побуждениями[2]. При этом следует различать мотивы главные и второстепенные, побочные. Именно главный мотив, определяющий основной смысл и содержание содеянного, имеет решающее значение при квалификации преступления[3].

Кроме того, как справедливо отмечается в науке, квалификация преступления по мотивам ненависти или вражды возможна лишь тогда, когда они являлись доминирующим мотивом, а не «окрашивали» преступление, совершенное на почве личных неприязненных отношений, бытовой конфликт[4].

Таким образом, если одновременно с мотивами ненависти или вражды лицо при совершении преступлений руководствовалось также иными мотивами, необходимо устанавливать, какие мотивы были доминирующими и квалифицировать преступление в соответствии с ними. При этом квалификация преступлений, совершенных по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы исключает возможность одновременной квалификации содеянного как совершенного по иным мотивам или целям.

Субъектом данного преступления является вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Субъектом преступления признается лицо, которое способно было осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий, и могло руководить своим поведением. Такая способность понимать значение своих действий формируется по достижению определенного возраста, поэтому законодатель установил общий возраст уголовной ответственности – 16 лет. Это положение распространяется и в отношении рассматриваемого преступления.

---

[1] *Тарарухин С.А.* Установление мотива и квалификация преступления. Киев, 1977. С. 109.

[2] Аналогично, и в работе В.В. Лунеева также говорится, что «наличие доминирующего мотива не препятствует актуализации сопутствующих мотивов. В силу этого субъективный вектор преступного поведения нередко бывает полимотивированным» (См.: *Лунеев В.В.* Мотивация преступного поведения. М., 1991. С. 42).

[3] См.: *Волков Б.С.* Мотивы преступления: уголовно-правовое и социально-психологическое исследование. Казань, 1982. С. 84–86.

[4] См.: *Головенков П.В., Есаков Г.А., Мацкевич И.М., Хельманн У.* Указ. соч. С. 138.

Лицо, достигшее 16-летнего возраста, уже способно осознавать общественную опасность организации экстремистского сообщества и участия в нем. Вместе с тем в литературе высказано предложение снизить возраст субъекта рассматриваемого преступления до 14 лет. Аргументируется это тем, что весьма часто виновные уходят от ответственности в связи с недостижением возраста[1].

Вменяемое лицо не только осознает фактический характер и общественную опасность своих действий, но и способно выбирать варианты поведения. При совершении рассматриваемого преступления лицо склоняется к тому варианту, который выражается именно в совершении указанного общественного опасного деяния, что служит выражением его воли, направляемой, соответственно, на создание экстремистского сообщества, объединения представителей частей или структурных подразделений сообщества, руководство сообществом, его частью или структурными подразделениями, либо на участие в сообществе.

Лица в возрасте от 14 до 16 лет, совершившие совместно с членами экстремистского сообщества конкретные преступления, подлежат уголовной ответственности лишь за те преступления, ответственность за которые предусмотрена законом с 14 лет согласно положениям ч. 2 ст. 20 УК РФ (например, убийство по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы – п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Несмотря на традиционно абстрактные законодательные положения, касающиеся субъекта рассматриваемого преступления, фактическая деятельность лиц в рамках сообщества может существенно отличаться, что обусловливается как различием функций организатора (руководителя) и рядовых участников, так и возможной особой активной ролью отдельных лиц. Кроме того, руководители и участники экстремистского сообщества могут выстраивать систему отношений, которая делает возможным продолжение осуществление руководящих функций даже после задержания лидера и опирается на наиболее активных членов сообщества. Так, в 2013 г. в Казани был вынесен приговор четырем

[1] См.: *Кочои С.М.* О противодействии экстремизму // Уголовное право. 2006. № 2. С. 105.

членам экстремистского сообщества «Казанская дивизия». Организатор группы Н. был осужден в 2010 г. за хулиганство, совершенное по мотивам политической, идеологической и национальной ненависти к лишению свободы на 3,5 года. Отбывая наказание, он руководил группой через доверенное лицо – П. – бывшую студентку педагогического техникума. Наибольшей активностью в группе «Казанская дивизия» отличалась именно П. Она в ходе так называемых белых патрулей нанесла ножевое ранение уроженцу Азербайджана, а во время судебных слушаний по уголовному делу в отношении членов экстремистской группы «Фронт казанских патриотов» сообщила о якобы заложенной в здании суда бомбе по телефону[1].

В ч. 3 ст. 282[1] УК РФ установлена ответственность за совершение деяний, предусмотренных частями первой[1] или второй данной статьи, лицом с использованием своего служебного положения. К лицам, использующим свое служебное положение, относятся, в частности, должностные лица, обладающие признаками, предусмотренными примечанием 1 к ст. 285 УК РФ, государственные или муниципальные служащие, не являющиеся должностными лицами, а также иные лица, отвечающие требованиям, предусмотренным примечанием 1 к ст. 201 УК РФ. Использование служебного положения выражается не только в умышленном использовании указанными лицами своих служебных полномочий, но и в оказании влияния исходя из значимости и авторитета занимаемой ими должности на других лиц при создании экстремистского сообщества, руководстве таким экстремистским сообществом, его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями, создании объединения организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений такого сообщества, участии в экстремистском сообществе.

Имеется в виду использование форменной одежды и атрибутики, служебных удостоверений или оружия, а равно сведений, которыми лицо располагает в связи со своим служебным положением при подготовке или совершении экстремистским сооб-

[1] Официальный сайт Министерства внутренних дел по Республике Татарстан. URL: http://16.mvd.ru/news/item/1153967 (дата обращения: 12.02.2015).

ществом преступлений либо при финансировании его преступной деятельности, материальном обеспечении и т.п.

Согласно примечанию 1 к ст. 282^1 УК РФ лицо, добровольно прекратившее участие в деятельности экстремистского сообщества, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления.

Прекращение участия в экстремистском сообществе следует рассматривать исходя из характеристики такого участия. Как указывалось, участие в сообществе предполагает вхождение в его состав, участие в подготовке или совершении преступлений экстремистской направленности и (или) выполнение иных действий по обеспечению деятельности сообщества.

Коль скоро участие связывается с вхождением в состав сообщества, то прекращение участия как процесс обратный должно выражаться в выходе из него.

Прекращение участия – это, прежде всего, отказ, воздержание от дальнейшего совершения указанных действий. Представляется, что таким бездействием и осуществляется фактический выход из состава сообщества, а формальная сторона прекращения участия (сдача членского билета, если таковой был и т.п.) обязательного значения не имеет, хотя и может учитываться. Оценка прекращения участия в каждом конкретном случае осуществляется с учетом всех обстоятельств дела, в частности, тех функций, которые выполняло лицо в составе экстремистского сообщества.

Анализируемая поощрительная норма относится к деятельному раскаянию, а не к добровольному отказу от совершения преступления, поэтому ее применение осуществляется уже после того, как совершено преступление. Преступление в форме участия лица в экстремистском сообществе считается оконченным с момента начала подготовки к совершению преступления экстремистской направленности или совершения хотя бы одного из указанных преступлений или иных конкретных действий по обеспечению деятельности экстремистского сообщества.

Следовательно, говорить о прекращении участия можно только после совершения указанных действий. Согласно п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственно-

сти», в тех случаях, когда условием освобождения от уголовной ответственности в соответствии с примечанием к статье Особенной части УК РФ является отсутствие в действиях лица иного состава преступления, следует иметь в виду, что применение примечания допускается и в случае совершения лицом совокупности преступлений.

Поэтому наличие в действиях участника экстремистского сообщества иного состава преступления не препятствует освобождению его от уголовной ответственности за участие в сообществе, но не исключает привлечения его к ответственности за иное преступление, совершенное в составе сообщества (например, освобождению лица, добровольно прекратившего участие в экстремистском сообществе, от уголовной ответственности на основании анализируемого примечания не препятствует привлечению его к ответственности за совершение в составе сообщества убийства по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы).

Добровольность прекращение участия в экстремистском сообществе означает, что: а) лицо прекращает участие по собственной воле; б) у него была объективная возможность продолжить такое участие.

Отметим, что при рассмотрении примечания 1 к ст. 282^1 УК РФ проявляется несостоятельность критиковавшегося выше подхода о возможности пассивного участия в экстремистском сообществе путем бездействия, поскольку в этом случае сложно представить, каким образом лицо, бездейственно участвующее в сообществе, должно прекратить свое участие. Тем самым еще раз подтверждается возможность только активного, действенного участия в сообществе: нельзя прекратить то, чего нет.

Квалификация нападений, совершаемых членами организованной вооруженной группы, созданной для совершения таких преступлений по экстремистским мотивам

В данном случае речь идет о совершении нападений по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (на-

пример, убийств или умышленного причинения тяжкого вреда здоровью).

Прежде всего, следует учитывать, что нападения, совершенные по указанным мотивам, относятся к преступлениям экстремистской направленности (примечание 2 к ст. 282^1 УК РФ).

Теоретически в приведенной ситуации возможны четыре варианта квалификации:

1) квалификация по статьям, предусматривающим ответственность за совершение конкретных преступлений экстремистской направленности, с учетом квалифицирующего признака «совершенное организованной группой» (если же состав совершенного преступления не содержит в качестве квалифицирующего признака совершение его организованной группой, то действия лица подлежат квалификации по соответствующей части (пункту) статьи УК РФ, предусматривающей квалифицирующий признак «группой лиц по предварительному сговору»);

2) квалификация действий виновных по совокупности по ст. 282^1 УК РФ «Организация экстремистского сообщества», ст. 209 УК РФ «Бандитизм» и по статьям, предусматривающим ответственность за совершение конкретных преступлений экстремистской направленности с учетом квалифицирующего признака «совершенное организованной группой»;

3) квалификация действий виновных по ст. 282^1 УК РФ «Организация экстремистского сообщества» и по совокупности по статьям, предусматривающим ответственность за совершение конкретных преступлений экстремистской направленности с учетом квалифицирующего признака «совершенное организованной группой»;

4) квалификация действий виновных по ст. 209 УК РФ «Бандитизм» и по совокупности по статьям, предусматривающим ответственность за совершение конкретных преступлений экстремистской направленности с учетом квалифицирующего признака «совершенное организованной группой».

Правильным представляется именно четвертый из приведенных вариантов в силу следующих причин.

Недостаток первого варианта состоит в том, что в данном случае остаются без юридической оценки создание и участие в вооруженной организованной группе, а учет этого факта лишь в

качестве квалифицирующего признака конкретного преступления (например, п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ) не является достаточным, поскольку имеются признаки самостоятельного состава преступления.

Второй вариант противоречит принципу справедливости в части запрета на привлечение к ответственности дважды за одно и то же преступление (ч. 2 ст. 6 УК РФ), так как фактически имеет место одно криминальное формирование, подпадающее под две разные нормы (ст. 209 и ст. 282^1 УК РФ).

Достоинство третьего варианта, безусловно, в том, что при квалификации по ст. 282^1 УК РФ, расположенной в главе 29 УК РФ, находит отражение направленность действий виновных против основ конституционного строя, поскольку они, совершая нападения по экстремистским мотивам в составе организованной группы, тем самым нарушают конституционные основы равенства граждан и конституционные запреты на осуществление экстремистской деятельности.

Однако есть в этом варианте квалификации и два существенных недостатка. Во-первых, юридически не учитывается вооруженность данной организованной группы; во-вторых, виновные оказываются в привилегированном положении: если бы они, будучи членами той же группы, совершали, например, убийства из корыстных побуждений или убийства, сопряженные с разбоем, то их действия в части создания и участия в вооруженной организованной группе без каких-либо препятствий квалифицировались бы по ст. 209 УК РФ. Получается, что замена мотивов таких убийств с корыстных на экстремистские исключает возможность квалификации содеянного по ст. 209 УК РФ и «вынуждает» применять ст. 282^1 УК РФ, хотя санкция в последней значительно мягче, а это влечет неоправданные привилегии для виновных.

Таким образом, действия виновных в части создания, руководства и участия в организованной вооруженной группе, созданной для совершения нападений по экстремистским мотивам, квалифицируются по ст. 209 УК РФ. Так, В., П., К. и другие лица на почве общих взглядов и ценностных ориентиров в период лета-осени 2003 г. в г. Санкт-Петербург объединились для совместной противоправной деятельности, связанной с нападениями на выходцев из районов Кавказа, Азии и Африки. При этом они подчи-

нялись установленным В. правилам, направленным на обеспечение в группе дисциплины, конспирации и общего бюджета, а при совершении конкретных преступлений предполагали действовать по заранее разработанному плану. Продолжительность последующей преступной деятельности участников этой группы и количество совершенных ими преступлений свидетельствовали о ее устойчивости. С целью совершения нападений на граждан участники указанной организованной группы имели в своем распоряжении охотничьи ружья, обрезы, пистолеты и другие предметы, являющиеся оружием в соответствии с Федеральным законом «Об оружии» и заключениями судебных экспертиз. Санкт-Петербургский городской суд признал виновными указанных лиц в совершении бандитизма, убийств при отягчающих обстоятельствах и других преступлений[1].

В качестве еще одного аргумента в пользу предлагаемого варианта квалификации можно рассмотреть анализируемую ситуацию с позиций конкуренции норм, а именно конкуренции целого и части. Экстремистское сообщество и банда – разновидности одной и той же формы соучастия – организованной группы. Соответственно, общими для них, исходя из положений ч. 3 ст. 35 УК РФ, являются признаки устойчивости группы лиц и цель – совершение одного или нескольких преступлений. Указанный набор признаков у экстремистского сообщества дополняется (точнее, конкретизируется) еще одним – целью подготовки или совершения не любых преступлений, а именно преступлений экстремистской направленности, при чем ст. 282[1] УК РФ не содержит указания на признак вооруженности. У банды же таких дополняющих (конкретизирующих) признаков два: вооруженность и цель совершения нападений. В части же характера нападений в ст. 209 УК РФ каких-либо ограничений нет – это могут быть и нападения, совершаемые по экстремистским мотивам, т.е. преступления экстремистской направленности. Поэтому при квалификации совершения организованной вооруженной группой нападений по экстремистским мотивам ст. 209 УК РФ будет с большей полнотой охватывать содеянное относительно создания данной группы и участия в ней. Это обстоятельство, а также более строгая санкция ст. 209 УК РФ по сравнению с санкцией ст. 282[1] УК РФ, – решающие аргументы

[1] Архив Санкт-Петербургского городского суда. Дело № 2-01/11 за 2011 г.

при выборе уголовно-правовой нормы в условиях обозначенной конкуренции[1].

Относительный недостаток данного варианта состоит в том, что при квалификации содеянного по ст. 209 УК РФ не учитываются экстремистские мотивы совершаемых нападений. Однако они должны находить отражение в квалификации по соответствующим пунктам статей Особенной части УК РФ, предусматривающим ответственность за конкретные совершенные в составе банды нападения (например, п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Необходимо обратить внимание на еще один момент: иногда при совершении таких нападений по экстремистским мотивам, виновные изымают имущество у потерпевших, а это теоретически позволяет усмотреть в содеянном и корыстный мотив. Выше отмечалось, что если при совершении преступления лицо руководствуется несколькими побуждениями, то следует различать мотивы главные и второстепенные, побочные. Именно ведущий мотив определяет итоговую квалификацию преступления. Соответственно, необходимо устанавливать, какой мотив был доминирующим, квалификация же одного нападения по признаку наличия двух разных мотивов одновременно (экстремистского и корыстного) не допускается (см. п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11).

Признание доминирующим именно корыстного мотива меняет квалификацию, превращая совершенное нападение в разбой, а совершенное при этом, например, убийство – в сопряженные с разбоем (п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Здесь вред основам конституционного строя не причиняется, и содеянное не может квалифицироваться по ст. 282[1] УК РФ. Поэтому квалификация преступных действия в части создания и участия в организованной группе, созданной для таких нападений, также осуществляется по ст. 209 УК РФ при, разумеется, установлении всех признаков банды (прежде всего – вооруженности). Так, за совершение ряда нападений на граждан были осуждены восемь членов националистической группировки «Братство скинхедов». Органами предварительного расследования их действиях были квалифицированы как участие в преступном сообществе (ч. 2 ст. 210 УК РФ в ред. 1996 г.), разбой,

[1] Аналогичное мнение по этому вопросу высказывает и Ю.Е. Пудовочкин (см. подробнее: *Пудовочкин Ю.Е.* Преступления против безопасности государства. М., 2009. С. 94).

совершенный неоднократно, с применением предметов, используемых в качестве оружия, организованной группой, с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего (пп. «а», «в» ч. 3 ст. 162 УК РФ в ред. 1996 г.), участие в экстремистском сообществе (ч. 2 ст. 282[1] УК РФ), а также как действия, направленные на возбуждение национальной и расовой вражды, совершенные публично, с применением насилия и угрозой его применения, организованной группой (пп. «а», «в» ч. 2 ст. 282 УК РФ). Однако, в итоге суд констатировал, что виновные представляли собой организованную группу лиц, объединившихся для совершения корыстных преступлений в отношении лиц не русской национальности, квалифицировав их действия только по пп. «а», «в» ч. 3 ст. 162 УК РФ (в ред. 1996 г.). Уголовное дело в отношении подсудимых по ч. 2 ст. 210 и ч. 2 ст. 282[1] УК РФ было прекращено в связи с отказом государственного обвинителя от поддержания обвинения по этим преступлениям[1].

Впрочем, возможно и сочетание экстремистских и корыстных мотивов, но только в рамках составов *разных преступлений*, совершаемых членами криминального формирования.

Например, Ульяновским областным судом был вынесен приговор группировке, именующейся исламской религиозной организацией «Джамаат». Деятельность этой банды (именно так называли эту организацию работники правоохранительных органов) была раскрыта при расследовании убийства местного криминального «авторитета». Сотрудники уголовного розыска вышли на заказчиков преступления. Оттуда потянулась цепочка к целой организации, зону влияния с которой, как выяснилось, не поделил убитый «авторитет». Еще тогда следователи обратили внимание на то, что подозреваемые называют себя исламскими именами вместо тех, что зафиксированы в паспортах. Так выяснилось, что некоторые из них приняли ислам и состоят в религиозной организации «Джамаат». Организатором «Джамаата» считался А. (проходивший в качестве обвиняемого по делу о теракте в Каспийске), прибывший в Ульяновск из Астрахани, откуда, как считало обвинение, и велась координация деятельности сети подобных организаций. В ходе следствия было установлено, что А. имел задание организовать «Джамаат» в Ульяновской области,

[1] Архив Новосибирского областного суда. Дело № 2-3/2006 за 2006 г.

однако финансирование организации могло начаться только после того, как она уже начнет действовать. Со слов старшего помощника прокурора Ульяновской области, весьма сложно было отделить голый криминал от радикальной идеологии. «Джамаату» были нужны деньги, а криминалу – идеологическое обоснование своих действий, снятие с себя психологической ответственности. Криминальная деятельность организации сводилась к тому, что они захватывали большегрузный транспорт на автотрассах, который угоняли к себе на базу, где перебивали номера кузова и двигателя, а затем сбывали его за пределами области. Члены банды были осуждены за бандитизм, разбой, хранение оружия, убийство и покушение на убийство, а также за возбуждение расовой и национальной вражды[1]. Главари банды проповедовали ваххабизм, изучали и распространяли литературу и видеоматериалы с работами по идеологии исламского экстремизма, призывали к действиям против «неверных» и отказу от традиционного ислама. Осужденные обжаловали приговор в Верховном Суде РФ, однако суд отклонил их жалобы[2].

Представляется, что в таких случаях содеянное должно квалифицироваться как бандитизм, а также по совокупности по иным статьям Особенной части УК РФ, предусматривающим ответственность за совершение конкретных преступлений, в том числе – экстремистской направленности. Так обеспечивается принцип полноты квалификации преступлений, поскольку квалификация отражает: а) факт создания и участия в вооруженной организованной группе, созданной для нападений на граждан или организации (ст. 209 УК РФ), что должно исключать одновременную квалификацию содеянного по ст. 282^1 или ст. 282^2 УК РФ; б) факты совершения насильственных преступлений с корыстной мотивацией (например, ст. 162 УК РФ); в) факты совершения преступлений экстремистской направленности (например, ст. 282 УК РФ).

Создание организованной невооруженной группы для совершения нападений по экстремистским мотивам, а равно участие в такой группе

[1] *Градов О.* Ваххабитов приговорили за бандитизм // Рос. газ. 2006. 1 февр.

[2] Официальный сайт ФСБ России. URL: http://www.fsb.ru/fsb/comment/ufsb/single.htm%21id%3D10316824%40fsbComment.html

Имеются в виду случаи, когда для совершения нападений виновные либо не используют никаких предметов, либо применяют предметы, используемые в качестве оружия (биты, обрезки арматуры, ножи, не относящиеся к холодному оружию), но юридически под категорию оружия не подпадающие, и, соответственно, признака вооруженности группы (в его традиционном уголовно-правовом значении – п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм») не образующие.

При таких обстоятельствах содеянное должно квалифицироваться по ст. 282^1 УК РФ «Организация экстремистского сообщества» и по совокупности по статьям, предусматривающим ответственность за совершение конкретных преступлений с учетом мотива и квалифицирующего признака «совершенное организованной группой» (например, п. «л», «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

«Экстремистское» хулиганство как преступление экстремистской направленности и цель экстремистского сообщества

На одном из преступлений экстремистской направленности, подготовка или совершение которого может выступать целью экстремистского сообщества, в рамках рассматриваемой проблемы мы вынуждены остановиться отдельно: своеобразным и труднообъяснимым исключением из правила квалификации преступлений на основе одного доминирующего мотива в настоящее время остается «экстремистское» хулиганство (п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ), предполагающее одновременное установление двух обязательных мотивов – хулиганских побуждений и собственно экстремистского мотива.

Уже приводились примеры, когда совершение таких преступлений вменялось и участникам экстремистских сообществ.

«Экстремистское» уголовно наказуемое хулиганство появилось в 2002 г., когда была введена ст. 282^1 УК РФ. В диспозиции данной статьи приводился исчерпывающий перечень преступлений экстремистской направленности, совершаемых по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти

либо вражды в отношении какой-либо социальной группы. В этом перечне указывалась и ст. 213 УК РФ.

Впоследствии «пересечение» экстремизма и хулиганства получило иную правовую фиксацию: с одновременным исключением из ст. 282[1] УК РФ перечня преступлений экстремистской направленности, экстремистские мотивы в качестве обязательного альтернативного признака были включены в ч. 1 ст. 213 УК РФ, т.е. в основной состав хулиганства. Такое произвольное обращение с хулиганскими и экстремистскими мотивами, допущенное при криминализации, поставило ряд сложных вопросов перед правоприменителем.

Главной была и остается проблема принципиальной возможности сочетания указанных мотивов в одном преступлении. В литературе высказывается преимущественно критическое отношение к включению в состав хулиганства мотивов политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды и мотивов ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы[1]. Мы разделяем данную точку зрения и не будем повторяться, перечисляя все приводимые ее сторонниками аргументы. Суть их в основном сводится к тому, что, как справедливо пишет С.М. Кочои, «хулиганство (ст. 213 УК) имеет «собственный» мотив, и он не может быть растворен среди мотивов идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, мотивов ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы. Какой-то из этих мотивов должен быть господствующим. Допускать возможность совершения преступления с несколькими равнозначными целями или мотивами, значит, создавать серьезные проблемы в правоприменительной практике и в конечном счете оставлять безнаказанными действия экстремистов»[2].

---

[1] См., напр.: *Волженкин Б.* Хулиганство // Уголовное право. 2007. № 5; *Кибальник А., Соломоненко И.* «Экстремистское» хулиганство – нонсенс уголовного закона // Законность. 2008. № 4; *Егорова Н.* К вопросу о новых мотивах совершения преступлений // Уголовное право. 2008. № 1; *Иванов Н.Г., Косырев И.И.* Современный метаморфоз уголовно наказуемого хулиганства // Рос. юстиция. 2008. № 1; *Крылова Н.Е.* Системность в уголовном праве: некоторые критически замечания // Системность в уголовном праве: материалы II Рос. Конгресса уголовного права, состоявшегося 31 мая – 1 июня 2007 г. М.: ТК Велби; Проспект, 2007. С. 227.

[2] *Кочои С.М.* Терроризм и экстремизм: уголовно-правовая характеристика. М.: ТК Велби; Проспект, 2005. С. 43.

Некоторые авторы, отмечая объединение в ст. 213 УК РФ двух несочетаемых мотивов, в качестве примера проводят хищение, которое невозможно совершить из политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо из хулиганских побуждений[1]. Действительно, в этом смысле хулиганские побуждения выступают таким же обязательным субъективным признаком хулиганства, как корыстные побуждения – признаком хищения (имеются в виду нормы главы 21 УК РФ). В подобных случаях изменение мотивов меняет и суть преступления.

Правила квалификации полимотивированных преступлений в целом и преступлений, совершенных из хулиганских побуждений, в частности, свидетельствуют о том, что необходимо выделять один доминирующий мотив, который и должен определять уголовно-правовую оценку содеянного. Приоритет, должен оставаться именно за хулиганским мотивом в силу имманентной совокупности определенных объективных и субъективных признаков уголовно наказуемого хулиганства, обусловленного природой этого преступления. Прав был в этом отношении С.А. Тарарухин, отмечавший, что вряд ли возможна ситуация, когда хулиганские побуждения являются подчиненными, а иные мотивы – определяющими. Это обусловлено спецификой хулиганских побуждений, охватывающих широкий круг осознанных стремлений виновного[2]. Данная позиция поддерживается в литературе[3]. Приводится и такое мнение: хулиганские побуждения могут выступать в определенном сочетании с иными низменными побуждениями: корыстью, местью, ревностью, завистью, идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненавистью или враждой и др. Но эти побуждения «служат катализатором для возникновения хулиганских побуждений»[4]. Соответственно, и в последнем случае хулиганский мотив является доминирующим.

В определенной степени, хулиганские и экстремистские мотивы имеют нечто схожее в части «обезличенности» конкретного

---

[1] *Векленко С.В., Рагозина И.Г.* Уголовная ответственность за хулиганство: учеб.-практ. пособие. Омск: Омский юрид. ин-т, 2008. С. 34.

[2] *Тарарухин С.А.* Установление мотива и квалификация преступления. Киев, 1977. С. 110.

[3] *Сащенко П.И.* Уголовная ответственность за хулиганство: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 2005. С. 7.

[4] *Рагулин А.В.* Хулиганство: уголовно-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. С. 17.

потерпевшего, пренебрежения общепризнанными нормами и правилами человеческого общежития. Однако, даже с учетом этого, их законодательное сочетание представляется весьма спорным, что признается и сторонниками общности таких мотивов[1].

Можно предположить, что желание законодателя «присоединить» экстремистские мотивы к конкретному преступлению и не выглядело бы столь искусственным, если бы хулиганство воспринималось сугубо как деяние в отрыве от обязательного хулиганского мотива. Но это противоречит самой сути данного состава преступления. В период действия УК РСФСР 1960 г. в литературе даже утверждалось, что «хулиганство представляет собой не деяние, направленное на определенное социальное благо, а мотив асоциального поведения»[2].

Восприятие хулиганства через призму объекта и объективной стороны тоже не дает оснований относить его к экстремизму. Следует согласиться с в В.Г. Павловым в том, что основной состав хулиганства, когда речь идет об объективных признаках, ничего общего с экстремистской деятельностью не имеет[3]. Аналогичные мнения высказывают и другие авторы[4]. Эти суждения справедливы, поскольку основным объектом хулиганства традиционно считается общественный порядок. Социальная же вредоносность экстремизма обращена, прежде всего, на основы конституционного строя.

Анализ судебной практики позволяет выделить противоречия в квалификации преступлений, совершенных по хулиганским и экстремистским мотивам. Так, А. был признан виновным в том, что в составе группы лиц по предварительному сговору, из хулиганских побуждений, по мотиву национальной ненависти совершил убийство К., которого они вытолкнули из окна 5-го этажа дома. В результате падения потерпевшему были причинены телесные повреждения, повлекшие его смерть. Действия А. были квалифицированы по пп. «ж», «и», «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Су-

---

[1] *Долголенко Т.В.* Убийства по экстремистским мотивам (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ) и их соотношение с другими составами преступлений // Современное право. 2010. № 2. С. 122.
[2] *Коржанский Н.И.* Объект и предмет уголовно-правовой охраны. С. 55.
[3] *Павлов В.Г.* Уголовная ответственность за хулиганство и вандализм. СПб.: НОУ СЮА, 2011. С. 174.
[4] См., напр.: *Сулейманов Р.Г.* Хулиганство: теоретические и правоприменительные аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 10.

дебная коллегия приговор оставила в силе[1]. Как видно, в данном случае оба мотива были учтены при квалификации. Такого рода решение Верховного Суда РФ не является единственным.

Однако это не дает оснований полагать, что происходит отказ от позиции о доминировании одного мотива при квалификации преступлений. Более того, рекомендации Пленума Верховного Суда РФ свидетельствуют как раз об обратном. В частности, он указал, что убийство, совершенное из хулиганских побуждений (п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ), не может одновременно квалифицироваться по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ, так как в последнем предусмотрены иные цели и мотивы убийства[2].

Важно то, что Пленум остается последовательным, и в своих новых разъяснениях также подчеркивает доминирующее значение одного мотива при квалификации: согласно п. 3 постановления от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», квалификация преступлений против жизни и здоровья, совершенных по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, по п. «л» ч. 2 ст. 105, или по п. «е» ч. 2 ст. 111, или по п. «е» ч. 2 ст. 112, или по п. «б» ч. 2 ст. 115, или по п. «б» ч. 2 ст. 116 УК РФ исключает возможность одновременной квалификации содеянного по другим пунктам указанных частей этих статей, предусматривающим иной мотив или цель преступления (например, из хулиганских побуждений). Как отмечает П.С. Яни, данный подход «корректирует практику, в последние годы отклонявшуюся от правила квалификации по доминирующему мотиву»[3].

Действительно, представляется, что появление цитируемого постановления Пленума Верховного Суда РФ оказало позитивное воздействие на практику. Так, по приговору Московского городского суда от 03.03.2011 В., К. и Г. осуждены за совершение совокупности преступлений, включающей преступление, преду-

[1] Определение Верховного Суда РФ от 23.08.2006 № 5-о06-92.

[2] См.: п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)».

[3] Яни П.С. Квалификация преступлений экстремистской направленности // Рос. юстиция. 2011. № 10. С. 12.

смотренное ч. 3 ст. 30 и пп. «а», «д», «е», «ж», «и», «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а П. – за совершение совокупности преступлений, включающей преступление, предусмотренное пп. «г», «д», «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ. Судебная коллегия изменила приговор и исключила осуждение В., К. и Г. по ч. 3 ст. 30 и п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ и П. по п. «д» ч. 2 ст. 112 УК РФ (квалифицирующий признак преступлений – из хулиганских побуждений), поскольку действия троих первых из них, кроме того, квалифицированы по ч. 3 ст. 30 и п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а действия последнего – по п. «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ (квалифицирующий признак преступлений – по мотивам расовой и национальной ненависти и вражды). При этом суд указал, что квалификация преступлений против жизни и здоровья, совершенных по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, по п. «л» ч. 2 ст. 105 или по п. «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ исключает возможность одновременной квалификации содеянного по другим пунктам указанных частей этих статей, предусматривающим иной мотив или цель преступления (в частности, из хулиганских побуждений)[1].

Изложенное приводит к следующим выводам. С одной стороны, в теории уголовного права и рекомендациях Пленума Верховного Суда РФ утверждается о невозможности одновременного сочетания хулиганского и каких-либо иных мотивов в одном преступлении, в том числе экстремистских. С другой стороны, анализируемый субъективный признак предусмотрен действующей правовой нормой – п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ – и игнорироваться не может.

Как уже указывалось, мы критически относимся к анализируемому законодательному решению и не считаем его верным. Вместе с тем задача науки состоит не только в критике законодательных решений, но и в оказании помощи практике. Поэтому все же попытаемся сформулировать правила квалификации «экстремистского» хулиганства в такой непростой, а порой и противоречивой законодательной и правоприменительной ситуации,

[1] Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за второе полугодие 2011 года (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.03.2012) // Официальный сайт Верховного Суда РФ. Режим доступа: http://www.vsrf.ru/second.php

если его подготовка или совершение выступают целью экстремистского сообщества.

Для этого можно использовать метод исключения: во-первых, случаи применения насилия по экстремистским мотивам квалифицируются по самостоятельным нормам (ст. 105, 111, 112, 115, 116, 117 УК РФ), в которых предусмотрен соответствующий квалифицирующий признак, то же касается и угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ). Согласно разъяснению Пленума Верховного Суда РФ, причинение вреда здоровью человека различной степени тяжести или совершение убийства по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы при отсутствии иных признаков преступления, предусмотренного ст. 213 УК РФ, следует квалифицировать по соответствующим статьям, частям и пунктам УК РФ, предусматривающим ответственность за преступления против личности[1]; во-вторых, во всех этих статьях экстремистские мотивы и хулиганские побуждения указаны как отдельные, самостоятельные квалифицирующие признаки; в-третьих, публичные действия, направленные на призывы к осуществлению экстремистской деятельности или на возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, криминализованы в иных нормах (ст. 280 и ст. 282 УК РФ соответственно); в-четвертых, в связи с тем, что состав преступления, предусмотренный ст. 213 УК РФ, не содержит такого признака объективной стороны преступления, как применение насилия (причинение вреда здоровью человека различной степени тяжести), и с учетом того, что при хулиганстве умысел направлен на грубое нарушение общественного порядка, в случаях, когда в процессе совершения хулиганства потерпевшему, а также лицу, исполняющему обязанности по охране общественного порядка либо пресекающему хулиганские действия, нанесены побои или причинен вред здоровью различной степени тяжести из хулиганских побуждений, содеянное надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, пре-

[1] См.: п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений».

дусмотренных соответствующей частью ст. 213 УК РФ и частью (пунктом части) соответствующей статьи Особенной части УК РФ, предусматривающей ответственность за преступление против личности (п. 11 постановления от 15.11.2007 № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений»).

Таким образом: а) по п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ квалифицируются совершаемые по экстремистским мотивам действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу; б) они не связаны с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, поскольку этот признак предусмотрен п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ; в) эти действия не могут выражаться только в применении насилия или угрозе его применения, в противном случае они квалифицируются лишь по соответствующим статьям УК РФ, предусматривающим ответственность за преступления против личности. С учетом изложенного при квалификации «экстремистского» хулиганства остается использовать критерий, предложенный Б.В. Волженкиным для определения наличия преступления именно против общественного порядка: решающее значение наряду с экстремистскими мотивами будет иметь признак публичности, общественное место совершения деяния, вследствие чего происходит срыв массового мероприятия, нарушается спокойствие, отдых присутствующих граждан, возникает паника, нарушается движение транспорта, наступают иные подобные последствия, характеризуемые как грубое нарушение общественного порядка[1].

§ 6. Ответственность за организацию деятельности экстремистской организации (ст. 282[2] УК РФ)

Объектом данного преступления выступают общественные отношения, складывающиеся по поводу обеспечения: а) соблюдения установленных главой 1 Конституции РФ принципов государственного и общественного устройства; б) равенства граждан; в) состояния защищенности личности, общества и государства от угроз экстремистского характера.

[1] См.: *Волженкин Б.* Хулиганство // Уголовное право. 2007. № 5. С. 21.

В науке опасность появления обширных очагов социальной и политической напряженности справедливо связывается с позиционированием международных экстремистских и террористических организаций («Ат-Такфир Валь-Хиджра», «Таблиги Джамаат» и др.) как общественной и политической силы[1].

Как и при анализе ст. 280 УК РФ, в данном случае следует обращаться к такому же широкому пониманию объекта данного преступления, поскольку экстремистская деятельность, осуществляемая экстремистской организацией, может носить различный характер исходя из содержания понятия экстремизма, закрепленного в ст. 1 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ.

Дополнительным объектом выступают интересы правосудия. К.В. Михайлов, анализируя ст. 282^2 УК РФ, справедливо отмечает, что деятельность экстремистской организации причиняет вред интересам правосудия (установленному законом порядку исполнения вступивших в законную силу судебных актов), причем этот дополнительный объект является обязательным. «Но в связи с приоритетом охраны объектов, – пишет он, – их значимостью и ценностью, законодатель отнес данное преступление не к преступлениям против правосудия, а к преступлениям против основ конституционного строя и безопасности государства»[2].

По сути, ст. 282^2 УК РФ является средством обеспечения исполнения специфического судебного решения о ликвидации общественного или религиозного объединения либо иной организации и запрете деятельности соответствующего общественного или религиозного объединения, не являющегося юридическим лицом.

В одном из комментариев к проекту Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» отмечалось: «Экстремистская организация гораздо более опасна для национальной безопасности, чем отдельный экстремист. Последний может совершить преступление, в том числе жестокое и кровавое… Но экстремистская организация является «фабрикой расширенно-

[1] См.: *Меркурьев В.В., Агапов П.В., Соколов Д.А.* Противодействие криминальным угрозам национальной безопасности России: научное обеспечение практики // Вестн. Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. 2013. № 2 (34). С. 63.

[2] См.: *Михайлов К.В.* Проблемы квалификации организации деятельности экстремистской организации (ст. 282^2 УК России) // Рос. система противодействия терроризму: проблемы, механизмы реализации и перспективы развития: материалы Всерос. науч.-практ. конф. В 2 ч. Челябинск: ЧЮИ МВД России, 2005. Ч. 2. С. 103–105.

го производства» подобных преступников с непрерывным циклом… Поэтому государство должно сосредоточиться в первую очередь на борьбе с экстремистскими организациями и их идеологическими подразделениями – средствами массовой информации»[1].

В 2008 г. комитет по ликвидации расовой дискриминации ООН рекомендовал Российской Федерации уделять основное внимание противодействию деятельности экстремистских организаций и их членов, совершающих деяния по мотивам расовой, национальной религиозной ненависти или вражды[2].

В ст. 30 Конституции РФ предусмотрено, что каждый имеет право на объединение и свобода деятельности общественных объединений гарантируется. В то же время в ч. 5 ст. 13 Конституции закреплен запрет на создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни. В продолжение этого ст. 16 Федерального закона «Об общественных объединениях» запрещает создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на осуществление экстремистской деятельности. Аналогичный запрет установлен и в ст. 9 Федерального закона от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях». В соответствии с ч. 4 ст. 6 Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» запрещаются создание и деятельность религиозных объединений, цели и действия которых противоречат закону.

В ст. 3 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» установлено, что противодействие экстремистской деятельности осуществляется по следующим направлениям: принятие профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на выявле-

[1] См.: *Ливадный П.В.* Кризис мировоззрения в России и борьба с экстремизмом // Национальная безопасность. 2002. № 3–4. С. 41.

[2] Заключительные замечания Комитета по ликвидации дискриминации ООН (2008 г.). Официальный сайт Комитета по ликвидации дискриминации ООН. URL: http://www2.ohchr.org/english/bodies/cerd/docs/co/CERD.C.RUS.CO.19.pdf

ние и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности; выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, физических лиц.

Актуальным является вопрос о предупреждении повторного осуществления экстремистской деятельности субъектами, в отношении которых уже принимались меры юридической ответственности, так как имеет место восстановление таких субъектов, причем носящее подчас завуалированный характер. Некоторые экстремистские структуры, изменив название, могут пытаться продолжать налаживают свою деятельность в качестве общественных организаций[1]. Поэтому существует реальная потребность в законодательных мерах, направленных на предупреждение продолжения и восстановления экстремистской деятельности ликвидированных (запрещенных) общественных и религиозных объединений, иных организаций. Уголовно-правовым воплощением этих мер и стала ст. 282^2 УК РФ.

Для квалификации данного преступления по признакам объективной стороны необходимо четко определить сущность экстремистской организации.

В диспозиции ст. 282^2 УК РФ воспроизводится понятие экстремистской организации, содержащееся в ст. 1 Закона № 114-ФЗ: «Экстремистская организация – общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которых по основаниям, предусмотренным настоящим Федеральным законом, судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности». Наличие такого решения является обязательным условием привлечения к уголовной ответственности по ст. 282^2 УК РФ.

Бланкетность диспозиции нормы, закрепленной в ст. 282^2 УК РФ, требует учета оснований и порядка ликвидации или запрета судом деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации в связи с осуществлением экс-

[1] См.: *Залужный А.Г.* Проблемы реализации законов, направленных на противодействие экстремистской деятельности // Государственная власть и местное самоуправление. 2003. № 4. С. 40–41; *Его же.* Прокурорский надзор за исполнением законов о свободе совести, религиозных объединениях и противодействии экстремизму. М., 2004. С. 31.

тремистской деятельности, предусмотренных Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности».

1. Официальный перечень общественных и религиозных объединений, иных некоммерческих организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности», размещен на сайте Министерства юстиции Российской Федерации[1].

В теории приводятся результаты анализа практики, согласно которым «современные экстремистские организации разбиты на незначительные по численности ячейки (от 5 до 7 человек), которые связаны между собой и координируются через социальные сети»[2].

Важно знать специфику применения рассматриваемой нормы: после ее появления в УК РФ (в 2002 г.) и до ноября 2013 г. при квалификации содеянного по ст. 282^2 УК РФ *учитывался как перечень экстремистских организаций, так и перечень организаций, признанных террористическими*[3] (отметим, что данные перечни следует отличать от Перечня организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму[4]), т.е. лица, организовывавшие деятельность организаций, признанных террористическими либо участвовавшие в деятельности этих организаций также несли ответственность по ст. 282^2 УК РФ.

Так, Г. был осужден по ч. 2 ст. 282^2 УК РФ. Как указал суд, Г., являющийся с 2003 г. участником международной исламской политической партии «Хизб-ут-Тахрир Аль-Ислами»[5], действуя в интересах данной организации и зная о том, что 14 февраля 2003 г. решением Верховного суда с РФ данная партия признана

---

[1] Официальный сайт Министерства юстиции РФ. URL: http://www.minjust.ru/nko/perechen_zapret.

[2] См.: *Смагина А.В., Сопун Д.И.* Причины распространения экстремизма в России // Рос. следователь. 2012. № 8. С. 35.

[3] Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных судами Российской Федерации террористическими. Официальный сайт ФСБ России. URL: http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm.

[4] Размещен на официальном сайте Федеральной службы по финансовому мониторингу. URL: http://www.fedsfm.ru/documents/terr-list.

[5] См. подробную характеристику данной организации и ее деятельности: *Меркурьев В.В., Гладков И.В., Соколов Д.А.* Указ. соч.

террористической и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации, умышленно осуществлял скрытую антироссийскую, антиконституционную деятельность, не исключающую насильственные способы изменения конституционного строя, выражавшуюся в пропагандистской работе среди населения; в создании партийной ячейки путем склонения мусульман к участию в деятельности указанной организации, воздействуя на их убеждения, сознание и религиозные чувства; в получении от неустановленных лиц и концентрировании литературы, содержащей пропаганду идей запрещенной террористической организации «Хизб-ут-Тахрир Аль-Ислами», экстремизма и сепаратизма, а также сведения, направленные на разжигание межнациональной и межконфессиональной розни, призывающие к изменению существующего в Российской Федерации государственного строя и построению теократического исламского государства в форме «Халифата» путем тотальной исламизации населения, не исключая насильственных способов изменения конституционного строя, использования террора как формы политической борьбы[1].

В другом случае Г.Г. и Г.Р. тоже были осуждены по ч. 2 ст. 282^2 УК РФ. Данные лица, зная о том, что решением Верховного Суда РФ организация «Хизб-ут-Тахрир Аль-Ислами» была признана террористической и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации, вступили в нее, и став ее членами, участвовали в ее деятельности: выполняли поручения по вербовке в ряды «Хизб-ут-Тахрир» граждан, распространяли литературу «Хизб-ут-Тахрир», вели активную пропаганду идей данной партии, отчитывались руководству о количестве проведенных бесед, лекций по распространению идеологии. Так, Г.Р., дав клятву, вступил в партию «Хизб-ут-Тахрир». После этого он неоднократно распространял листовки партии; вел таблицы, в которых записывал, сколько человек он призвал к исламу; пытался получить разрешение на проведение лекций про ислам в одной из местных библиотек, утверждая, что не может провести их в мечети, так как их не понимают пожилые люди, но после требования заведующего библиотекой предоставить программу лекций больше в библиотеку не явился. Согласно протоколам обыска, у Г.Р. изъята

[1] Архив Промышленного районного суда г. Самары, дело № 1-680/05 за 2005 г.

литература партии «Хизб-ут-Тахрир». Г.М., также вошедший в состав «Хизб-ут-Тахрир» путем дачи клятвы, впоследствии в мечети проповедовал идеи «Хизб-ут-Тахрир», читал лекции о данной партии[1].

Аналогично, Х. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 282[2] УК РФ. Он, вступив в партию «Хизб-ут-Тахрир Аль-Ислами», узнал от сотрудников правоохранительных органов, что данная партия признана террористической и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации, однако впоследствии участвовал в ее деятельности. Участие выразилось в том, что Х. неоднократно передавал депутатам местного законодательного органа и корреспонденту местной телекомпании «Обращение партии «Хизб-ут-Тахрир» к общественности», содержащее программные положения данной партии, а также он дал интервью, в котором рассказал о деятельности, программе, целях партии «Хизб-ут-Тахрир»[2].

Специалисты прокуратуры, надзирающие за исполнением законов по противодействию экстремизму, отмечали, что «Хизб ут-Тахрир Аль-Ислами» не является сугубо религиозным объединением, а представляет собой, прежде всего, политическую партию, которая стремится вернуть могущество и славу исламской формы правления путем построения всемирного халифата, для чего она определила три этапа: культивирование идей партии и создание ее ячеек; взаимодействие таких ячеек с сообществом верующих, исламским миром в целом; захват власти, создание правительства, внедрение ислама в целом и комплексно в качестве основы государства[3]. Такой переход от религии к политике – не редкость. В литературе указывается, что «дальнейшее направление развития ваххабизма ведет уже от «развитого политизированного ислама» к крайне реакционному религиозному экстремизму, решающему свои политические цели силовым путем»[4].

---

[1] Архив Верховного суда Республики Башкортостан. Дело № 2-54/05 за 2005 г.

[2] Архив суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югра. Дело № 2-22/05 за 2005 г.

[3] См.: *Ахмадулин А.* Противодействие религиозному политическому экстремизму // Законность. 2011. № 11. С. 41.

[4] *Фридинский С.Н.* Противодействие осуществлению экстремистской деятельности // Законность. 2008. № 6. С. 28.

Члены данной организации осуждались по ст. 282^2 УК РФ и позже[1].

Однако, Федеральным законом от 02.11.2013 № 302-ФЗ УК РФ был дополнен ст. 205^5, устанавливающей ответственность за организацию деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации с одновременным дополнением диспозиции ст. 282^2 УК РФ формулировкой «за исключением организаций, которые в соответствии с законодательством Российской Федерации признаны террористическими». При всей очевидной необходимости максимально взвешенного подхода к введению в уголовный закон новых составов преступлений, способному при просчетах привести к его излишней казуистичности и искусственной конкуренции норм, данное законодательное решение, тем не менее, можно оценить положительно в силу следующих причин. В 2007 г. мы анализировали практику применения ст. 282^2 УК РФ «Организация деятельности экстремистской организации», что позволило выявить ряд спорных вопросов, касающихся юридического соотношения понятий «экстремистская организация» и «террористическая организация», а также квалификации участия в обоих видах организаций по данной статье. Связано это было с тем, что одна и та же организация в одних и тех же приговорах иногда признавалась одновременно и экстремистской, и террористической, а виновные, соответственно, осуждались по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 282^2 и ст. 205^1 (в редакции 2002 г.) УК РФ. Дело в том, что в ст. 205^1 УК РФ до внесения в нее изменений Федеральным законом от 27.07.2006 № 153-ФЗ устанавливалась ответственность наряду с прочими деяниями за склонение лица к участию в деятельности террористической организации. Но уже тогда террористическая и экстремистская организации были разграничены на уровне позитивного законодательства (действовали два разных нормативных акта – Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» и еще не утративший в тот период силу Федеральный закон «О борьбе с терроризмом», содержащие разные же понятия экстремистской и террористической органи-

[1] Архив Тюменского районного суда Тюменской области. Приговор от 21 сентября 2010 г. в отношении Т. по ст. 282^2 УК РФ; постановление Орджоникидзевского районного суда г. Уфы от 22.11.2010 по делу 1-104/2010.

заций соответственно), было два отдельных перечня – экстремистских и террористических организаций, и в ст. 282^2 УК РФ указывалась именно экстремистская организация. Впоследствии редакция ст. 205^1 УК РФ была изменена с исключением из ее диспозиции склонения к деятельности террористической организации, а участники террористических организаций стали привлекаться к ответственности только по ст. 282^2 УК РФ. Единообразию судебной практики в данном вопросе способствовало и разъяснение Пленума Верховного Суда РФ, данное в п. 19 постановления от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», согласно которому при рассмотрении дел о преступлениях, предусмотренных ст. 282^2 УК РФ, к экстремистским следует относить организации, указанные в специальных перечнях (списках) в соответствии со ст. 9 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» и ст. 24 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Аргументировалось данное указание тем, что в соответствии со ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» террористическая деятельность является разновидностью экстремистской деятельности (экстремизма). Именно это и позволяло при квалификации содеянного по ст. 282^2 УК РФ учитывать как перечень экстремистских организаций, так и перечень организаций, признанных террористическими.

Данное решение хоть и не снимало всех вопросов о юридическом соотношении понятий «экстремистская организация» и «террористическая организация» с учетом наличия двух самостоятельных перечней таких организаций и двух федеральных законов – «О противодействии экстремистской деятельности» и «О противодействии терроризму», но применение ст. 282^2 УК РФ было, пожалуй, единственным на тот период реально работающим механизмом уголовно-правового противодействия деятельности организаций, уже признанных судом террористическими. Однако после введения ст. 205^5 УК РФ приведенные рекомендации Пленума Верховного Суда РФ при квалификации преступлений учитываться не должны, в связи с чем целесообразно п. 19 постановления от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уго-

ловным делам о преступлениях экстремистской направленности» признать утратившим силу.

Таким образом, после введения в УК РФ ст. 205^5 «Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации» к экстремистским организациям, ответственность за организацию и участие в которых установлена ст. 282^2 УК РФ, террористические организации не относятся.

Объективная сторона рассматриваемого преступления образуют следующие деяния:

1) действия, направленные на организацию деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности (организация деятельности экстремистской организации) (ч. 1 ст. 282^2 УК РФ);

2) склонение, вербовка или иное вовлечение лица в деятельность экстремистской организации (ч. 1^1 ст. 282^2 УК РФ);

3) участие в деятельности экстремистской организации (ч. 2 ст. 282^2 УК РФ).

Под организацией деятельности следует понимать действия организационного характера, направленные на продолжение или возобновление противоправной деятельности запрещенной организации (например, созыв собраний, организация вербовки новых членов, шествий, использование банковских счетов, если это не связано с процедурой ликвидации) (п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11).

Так, Д. с 1999 г. стал принимать участие в деятельности международного религиозного объединения «Нурджулар» и организовывать деятельность этого объединения на территории Республики Дагестан совместно с другим лицом. В 2008 г. решением Верховного Суда РФ это международное религиозное объединение признано экстремистским и его деятельность запрещена на территории Российской Федерации. Однако Д. продолжал организовывать его деятельность, занимался привлечением жителей Республики Дагестан к изучению и распространению учения основателя международного религиозного объединения «Нурджулар», организовал их обучение в так называемых «домашних

медресе», проводил коллективные обсуждения религиозных книг под авторством основателя, вступал в беседы с обучавшимися, разъяснял им положения религиозной литературы, читал лекции, направленные на формирование у обучающихся убежденности в приверженности к истинным религиоведческим знаниям, передавал слушателям «домашних медресе» религиозную литературу – книги основателя «Нурджулар». Действия Д. были квалифицированы по ч. 1 ст. 282^2 УК РФ как организация деятельности экстремистской организации[1].

Под склонением, вербовкой или иным вовлечением лица в деятельность экстремистской организации следует понимать, в частности, умышленные действия, направленные на склонение лица к вхождению в состав экстремистской организации либо к осуществлению действий, направленных на осуществление целей экстремистской организации (вербовка новых участников, непосредственное участие в проводимых мероприятиях и т.д.). Такое вовлечение может осуществляться, например, путем уговоров, убеждения, просьб, предложений (в том числе совершенных посредством размещения материалов на различных носителях и распространения через информационно-телекоммуникационные сети), применения физического воздействия.

Вовлечение лица в деятельность экстремистской организации считается оконченным преступлением с момента начала совершения вовлекаемым лицом действий, направленных на осуществление целей экстремистской организации.

Под участием в деятельности экстремистской организации понимается совершение лицом умышленных действий, направленных на осуществление целей экстремистской организации (проведение бесед в целях пропаганды деятельности запрещенной организации, вербовка новых участников, непосредственное участие в проводимых мероприятиях и т.п.) (п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11).

Например, М., являющийся неформальным лидером самарского отделения межрегиональной общественной организации «Национал-большевистская партия» (НБП), и активист данного отделения Ш., будучи осведомленными, что решением Москов-

[1] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Дагестан от 15.11.2011 по делу 22-1613/11.

ского городского суда данная организация признана экстремистской и ее деятельность запрещена, вступили в преступный сговор о совместном умышленном участии в деятельности НБП путем воздействия на убеждения и сознание населения Самарской области с целью пропаганды данной организации и привлечения в ее ряды новых членов. Согласно принятым на себя обязательствам, М. должен был инициировать создание сайта регионального самарского отделения НБП непосредственно проводить встречи с потенциальными членами данной экстремистской организации, а также осуществлять общее руководство и координацию действий своей группы. В свою очередь, Ш. должен был проводить администрирование данного сайта, проводить встречи с потенциальными членами экстремистской организации, о чем отчитываться М. На стадии предварительного расследования М. и Ш. дали показания о том, что не являются членами НБП и заявили о своей причастности к движению «Другая Россия». Однако собранные по делу доказательства подтвердили, что М. и Ш. распространяли газеты и листовки-наклейки, рекламирующие НБП, участвовали в шествии-митинге, посвященном Дню трудящихся, демонстрируя при этом флаги указанной организации, рассылали по электронной почте письма-предложения с целью склонения других лиц к участию в ее деятельности, что дало суду основание квалифицировать их действия по ч. 2 ст. 282^2 УК РФ[1].

В судебной практике встречаются и иные примеры публичных действий, расцениваемых как участие в деятельности экстремистской организации. Так, К., являясь активным членом «Национал-большевистской партии», зная, что она признана экстремистской, совместно с другими лицами проникла в приемную МИД России, где они заблокировали дверь изнутри. Затем К. передала сотруднику министерства листовку, подписанную «национал-большевиками», после чего они приковали себя наручниками к оконным решеткам, стали разбрасывать листовки, подписанные аналогичным образом, зажгли домовые шашки и выкрикивали лозунги, указывая на свою принадлежность к публичному мероприятию «Национал-большевистской партии». Действия К.

[1] Архив судебного участка № 40 Самарской области. Дело № 1-13/09 за 2009 г.

были квалифицированы по ч. 2 ст. 282^2 УК РФ[1]. За аналогичные действия по ч. 2 ст. 282^2 УК РФ были осуждены П.[2] и М.[3]

Л., также зная о том, что межрегиональная общественная организация «Национал-большевистская партия» признана экстремистской, осуществлял практические действия, направленные на пропаганду практических задач указанной организации, ее популяризацию среди населения города путем распространения печатной продукции этой организации, участия в проводимых этой организации публичных мероприятиях, осуществлял техническую поддержку ее сайта в сети Интернет. Действия Л. были квалифицированы по ч. 2 ст. 282^2 УК РФ[4].

Действия, образующие участие в экстремистской организации, могут быть и менее масштабными. Так, И. в беседе с К. пропагандировал идеи межрегиональной общественной организации «Национал-большевистская партия», зная, что она признана экстремистской, а также передал ему несколько агитационных печатных материалов этой организации (листовки, стикеры, газеты и информационные бюллетени). Действия И. были квалифицированы по ч. 2 ст. 282^2 УК РФ[5]. Как участие в экстремистской организации суд оценил и действия П., распространившего от имени «национал-большевиков» листовки в трактире с призывами не платить по счету за заказанную еду[6].

При совершении организатором (руководителем) или участником экстремистской организации конкретного преступления его действия подлежат квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 или ч. 2 ст. 282^2 УК РФ и соответствующей статьей УК РФ. Вместе с тем ни в уголовном законе, ни в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 участие в экстремистской организации не связывается с обязательным совершением преступлений, поэтому нельзя согла-

---

[1] Архив судебного участка № 416 г. Москвы. Приговор от 02.11.2010 в отношении К. по ст. 282^2 УК РФ.

[2] Архив судебного участка № 416 г. Москвы. Приговор от 26.10.2009 в отношении П. по ст. 282^2 УК РФ.

[3] Архив Пресненского районного суда г. Москвы. Приговор от 11.03.2009 в отношении М. по ст. 282^2 и ст. 318 УК РФ.

[4] Архив Центрального районного суда г. Комсомольск-на-Амуре. Приговор от 01.11.2010 в отношении Л. по ст. 282^2 УК РФ.

[5] Архив Арзамасского городского суда Нижегородской области. Дело № 1-24 за 2010 г.

[6] Архив Замоскворецкого районного суда г. Москвы. Дело № 1-587/7-2009 за 2009 г.

ситься с выказанным в теории утверждением о том, что в ст. 282[2] УК РФ (наряду со ст. 209, 210 и 282[1] УК РФ) предусмотрена ответственность за «организованную преступную деятельность, т.е. систематическое совершение преступлений»[1].

Преступление считается оконченным с момента совершения указанных действий.

В практике встречаются случаи, когда участием в деятельности экстремистской организации признается распространение экстремистских материалов соответствующих организаций (брошюры, листовки, журналы и пр.) и действия виновных квалифицируются по ч. 2 ст. 282[2] УК РФ. Полагаем, что в таких ситуациях содеянное не должно влечь дополнительную ответственность по ст. 20.29 КоАП РФ: это деяние в рассматриваемой ситуации является конститутивным признаком объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 282[2] УК РФ и «выходит» из сферы административно-правового воздействия.

Субъективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется прямым умыслом.

Интеллектуальный момент умысла в данном случае заключается в осознании лицом:

факта ликвидации или запрета судебным решением деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации в связи с осуществлением экстремистской деятельности. Так, Б. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 282[2] УК РФ. Установлено, что Б. с 2005 г. состоял в общественном незарегистрированном объединении – группе «Рада земли Кубанской Духовно-Родовой Державы «Русь». В период с октября 2010 г. по апрель 2011 г. осуществлял пропагандистскую деятельность о данном объединении на территории Курганинского района Краснодарского края, распространял видео материалы о его деятельности, при этом он знал о вступившем в законную силу решении Первомайского районного суда г. Краснодара от 13 апреля 2006 г. о ликвидации общественного этого объединения[2];

---

[1] *Балеев С.А.* О понятии соучастия в преступлении в действующем уголовном законе // Рос. следователь. 2010. № 13. С. 18.

[2] Официальный сайт прокуратуры Краснодарского края. URL: http://www.prokuratura-krasnodar.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=2942

направленности осуществляемых действий на продолжение или возобновление противоправной деятельности запрещенной организации (ч. 1 ст. 282^2 УК РФ), либо на склонение, вербовку или иное вовлечение лица в деятельность экстремистской организации (ч. 1^1 ст. 282^2 УК РФ);

направленности совершаемых действий на осуществление целей экстремистской организации (проведение бесед в целях пропаганды деятельности запрещенной организации, вербовка новых участников, непосредственное участие в проводимых мероприятиях и т.п.) (ч. 2 ст. 282^2 УК РФ). Имеется в виду стремление лица действовать от имени и в целях экстремистской организации. Например, Н. являясь убежденным сторонником Национал-большевистской партии, деятельность которой признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации в соответствии со вступившим в законную силу решением Московского городского суда, совершил ряд акций экстремистского характера, действуя от имени членов данной партии. Действия Н. были квалифицированы по ч. 2 ст. 282^2 УК РФ[1];

общественной опасности совершаемого деяния в целом, связанной с нарушением соответствующего судебного решения, вступившего в законную силу.

В ст. 282^2 УК РФ нет указаний на такую цель организации деятельности экстремистской организации, как подготовка или совершение преступлений, что позволяет считать несостоятельными утверждения о преступном характере экстремисткой организации, отнесении ее к числу криминальных формирований, преступных объединений и т.п., которые встречаются в теории[2].

Субъектом данного преступления является вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Субъектом преступления признается лицо, которое способно было осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий, и могло руководить своим поведением. Такая способность понимать значение своих действий формируется по достижению определенного возраста, поэтому законода-

---

[1] Официальный сайт прокуратуры Свердловской области. URL: http://www.prokuratura.ur.ru/news.php?id=3831.

[2] См., напр.: *Коновалова И.Ю.* Ответственность за организацию и участие в преступном объединении (необходимое соучастие) по российскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2008. С. 8.

тель установил общий возраст уголовной ответственности – 16 лет. Это положение распространяется и в отношении рассматриваемого преступления.

Лицо, достигшее 16-летнего возраста, уже способно осознавать общественную опасность организации деятельности экстремистской организации и участия в деятельности такой организации.

Вменяемое лицо не только осознает фактический характер и общественную опасность своих действий, но и способно выбирать варианты поведения. При совершении рассматриваемого преступления лицо склоняется к тому варианту, который выражается именно в совершении указанного общественного опасного деяния, что является выражением его воли: зная о ликвидации или запрете деятельности организации лицо, тем не менее, решает продолжить или возобновить противоправную деятельность запрещенной организации или принять в ней участие, либо вовлечь других лиц в ее деятельность.

В ч. 3 ст. 282^2 УК РФ установлена ответственность за совершение деяний, предусмотренных ч. 1, 1^1 или 2 данной статьи, лицом с использованием своего служебного положения. К лицам, использующим свое служебное положение, относятся, в частности, должностные лица, обладающие признаками, предусмотренными примечанием 1 к ст. 285 УК РФ, государственные или муниципальные служащие, не являющиеся должностными лицами, а также иные лица, отвечающие требованиям, предусмотренным примечанием 1 к ст. 201 УК РФ. Использование служебного положения выражается не только в умышленном использовании указанными выше лицами своих служебных полномочий, но и в оказании влияния исходя из значимости и авторитета занимаемой ими должности на других лиц при создании экстремистского сообщества, руководстве таким экстремистским сообществом, его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями, создании объединения организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений такого сообщества, участии в экстремистском сообществе.

Имеется в виду использование форменной одежды и атрибутики, служебных удостоверений или оружия, а равно сведений, которыми лицо располагает в связи со своим служебным положением, при подготовке или совершении экстремистским сооб-

ществом преступлений либо при финансировании его преступной деятельности, материальном обеспечении и т.п.

Согласно примечанию к ст. 282^2 УК РФ, лицо, добровольно прекратившее участие в деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления.

Сама идея такого освобождения не нова – ст. 321 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. предусматривала возможность освобождения от уголовной ответственности либо смягчение наказания лицам, которые «до обнаружения их преступления или противозаконных действий того сообщества, к которому они принадлежали, раскаясь в своих заблуждениях, донесут о том правительству, с полной искренностью, прежде чем сообщество будет открыто…»[1].

Под добровольным прекращением участия в деятельности экстремистской организации применительно к указанному примечанию понимается прекращение лицом преступной деятельности при осознании им возможности ее продолжения. Оно может выражаться, например, в выходе из состава экстремистской организации, невыполнении распоряжений ее руководителей, отказе от совершения иных действий, поддерживающих существование организации, отказе от совершения преступлений (п. 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11).

Проблемы отнесения экстремистской организации к криминальным формированиям

Как указывалось выше, понятия экстремистской организации содержится в ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»: экстремистская организация – это общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которых по основаниям, предусмотренным данным федеральным законом, судом принято вступившее в за-

[1] *Уложение* о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Изд. 17-е, пересм. и доп. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1913. С. 405.

конную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности.

Следует учитывать, что экстремистская организация может осуществлять и непреступную экстремистскую деятельность, например, пропаганду и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций, ответственность за которые предусмотрена ст. 20.3 КоАП РФ. Так, признавая экстремистской приморскую региональную правозащитную общественную организацию «Союз славян» (ПРПОО «Союз славян»), суд указал, что ПРПОО «Союз славян» для экстремистской деятельности использует интернет-сайт, в одном из разделов которого размещены фотографии с нацистской символикой. В разделе «Магазин» размещено предложение о продаже нацистской атрибутики (флагов Третьего рейха по индивидуальным заказам и эскизам – штандарт фюрера, партийный флаг НСДАП, флаг партайгеноссе, боевой флаг вермахта и других флагов, с указанием конкретного наименования и цены изготовления). Данное обстоятельство, как указал суд, свидетельствовало о наличии в действиях ПРПОО «Союз славян» пропаганды нацистской символики[1].

Кроме того, экстремистская организация не носит обязательного преступного характера, поскольку юридически «порождена» не уголовным законом и имманентной связи с какой-либо формой соучастия не имеет.

Непреступная сущность экстремистской организации прослеживается и в рекомендациях, излагаемых Пленумом Верховного Суда РФ по квалификации действий, входящих в объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 282^2 УК РФ.

Во-первых, применительно к экстремистской организации в ст. 282^2 УК РФ не указаны такие признаки объективной стороны, как создание и руководство, хотя последние предусмотрены ст. 205^4, 209, 210, 282^1 УК РФ относительно соответствующих криминальных формирований. В диспозиции части первой рассматриваемой статьи закреплен лишь один такой обобщенный

[1] Решение Приморского краевого суда по делу № 3-60/10 за 2010 г. Официальный сайт Приморского краевого суда. URL: http://kraevoy.prm.sudrf.ru/modules.php?name=bsr&op=show_text&srv_num=1&id=2540000100812125610453100019676 6

признак, как организация деятельности экстремистской организации. Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что под организацией деятельности следует понимать действия организационного характера, направленные на продолжение или возобновление противоправной деятельности запрещенной организации (например, созыв собраний, организация вербовки новых членов, шествий, использование банковских счетов, если это не связано с процедурой ликвидации) (п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11). Как видно, о подготовке или совершении каких-либо преступлений речи не идет.

Во-вторых, под участием в деятельности экстремистской организации рекомендовано понимать совершение лицом умышленных действий, направленных на осуществление целей экстремистской организации (проведение бесед в целях пропаганды деятельности запрещенной организации, вербовка новых участников, непосредственное участие в проводимых мероприятиях и т.п.) (п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11).

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

а) участие в экстремистской организации не связывается с обязательным участием в совершении конкретных преступлений, что подтверждается рекомендациями Пленума Верховного Суда РФ, который в качестве примеров такого участия приводит юридически нейтральные действия, преобразующиеся в преступление лишь по факту совершения их членами экстремистской организации;

б) применительно к совершению преступления руководителем либо участником экстремистской организации не указывается на необходимость его квалификации с учетом признака его совершения в составе организованной группы или иной формы соучастия, хотя, например, такие рекомендации приводятся Пленумом применительно к уголовно-правовой оценке совершения преступления участником экстремистского сообщества (п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11). Это, полагаем, может рассматриваться в качестве еще одного аргумента против отождествления экстремистской организации с преступным объединением.

Кроме того, в ч. 5 ст. 35 УК РФ указывается, что лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившее ими, подлежит уголовной ответственности за их организацию и руководство ими в случаях, предусмотренных ст. 205^4, 208, 209, 210 и 282^1 УК РФ, а другие участники организованной группы или преступного сообщества (преступной организации) несут уголовную ответственность за участие в них в случаях, предусмотренных ст. 205^4, 208, 209, 210 и 282^1 УК РФ. Как видно, ст. 282^2 УК РФ здесь не фигурирует. Таким образом, законодатель экстремистскую организацию не относит к организованной группе или преступному сообществу (преступной организации). Поэтому спорными представляются мнения об отнесении экстремистской организации к организованным преступным формированиям[1].

Квалификация содеянного при одновременном наличии у объединения признаков экстремистского сообщества и экстремистской организации.

Применительно к вопросу о соотношении данных экстремистских формирований Пленум Верховного Суда РФ ограничивается лишь указанием на то, что для признания организованной группы экстремистским сообществом не требуется предварительного судебного решения о запрете либо ликвидации общественного или религиозного объединения либо иной организации в связи с осуществлением экстремистской деятельности (п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11), тогда как для экстремистской организации такое вступившее в законную силу решение является обязательным.

По-прежнему сложным остается вопрос об уголовно-правовой оценке содеянного, когда объединение, признанное судом экстремистской организацией, обладая признаками устойчивости и организованности, совершает преступления экстремистской направленности. Рассмотрим следующие возможные ситуации.

Ситуация 1: После признания организации экстремистской ее участники какое-то время совершают действия, направленные на осуществление целей экстремистской организации (проведе-

[1] См., напр.: *Белоцерковский С.Д.* Актуальные вопросы следственной и судебной практики по уголовным делам о преступлениях организованных преступных формирований // Рос. следователь. 2013. № 4. С. 17, 19.

ние бесед в целях пропаганды деятельности запрещенной организации, вербовка новых участников, непосредственное участие в проводимых мероприятиях и т.п.) и лишь после этого начинают совершать преступления экстремистской направленности.

Ситуация 2: После признания организации экстремистской ее участники сразу начали совершать преступления экстремистской направленности, не осуществляя, соответственно, каких-либо иных, представляющих собой самостоятельного преступления действий, которые можно было бы расценить как участие в экстремистской организации.

В первой ситуаций имеет место реальная совокупность, т.к. сначала осуществляются деяния, связанные с участием в деятельности экстремистской организации, а затем действия, образующие участие в экстремистском сообществе, выражающиеся в совершении преступлений экстремистской направленности. Фактически, в данном случае признается, что после того, как члены экстремистской организации стали совершать преступления экстремистской направленности, она перестала быть таковой и трансформировалась в экстремистское сообщество.

Так, в г. Набережные Челны Республики Татарстан под руководством Р. действовало Татарстанское региональное отделение общероссийского патриотического движения «Русское национальное единство» (ТРО РНЕ). ТРО РНЕ имело собственную символику, размещенную на знаках, флагах, униформе его участников и распространяемых ими печатных изданиях. Основой символики ТРО РНЕ являлись восьмиконечная звезда Богородицы, Андреевский крест и свастика, сходная с нацисткой атрибутикой до степени смешения, и не прошедшая, в нарушение ст. 24 Федерального закона «Об общественных объединениях», государственную регистрацию. С целью агитации населения для вступления в ряды ТРО РНЕ участниками движения распространялись изготовленные в г. Набережные Челны по образцам из центрального штаба РНЕ в г. Москва листовки с изображением указанной символики и газета «Русский порядок». В этих изданиях были опубликованы статьи, обосновывающие и оправдывающие национальное превосходство русских над другими национальностями. Решением Верховного суда Республики Татарстан деятельность ТРО РНЕ была признана экстремистской и запре-

щена на территории Республики Татарстан, после чего Р. приостановил деятельность ТРО РНЕ.

Жители г. Казань М., Н. и П., зная о запрете деятельности ТРО РНЕ на территории Республики Татарстан, с целью возобновления и реорганизации его деятельности объединились между собой и организовали проведение собраний жителей города, желавших вступить в организацию «Казанское отделение РНЕ» (КО РНЕ), проводили агитационные мероприятия по привлечению в экстремистскую организацию новых членов, в том числе и несовершеннолетних. Указанные лица под руководством М. совершили ряд преступлений экстремистской направленности, что, как констатировал суд, свидетельствовало о преобразовании экстремистской организации в организованную группу лиц – экстремистское сообщество, основной сферой деятельности которого было проведение агитационных мероприятий, распространение печатной продукции и другие действия, направленные на возбуждение национальной, расовой ненависти и вражды, унижение национального достоинства, пропаганду исключительности, превосходства и неполноценности граждан по признаку их отношения к национальной и расовой принадлежности. Действия виновных были квалифицированы по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 282^1 и ст. 282^2, а также иными статьями УК РФ[1].

Следует признать, что предложенное решение хоть и является логичным и понятным, но требует важного пояснения. Выше употреблялись понятия «трансформация» и «преобразование». В рассмотренной ситуации их не следует воспринимать как синонимы используемого в теории уголовного права понятия «перерастание». Полагаем, речь не может идти о «перерастании» экстремистской организации в экстремистское сообщество, т.к., в противном случае, совокупность исключается и содеянное следовало бы квалифицировать только по ст. 282^1 УК РФ – по конечному преступлению (как, например, при перерастании кражи в грабеж или разбой). Связано это с тем, что экстремистская организация, не являясь, как было показано выше, криминальным формированием, не может «породить» организованную группу. Так, признавая правильным осуждение Н. за участие в деятельно-

[1] Архив Советского районного суда г. Казани. Дело № 1-72/2008 за 2008 г.

сти экстремистской организации «Национал-большевистской партии» (НБП) по ч. 2 ст. 282^2 УК РФ, суд кассационной инстанции справедливо указал, что по смыслу ст. 282^2 УК РФ организация может создаваться для совершения хотя и экстремистских, но не представляющих собой самостоятельного преступления действий, например, для пропаганды и публичного демонстрирования национал-большевистской символики и атрибутики путем нанесения надписей на заборы, вручения листовок, демонстрации транспарантов[1].

Возникновение экстремистского сообщества – принципиально новое с юридической точки зрения событие. Факт же былой принадлежности его членов к одной экстремистской организации, общность экстремистских взглядов и т.д. могут использоваться для установления признака устойчивости вновь образованного экстремистского сообщества.

Изложенный подход представляется нам приемлемым еще и потому, что в судебной практике допускается квалификация по совокупности (подчеркнем – реальной совокупности) в случаях «пересечения» двух даже исключительно преступных объединений, участие в каждом из которых уже образует состав самостоятельного преступления, хотя данные объединения относятся к разным формам соучастия: согласно п. 21 постановления Пленума Верховного суда РФ от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)», если участники преступного сообщества (преступной организации), наряду с участием в сообществе (организации), создали устойчивую вооруженную группу (банду) в целях нападения на граждан или организации, а равно руководили такой группой (бандой), содеянное образует реальную совокупность преступлений и подлежит квалификации по статьям 209 и 210 УК РФ.

Во второй же из приведенных ситуаций в силу того, что после признания организации экстремистской ее участники сразу начинают совершать преступления экстремистской направленности, она, соответственно, преобразуется в экстремистское сооб-

[1] Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 16.04.2010 по делу 22-2919/2010.

щество. Поэтому содеянное должно квалифицироваться только по ст. 282^1 УК РФ.

Подчеркнем, что в обеих рассматриваемых ситуациях мы исходили из приобретения экстремистской организацией необходимых признаков экстремистского сообщества, в основе которых лежат традиционные признаки организованной группы. Это предположение вполне допустимо, ведь экстремистской организации во многом присущи свойства, которые впоследствии могут в такие признаки преобразоваться (тесная связь между членами, организованность и пр.). Однако, следует признать, что это происходит не всегда, поэтому совершение членами экстремистской организации преступлений экстремистской направленности не стоит рассматривать как автоматическое ее преобразование в экстремистское сообщество.

§ 7. Ответственность за финансирование экстремистской деятельности (ст. 282^3 УК РФ)

Объектом данного преступления выступают общественные отношения, складывающиеся по поводу обеспечения: а) соблюдения установленных главой 1 Конституции РФ принципов государственного и общественного устройства; б) равенства граждан; в) состояния защищенности личности, общества и государства от угроз экстремистского характера.

Такое понимание объекта обусловлено разным содержанием преступлений экстремистской направленности, финансирование которых может осуществлять виновный. При фактическом совершении финансируемых преступлений экстремистской направленности могут осуществляться посягательства и на объекты, охраняемые нормами других глав УК РФ, например, жизнь (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ) или здоровье (п. «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ).

Однако в любом случае основным объектом финансирования экстремистской деятельности выступают основы конституционного строя, что позволяет считать верным решение законодателя поместить эту норму в главу 29 УК РФ. Следует учитывать, что, как отмечают исследователи, более 55% зарегистрированных преступлений экстремистской направленности – это раз-

новидность преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства[1].

Применение ст. 282[3] УК РФ призвано обеспечить блокирование с помощью средств уголовно-правового воздействия доступа к финансовым ресурсам лицам, стремящимся к совершению преступлений экстремистской направленности, организаторам, руководителям и участникам экстремистских сообществ и экстремистских организаций. Преступная экстремистская деятельность нередко связана с существенными материальными затратами (на приобретение компьютерной техники, средств связи; создание и поддержку интернет-сайтов; изготовление и распространение печатной продукции и т.д.).

О масштабах финансирования экстремизма и терроризма позволяет судить практика Федеральной службы по финансовому мониторингу (Росфинмониторинга). Согласно ее данным в настоящее время финансовая и материально-техническая поддержка террористических и экстремистских группировок формируется за счет средств зарубежных и внутренних источников. Среди мер, принимаемых по направлению противодействия финансирования экстремизму и терроризму, одним из ведущих направлений является формирование Перечня организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму. Только в 2013 г. в указанный Перечень было включено 930 российских физических лиц, из них за участие в экстремистской деятельности – 453 лица[2]. Всего же по состоянию на июль 2015 г. в этот Перечень включено более 4600 физических и юридических лиц[3]. При этом в 2014 г. по линии противодействия финансированию терроризма и экстремизма проведено более 6 тысяч финансовых расследова-

---

[1] См.: *Белоцерковский С.Д., Васнецова А.С., Гуськов А.Я., Меркурьев В.В., Соколов Д.А., Паненков А.А.* Борьба с организованной преступностью, терроризмом и экстремизмом: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 193.

[2] Публичный отчет о работе Федеральной службы по финансовому мониторингу в 2013 г. Официальный сайт Росфинмониторинга. URL: http://www.fedsfm.ru/activity/annual-reports (дата обращения: 27.08.2014).

[3] Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму. Официальный сайт Росфинмониторинга. URL: http://fedsfm.ru/documents/terrorists-catalog-portal-act (дата обращения: 27.07.2015).

ний. По данным материалам возбуждено 62 уголовных дела, 32 – переданы в суд, вынесено 15 обвинительных приговоров[1].

Лишение финансирования – один из самых действенных способов предупреждения и пресечения соответствующих преступлений, а также противодействия деятельности указанных сообществ и организаций. Распространение криминального экстремизма не в последнюю очередь связано с наличием соответствующей материальной базы, доступ к которой влияет на количество совершаемых преступлений экстремистской направленности и их тяжесть.

Еще в Указе Президента РФ от 23.03.1995 № 310 «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации» (в редакции Указа Президента РФ от 03.11.2004 № 1392) обращалось внимание на «выявление и привлечение к ответственности всех пособников совершения преступлений (включая лиц, финансирующих и тиражирующих экстремистские издания)».

Несколько лет назад правоохранительными органами отмечалось, что практика противодействия финансированию экстремизма «далека от совершенства»[2].

Соответствующий законопроект о введении в УК РФ ст. 282[3] «Финансирование экстремистской деятельности» был внесен в Государственную Думу Федерального Собрания РФ еще в 2011 г., но лишь в 2014 г. он был реализован.

В пояснительной записке к законопроекту[3] указывалось, что «в настоящее время экстремистская деятельность представляет собой одну из наиболее опасных угроз конституционному строю и безопасности государства. О распространенности данного вида преступной деятельности на территории Российской Федерации

---

[1] Публичный отчет о работе Федеральной службы по финансовому мониторингу в 2014 г. Официальный сайт Росфинмониторинга. URL: http://www.fedsfm.ru/activity/annual-reports (дата обращения: 26.07.2015).

[2] Распоряжение Генпрокуратуры РФ № 270/27р, МВД России № 1/9789, ФСБ России № 38 от 16.12.2008 «О совершенствовании работы по предупреждению и пресечению деятельности общественных и религиозных объединений по распространению идей национальной розни и религиозного экстремизма».

[3] Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(ViewDoc)?OpenAgent&work/dz.nsf/ByID&95A554D1F7AECC7AC32578E30027D726 (дата обращения: 23.08.2014).

свидетельствует ежегодный рост числа преступлений экстремистской направленности… При этом анализ правоприменительной практики правоохранительных органов свидетельствует о том, что принимаемые меры по борьбе с проявлениями экстремизма зачастую являются малоэффективными ввиду имеющихся недостатков в законодательстве. Разработка и принятие данного федерального закона необходима в связи с отсутствием детальной регламентации в законодательстве вопросов, связанных с финансированием экстремисткой деятельности. Назрела объективная необходимость по внесению в УК России изменений и дополнений, предусматривающих установление уголовной ответственности за финансирование экстремисткой деятельности».

Тем самым, общественная опасность финансирования экстремизма связывается с его социальной вредоносностью в целом и распространенностью экстремистских деяний. Например, только в Южном федеральном округе в 2011 г. (год внесения указанного законопроекта в парламент Российской Федерации) было пресечено 8 каналов финансирования экстремизма и терроризма[1].

Однако, говорить о криминализации финансирования экстремистской деятельности можно с определенной долей условности, поскольку до введения рассматриваемой нормы предоставление или сбор средств, заведомо предназначенных для финансирования организации, подготовки и совершения хотя бы одного из преступлений экстремистской направленности вполне могли квалифицироваться как пособничество в соответствующем преступлении (ч. 5 ст. 33 УК РФ), т.е. эти действия уже влекли уголовную ответственность.

Реализация законодательного решения о введении рассматриваемого нового уголовно-правового запрета – это проявление тенденции выделения в рамках норм Особенной части УК РФ деяний, выражающихся в соучастии в совершении отдельных преступлений. В наибольшей степени это проявилось в отношении норм, устанавливающих ответственность за преступления террористической направленности (например, ч. 3 и ч. 4 ст. 205[1] УК РФ), что, однако, не всегда оценивается положительно.

[1] «В Главном управлении МВД России по ЮФО состоялась пресс-конференция». Официальный сайт МВД России. URL: http://mvd.ru/news/item/159450/ (дата обращения: 20.07.2014).

Объективная сторона финансирования экстремистской деятельности выражается в совершении следующих альтернативных действий:

1) предоставление средств, заведомо предназначенных для финансирования организации, подготовки и совершения хотя бы одного из преступлений экстремистской направленности либо для обеспечения деятельности экстремистского сообщества или экстремистской организации;

2) сбор таких средств;

3) предоставление финансовых услуг, предназначенных для финансирования организации, подготовки и совершения хотя бы одного из преступлений экстремистской направленности либо для обеспечения деятельности экстремистского сообщества или экстремистской организации.

Ни в УК РФ, ни в Федеральном законе от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» не раскрывается понятие средств, предоставление или собирание которых осуществляется при финансировании такой деятельности. Относительно, например, финансирования терроризма, соответствующее пояснение содержится в ст. 1 Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма от 9 декабря 1999 г., согласно которой «средства» означают активы любого рода, осязаемые или неосязаемые, движимые или недвижимые, независимо от способа их приобретения, а также юридические документы или акты в любой форме, в том числе в электронной или цифровой, удостоверяющие право на такие активы или участие в них, включая банковские кредиты, дорожные чеки, банковские чеки, почтовые переводы, акции, ценные бумаги, облигации, векселя, аккредитивы, но не ограничиваясь ими.

Приведенные положения по аналогии можно учитывать применительно к финансированию экстремистской деятельности, равно как и разъяснения высшей судебной инстанции о том, что финансированием терроризма следует признавать, наряду с оказанием финансовых услуг, предоставление или сбор не только денежных средств (в наличной или безналичной форме), но и материальных средств (например, предметов обмундирования, экипировки, средств связи) (п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной

практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности»).

Соответственно, финансирование экстремистской деятельности может выражаться в предоставлении или сборе как денежных средств (в наличной или безналичной форме) так и иных материальных средств. Обусловлено это тем, что с позиций оценки общественной опасности и влияния на организацию, подготовку и совершение преступлений экстремистской направленности не имеет значения, передает ли, например, лицо компьютер для совершения таких преступлений или денежные средства на его приобретение. Поэтому сводить финансирование к действиям исключительно с денежными средствами было бы неоправданным сужением сферы применения ст. 282^3 УК РФ, хотя в самом общем смысле финансирование означает снабжение именно денежными средствами, финансами[1].

Предоставление средств – это их передача в распоряжение лицу, организовывающему или подготавливающему преступление экстремистской направленности, а равно экстремистскому сообществу или экстремистской организации либо их представителям. Не исключена возможность и предоставления средств лицу, уже совершающему преступление экстремистской направленности (например, оплата доступа к сети Интернет лицу, которое, имея умысел на размещение в ней материалов, содержащих призывы к осуществлению экстремистской деятельности, уже разместило часть таких материалов и продолжает совершать тождественные действия, охватываемые единым умыслом и направленные к единой цели по дальнейшему их размещению).

Финансирование деятельности экстремистского сообщества или экстремистской организации может выражаться, например, в систематических отчислениях или разовом взносе в общую кассу данных объединений, приобретении недвижимости или транспортных средств, оплате аренды недвижимости.

Способ предоставления средств может быть любым и на квалификацию не влияет. Возможна безналичная передача путем банковских и иных переводов либо передача наличных денежных средств курьером, передача оружия, оборудования и материалов

[1] См.: *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 2003. С. 853.

для изготовления печатной продукции и иных материальных средств.

В ситуациях, когда в силу специфики предоставляемых при финансировании средств (например, оружие, взрывчатые вещества и т.п.) данные действия содержат иной состав преступления, содеянное квалифицируется по совокупности преступлений (в приведенном примере – по ст. 282^3 и ст. 222 либо по ст. 222^1 УК РФ).

Как указывают П.В. Агапов и К.В. Михайлов, рассматривая финансирование терроризма, для привлечения лица к уголовной ответственности необходимо, чтобы лицо не только передало деньги, ценные бумаги и т.п., но и субъект террористической деятельности их принял. В противном случае (неполучения или отказа от получения со стороны указанного субъекта) содеянное должно рассматриваться как покушение на такое финансирование[1]. Аналогичным образом должно квалифицироваться и финансирование экстремистской деятельности.

Попытки исходить из иной оценки, согласно которой такого принятия средств получателем не требуется[2], приводят к выводу, что криминализован сам процесс предоставления средств, а не его результат.

Отрицая возможность оценки передачи средств в отрыве от их получения, с определенной долей условности можно провести сравнение: в судебной практике, например, дача взятки считается оконченной с момента принятия должностным лицом хотя бы части передаваемых ему ценностей. Если передача ценностей не состоялась по обстоятельствам, не зависящим от воли лиц, действия которых были непосредственно направлены на их передачу или получение, содеянное следует квалифицировать как покушение на дачу взятки (пп. 10, 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»). Тем самым передача без получения признается невозможной.

---

[1] См.: *Агапов П.В., Михайлов К.В.* Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности: тенденции современной уголовной политики: монография. Саратов: Сарат. юрид. ин-т МВД России, 2007. С. 78.

[2] См., напр.: *Ульянова В.В.* Противодействие финансированию терроризма: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. С. 106.

Кроме того, при придании действиям получателя факультативного, необязательного значения сложно будет доказать, что передаваемые средства предназначались именно для финансирования преступления экстремистской направленности либо деятельности экстремистского сообщества или экстремистской организации.

Поэтому смещение акцента на сам факт предоставления средств (на действия по передаче) при квалификации финансировании экстремистской деятельности вряд ли можно признать оправданным.

Возникают в таком случае вопросы и при квалификации неоконченного преступления. Возможны ситуации, когда лицо получает средства якобы для последующей передачи лицам, осуществляющим преступную экстремистскую деятельность, но при этом направлять их на эти цели заведомо не собирается и присваивает средства. Действия такого лица должны квалифицироваться как мошенничество. Действия же лица, которое предоставляло ему средства, полагая, что они направляются на финансирование экстремистской деятельности, должны рассматриваться как покушение на финансирование экстремистской деятельности (ч. 3 ст. 30 и соответствующая часть ст. 282^3 УК РФ). Однако если придерживаться позиции, согласно которой для признания финансирования экстремистской деятельности оконченным преступлением не требуется фактического получения средств лицом, организовывающим, подготавливающим или совершающим преступление экстремистской направленности, а равно экстремистским сообществом или экстремистской организацией либо их представителями, то в приведенном примере действия лица, предоставляющего средства, должны квалифицироваться как оконченное преступление, что не соответствует фактически совершенному деянию.

Да, существует, например, практика квалификации как оконченного преступления – пересылки наркотических средств или психотропных веществ (ст. 228^1 УК РФ) – одного только отправления письма с такими средствами или веществами, независимо от получения их адресатом[1]. Однако, здесь ключевое значение

[1] См.: п. 17 постановления Пленума Верховного суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 8.

имеет свойство предмета, в отношении которого эти действия совершаются – запрещенные или ограниченные в обороте средства либо вещества. Применительно же к финансированию экстремизма предоставляемые средства не обладают таким обязательным признаком.

Сбор средств – это их приискание, получение (например, сбор пожертвований), сохранение для последующего финансирования организации, подготовки и совершения хотя бы одного из преступлений экстремистской направленности либо для обеспечения деятельности экстремистского сообщества или экстремистской организации.

Сбор средств может осуществляться как законным, так и незаконным (в том числе преступным) путем. В последнем случае содеянное, при наличии к тому оснований, должно квалифицироваться по совокупности преступлений по ст. 282^3 УК РФ и статьям Особенной части УК РФ, предусматривающим ответственность за преступления, совершенные при получении средств.

Так, в 2014 г. сотрудниками МВД России и ФСБ России была проведена операция по ликвидации крупной криминальной сети по производству и сбыту фальшивых билетов Банка России номиналом 5000 рублей. Сбыт поддельных купюр осуществлялся на территории нескольких субъектов России (чаще всего в Северо-Кавказском и Южном федеральных округах). При этом часть прибыли направлялась на финансирование экстремистских организаций[1].

Согласно материалам другого дела, было выявлено криминальное формирование, участники которого подозревались в подготовке и совершении преступлений в отношении государственных деятелей и сотрудников правоохранительных органов в нескольких районах Республики Дагестан. Лидером сообщества являлся А., координировавший деятельность около 10 вооруженных бандгрупп общей численностью более 30 человек. Банды (группы) занимались вымогательством и устрашением руководителей федеральных государственных унитарных предприятий и коммерческих фирм, находящихся на территории Республики Дагестан. Полученные таким образом денежные средства шли,

[1] «В Дагестане задержаны подозреваемые в фальшивомонетничестве, изъят станок по изготовлению поддельных пятитысячных купюр». Официальный сайт МВД России. URL: http://mvd.ru/news/item/2392972/ (дата обращения: 21.02.2015).

в том числе, на финансирование экстремистских и террористических организаций[1].

Последний пример свидетельствует о необходимости обращать внимание на вопрос об ответственности лиц, которые передают средства для финансирования экстремистской деятельности под воздействием той или иной угрозы (в частности, при вымогательстве): нужно выяснять, была ли у лица возможность отказаться от такого финансирования, поскольку допустимо исключение преступности деяния по основаниям, предусмотренным ст. 40 и ст. 39 УК РФ[2].

Сбор средств следует считать оконченным преступлением с момента получения первого «взноса» хотя бы от одного физического или юридического лица[3], либо с момента получения средств иным способом (например, при их хищении).

Финансовая услуга – это банковская услуга, страховая услуга, услуга на рынке ценных бумаг, услуга по договору лизинга, а также услуга, оказываемая финансовой организацией и связанная с привлечением и (или) размещением денежных средств юридических и физических лиц[4].

Содержание оказываемой финансовой услуги зависит от конкретного ее вида. Например, к банковским операциям относятся:

1) привлечение денежных средств физических и юридических лиц во вклады (до востребования и на определенный срок);

2) размещение привлеченных средств от своего имени и за свой счет;

3) открытие и ведение банковских счетов физических и юридических лиц;

---

[1] «Пресечена деятельность сообщества, на счету которого 20 особо тяжких преступлений». Официальный сайт МВД России. URL: http://mvd.ru/mvd/structure1/ Glavnie_upravlenija/Glavnoe_upravlenie_jekonomicheskoj_bezop/Publikacii_i_vistuplenija/item/146074/ (дата обращения: 29.01.2015).

[2] См.: *Меркурьев В.В., Агапов П.В.* Вымогательство, сопряженное с финансированием терроризма: квалификация // Уголовный процесс. 2012. № 8. С. 57.

[3] См.: *Шуйский А.С.* Противодействие террористическим актам посредством уголовно-правовых норм с двойной превенцией: дис. … канд. юрид. наук. М., 2012. С. 66–67.

[4] См.: п. 2 ст. 4 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (с последующими изм.).

4) осуществление переводов денежных средств по поручению физических и юридических лиц, в том числе банков-корреспондентов, по их банковским счетам;

5) инкассация денежных средств, векселей, платежных и расчетных документов и кассовое обслуживание физических и юридических лиц;

6) купля-продажа иностранной валюты в наличной и безналичной формах;

7) привлечение во вклады и размещение драгоценных металлов;

8) выдача банковских гарантий;

9) осуществление переводов денежных средств без открытия банковских счетов, в том числе электронных денежных средств (за исключением почтовых переводов)[1].

Финансирование экстремизма в виде оказания финансовых услуг следует считать оконченным преступлением с момента оказания хотя бы одной такой услуги.

Субъективная сторона финансирования экстремистской деятельности характеризуется прямым умыслом. Интеллектуальный момент умысла в данном случае заключается в осознании лицом того, что предоставляемые или собираемые им средства либо оказываемые им финансовые услуги предназначены для финансирования организации, подготовки, совершения хотя бы одного из преступлений экстремистской направленности либо для обеспечения деятельности экстремистского сообщества или экстремистской организации, и желает совершить такие действия. При этом не требуется, чтобы такое преступление было реально совершено.

Мотивы могут быть любыми, в том числе экстремистскими, поскольку в диспозиции ст. 282^3 УК РФ они не обозначены. То же относится и к целям финансирования экстремистской деятельности.

Если финансирование осуществляется в отношении экстремистского сообщества, то лицо должно осознавать характер его деятельности. Таким путем идет практика при квалификации финансирования терроризма, что представляется приемлемым и при

[1] См.: ст. 5 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 (в ред. от 27.06.2011) «О банках и банковской деятельности».

квалификации финансирования экстремистской деятельности. Например, Томский областной суд признал виновным в финансировании терроризма лицо, направившее денежные средства представителям сепаратистской исламской организации «Имарата Кавказ». Как при этом отмечалось, ему было известно, что основной формой действий незаконных вооруженных формирований, входящих в состав этой организации, является совершение террористических актов[1].

С финансированием экстремистской организации ситуация несколько иная, поскольку возможны два варианта: 1) либо необходимо установить факт осведомленности лица, финансирующего его деятельность, о том, что в отношении соответствующего общественного или религиозного объединения либо иной организации судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности; 2) либо, как и применительно к экстремистскому сообществу, лицо должно осознавать экстремистский характер деятельности данного объединения (организации). Однако, если толковать диспозицию ч. 1 ст. 282^3 УК РФ буквально, то лицо в любом случае при финансировании деятельности экстремистской организации должно знать о наличии указанного судебного решения, иначе в его представлении оно не является «экстремистской организацией» в юридическом смысле. Видимо, второй из названных вариантов (осознание лицом экстремистского характера деятельности организации при отсутствии осведомленности о признании объединения экстремистской организации) дает возможность признать лицо виновным в совершении рассматриваемого преступления, если целью экстремистской организации является совершение преступлений экстремистской направленности, поскольку финансирование таких действий в ст. 282^3 УК РФ указывается самостоятельно.

Субъектом финансирования экстремистской деятельности является вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

[1] Житель Томска, перечисливший $115 террористам, осужден на четыре года. Официальный сайт Российского агентства правовой и судебной информации. URL: http://rapsinews.ru/judicial_news/20120413/262802449.html (дата обращения: 21.07.2014).

По смыслу ст. 282[3] УК РФ субъектом преступления не может быть лицо, которое выступает в качестве исполнителя, организатора, подстрекателя или пособника финансируемого им же преступления экстремистской направленности, либо является участником финансируемого экстремистского сообщества или экстремистской организации, поскольку они уже несут ответственность за соответствующие преступные деяния, включая их подготовку, финансирование и пр.

Если финансирование осуществляется путем оказания финансовых услуг, возникает вопрос о формальном соответствии этих услуг требованиям регулятивного законодательства. В теории аналогичный вопрос исследовался В.В. Ульяновой применительно к финансированию терроризма. Автор с учетом положений действующего законодательства в сфере банковской деятельности, страхования, лизинга, рынка ценных бумаг и др. отмечает, что «оказание финансовой услуги, предназначенной для финансирования терроризма, в отличие от сбора и предоставления средств может осуществляться исключительно физическим или юридическим лицом, имеющим специальную правоспособность либо специальную лицензию», когда финансовая услуга оказывалась без регистрации или без лицензии, то такие действия квалифицируются по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 205[1] УК РФ и, в зависимости от обстоятельств конкретного дела, ст. 171 или ст. 172 УК РФ, если имеются необходимые признаки последних двух составов преступлений[1]. Данные выводы применимы и к финансированию экстремистской деятельности.

Финансирование экстремистской деятельности может осуществляться как физическими, так и юридическими лицами, но последние не могут выступать субъектом преступления, в связи с чем квалификация содеянного в таких случаях характеризуется определенной спецификой. Если финансирование экстремистской деятельности осуществлялось организацией (независимо от формы собственности), то ответственности по ст. 282[3] УК РФ подлежит лицо, на которое в силу его служебного положения постоянно, временно или по специальному полномочию были непо-

[1] См.: *Ульянова В.В.* Противодействие финансированию терроризма: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. С. 96–100, 113.

средственно возложены обязанности по руководству организацией, а также лицо, фактически выполняющее функции руководителя организации. Находившееся в трудовых отношениях с этой организацией лицо также может нести ответственность по анализируемой норме при условии, что оно осознавало общественную опасность выполняемых им в организации действий, их направленность на непосредственное финансирование экстремизма либо на содействие такому финансированию.

В ч. 2 ст. 282^3 УК РФ предусмотрена ответственность за финансирование экстремистской деятельности лицом с использованием своего служебного положения.

К лицам, использующим свое служебное положение, относятся, в частности, должностные лица, обладающие признаками, предусмотренными примечанием 1 к ст. 285 УК РФ, государственные или муниципальные служащие, не являющиеся должностными лицами, а также иные лица, отвечающие требованиям, предусмотренным примечанием 1 к ст. 201 УК РФ. Использование служебного положения выражается не только в умышленном использовании указанными выше лицами своих служебных полномочий, но и в оказании влияния исходя из значимости и авторитета занимаемой ими должности на других лиц в целях совершения ими действий, направленных предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг, заведомо предназначенных для финансирования организации, подготовки и совершения хотя бы одного из преступлений экстремистской направленности либо для обеспечения деятельности экстремистского сообщества или экстремистской организации.

Согласно примечанию к ст. 282^3 УК РФ лицо, совершившее преступление, предусмотренное данной статьей, освобождается от уголовной ответственности, если оно путем своевременного сообщения органам власти или иным образом способствовало предотвращению либо пресечению преступления, которое оно финансировало, а равно способствовало пресечению деятельности экстремистского сообщества или экстремистской организации, для обеспечения деятельности которых оно предоставляло или собирало средства либо оказывало финансовые услуги, если в его действиях не содержится иного состава преступления.

Данная поощрительная норма имеет в определенной степени двойственный характер: с одной стороны, это вид деятельного раскаяния в части финансирования экстремистской деятельности, поскольку в примечании прямо указывается лицо, *совершившее* преступление, с другой стороны, одним из условий освобождения от уголовной ответственности называется предотвращение либо пресечение финансируемого преступления, что ближе к добровольному отказу, поскольку преступление не должно быть доведено до конца. Такая ситуация обусловлена отмечавшейся выше спецификой криминализации финансирования экстремистской деятельности, являющегося, по сути, частным случаем пособничества в совершении преступления. Однако, коль скоро в законе указывается лицо, совершившее преступление, вопрос об освобождении от уголовной ответственности решается на основании норм о деятельном раскаянии, а не добровольном отказе[1].

Первым условием освобождения называется своевременность сообщения, которая означает, что оно осуществляется в сроки, достаточные для принятия необходимых мер уполномоченными органами власти по предотвращению либо пресечению финансируемого виновным преступления экстремистской направленности. Своевременность – понятие оценочное, и она определяется в каждом конкретном случае с учетом всех обстоятельств дела. Но это определение должно осуществляться с соблюдением принципа мотивированности решения, связанного с применением «оценочной» нормы[2]: следует обосновывать, по каким критериям сообщение в той или иной ситуации, связанной с возможным применением примечания к ст. 282^3 УК РФ, считается своевременным или несвоевременным. Сообщение не будет своевременным, если оно сделано на стадии оконченного преступления. Своевременным оно может быть признано только на стадии приготовления или покушения и при условии, что оставшегося времени достаточно для принятия необходимых мер. Вместе с тем П.С. Яни отмечает, что вывод о своевременности как характеристике «предупредительных» действий нужно делать не на основе успешности результата, а исходя из субъективной оценки

[1] См.: *Бриллиантов А.В.* Освобождение от уголовной ответственности: с учетом обобщения судебной практики: науч.-практ. пособие. М.: Проспект, 2010. С. 67.
[2] См.: *Кобзева Е.В*. Оценочные признаки в уголовном праве / под. ред. Н.А. Лопашенко. Саратов: Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2004. С. 137.

лицом обстоятельств, влияющих на эффективность предпринятых им «предупредительных» мер. При этом обоснованность оценки лицом сообщения как своевременного не презюмируется и ему предстоит ее доказать[1].

Факультативное значение при своевременном сообщении имеют иные действия, которые виновный может выполнить (изобличение соучастников преступления, указание их местонахождения и пр.), поскольку в законе это сообщение указывается как самостоятельное условие освобождения от уголовной ответственности без необходимого сочетания с принятием других мер по способствованию раскрытию и расследованию преступления, возмещению ущерба, присущих деятельному раскаянию.

Вторым возможным условием освобождения от уголовной ответственности является иной способ предотвращения либо пресечения финансируемого виновным преступления экстремистской направленности, который в законе не конкретизирован и может быть любым исходя из характера конкретной ситуации и финансируемого преступления (например, изъятие тиража печатной продукции, содержащей сведения, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, выпуск которой финансировало виновное лицо). Как и в случае с добровольным сообщением, указанные действия должны быть выполнены до окончания преступления.

Обязательное значение для освобождения от уголовной ответственности имеет фактическое предотвращение либо пресечение финансируемого преступления экстремистской направленности. Если же, несмотря на усилия лица, направленные на такое предотвращение либо пресечение, преступление все же было совершено, применение данного примечания невозможно, но это обстоятельство может учитываться в качестве смягчающего при назначении наказания.

Последним условием освобождения от уголовной ответственности называется отсутствие в действиях лица иного состава преступления, что, однако, не исключает освобождения от уголовной ответственности даже в случае совершения совокупности преступлений. Например, лицо может быть освобождено от уголов-

[1] См. подробнее: *Яни П.С.* Освобождение от ответственности за подготовку к теракту // Рос. юстиция. 2012. № 2. С. 26–30.

ной ответственности за финансирование конкретного преступления экстремистской направленности, но это не препятствует привлечению его к ответственности за хищение, которое оно совершило в целях получения средств для такого финансирования.

«Самофинансирование» деятельности экстремистского сообщества или экстремистской организации.

При квалификации нужно учитывать, что члены экстремистского сообщества или экстремистской организации сами могут принимать меры по финансированию своей экстремистской деятельности.

Так, в 2013 г. были задержаны участники московской ячейки запрещенной международной религиозной экстремистской организации «Ат Такфир Валь-Хиджра», деятельность которой запрещена решением Верховного Суда Российской Федерации от 15.09.2010. Ее участники на территории г. Москвы занимались вербовкой и обращением лиц в радикальный ислам. Один из задержанных в течение продолжительного времени обучался исламу в арабских странах, после чего прибыл в г. Москву. Здесь он совместно с группой лиц создал так называемый джамаат, подпольное сообщество, куда входило в общей сложности 15 человек, в том числе уроженцы Северного Кавказа, Закавказья, Средней Азии, а также русские. Организаторы действовали в условиях строжайшей конспирации, полностью исключив методы открытой пропаганды и использование технических средств и средств связи. Данные лица были причастны к целому ряду краж, грабежей, разбойных нападений и других общеуголовных преступлений, включая распространение запрещенных средств, препаратов и курительных смесей, выручка от которых шла на финансирование деятельности данной экстремистской организации[1].

Как указал Пленум Верховного Суда РФ, участие в экстремистском сообществе может выражаться, среди прочего, в его финансировании (п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11). С учетом данной рекомендации, после введения в УК РФ ст. 282^3 можно сформулировать следующее, более широкое, правило квалификации: финансирование экстре-

[1] Задержаны участники запрещенной международной религиозной экстремистской организации «Ат Такфир Валь-Хиджра». Официальный сайт МВД России. URL: http://mvd.ru/news/item/1370392/ (дата обращения: 29.12.2014).

мистской деятельности экстремистского сообщества или экстремистской организации охватывается деяниями, указанными в диспозициях ст. 282^1 и ст. 282^2 УК РФ. Соответственно, если действия лица квалифицируются по ст. 282^1 «Организация экстремистского сообщества» или ст. 282^2 УК РФ «Организация деятельности экстремистской организации», то предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг, заведомо предназначенных для финансирования организации, подготовки и совершения этим сообществом или организацией хотя бы одного из преступлений экстремистской направленности, либо для обеспечения деятельности данного экстремистского сообщества или экстремистской организации в целом, не требует дополнительной квалификации по ст. 282^3 УК РФ. Это, однако, не исключает квалификации по совокупности преступлений по другим статьям Особенной части УК РФ деяний, направленных на получение средств для указанного финансирования, если они содержат иные составы преступлений (хищения, вымогательства и др.).

Например, в Республике Татарстан был вынесен приговор в отношении Ш., М. и др. Они признаны виновными в создании и руководстве экстремистским сообществом (ст. 282^1 УК РФ), мошенничестве (ст. 159^1 УК РФ), вымогательстве (ст. 163 УК РФ) и совершении иных преступлений. Ш. и М., являясь приверженцами салафитского течения в Исламе, призывающего к ведению джихада, на территории г. Набережные Челны создали сообщество для совершения преступлений экстремистской направленности. «Священную войну с неверными» они решили вести против кредитных учреждений и иных государственных организаций. Мошенническим путем из ряда банков были похищены 1 млн 224 тыс. руб. Также они украли паспорт жителя г. Набережные Челны, которого впоследствии путем неоднократного избиения вынуждали оформить кредит. Кроме того, виновные вымогали у пятерых граждан денежные средства на сумму 166 тыс. руб.[1]

[1] В Татарстане осуждены участники экстремистского сообщества, объявившие «священную войну» кредитным учреждениям и похитившие у банков свыше 1 млн рублей. Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: http://www.genproc.gov.ru/smi/news/news-79872/ (дата обращения: 23.07.2014).

Финансирование преступлений экстремистской направленности и пособничество в их совершении

Несмотря на приведенные правила квалификации преступлений по ст. 282^1 или ст. 282^2 УК РФ без совокупности со ст. 282^3 УК РФ в случаях «самофинансирования» экстремистских сообществ и экстремистских организаций, сложнее разрешается вопрос об оценке финансирования организации, подготовки и совершения хотя бы одного из преступлений экстремистской направленности. Дело в том, финансирование преступления – это, по сути, пособничество в его совершении. И в связи с выделением финансирования экстремизма в отдельный состав преступления логично предположить, что действия лица, квалифицируемые как финансирование преступления экстремистской направленности, не могут одновременно дополнительно квалифицироваться и как пособничество в совершении данного преступления.

Однако здесь возникают существенные проблемы с наказуемостью, поскольку максимальное наказание, предусмотренное в санкции ч. 1 ст. 282^3 УК РФ, – лишение свободы на срок до 3 лет. Финансируемое же лицом преступление экстремистской направленности может наказываться значительно более строго, например, за убийство по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ) предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от 8 до 20 лет или пожизненное лишение свободы. Получается, что лицо, признанное виновным только в финансировании такого убийства, будет нести куда более мягкую ответственность, чем оно понесло бы, если бы его действия были признаны пособничеством в отсутствие ст. 282^3 УК РФ.

Можно попытаться найти объяснение такому законодательному решению: в данном случае установление более строгого наказания могло привести к ситуации, когда финансирование преступления экстремистской направленности (фактически пособничество в виде финансирования) наказывалось бы строже, чем действия исполнителя данного преступления. Именно такая проблема сложилась при установлении в ч. 3 ст. 205^1 УК РФ более строгого наказания за пособничество совершению преступлений

террористического характера, чем за их исполнение, что в теории совершенно справедливо называют законотворческой ошибкой[1].

В настоящее время, пожалуй, единственный возможный выход из обозначенной ситуации – квалификация финансирования преступлений экстремистской направленности, за совершение которых установлено равное или более строгое, чем в ст. 282^3 УК РФ, наказание по совокупности преступлений: как финансирование экстремистской деятельности и как пособничество в совершении таких преступлений (в приведенном примере – по ч. 1 ст. 282^3, ч. 5 ст. 33 и п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

[1] См.: *Рарог А.И.* Законодательные атаки на устои уголовного права // Государство и право. 2013. № 1. С. 30; *Его же*. Сомнительная коррекция института соучастия // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию: материалы VI Рос. конгресса уголовного права (26–27 мая 2011 г.). М., 2011. С. 115; *Агапов П.В.* Ответственность за содействие террористической деятельности: уголовно-правовое регулирование и судебное толкование // Вестн. Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. 2012. № 4 (30). С. 41.

Заключение

Вопросы противодействия экстремистской деятельности в Российской Федерации уже не один год являются одними из ключевых, и эта тенденция сохраняется. Цели формирования в России демократического правового государства определяют поиск оптимальных форм взаимодействия различных общественных сил, представителей различных культур, конфессий, обычаев, традиций, философских и политических доктрин, составляющих субкультурные особенности. Усложнение структуры современного общества неизбежно сопровождается ростом социальных конфликтов, нередко проявляющихся в виде совершения преступлений экстремистской направленности и иных правонарушений. Опасность этих процессов, по мнению криминологов, заключается в том, что их непосредственными участниками становятся представители молодого поколения[1].

Статистические показатели демонстрируют рост числа зарегистрированных преступлений экстремистской направленности: в первом полугодии 2015 г. оно на треть превысило аналогичные показатели прошлого года. Всего в январе – июне зарегистрировано 741 преступление экстремистской направленности. Такого рода тенденции связаны с активизацией правоохранительных органов в борьбе с проявлениями экстремизма в Интернете, а также возбуждением уголовных дел в отношении лиц, принимавших участие в вооруженных конфликтах за рубежом, в том числе в Ираке, Сирии и на Украине[2].

Следует отметить и динамику изменения законодательства: только в течение 2014 г. в УК РФ был внесен целый ряд изменений, касающихся ответственности за преступления экстремистской направленности. Вместе с тем уголовно-правовая политика российского государства остается во многом непоследовательной, на что и было обращено внимание в настоящей монографии. Отсутствуют четкие критерии выделения преступлений экстре-

---

[1] См.: *Ростокинский А.В.* Преступления экстремистской направленности как проявления субкультурных конфликтов молодежных объединений: уголовно-правовые и криминологические проблемы: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 3–5.

[2] См.: Число экстремистских преступлений в РФ выросло из-за интернет-троллей. URL: http://ria.ru/society/20150709/1123198767.html#14365251088054&message=resize&relto=login&action=removeClass&value=registration (дата обращения: 10.07.2015).

мистского характера из основной массы преступлений, совершаемых по мотивам вражды и ненависти, а также разграничения экстремизма и других негативных явлений, характеризующих жизнь российского общества. Это осложняет выработку методик целенаправленного уголовно-правового воздействия на данные явления, оценки эффективности предпринимаемых законодательных и правоохранительных мер, масштабов распространения экстремизма, его форм и видов, отграничения его от терроризма и иных видов организованной преступной деятельности, а также выбор наиболее эффективных приемов воздействия на личность правонарушителей.

В числе юридических средств в сфере противодействия экстремистской деятельности особая роль принадлежит уголовно-правовому регулированию. Вместе с тем уголовно-правовое воздействие должно применяться как крайняя мера, а именно: когда другие правовые средства не способны обеспечить охрану интересов государства, общества и личности. Поиск баланса между уголовно-правовым запретом и иными видами ответственности – на сегодняшний день наиболее актуальная проблема.

Необходимо активизировать международное антитеррористическое сотрудничество и, соответственно, повысить в этих рамках роль России. Для этого у нашей страны есть и успешный национальный опыт обеспечения антитеррористической защищенности и, что не менее важно, авторитет государства, которое никогда в сфере контртерроризма не применяло двойных стандартов, всегда исходило из важности для мирового сообщества действительно объединять свои усилия для отражения глобальной террористической угрозы.

Олицетворением этой угрозы сейчас выступает «Исламское государство» (ИГ), но остаются и другие весьма опасные составляющие «террористического интернационала», такие как «Аль-Каида», движение «Талибан», «Имарат Кавказ», «Хизб ут-Тахрир», эффективно бороться с которыми можно только на основе международного права, решений ООН и ее Совета Безопасности, при последовательном соблюдении принципов суверенитета и равноправия государств, не пытаясь использовать те или иные группировки в политических или геополитических целях.

Экстремизм: стратегия противодействия и прокурорский надзор

Монография

Редактор Е.П. Черкашина

Подписано в печать 07.12.2015. Формат 60×90/16. Печ.л. 26,75.
Тираж 300 экз. Заказ 54.

Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации
123022, Москва, ул. 2-я Звенигородская, 15

428